Терри Гудкайнд

Девочка с луны

«Триллер: Анжела Константайн»

Кажется, у меня есть врожденная способность
притягивать психов. Я словно магнит для них.
Возможно, для этого я и существую.
А может, я всего лишь ошибка природы…
Ведь мне чертовски нравится весь этот ад.
Я живу ради этого.

Terry Goodkind

The Girl in the Moon

A Thriller

Перевод с английского *Metalcrue, MediaM85, VitaliyF, Titova_Annie, Татьяны Алексеевой, Дмитрия Великого и Axembler*

Под редакцией *Татьяны Алексеевой и Дмитрия Великого*

Компьютерный дизайн и обложка *Дмитрия Великого*

Корректор *Дина Зайцева*

Руководитель группы перевода *Дмитрий Великий*

Старший переводчик *Татьяна Алексеева*

В детстве Анжела не осознавала, что обладает редкой способностью, и, как и все остальные, считала себя ничем не примечательной. Она убеждена, что родилась уродом из-за пристрастия матери к наркотикам. Непростое детство заставило ее слишком рано повзрослеть...

Анжела трудится на двух работах, живет в уединенном доме в горах и прямо под носом у всех ведет еще одну жизнь — тайную. В роду Анжелы встречались люди со способностью распознавать убийц, поэтому девушка избрала одинокий и жестокий образ жизни, посвятив себя своей миссии.

Неожиданно она становится жертвой группы международных террористов, и только она знает правду об их планах. Анжела Константайн не похожа на героя, но может оказаться единственной надеждой всего мира.

Информационные ресурсы:
vk.com/mord.sith.club — Группа перевода «Клуб Морд-Сит»
terrygoodkind.ru — Поклонники Терри Гудкайнда

Группа перевода «Клуб Морд-Сит», 2021

По леденящему ужасу в его глазах она видела: он понял,
что встретился с такой же чокнутой, как он сам.
Он оказался на обратной стороне своей же монеты.

Глава 1

Анжела подняла взгляд на маленькое окошко бара и через неоновую пивную вывеску увидела на парковке мужчину. У нее промелькнула мысль: не в эту ли ночь ей суждено умереть?

Внезапная буря эмоций вытеснила все другие мысли из ее головы. Анжела задумалась, не потому ли она сегодня перекрасила волосы из ярко-фиолетового в платиновый блонд, который плавно переходил сначала в бледно-розовый, а потом и более темный цвет. Кончики волос были ярко-красными, словно их окунули в кровь. Иногда знаки приходили к ней таким замысловатым способом.

В свете одинокого уличного фонаря можно было разглядеть, что мужчина одет в камуфляжный дождевик с капюшоном. На мгновение он остановился под моросящим дождем, чтобы оглядеться в темноте. Дождевик придавал ему неуклюжий вид. Его взгляд перешел с вывески «У Барри» на неоновую пивную кружку, а затем на дверь.

Анжела подозревала, что он хочет выпить из желания продлить восторг, который всегда со временем утихает.

Иногда они так делали.

Его колебания длились недолго. Когда он вошел в бар, его темная фигура словно потянула ночь за собой внутрь.

Наблюдая за мужчиной, который замер в тусклом свете, чтобы разглядеть постоянных посетителей, Анжела ощутила тошнотворную смесь: горячее отвращение и леденящий страх, пронизанные пьянящим порывом страсти. Она отдалась эмоциям, радуясь, что может чувствовать хотя бы это. Прошло слишком много времени с тех пор, как она что-либо чувствовала.

Ее рука с полотенцем перестала протирать бокал; Анжела хотела знать, как скоро он заметит ее. Страх в ней надеялся, что мужчина ее не заметит, но внутренняя потребность заставляла желать другого. Пробудившееся темное желание взяло верх.

Краем глаза она наблюдала, как он направился к бару. Медленно вращающиеся цветные пятна от светильника на потолке играли на его камуфляжной одежде, и он сливался с помещением. В окне позади него фары проезжавшего автомобиля освещали темноту под моросящим дождем. Надвигался густой туман. В горах будет скверная ночь.

Помимо пары местных стариков в глубине бара, обсуждавших бейсбол, и четверых незнакомых мексиканцев с пивом за столиком неподалеку, которые болтали на испанском, в баре никого не было. Барри, хозяин заведения, находился в служебном помещении, проверяя запасы и занимаясь бумажной работой.

Мужчина откинул капюшон, разглядывая ее платиново-светлые волосы с красными концами, черный лак на ногтях, ряд колец на хрящике правого уха, блестящие темные тени на веках и голый живот. Он сел на стул, и его взгляд прошел по ее коротким шортам с низкой посадкой и по ногам в зашнурованных замшевых коричневых сапогах, которые доходили почти до колен.

Барри нравилось, когда она надевала короткие шорты, поскольку это заставляло мужчин задерживаться и покупать больше выпивки. Такой наряд приносил хорошие чаевые. Обрезав шорты как можно короче, она оставила карманы для денег, и теперь эти карманы торчали из-под неровной бахромы. Впрочем, в такой поздний час посетителей было мало, как и чаевых.

В тот миг, когда он поднял голову и взглянул ей в глаза, она перестала дышать.

Глядя в его темные широко раскрытые глаза, она тут же увидела все. Каждую ужасающую деталь. Поток видений на мгновение ошеломил ее, и она подумала, что у нее сейчас подкосятся колени.

Анжела облокотилась на барную стойку, чтобы взять себя в руки и чтобы он услышал ее в грохоте рок-музыки.

— Что будешь?

— Пиво, — отозвался он, перекрикивая музыку.

Он был довольно молод, хотя и старше ее. Она решила, что ему чуть меньше тридцати. У мужчины были взлохмаченные волосы и неопрятная щетина на одутловатом лице. Он выглядел сильным. Когда он снял дождевик, с которого капала вода, и бросил на ближайший стул, Анжела поняла, что недооценила его телосложение — не спортивное, а скорее чуть заплывшее и коренастое. Такой человек не осознает собственной силы, пока не станет слишком поздно.

Другим черты его лица могли показаться обычными, но Анжела знала, что этот человек был совсем не обычным.

Налив пиво, Анжела поставила его на барную стойку перед мужчиной. Она слизнула с тыльной стороны ладони пену, перелившуюся через край бокала, а потом облизнула накрашенные красной помадой губы и взглянула мимо клиента на часы на правой стене, обшитой деревянными панелями. До закрытия оставалось меньше часа. Не так много времени. Она вытащила из-под прилавка чашу с кукурузными чипсами и поставила к пиву.

— Спасибо, — произнес он, взяв чипс.

Она вернулась к протиранию бокалов, но не позволила клиенту думать, что она отвергает его явный интерес.

— Захочешь чего-нибудь еще — просто попроси, — сказала она, не глядя на него и давая возможность поглазеть на ее тело.

Он сделал медленный глоток, не сводя с нее взгляда, и издал звук удовлетворения.

— То, что надо.

— Живешь в этом районе? — спросила она через плечо.

— Не совсем.

Она повернулась к нему:

— Это как?

Мужчина пожал плечами:

— Я остановился в мотеле Райли. — Он откровенно посмотрел на ее ноги. — Но могу остаться на некоторое время, найти работу.

Райли был не тем местом, где остановились бы туристы, желавшие посетить предгорья Аппалачей или озера Фингер. В основном там снимали комнаты проститутки за почасовую плату или останавливались на неделю бродяги.

— Вот как? И какую работу? Чем ты занимаешься?

Он вновь пожал плечами:

— Чем придется, лишь бы оплачивать счета.

Анжела наполнила шот и поставила перед ним.

— На моей памяти ты первый, кто бы захотел остаться.

Он с признательностью на нее посмотрел и залпом выпил.

Хлопнув пустой стопкой по барной стойке, он снова окинул Анжелу взглядом:

— Унылое место для девушки вроде тебя.

— Зато могу оплачивать счета. — Ей пришлось намеренно замедлить дыхание. — Как тебя зовут?

Он поймал ее пристальный взгляд, взяв очередной чипс:

— Оуэн.

Ей было сложно отвести взгляд от его глаз и того, что они ей говорили.

— А тебя?

— Анжела. Мои бабушка и дедушка были итальянцами. На итальянском Анжела означает «ангел». — Тряхнув головой, она перебросила через плечо беспорядочную копну волос с красными концами. — Мать назвала меня Анжелой, потому что во время ее беременности моя бабушка сказала, что бог послал ей маленького ангела.

Дед Анжелы однажды поведал ей, что ее имя имеет значение «вестник Божий». Впрочем, когда вестник явился, мать Анжелы не получила его сообщение.

Взгляд Оуэна переместился с ее глаз к татуировке на горле.

— Это какая-то шутка?

Анжела одарила его загадочной улыбкой:

— Возможно, когда-нибудь ты сам ответишь на этот вопрос.

Он помрачнел.

— Издеваешься?

Опершись на локоть, Анжела наклонилась, чтобы никто другой не услышал ее из-за музыки, и исподлобья посмотрела на мужчину.

— Поверь, Оуэн, если я начну над тобой издеваться, ты об этом узнаешь.

Он совершенно не знал, что ответить, поэтому допил остатки пива. Очевидно, его больше интересовали ее ноги, чем попытки понять, что она имела в виду. Он отставил пустой бокал, и Анжела, не дожидаясь заказа, поста-

вила перед ним новое пиво. Пустой бокал она забрала и положила в раковину.

— Ты замечаешь мелочи, не так ли?

Анжела кокетливо улыбнулась:

— Кто-то же должен заботиться о человеке вроде тебя, — сказала она, наливая еще один шот и бросая его в бокал с пивом.

Он ухмыльнулся и выпил все залпом, будто стараясь произвести впечатление.

— Может, ты могла бы позаботиться обо мне даже лучше? — спросил он, поставив бокал и вытерев рот тыльной стороной ладони. — Что скажешь?

Ее улыбка стала дежурной.

— Извини, но ты не в моем вкусе.

— Что это, черт побери, значит?

Она наклонилась, широко расставив руки на барной стойке, и произнесла интимным тоном:

— Мне нравятся опасные парни, которые получают что хотят и не принимают отказов. Понимаешь, о чем я?

Он нахмурился:

— Нет. Поясни.

Она помедлила, сочиняя историю.

— С бывшим я стала встречаться после того, как он убил человека.

— Убил человека? Прямо взял и убил?

— Ну, — протянула она, — он не убивал его намеренно. Сомневаюсь, что у него хватило бы духу. Он убил того парня в драке. — Она указала на дверь. — Когда он уходил отсюда, какой-то пьяница набросился на него на парковке, и бывший сломал ему шею. — Она подмигнула, снова улыбнувшись. — Завел меня по полной, понимаешь?

— Звучит круто.

— Да, он был крут. — Она пожала плечами, отстраняясь. — Вот мой тип мужчин. У тебя нет того, что нужно.

Оуэн обдумывал ее слова, разглядывая лицо Анжелы, непослушную копну волос с красными кончиками, татуировку на горле и пирсинг.

— У меня тоже есть грубая сторона.

Анжела рассмеялась, отмахиваясь от его заявления, а потом отвернулась, чтобы поставить бутылку виски на полку перед закопченным зеркалом на задней стене.

В зеркало она видела, как он пялится на ее зад.

Она знала, о чем он думает. Но даже через миллион лет он не смог бы догадаться, о чем думала она.

Глава 2

Пока Анжела шла по залу с подносом пива для латиноамериканцев, двое стариков прошли мимо нее к выходу, бросая на девушку неодобрительные взгляды. Несмотря на молчаливое презрение, они обычно приходили в ее смену, садились в глубине бара и выпивали по бокалу-другому пива, беседуя о спорте и глазея на ее обрезанные шорты.

Должно быть, они считали ее наряд и манеры неподобающими, но их привлекала ее откровенная женственность. Это было забавно, но не слишком ее волновало. Анжелу вообще почти ничто не волновало. Разве что люди вроде Оуэна.

Четверо латиносов замолчали, когда она подошла, — хотя она все равно не поняла бы, о чем они говорят. Испанский был не так уж распространен в округе Милфорд

Фоллз. Ее насторожило, что они не хотели быть подслушанными, хотя и знали, что она не говорит на их языке.

По их вороватым взглядам и шепоту было ясно, они не одобряли ее вида, как и те двое стариков. Их неодобрение было другим — интуитивным и злобным, — но она не могла разобраться в причинах. Впрочем, мнение латиносов интересовало ее не больше, чем презрение стариков.

Что-то в их глазах беспокоило ее. Они были не такими, как у Оуэна, но ей не нравились их взгляды. Она решила не зацикливаться на этом, потому что сейчас мысли занимал кое-кто другой.

— Это последний заказ, — сказала она, поставив пиво. — Нам пора закрываться.

Анжела могла прочесть часть квитанции, торчавшей из кармана рубашки одного из мужчин. Мотель Райли. Она задумалась, остановились ли они на несколько часов или на неделю.

У ближнего к ней мужчины, который делал заказы за всех, на лице было несколько десятков бородавок. Некоторые походили на большие черные комочки, в то время как другие были размером с песчинку. Больше всего скопилось вокруг его темных глаз. Из-за этого Анжеле было сложно не таращиться на него.

Когда она поставила пиво перед каждым из мужчин, бородавчатый улыбнулся ей. Улыбка была не дружелюбной или хотя бы вежливой, а жуткой и отталкивающей. Она потянулась, чтобы взять десятку и пятерку из его руки, а он свободной рукой провел вверх по ее бедру. Прежде чем он успел схватить ее за зад, Анжела отступила, прерывая касание, и выхватила две купюры, зажатые между его пальцев.

Все четверо громко рассмеялись, будто удался какой-то понятный только им розыгрыш. Она могла только предполагать, о чем они договорились.

— Оставь сдачу себе, — ухмыльнулся бородавчатый.

— Спасибо, — сказала Анжела. — Теперь я наконец смогу купить мыло и вымыть ногу.

Трое из мужчин засмеялись. Бородавчатый нет. Она отметила, что они неплохо знают английский, хотя до этого момента вели себя так, будто ничего не понимают. Она не знала, зачем им это — разве что для того, чтобы притворяться неосведомленными и подслушивать.

Анжела редко грубила посетителям, даже тем, кто говорил непристойности или хватал ее, но что-то в этих четверых ей не понравилось.

Бородавчатый сказал что-то на испанском, и они снова рассмеялись.

— Какие-то проблемы? — громко сказал Барри из-за барной стойки.

— Я просто сказала им, что это последний заказ на сегодня, — сказала Анжела, направившись к нему.

— А что насчет тебя? — спросил Барри у Оуэна. — Последний заказ. Хочешь чего-нибудь?

Оуэн поднял руку, отказываясь. По всей видимости, пиво от Барри нравилось ему меньше, чем напиток от Анжелы. Он соскользнул со стула, нетвердо держась на ногах, и взял свой камуфляжный дождевик с соседнего сиденья.

Повернувшись, чтобы уйти, Оуэн улыбнулся Анжеле. Она прочла посыл в его широкой усмешке, но намеренно не отреагировала. Мельком взглянув ему в глаза, она откровенно проигнорировала его. Анжела обошла барную стойку, убрала поднос, а затем положила десятку и пятерку в кассу. Она не взяла чаевые с этих двух купюр — ей не нужны были деньги от тех четверых.

Оуэн остановился в дверном проеме и оглянулся. Она чувствовала на себе его взгляд, но не посмотрела в ответ. Она уже знала, что было в тех глазах.

У него должно сложиться впечатление, что Анжела отказывает ему, что она не заинтересована в нем и для нее он лишь посетитель, источник чаевых. Она знала, что равнодушия будет достаточно, чтобы заставить его медленно закипать. Наконец он повернулся и вышел.

Когда четверо латиносов тоже ушли, Барри выключил музыку и вращающийся светильник, разрушив атмосферу. Теперь бар выглядел старым и обшарпанным помещением, пропахшим пролитым пивом, потом, сигаретами и мочой на полу мужского туалета. Но тишина была облегчением.

Анжела вытряхнула пепельницы и помыла их и бокалы, пока Барри считал кассу. Протерев барную стойку, она наскоро подмела пол.

— На этой неделе выручка небольшая, — сказал Барри, протягивая ей сложенные купюры. — Прости, что так мало, Анжела. Я знаю, что на эти деньги ты помогаешь матери и...

— Я знаю. Это не твоя вина.

Никто и ничто не могло помочь ее матери. И никогда не поможет. Что касается денег, обычно она хорошо зарабатывала в баре, так что не могла жаловаться на редкую не прибыльную неделю.

— Остальные девушки уже распределили смены до конца недели.

— Конечно, — сказала она. — Я понимаю.

Он помедлил, думая, чем заполнить тишину, а потом закрыл кассу.

— Может, придешь в следующую пятницу — вдруг будет много посетителей, и для тебя найдется работа?

Надеюсь, скоро все наладится, и мы вернем тебя на твои обычные часы.

Анжела не стала считать деньги, которые он ей дал. Она знала, что за несколько часов работы в баре ей заплатят немного. Девушка кивнула, сунув купюры в передний карман шорт, где уже лежали чаевые. Обычно их было много, но со снижением прибыли чаевых тоже стало меньше.

На пути к двери Барри окликнул ее. Она обернулась.

— Обязательно надень эти шорты на следующую смену. Думаю, только они и заставили последнего клиента покупать выпивку. И, возможно, лишь благодаря им я сегодня без убытков.

А еще ее шорты не дали Оуэну свалить.

Анжела улыбнулась в ответ.

— Конечно, Барри. Надену.

Глава 3

В этот поздний час морось уже прекратилась, оставив после себя свежий воздух с резким запахом дождя, сосен и почвы. Это был первозданный аромат — запах самой матери-земли без человеческих примесей. Это природное благоухание освежало после неприятных запахов бара, оставленных людьми.

Когда дождь прекратился, в долину прокрался туман, чтобы вздремнуть этой ночью. Густая плотная завеса создавала ощущение, что кто-то стоит слишком близко, вторгаясь в личное пространство, и Анжела хотела бы отогнать его. От гнетущего тумана ее нервы натянулись до предела.

Она чувствовала запах сосен и бальзаминовых пихт на другой стороне дороги, но сами деревья были скрыты мягкой и серой стеной тумана. Девушка едва различала безмолвную дорогу. Ночью машин почти не было — все, кто находились в городе так поздно, либо пьянствовали, либо работали в ночную смену, либо возвращались с вечеринки.

Ее пикап одиноко стоял на парковке, будто призрак в тумане. Свою машину Барри всегда парковал позади бара.

Возле грузовика стоял Оуэн. Она знала, что он будет здесь.

Серый старый пикап шевроле со стандартной кабиной выглядел не очень презентабельно. Но внешность была обманчива. В ее заниженном грузовике стоял двигатель *LS3*, а еще тормозная система фирмы *Wilwood* и модифицированная подвеска.

Один ее знакомый тату-мастер проделал всю эту работу в хорошо зарекомендовавшей себя автомастерской. Он намеревался сделать на пикапе безумную аэрографию для рекламы своего тату-салона, но потерял интерес, когда просто влюбился в грузовой фургон, который, по его мнению, подошел бы лучше. Сделав татуировку на горле Анжелы, он продал ей пикап по неплохой цене. Как он сказал, она была единственной, кто «достаточно крут, чтобы водить такой потрясный грузовик».

Он предлагал перекрасить его, но Анжела решила оставить серый: ей нравилось отсутствие цвета. Неброский серый соответствовал ее ощущению жизни. Яркий цвет волос, пирсинг и татуировки были способом скрыть ее бесцветную сущность.

Ее эмоции пробуждались редко, поднимаясь из внутренних темных глубин, но неожиданно ярко вспыхнули этой ночью. Настал один из тех исключительных момен-

тов, когда все было наполнено смыслом. Каждый звук становился резче, каждое изображение — ярче, каждая деталь — заметнее; каждое слово было пронизано опасностью. Этой ночью сама ее жизнь висела на волоске.

Оуэн опустил руки и постучал костяшками по квадратному магнитному знаку на серой двери грузовика.

— «Курьерская служба Анжелы. Окрыли свою посылку». Я полагаю, это ты.

— Угадал, гений.

Она старалась, чтобы в ее голосе не звучал интерес, но ее нервы были напряжены. Казалось, все вокруг потрескивает. Она пристально смотрела в его темные глаза, позволяя увиденной в них порочности захватить себя.

Это длилось слишком долго.

— Так что с курьерской службой?

Так как ее имя означало «вестник Божий», Анжела решила, что ее сервис будет называться «Курьерская служба Анжелы». Ей нравилась эта игра слов.

— В наших краях не так уж много работы. Мне нравится доставлять посылки. Так я заполняю дни, когда не работаю в баре.

— Так ты наркоторговец, — понимающе усмехнулся он.

Анжела нахмурила брови:

— Это самое последнее, чем я стала бы заниматься.

Он пожал одним плечом, явно не поверив.

— Ну, раз ты так говоришь.

— Да, — сказала она.

Он, пошатываясь, отошел в сторону, чтобы она могла открыть дверь.

— Доброй ночи, Оуэн.

— Ладно, понял. Наркотиками не торгуешь. Это сужает круг. Значит, эскорт... сосешь чей-то член, чтобы занять время, свободное от зашибания бабла в баре?

Она мрачно взглянула на него:

— Я сказала, доброй ночи.

— Думал, ты подбросишь меня. — Он снова пожал плечами и глупо ухмыльнулся. — Спускаться с холма легче, чем подниматься.

— Прогулка пойдет тебе на пользу.

Он не собирался отступать.

— Можешь считать меня посылкой, которую нужно доставить на адрес. К тому же, я видел таких девушек в мотеле. Готов поспорить, ты провела достаточно времени, лежа на спине в номерах и ублажая клиентов.

Она пропустила замечание мимо ушей, не проглотив приманку. Его улыбка была неискренней. Он специально ее провоцировал. Она видела презрение в его глазах. Все женщины для Оуэна были одинаковы. Все они были шлюхами и годились только на это. Она не знала, что привело его к такой точке зрения, но ей было все равно. Важно лишь то, что его твердые убеждения управляли его мыслями, и эти мысли приводили к действиям.

— Давай, подвезешь меня?

Анжела открыла дверь и выпрямилась:

— Я сказала «нет».

Его глаза вспыхнули. Она прекрасно понимала, что Оуэн не любит слово «нет». Совсем не любит.

Стиснув зубы, он резко схватил ее за плечо, развернул к себе и впечатал спиной в грузовик.

— Я сказал, что хочу прокатиться.

Вот он, настоящий Оуэн. Наконец-то показался. Его дыхание пахло кукурузными чипсами и алкоголем. Казалось, его сильные пальцы могут сломать ей руку.

Она толкнула его в грудь основанием ладони:

— Говорю же, я не встречаюсь с обычными парнями.

Оуэн снова ударил ее о грузовик и грубо впился в ее губы. Анжела отметила это его пристрастие. Она на

мгновение позволила ему добиться своего, чтобы он не стал излишне жестоким до того, как она выяснит то, что хотела.

— Я интересней, чем ты думаешь, — произнес он, затаив дыхание и отступая назад. — Я из тех парней, от которых вы все намокаете.

— Ни хрена подобного.

Анжела смотрела на него, пока он придумывал очередное оскорбление. Алкоголь путал его мысли, но ослаблял сдержанность. Она знала, что у него развяжется язык.

— Это правда, — настаивал он. — Я не такой заурядный, как ты считаешь.

— Не льсти себе, Оуэн. Я не считаю тебя заурядным. Я думаю, ты то еще ссыкло.

В его налитых кровью глазах вспыхнул гнев, брови нахмурились. Нетвердо стоя на ногах, он зло смотрел на нее и размышлял. Наконец, он отвел взгляд, чтобы убедиться, что они одни.

— Подвези меня, и я расскажу тебе об этом.

На мгновение она утонула в его темных глазах, пытаясь выдержать то, что видела в них, позволяя горючему плеснуть на раскаленные угли.

У нее был пистолет, но он лежал в подлокотнике пикапа. Выдержав паузу, Анжела тяжело вздохнула:

— Ладно, Оуэн. Думаю, я могу подвезти тебя. Но вовсе не потому, что ты опасен или что-то в этом роде. Будь ты таким, было бы здорово, но...

Выражение его лица на секунду стало кровожадным, а потом он обошел грузовик и встал у пассажирской двери, дожидаясь, пока девушка сядет в машину и пустит его. Когда дверь разблокировалась, он быстро забрался в грузовик.

Устроившись на водительском сиденье, Анжела повернула ключ, и двигатель заурчал, оживая. Окна блестели от дрожащих капелек воды, и она включила дворники, чтобы очистить лобовое стекло.

— Я всего лишь подвезу тебя. — Она взглянула на него. — Понятно?

— Разумеется, — сказал он. В его ухмылке сквозили темные замыслы. — Большего мне и не нужно.

Анжела не поверила ни единому слову.

Глава 4

Через каждые полмили извилистой дороги из тумана появлялись фонари, словно зависшие инопланетные звездолеты. По обеим сторонам дороги мелькал темный и безликий лес. Желтая разделительная линия и полоса по краю дороги казались единственными вещами из реального мира.

Пока они проезжали мимо домов на окраине Милфорд Фоллз, Оуэн положил руку на подлокотник, в котором лежал ее пистолет. Теперь Анжела никак не могла добраться до пушки.

Когда из тумана вынырнула неоновая вывеска мотеля Райли, его левая рука потянулась вниз и нежно сжала ее голое колено. Она повернула к автостоянке мотеля, и рука Оуэна скользнула по внутренней стороне бедра к ее промежности. Пока она парковала грузовик, он повернулся к ней и сунул свою большую правую руку под ремень ее низко посаженных шорт.

Вместо того чтобы возмущаться, она, пока он не успел засунуть в нее пальцы, подсунула свою кисть под

его руку и подняла ее — будто считала его обычным безобидным дурачком.

— У тебя там приятно, — произнес он, сгорая от желания. — Мне нравится натуральная киска, а не выбритая плешь, как делают сейчас шлюхи. Мне нравится, что ты оставила волосы.

— Рада, что ты оценил, — сказала она ледяным тоном. — Мы на месте. Вылезай.

— Почему бы тебе не зайти, чтобы мы закончили начатое?

Она знала, что в нем говорит фантазия, в которую он уже успел поверить.

— Мы ничего не начинали. Я говорила, что ты не в моем вкусе. Обычные парни меня не интересуют.

— Да ладно тебе…

— Нет.

Оуэн отстранился, вырванный из состояния экстаза твердой категоричностью этого слова, и моргнул.

— Я не обычный парень, — с вызовом заявил он.

— Чушь. На вид ты довольно привлекателен, но я уже сказала, что мне нравятся плохие парни. Ты не плохой.

— Ты этого не знаешь.

— У тебя нет того, что я ищу. Ты бесхребетное ничтожество, притворщик, который хвалится и играет роль подонка, чтобы произвести на меня впечатление. Я встречала сотни таких. Вы все одинаковые. Ты такой же заурядный, как они.

Его глаза вспыхнули яростью.

— Я не такой же. Я убивал людей.

Сознательно не показывая никакой реакции, Анжела долго смотрела на него. Она закатила глаза и с отвращением покачала головой.

— У тебя кишка тонка, чтобы убить. Ты намочишь штаны, если попытаешься схватить кого-то, и тебе скажут отвалить.

— Я не шучу, — Оуэн понизил голос, наклонившись к ней. — Я убивал людей, — повторил он.

— Как скажешь. Ты убивал людей. Молодец. — Своим тоном она давала понять, что не поверила, хотя знала, что он не врет. — Теперь убирайся.

— Ты слышала о пропавшей шлюхе? Кэрри, кажется...

Анжела знала, о ком он говорит. Кэрри Стрэттон не была шлюхой. Она работала медсестрой в больнице.

Больница обычно пользовалась услугами экспресс-доставки, но в тех случаях, когда поджимали сроки или нужно было срочно что-то отправить, они обращались в курьерскую службу. Анжела довольно часто срочно отвозила образцы в лаборатории более крупных городов. В редких случаях ее даже отправляли в лаборатории Буффало, Ньюарка или Нью-Йорка.

Больница была небольшой, так что Анжела знала там почти всех. Пару раз она видела и Кэрри Стрэттон. У той были сын и дочь, которые еще не достигли подросткового возраста, а ее муж работал в энергетической компании. Кэрри брала ночные смены ради дополнительного заработка. Все ее любили. Несколько дней назад Анжела взялась доставить образец, и именно Кэрри отправляла его.

Дело было поздно ночью, и Кэрри сказала, что очень важно прямо с утра доставить образец в специальную лабораторию для тестирования. Когда на трассе *I-86* ее остановил патрульный, она показала ему пакет из больницы с пометкой «срочно» и избежала штрафа за превышение скорости, отделавшись строгим предупреждением.

Анжела проигнорировала предупреждение, но доставила образец в лабораторию вовремя.

Это было в ночь перед исчезновением Кэрри.

Все в больнице были взволнованны пропажей молодой медсестры — они знали, что она не стала бы сбегать из дома. Ее машина по-прежнему стояла на парковке. Все боялись, что ее похитили. Многие искали ее, надеясь найти живой и невредимой, однако все с прискорбием осознавали, что поиски не увенчаются успехом. Вплоть до того момента, как пару часов назад Оуэн зашел в бар и встретился с ней взглядом, Анжела тоже не знала, что случилось с Кэрри Стрэттон.

— Кажется, я что-то слышала о поисках женщины, — сказала Анжела. — Что с ней?

Оуэн еще немного наклонился, понизив голос:

— Я убил ее.

— Кончай, Оуэн, — сказала она, разглядывая мокрые машины на темной парковке. — Говорят, она сбежала с любовником.

— Я и был ее любовником, — сказал он, фыркая от смеха. — Но она не убегала. Я поимел сучку. Жестко оттрахал как следует. Она сказала, что сможет меня опознать, и я сяду в тюрьму. За что? За то, что трахнул шлюху? Так что я убил ее.

Анжела нетерпеливо вздохнула:

— Ты чертов лжец, Оуэн. Пытаешься изображать крутого парня.

Оуэн склонил голову набок:

— А если я говорю правду?

Анжела оценивающе посмотрела на него в красноватом свете вывески мотеля.

— Если у тебя и правда есть яйца... но я не верю.

— Могу доказать.

Анжела закатила глаза:

— Ну да, конечно.

— Нет, правда. Я могу доказать, черт возьми.

— Как?

— Могу показать, где спрятал ее тело.

— Можешь показать ее тело? — Анжела провела черным ногтем по его руке и заставила свои губы расплыться в улыбке. — Я никогда не была с мужчиной, убившим кого-то. Ну, кроме того парня, который убил человека в пьяной драке, но то была случайность. Он сделал это непреднамеренно. Не каждый сможет совершить что-то подобное.

— Ты когда-нибудь видела чью-то смерть? — спросил он, погружаясь в воспоминания. — Видела, как из человека жизнь выходит? — Он снова посмотрел на Анжелу. — У обычного парня не хватило бы смелости. Он не смог бы.

Она знала, что ему нравится доминировать над женщинами, причинять им боль, смотреть, как они умирают. Это возбуждало его. Его страсть становилась все сильнее, а промежуток времени между убийствами все сокращался. Скоро он вновь захочет убить. Одно лишь напоминание заставляло его хотеть этого.

— Возможно, я в тебе ошибалась.

— Идем, поднимемся ко мне в комнату.

— К тебе в комнату? — Она отдернула руку. — Ладно, я понимаю. Ты услышал об исчезновении в новостях, а теперь пытаешься выставить это делом своих рук. Думаешь, я пересплю с тобой, если наплетешь мне, что убил ее. Хорошая попытка, мудак. Я подвезла тебя, как ты и хотел, а теперь убирайся к черту.

— Нет, правда, я прикончил сучку. Я убил ее и избавился от тела. — Оуэн махнул рукой в северном направлении. — В той стороне. Дальше по дороге.

Анжела знала, что полиция и множество волонтеров вели тщательные поиски в окрестностях Милфорд Фоллз, но ничего не нашли. Едва взглянув в его глаза, когда он зашел в бар, Анжела поняла, что сделал Оуэн. Кэрри не грозилась заявить в полицию и посадить его за решетку. Так Оуэн оправдывал убийство женщины. Анжела видела, как Кэрри умоляет его, обещая, что ничего не скажет, если он ее отпустит. Она говорила, что у нее двое детей, которым нужна мать. Она плакала и молила сохранить ей жизнь, показывала ему фотографии в медальоне. Кэрри не знала того, что знала Анжела, — мольбы только подстегивали Оуэна.

В такие моменты он чувствовал себя наиболее могущественным. Это очерствляло его.

Анжела видела все это, но из-за темноты и тумана не могла как следует разглядеть в видении место, где он бросил тело.

Она постучала большим пальцем по рулю:

— Как далеко отсюда?

— Черт, я не знаю, — сказал Оуэн, немного приуныв от того, что она не поверила ему на слово. — Достаточно далеко. Вряд ли ее скоро найдут — если вообще найдут.

— Насколько далеко?

— Отсюда? От мотеля? — он пристально всматривался в туман. — Тридцать одна миля, — наконец, выдал он.

Он четко знал, где оставил тело Кэрри, когда покончил с ней. Как правило, убийцы без проблем могут отыскать точное место. Иногда они наведываются к трупу, чтобы снова пережить возбуждение от убийства. Иногда им любопытно, нашел ли кто тело, так что они продолжают наблюдать за ним. В редких случаях они даже становятся добровольцами в поисковой группе.

Анжела кивнула на вывеску мотеля:

— В мотеле Райли останавливается множество людей, которые в городе проездом. Полиция должна была опросить их. Почему не допрашивали тебя?

— Допрашивали. — Его улыбка стала озорной. — Я пробыл здесь достаточно, чтобы они наверняка сделали это.

— Ты хотел, чтобы тебя опросили? Если ты правда убил ее, и полицейские допросили тебя, они поняли бы, что это сделал ты.

Он откинулся назад и высокомерно взмахнул рукой.

— Копы тупицы. У них нет чертовых улик на того, кто знает, что делает. У них нет свидетеля, нет тела. У них ни черта нет. Я хотел находиться поблизости и видеть их лица. Они всегда принимают такой серьезный вид, когда ищут убийцу, но не знают, что смотрят прямо на него. Понимаешь, о чем я? Я прямо тут, перед ними, а они будто слепы. Так же, как и ты, пока я не рассказал тебе. Ты смотрела прямо на меня, как и полицейские, но не верила, что я мог кого-то убить.

Для Оуэна игра с полицией была частью волнующего действа. Убийство было экстазом, который уже прошел. Он считал себя умнее полиции. Игра с властями позволяла ему продлить возбуждение. И еще выпивка.

— Ага, — согласилась Анжела. — Полагаю, они не могут сказать, что ты убивал людей, просто заглянув тебе в глаза.

Но Анжела могла. С первого взгляда она моментально обо всем узнала. Словно она сама это испытала и разделила с ним воспоминания о том, что он сделал с Кэрри. Фактически в тот же момент она увидела всех четырех женщин, которых он убил. Она в подробностях знала, что он сделал с каждой из них.

В детстве Анжела иногда мучилась от боли в ногах. Бабушка говорила, это потому, что кости растут слишком

быстро. Глядя в глаза убийцы, Анжела испытывала такую же боль. У нее ломило кости. Она знала, что другие не могли распознать убийцу, взглянув ему в глаза. Анжела отличалась от других людей.

Она верила, что причиной было постоянное употребление ее матерью наркотиков, когда она была беременна Анжелой. Смесь наркотиков, витающая в утробе вокруг Анжелы, привела к тому, что она стала ошибкой природы.

Как сказала бабушка, Анжеле повезло, что наркотики матери не сделали ее умственно отсталой, слепой или неполноценной. Однажды она сказала, что Анжеле повезло, что она вообще родилась. Анжеле не казалось, что ей повезло.

Она знала, что не была нормальной и никогда не сможет быть. Анжела знала, что родилась сломленной. Ее желания и побуждения, позволявшие ей чувствовать себя живой, были ненормальными.

И теперь эти побуждения заставили сфокусироваться на Оуэне, словно лазерный луч.

— Довольно просто хвастаться, приписывать себе чужие заслуги, говорить, что обманул полицию, — сказала она. — Это не значит, что ты действительно убил ее. Многие неудачники признаются в преступлениях, которых не совершали. Возможно, копы считают тебя невиновным потому, что так и есть.

— Они поверили, потому что я умнее их, — рявкнул он. — Они не могут меня поймать.

— Возможно. — Она знала, что должна подтолкнуть его еще совсем чуть-чуть. — Как я и сказала, довольно просто выдумать историю. Но нелегко быть человеком, который и вправду может сделать подобное.

Он искоса посмотрел на нее:

— Я могу отвести тебя к телу.

Мгновение она удивленно смотрела на него.

— Тридцать одна миля. Ты сказал, тридцать одна миля?

— Верно. — Оуэн указал в темноту. — Туда. Тридцать одна миля. Давай покажу, и тогда ты поймешь, что я говорю правду.

Ему начинало нравиться, что он доверился ей. В отличие от других женщин, она не была испугана или шокирована, а действительно заинтересовалась.

Хитро улыбаясь, он сообщил больше:

— Она была не первой.

— Хочешь сказать, что убивал людей и раньше?

— Двоих. — Когда он взглянул на нее, Анжела увидела в его налитых кровью глазах, как это произошло. — Она была третьей.

Нет, Кэрри была четвертой. В пьяном угаре он позабыл о тощей проститутке, которую задушил в ночлежке в Пенсильвании. Она была героиновой наркоманкой, долго травившей себя наркотой, — как и мать Анжелы. Оуэн просто завершил дело за нее. Но сейчас не время освежать его память.

— Так или иначе, я никогда не была с парнем, который совершил преднамеренное убийство. Это чертовски заводит. Конечно, если ты говоришь правду. — Анжела повернула ключ в зажигании и выехала с парковки. — Лучше не лги мне.

— Увидишь, — произнес он с самодовольной уверенностью.

Глава 5

Оуэн попросил свернуть на узкую и извилистую второстепенную дорогу, которой мало кто пользовался. Длинная Даффи-роуд, петлявшая в лесной глуши, вела мимо разрозненных домов и баз отдыха. Поначалу, пока они отъехали не слишком далеко от Милфорд Фоллз, возле дороги попадались приземистые ветхие дома. На некоторых были заплаты из черного толя, прибитого к потрепанному белому сайдингу. У нескольких обвалилась крыша. Какие-то были накрыты голубым брезентом, который должен был удерживать блоки, но со временем они тоже разрушались.

Возле них стояли брошенные машины, выкинутые газонокосилки, валялась старая бытовая техника, оконные рамы, велосипеды, ржавые мангалы и поломанная садовая мебель. Все это ржавело и гнило среди сорняков и разросшегося кустарника.

Рядом с некоторыми домами лежало такое огромное количество хлама, что дворы больше походили на свалки. Кое-где были пристройки со старыми тракторами и древними грузовиками, стоявшими на блоках. Иногда виднелись разбитые дороги, ведущие к амбарам в полях. Анжела заметила в нескольких местах таблички «Вход запрещен», прибитые к деревьям и заборам.

Тусклые лампы у дверей нескольких домов разгоняли туман жутковатым светом, но большинство жилищ были темными и давно заброшенными. Раньше в Милфорд Фоллз была текстильная фабрика и другие промышленные предприятия, где работало много людей, но в итоге производство закрылось, а работникам пришлось уехать. В Милфорд Фоллз было непросто заработать на жизнь, так что многие просто собрали вещи и переехали.

За домами стоял густой лес, а местами сосны доходили даже до асфальта дороги. Когда путь шел через горы, дорога становилась однополосной. Из-за тумана, мокрого черного асфальта и отсутствия разметки Анжеле было трудно разобрать, куда она едет. Это делало поездку весьма напряженной — не говоря уже о том, что рядом сидел мужчина, который насиловал и убивал женщин ради удовольствия.

Власти округа плохо следили за состоянием дороги, разве что срубали ветки, которые нависали над асфальтом. Дорога была вся в ямах, покрытие местами раскрошилось. На обочинах скопилось много листьев и сосновых игл, скрывавших край проезжей части. Из-за того, что так много людей бросили дома и уехали, казалось, будто лес постепенно поглощает эту землю.

Оуэн помрачнел, пока они ехали по пустынной дороге к месту, где он бросил тело. Анжела подозревала, что он возмущен необходимостью доказывать, что убил женщину. Если бы она его не напоила, он не стал бы так охотно хвастать убийствами. Он еще нескоро протрезвеет, но Анжела все равно ощущала беспокойство.

А еще она знала, что ее спутник весьма вспыльчив. Чтобы он и дальше оставался довольным и уверенным в своих действиях, ей приходилось терпеть его руку в своих шортах. Предполагалось, что ей нравится такое обращение со стороны определенного типа мужчин, поэтому, если Анжела будет слишком настойчиво сопротивляться ухаживаниям, то он может выйти из себя и решить добавить ее к списку своих жертв.

Он должен считать ее соучастницей, впечатленной его смелостью, должен сам показать тело, иначе его никогда не найдут.

Итак, она сделала то, чему научилась еще в детстве, когда не могла повлиять на происходящее: позволила ра-

зуму ускользнуть в другое место. Неважно, что с ней происходит; ее там нет. Она ушла, а тело отстраненно вело машину сквозь дождливую ночь.

На тридцать первой миле узкой второстепенной дороги Оуэн вытащил руку из ее шорт и крикнул, чтобы она притормозила, тем самым вернув ее из забытья.

— Там! — выдал он, наклоняясь к ней и указывая налево. Они как раз подъезжали к старому железному мосту, проходившему над часто используемой двухполосной дорогой, ведущей в деревню Брэдли. — Вон там. Поверни здесь.

Анжела остановилась и снова включила дворники, вглядываясь в темноту. Мост впереди был выстлан скользкими из-за дождя досками. Над дорогой нависали ветви, тяжелые от влаги.

— Уверен, что там? — она застегнула короткую молнию на шортах. — Я не вижу никакой дороги.

— Я и не говорил, что это чертова дорога, — прорычал Оуэн. — Это лишь место, где люди останавливаются, чтобы развернуться. Просто заезжай туда.

Анжела свернула в просвет между зелеными кустами и деревьями. Это действительно был съезд. Она беспокоилась, что почва могла раскиснуть. Совсем ни к чему, чтобы грузовик увяз посреди глуши возле заброшенной старой дороги, и она осталась один на один с убийцей, у которого могут возникнуть плохие идеи.

Судя по заросшей и едва заметной колее, съезд не использовался годами. К счастью, грязи не было. На старом узком однополосном мосту над шоссе было ограничение по весу; возможно, здесь разворачивались тяжелые грузовики или это и вовсе был старый пожарный проезд.

Она проехала всего пятнадцать-двадцать метров, а потом пришлось остановиться: путь преградили молодые деревца. Колея немного забирала вправо, и они оказались

достаточно далеко от дороги, чтобы деревья скрывали их от любой проезжающей машины — тем более ночью. Оуэн неспроста выбрал именно это место, чтобы изнасиловать и убить Кэрри Страттон.

Оуэн открыл дверь:

— Дальше придется идти пешком.

Она не успела достать пистолет из центрального подлокотника, потому что он подался назад:

— Чего, черт побери, ты ждешь?

— Ничего, — ответила она, открывая дверь и выходя наружу. — Далеко идти?

Оуэн показал через освещенный луной туман:

— Нам туда, идем. Я покажу тебе.

Когда они вошли в молодую лиственную рощу, Анжела увидела маленький ручеек, стекавший по небольшой насыпи. Где-то за ручьем и деревьями было шоссе, проходившее под мостом. Из-за протяженности этих лесов вполне возможно, что тело Кэрри никогда не найдут. Это не первое тело, исчезнувшее в этих горах навсегда. И не последнее.

Скверно умирать в таком безлюдном месте. Особенно так, как умерла Кэрри.

— Лучше не обманывай меня, — сказала Анжела, желая, чтобы он думал о доказательствах. Она следовала за Оуэном все дальше в густой и дремучий лес и не хотела, чтобы у него появились другие идеи.

Массивные еловые ветки заглушали отдаленный шум машин, проезжавших по обеим дорогам — и наверняка приглушили крики Кэрри. Если что-то пойдет не так, никто не услышит крики Анжелы.

Луна придавала слабое свечение влажному одеялу тумана, низко стелющегося над землей. Света было не так много, но достаточно, чтобы видеть дорогу. Они шли через дубовую рощу, и Оуэн периодически спотыкался о

камни. Несмотря на опьянение, он точно знал, где лежит его трофей, и горел желанием показать его Анжеле.

Девушка потеряла из виду свой грузовик, который остался где-то в тумане за деревьями и кустарниками. Она считала шаги, чтобы замерить расстояние. Чем дальше они шли, тем сильнее лес смыкался над остатками старой дороги. Оуэн прошел сквозь кусты по оленьей тропе, а затем миновал участок с толстым слоем опавших листьев между кленами и березами. Он избегал густых зарослей кустарника и плотных переплетений пихт. С листьев и иголок падали большие капли воды, вычесанные из тумана. Влажный аромат леса был бы приятен, если бы не причина, по которой она здесь находилась.

Анжела расслышала журчание ручья среди камней. Земля была покрыта пятачками мха, в котором утопали сапоги. В следах скапливалась вода. Девушка все больше беспокоилась, что Оуэн заводит ее далеко в лес.

— В лесах случаются плохие вещи, — пробормотала она, не осознавая, что говорит вслух.

Оуэн усмехнулся ей через плечо, соглашаясь, и указал:

— А вот и она.

Недалеко от ручья Анжела заметила труп. Оуэн подвел ее прямо к обнаженному телу, лежавшему на боку, выбросив руку. Неподалеку валялась окровавленная голубая форма. Пред мысленным взором Анжелы снова пронеслось все, что она увидела, когда Оуэн зашел в бар и посмотрел ей в глаза. Кэрри дрожала, истекала кровью и умоляла не убивать ее, когда Оуэн приказал снять форму. Настоящий ужас ее мучений только начинался.

В теплых влажных условиях тело уже начало разлагаться. На рыхлом животе трупа звери — вероятно, вороны — разорвали плоть, чтобы полакомиться внутрен-

ностями. В открытых ранах извивались личинки. Запах заставил Анжелу отступить на шаг.

— Вот, я же говорил, — произнес Оуэн, раздраженный тем, что пришлось ей это доказывать.

Помимо ран, нанесенных зверями уже после смерти, на груди и шее Кэрри были глубокие порезы, оставленные другим животным — человеком.

Вид и состояние тела подтвердили все, что Анжела увидела в глазах Оуэна. Смерть была долгой; Оуэн все больше упивался жестокостью своих деяний. Ему нравилось, когда жертвы были еще живы, а он мог управлять ими, запугивая и причиняя боль. Кэрри осуществила его самые извращенные желания.

Анжела задержала дыхание и прикрыла рот и нос рукой, а потом присела на корточки рядом с телом, чтобы убедиться в последней детали своего видения. Как она и ожидала, из губ Кэрри торчала тонкая золотая цепочка, конец которой проходил через щеку и кучкой лежал в грязи.

На изящной цепочке висел маленький медальон с фотографиями двоих ее детей. Оуэн заставил ее проглотить его, когда она показала ему две фотографии в медальоне, чтобы доказать, что у нее есть дети, которым она нужна. Она ошибочно верила в то, что он сжалится. Оуэн вынудил ее проглотить медальон, показав, что в нем нет сострадания. Когда он бил кулаками по животу лежавшей на каменистой земле Кэрри, она выблевала медальон.

Анжела встала рядом с Оуэном, когда он указал на тело.

— Вот тебе чертово доказательство. Как я и говорил.

Она даже не могла припомнить, сколько раз за свою жизнь она могла закончить так же.

— Хорошо, я тебе верю. Давай вернемся.

Шагая рядом и глядя на его фигуру в неясном лунном свете, она отлично осознавала, что находится в глуши наедине с монстром, который уже убил четверых женщин ради острых ощущений. Они боролись за свои жизни, но не могли с ним тягаться.

Он весил вдвое больше Анжелы, да еще и значительную часть его веса составляли мышцы. Она шла рядом с ним, и ей казалось, что она балансирует на канате. В то же время это был восхитительный прилив эмоций.

Когда пикап уже был в поле зрения, Анжела четко осознавала, где был ее пистолет. Она часто носила его за поясом на пояснице, но сейчас была одета в шорты и короткий топ, и спрятать ствол было негде — а еще тайное ношение оружия незаконно, — поэтому ей пришлось оставить его в грузовике. Чтобы добраться до оружия, ей нужно попасть в салон раньше Оуэна.

Была еще одна деталь, вертевшаяся в потоке мыслей, шумящих в ее голове.

— Ты увидела тело, — произнес Оуэн, когда они подошли к пикапу. — Теперь пора мне сделать то, что тебе понравится.

— Я не хочу делать это в грязи, — жестко ответила она.

Ему не понравился ее тон. Ни капли не понравился.

У него в голове щелкнуло.

В одно мгновение он сгреб ее волосы своим огромным кулаком и приподнял девушку над землей.

— Мне плевать, чего ты хочешь, членососка, — прорычал он сквозь зубы. — Теперь я получу то, чего хочу.

Глава 6

Анжела обеими руками сжала запястье Оуэна, чтобы он не вырвал ей волосы с корнем, пока тащил по неровной земле. Он легко справлялся с ее весом. Из-за его поспешности и того, как он держал за волосы, выворачивая ее шею, Анжела могла только иногда делать по полшага. По большей части она не могла удержать равновесие, и ее волочили как тряпичную куклу.

Анжела ничего не говорила. Она знала: Оуэн услышал все, что хотел.

Когда они добрались до пикапа, вместо того чтобы швырнуть ее в салон, как она ожидала — а там находился ее пистолет — Оуэн обошел грузовик сзади. Откинув бортик свободной рукой, он запрыгнул туда и одним мощным рывком затащил девушку наверх за волосы.

Оуэн бросил ее в кузов грузовика. Он уже доказал ей, что не является обычным парнем, и теперь переключился на режим психопата, намереваясь делать только то, чего хотел сам. Сейчас он диктовал правила. Анжела понимала, что не стоит ожидать от него другого. В конце концов, она сама сказала, что ей нравятся парни, которые берут то, что хотят.

Анжела остро осознавала, что они совсем одни, и никто не услышит ее криков, как никто не слышал криков Кэрри.

В следующее мгновение он навалился сверху, шаря по ее телу руками.

— Мне нравится твоя грудь, — произнес он, задыхаясь от желания. — Я не люблю большие искусственные сиськи, как у большинства шлюх. Мне нравятся настоящие, как у тебя.

— Поцелуй меня, — настойчиво прошептала она ему на ухо.

Он надавил коленом между ее ног, заставив их раздвинуть, и прижался ртом к ее губам. От него несло алкоголем.

Анжела прижалась к нему губами, подбадривая его. Он ответил, просунув язык ей в рот. Она не сопротивлялась. Оуэн расстегнул ремень и ширинку, высвобождая свой эрегированный член, а потом занялся молнией на ее шортах.

Пока его язык исследовал ее рот, а рука была на молнии шорт, пальцы Анжелы дотянулась до верха правого сапога.

Нащупав искомое и крепко сжав рукоять, она резко и сильно прикусила язык мужчины и откинула голову назад.

Оуэн вскрикнул от неожиданности, злости и боли. Его первоочередным инстинктом было самосохранение, поэтому он подался к ней, не собираясь вырываться, чтобы она не откусила язык.

Не ослабляя хватки, Анжела выдернула нож из чехла в сапоге. Она врезала левым предплечьем ему по горлу, отталкивая его, и продолжила сжимать челюсти. Между их губами была пара сантиметров.

В тот же миг она полоснула ножом между их лицами, перерезая его язык.

Оуэн отшатнулся, внезапно получив свободу. Он задыхался от шока и дезориентации. Из-за опьянения и остроты лезвия он не сразу ощутил боль. По его выражению лица она видела, что его затуманенный алкоголем мозг пытается осмыслить случившееся. Анжела выплюнула окровавленный кончик его языка.

Когда боль начала проявляться, Оуэн закричал, но получился скорее булькающий вопль. Он прикрыл рот рукой, пытаясь понять, что произошло. Кровь сочилась между толстыми пальцами и стекала по подбородку.

Когда он осознал, что она сделала, в его разуме вспыхнула ярость. Он схватил девушку за горло свободной рукой. Анжела воткнула лезвие в руку между плечевой костью и большим бицепсом и сильно дернула, разорвав мышцу. Судя по количеству крови, она перерезала плечевую артерию. Теплая кровь хлынула на ее грудь и голый живот.

Несмотря на тяжелую травму, он продолжал сжимать ее горло смертельной хваткой. Анжела стиснула зубы от его натиска, когда он пытался раздавить ее трахею, и перерезала напряженные сухожилия на его запястье. Когда мышцы расслабились, его пальцы обмякли, и рука безвольно повисла.

Когда он совершил ошибку, отняв руку от окровавленного рта и схватившись за ее горло, Анжела снова полоснула по внутренней части его запястья, а затем перерезала связку сухожилий возле локтя. Он не смог уклониться.

Обе его руки были почти полностью выведены из строя.

Анжела наклонилась:

— Ты не рад, что я не стала ждать дольше?

Он уставился на нее распахнутыми глазами, озадаченный вопросом. Оуэн не понимал.

Она схватила его сморщенный пенис, свисающий из расстегнутых штанов.

— Ты разве не рад, что у меня во рту оказался твой язык, а не член? — Она продемонстрировала ему зловещую улыбку. — Видишь? Всегда может быть хуже. И поверь, все будет только хуже.

Наконец осознав, в какой опасности он очутился, Оуэн рассвирепел и умудрился приподняться на одном локте. Он ударил пятками по кузову грузовика, пытаясь встать на ноги, чтобы хотя бы запинать ее до смерти.

Прежде чем пьяный мужчина смог обрести шаткое равновесие, Анжела изменила хватку на ноже, будто собралась колоть лед, обошла его и вонзила лезвие в спину — прямо в левую почку.

Оуэн замер от болевого шока. У него перехватило дыхание, ноги напряглись. Широко распахнув глаза, он не мог даже вскрикнуть.

Все произошло настолько быстро, что он был не только сбит с толку, но и охвачен парализующей болью.

— Ты как раз думал, что все идет хорошо, но внезапно все стало ох как плохо. Верно, Оуэн?

Анжела выдернула нож и покрутила обоюдоострое лезвие перед его глазами. В критической ситуации она не хотела беспокоиться о том, нужной ли стороной повернула нож. С обоюдоострым клинком это никогда не было проблемой. С любой стороны было лезвие, готовое послужить ей.

— Секрет хорошего ножа для плоти в том, чтобы не использовать его ни для чего другого, — пояснила она. — Я даже никогда не открываю свой чехол с ножами для плоти. Я храню их для людей вроде тебя. Поэтому они без особых усилий рассекают плоть. Можно сказать, что я чрезвычайно хорошо забочусь о своих клинках. Правда, Оуэн?

Разговаривая, она протянула руку с ножом и, положив два пальца на его спину, нащупала, где заканчивается третий позвонок поясничного отдела позвоночника. Было немного трудно из-за того, что он начал дергать ногами.

— Ты думаешь сейчас: «Вот и все. Либо она, либо я». Я права, Оуэн? — Она наклонилась ближе и прошептала на ухо: — Разве не об этом ты думаешь, Оуэн? Ладно, должна признаться, с момента твоего появления в баре я все время знала, что это будешь ты, так или иначе.

Нащупав все-таки промежуток между третьим и четвертым позвонком поясницы, она левой рукой обхватила его мощную шею и притянула к себе его голову, двинув коленом ему в живот. Он наклонился вперед, выгнув спину и открывая пространство между позвонками. Она погрузила нож между ними.

Из-за продольных мышц спины потребовалось приложить силу, но острое, заточенное с двух сторон лезвие пробило диск насквозь. Она покачала рукоять из стороны в сторону. С каждым движением лезвие скребло по косточкам позвонков, разрезая диск и перерубая спинной мозг. Его ноги наконец подкосились и застыли неподвижно. С каждым тяжелым вдохом он содрогался от боли и шока, брызгая на нее каплями крови. В его глазах было удивление от того, как быстро все произошло.

— Ты знаешь, что означает мое имя, Оуэн?

Он ошарашенно взглянул на нее, не в силах ответить.

— Знаешь?! — кричала она. — Знаешь, что оно значит?

Он испуганно покачал головой, не сводя с нее взгляда. Оуэн не привык бояться. Она знала, что он пытается оценить свои травмы и понять, сможет ли выжить.

— Я говорила тебе, что мое имя на итальянском означает «ангел»? Помнишь?

Он закивал, охваченный паникой от того, что она может сделать дальше.

— Хорошо. — Она выгнула бровь, глядя на него. — А ты знаешь значение слова «ангел»?

Широко распахнув глаза, он вздрогнул и покачал головой. Из-за отрезанного языка он смог ответить только стоном, который она не могла истолковать.

Анжела резко воткнула нож чуть ниже его грудной клетки — в печень.

Оуэн охнул, его глаза стали влажными и расширились еще больше, когда боль дошла до мозга. Он издал пронзительный визг.

— Анжела — ангел — означает «вестник Божий», — терпеливо объяснила она. — Видишь ли, Оуэн, ты не можешь винить меня за это, не так ли? В конце концов, я всего лишь несу весть. Верно?

Он отбивался и выворачивался, но смог лишь еще сильнее разрезать собственную печень об обоюдоострое лезвие, усилив боль. Кровь текла по ее кулаку, по предплечью, и капала с локтя.

— Ты спрашивал, является ли моя татуировка на горле какой-то шуткой. Помнишь? Я сказала, что, возможно, однажды ты сам ответишь на этот вопрос. Думаю, теперь ты понимаешь. Правда, Оуэн? Ты понял значение моей татуировки? Что значит «Темный Ангел»? Может, я действительно вестник Божий. Ангел. Но теперь ты знаешь, что некоторые ангелы темные. Теперь понимаешь, Оуэн?

— П-а-ху, пье-ха-хи. — Из его глаз текли слезы. — Пье-ха-хи... — Без языка это было лучшее, что он смог сформировать в слова, которые так отчаянно хотел произнести.

— Просишь прекратить? — она наклонила голову, исподлобья глядя на него. — Ты это пытаешься сказать, Оуэн? Просишь прекратить? Молишь темного ангела о пощаде?

Он закивал, почувствовав облегчение от того, что она поняла его слова.

Анжела мгновение свирепо смотрела на него, прежде чем заговорить мягким голосом:

— То же говорила и Кэрри, когда ты развлекался с ножом, не так ли, Оуэн? Когда насиловал ее. Разве не это она тебе говорила? Не просила остановиться?

Он вскрикнул от болезненного понимания. Он мог подумать, что это месть за Кэрри. Анжела считала, это больше чем месть. Значительно больше. Это было правосудием. Не абстрактным правительственным правосудием, а человеческим правосудием.

Четким, холодным, непоколебимым правосудием.

— Нет никакой пощады, Оуэн. Никакой.

Анжела вонзила лезвие между ребрами, попав в левое легкое. Когда она извлекла нож, со свистом вышел воздух, и из раны с бульканьем хлынула кровь. Легкое схлопнулось.

— Ты извращенец, Оуэн. Чертов монстр, живущий среди нормальных людей. Тебе нельзя позволить жить, иначе ты будешь вредить невинным людям вроде Кэрри и или еще троих женщин, которых ты убил. Им ужасно не повезло, что ваши пути пересеклись. К сожалению для тебя, я тоже ненормальная. Ошибка природы. Может, я действительно вестник Божий, ниспосланный уничтожать чертовых извращенцев вроде тебя? Как думаешь, Оуэн? Похоже, у меня не может быть нормальной и счастливой жизни, как у других людей. Я предназначена не для нее, а для того, чтобы убивать психопатов, пока они не навредили кому-то еще. Что думаешь? Кажется, у меня есть врожденная способность притягивать психов. Я словно магнит для них. — Она улыбнулась. — Возможно, для этого я и существую. А может, я всего лишь ошибка природы. Понимаешь, о чем я, Оуэн? Ведь мне чертовски нравится весь этот ад. Я живу ради этого. Как и ты, Оуэн. Думаю, только парень вроде тебя может по-настоящему понять удовольствие, которое я получаю от чужих страданий, страха и крови, от убийства.

Оуэн судорожно хватал ртом воздух. Он потерял много крови. Свист и хрипы вырывались через ножевую рану в его легком.

По леденящему ужасу в его глазах она видела: он понял, что встретился с такой же чокнутой, как он сам. Он оказался на обратной стороне своей же монеты.

Анжела улыбнулась, воткнув лезвие ему в живот, разрезая мышечную ткань и кишки. Оуэн застыл, задержав дыхание, обездвиженный агонией. Слезы текли по его щекам.

Его теплая скользкая кровь все еще бежала по ее животу. Это было хорошо. Восхитительно. Она чувствовала себя живой.

Анжела была в своей стихии. Этот монстр был в ее власти, и она торчала от этого так же, как ее мать от наркотиков. Она не хотела, чтобы это заканчивалось.

Ее мать часто говорила ей, что, когда ты нюхаешь кокаин, ты живешь вечно. Анжела считала, что так ее мать пытается оправдаться. Но именно это Анжела сейчас чувствовала — будто она будет жить вечно.

Каждый синапс ее мозга работал на пределе, запоминая каждую деталь, чтобы она могла этим насладиться. Она хотела, чтобы это чувство длилось вечно. Совсем как ее мать, когда принимала наркотики.

Анжела всадила лезвие во всю длину в другое место. Оно вошло восхитительно мягко. Ее голова запрокинулась, а глаза закатились от экстаза. Она ощущала, как кончик клинка находит внутри него жизненно важное, чувствительное место.

По ее спине пробежала дрожь удовольствия.

Она опустила голову.

— У меня для тебя плохие новости, Оуэн, — прошептала она, снова вонзая лезвие, просто чтобы насладиться тем, как оно скользит сквозь его плоть, мышцы и внутренние органы. — Боюсь, ты не сможешь стать донором органов. У тебя не останется ничего, что можно отдать.

Оуэн рыдал в мучительной агонии. Впервые в жизни он испытывал ту беспомощность и страдания, которые причинял другим.

Убивать ножом — тяжело, грязно и утомительно. А еще опасно. Очень многие сильно ранят себя, используя нож для самозащиты или нападения. Требуется приложить большое усилие, а кровь скользкая. Чаще всего рука соскальзывает с рукояти, и лезвие режет ладонь и пальцы. И из-за силы удара раны обычно довольно глубокие.

Анжела хорошо это знала. На ее ноже была гарда, не дававшая руке соскользнуть на лезвие. Эта небольшая гарда создавала упор для костяшки правого указательного и большого пальцев. Она всегда помнила об осторожности, чтобы ненароком не порезаться, а гарда помогала защитить руки. Анжела знала, что делать, и делала это хорошо. Она ни разу не порезалась.

Оуэн бессвязно стонал и дрожал, а из глаз текли слезы.

— Кэрри плакала так же, да, Оуэн? Она не хотела страдать, испытывать боль, умирать, как не хочешь и ты сейчас. Верно, Оуэн? Единственное чертово различие в том, что она этого не заслужила. — Анжела стиснула зубы, провернув лезвие у него внутри. — А ты заслужил.

Он издал еще один слабый крик.

— Прямо сейчас, Оуэн, у тебя осталась лишь боль. — Анжела заглянула ему в глаза. — Но через боль приходит знание, постижение, понимание. Теперь, испытывая боль, ты можешь понять, каким монстром на самом деле являешься. — Она нахмурила брови. — Чертово злобное чудовище, которому нельзя жить среди порядочных людей. Правильно, Оуэн? Ты начинаешь понимать?

Оуэн закивал, рыдая. Она не была уверена, понял ли он хоть что-то из этого. На самом деле Анжеле было все равно.

Глава 7

Ей казалось, что это длится вечно, но на самом деле все произошло очень быстро. Время Оуэна истекало. Анжела осознавала, что ей нужно смириться, но не хотела, чтобы это заканчивалось.

Она воткнула нож в его другую почку, желая принести ему еще больше мучений. Невыносимая боль пробилась сквозь туман кровопотери, и его глаза расширились настолько, словно сейчас выскочат из орбит. Он безудержно дрожал — совсем как Кэрри и остальные его жертвы.

Оуэн больше не опасен ни для Анжелы, ни для кого-либо еще. Ни одна женщина не умрет, чтобы удовлетворить его извращенные желания. Ни одна семья не будет скорбеть и проходить через ад из-за Оуэна. Всегда будут такие, как он — убийцы всегда существовали и будут существовать, — но для Оуэна, приносящего в мир боль, ужас и страшное горе, пришел конец.

Анжела наконец встала и стащила с него изрезанную, пропитанную кровью рубашку. Он не мог больше оказывать сопротивление. Она подошла к ящику с инструментами в кузове, подняла крышку из рифленой стали и достала крепкую и длинную нейлоновую веревку. Девушка нашла ее на обочине и знала, что однажды находка пригодится. Сегодня настал этот день.

Опустившись на одно колено, она перевернула Оуэна на живот, и он плюхнулся в кровь, заполнявшую впадины кузова. Он походил на полумертвого карпа. Кровь капала с ее потрепанных шорт, стекая по ногам, и с кончиков волос.

— Так ты любишь поступать с женщинами, верно, Оуэн? Грубо и жестоко? Резать их, пока насилуешь, чтобы они кричали и метались? Тебе нравится это, да? Да?!

И хотя он как-то отреагировал, она была не уверена, слышит ли он ее или это просто непроизвольная реакция нервной системы. Она надеялась, где-то в мрачных глубинах ускользающего сознания еще осталась способность понять, что она говорит. Она надеялась, ее слова проведут его к смерти, будут с ним целую вечность в аду.

Все произошло быстро, он терял кровь из разорванной артерии на руке и других ножевых ранений, внешних и внутренних; она сомневалась, что он еще долго будет в сознании. Его кожа была холодной и бледной, поэтому она была уверена, что он в состоянии шока.

Анжела не верила, что существует травматологический центр, способный теперь спасти его жалкую задницу.

— Оуэн, чертов ублюдок, ты залил кровью весь мой грузовик, — она ударила его по ребрам, где была ножевая рана. — Истекай кровью, сколько угодно. Мне это нравится.

Поставив ноги по бокам его головы, Анжела двумя пальцами достала из заднего кармана шорт черный маркер. Она присела прямо на его голову, чтобы он не шевелился. Он закашлялся кровью, пытаясь дышать одним легким.

Наклонившись, Анжела начала писать на нижней части его грудной клетки: «Я УБИЛ КЭРРИ СТРАТТОН». Строчки специально шли снизу-вверх относительно его тела. «Я ОСТАВИЛ ЕЕ ТЕЛО В 320 ЯРДАХ ВВЕРХ ПО СЪЕЗДУ ПЕРЕД МОСТОМ». Последние слова оказались на лопатках.

Анжела откинулась, чтобы осмотреть свою работу. Ей показалось, надпись будет вполне различима с большого расстояния. Так как это был перманентный маркер, кровь, вытекающая из тела, не смоет слова. Как не смоет и дождь, если снова начнется.

Она наклонилась и пошарила в его заднем правом кармане. Из видений она знала, что он держал там нож, которым убивал женщин. Как только она выудила его, то увидела, что это дешевая китайская подделка большого складного охотничьего ножа фирмы *Buck*. Она открыла нож и потрогала грань лезвия. Оуэн плохо заботился о ноже. Лезвие было тупым и зазубренным.

Она использовала изогнутое острие, чтобы глубоко прорезать его плоть, обводя буквы: «Я УБИЛ КЭРРИ СТРАТТОН». Он постанывал с каждой линией, которую она выводила. Эти слова были важной частью. Остальные строчки она оставила черными. Она хотела быть уверенной, что останки Кэрри найдут. Это не принесет никакой радости ее семье, но они хоть смогут похоронить ее. Дело будет закрыто.

Анжела слезла с Оуэна, наклонилась и приблизила губы к его уху.

— Ладно, Оуэн, дело сделано. Прости, что я так быстро дошла до конца. В обычной ситуации я взяла бы тебя домой, чтобы веселье продолжалось несколько дней, пока я не превращу твой мозг в месиво, но мы с тобой в глуши посреди ночи, и мне придется закончить сейчас. Как я тебе и говорила, всегда может быть хуже. Ты легко отделался. Легче, чем Кэрри или другие убитые тобой женщины. Мне просто нужно поставить точку.

Анжела подобрала его рубашку и протерла рукоять ножа, избавляясь от отпечатков пальцев. Держа нож рубашкой, чтобы не добавить отпечатков, она положила лезвие на точку после: «Я УБИЛ КЭРРИ СТРАТТОН» и наклонилась, наваливаясь на рукоять. Тупое лезвие прошло между его ребер и вошло в сердце.

Анжела испытывала соблазн позволить ему истечь кровью, страдать в кошмарном состоянии между жизнью и смертью, пока не придет конец. Она знала, что пройдет

много времени, пока он не пересечет границу смерти. По правде говоря, она была немного удивлена, что он все еще жив. Но она не хотела оставлять даже мизерный шанс, что он назовет ее имя на последнем издыхании.

Когда нож поразил его сердце, из оставшегося легкого с бульканьем вырвался последний хриплый выдох.

Анжела оставила нож, которым он убил Кэрри, торчать из его спины, и запихнула окровавленную рубашку ему в задний карман. Она туго обвязала веревкой его лодыжку, а потом выпрыгнула из грузовика.

Она отбросила с лица волосы, а затем дернула веревку, проверяя узел. Анжела была вся в крови. Красные капли падали с ее волос, выглядящих именно так, как она покрасила их этим утром.

Анжела не хотела сейчас садиться в кабину пикапа и размазывать кровь по всему салону. Подобрав свой нож с пола кузова, она отправилась по тропе к ручью.

После того как она излила свой гнев на Оуэна, это была прекрасная мирная прогулка в освещенном луной лесу. Оуэн мертв. Мир был избавлен от убийцы.

Анжела села на круглый камень в маленьком ручейке и промыла свой нож в проточной воде, прежде чем отправить его в ножны на сапоге. Она плеснула воду на шнурки, вымывая кровь из трещин в коже. Замшевые сапоги никогда не станут прежними после того, как их намочили, но ей было все равно.

Анжела легла на спину в поток, позволяя холодной воде омыть разгоряченное тело. Хотя вода была холодной, девушка какое-то время лежала в ручье, глядя на сиявшую сквозь туман луну. Удивительно, что она не могла далеко видеть сквозь туман, когда вела машину, но сейчас смотрела прямо через его пелену и видела весь путь до луны.

Она перевернулась несколько раз, чтобы смыть кровь, насколько получится. Та капала с кончиков волос, поэтому она промыла их в проточной воде и стерла кровь с лица. В холодной воде это заняло некоторое время, но Анжела почти избавилась от крови. Большая ее часть даже смылась с ее шорт и топа. Ей стало жаль. Горячая кровь на теле вызывала упоение.

Только покрывшись кровью монстра вроде Оуэна, Анжела чувствовала себя действительно живой.

Достаточно отмывшись, она вернулась к грузовику и выехала задним ходом со съезда. Достигнув дороги, она крутанула руль и въехала на мост, остановившись в центре под углом. Одна из стальных балок уперлась в борт кузова.

Когда она обошла грузовик сзади, Оуэн, конечно же, был не более чем свежим трупом. И хотя все было кончено, ее все еще наполняла ярость. Злость нужна была ей для заключительного действия.

Она привязала веревку к стальному поручню, а затем запрыгнула в кузов. Густая кровь выплеснулась через край, когда ее движение качнуло грузовик. Она стояла над сраженным монстром, по-прежнему видя образы того, что Оуэн делал с Кэрри и другими женщинами. Она радовалась его мучительной смерти и хотела бы, чтобы все это продлилось подольше.

Анжела позволила мыслям о том, как он наслаждается пытками и убийством невинных женщин, наполнить ее гневом. Эта ярость придала сил ее мышцам.

Оуэн был крупным мужчиной, и теперь превратился в большую мертвую тушу. Свежие трупы тяжелые, и с ними очень трудно справиться. Анжела была недостаточно сильна, чтобы поднять такой вес. Даже перетащить его на очень маленькое расстояние было почти невозможно. Она научилась убивать людей там, где собира-

лась бросить тело, потому что после их смерти не могла переместить труп далеко.

Скользкая кровь помогла ей подтащить Оуэна к краю кузова. Она тянула, пока не смогла перевернуть его так, чтобы голова свисала с бортика.

Она поставила сапог на его задницу и одним мощным движением столкнула его с кузова. Оуэн устремился за край моста.

Анжела стояла в кузове, держась за стальную балку моста и глядя, как Оуэн падает в освещенную луной тьму. Веревка скрипела от напряжения, но держалась. Оуэн болтался вверх-вниз на конце веревки, вращаясь и размахивая руками как мускулистая балерина. Наконец, он неподвижно повис на привязанной к лодыжке веревке.

Тело слегка покачивалось над шоссе. Длина веревки не позволяла машинам врезаться в него, но все точно заметят мужчину: одна нога неуклюже болталась, из открытой ширинки свисали гениталии, руки раскачивались, а из спины торчал нож, как знак того, что он признает вину и сообщает, где бросил тело Кэрри.

Анжела испачкала в крови руки и сапоги, пока таскала Оуэна, поэтому она подошла к луже на обочине и прополоскала в ней обувь, а потом присела на корточки и помыла руки.

Она стряхнула с рук воду и села в кабину грузовика. Шорты и топ насквозь промокли, но, по крайней мере, на обивку попадет вода, а не кровь Оуэна.

Она повернула ключ, и мощный двигатель ожил.

Она также почувствовала и свою мощь.

Глава 8

Когда Анжела добралась до поворота на длинную и извилистую подъездную дорожку своего домика в горах, обогреватель грузовика согрел ее и почти высушил. Она подъехала к разрыву в ограждении из колючей проволоки.

Забор и запрещающие вход знаки должны были скорее отпугивать людей, чем охранять собственность. Кто-нибудь настойчивый мог бы перерезать проволоку кусачками, но высота ограждения недвусмысленно намекала на серьезность запрещающих знаков.

Анжела остановила грузовик, вышла и открыла висячий замок на железном тросе. На тросе была закреплена табличка: белый череп и скрещенные кости на черном фоне, а под ними надпись «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Табличка бросалась в глаза и выглядела совсем не легкомысленно. Анжела заехала на территорию, снова остановилась и натянула трос через проход, закрыв замок. Она, как и ее бабушка с дедушкой, не любила посетителей.

Анжела проехала полмили по извилистой однополосной дороге, которая шла мимо луга, а затем снова ныряла в густой лес. Наконец, показался кирпичный домик между сосен, растущих на крутой скале, которая словно обнимала дом. Маленькое, накренившееся строение выглядело жутковато в бледном и мутном лунном свете. Анжеле это нравилось.

Большинство местных боялось этого места. В прошлом с нарушителями границ происходили «несчастные случаи».

Ее дед и бабушка, Вито и Габриэлла Константайн, построили домик в глуши, но он не походил на охотничьи хижины из бревен и досок, стоявшие посреди леса.

Охота была запрещена в заповеднике вокруг их владений, и много лет назад ее дедушка с бабушкой развесили знаки, запрещающие охоту.

Хотя дом был построен из кирпича, они называли его своей хижиной — так местные называли все жилища в лесу. Прочный маленький домик действительно был их убежищем, их вторым домом.

Вито Константайн был каменщиком и главой профсоюза. Он помогал строить многие старые крупные заводы в Милфорд Фоллз, которые теперь стояли с разбитыми окнами и изрисованными граффити стенами. На скопленные за жизнь деньги он купил коммерчески невыгодный участок заброшенной земли площадью шестьдесят акров и построил свою хижину в расщелине между горами.

Огромный заповедник был основан состоятельным владельцем завода в те времена, когда он не знал, куда девать свои деньги, и эти каменистые земли можно было купить за бесценок. У него был грандиозный замысел привести здесь все в порядок и передать земли Службе Парков, но после закрытия заводов он уехал и потерял интерес к проекту. Заповедник остался нетронутым и сейчас находился под управлением небольшого траста, учрежденного фабрикантом. Впрочем, за заповедником почти не ухаживали.

Егеря и офицеры полиции в основном следили за тем, чтобы люди не охотились и не вырубали деревья в заповеднике. А раз охота попала под запрет, то огромная территория была оставлена без внимания и забыта.

По какой-то причине шестьдесят акров ее дедушки и бабушки не были включены в земли заповедника. Поскольку этот участок был столь изолированным, они смогли купить его по вполне приемлемой цене. Как толь-

ко дед приобрел землю, он сделал то, что умел лучше всего: построил из кирпича хижину, как он ее называл.

Он не был крупным мужчиной, но работа каменщиком сделала его мускулистым и сильным. Вито Константайна можно было назвать мягким человеком, но он обладал негласным авторитетом. Люди интуитивно понимали, что ему не стоит перечить.

Поскольку проходившая мимо дорога не вела в большой город, люди в этих краях появлялись редко. Однажды двое парней проигнорировали запретные знаки, и это привело к сломанным костям и потере памяти. На допросе в полиции они могли лишь вспомнить, что упали с лестницы.

С годами у Вито сложилась репутация росомахи, словно наложившая заклятье на его имущество, и даже после его смерти люди продолжали избегать «жилища Константайнов». Запрет охоты тоже способствовал тому, чтобы люди не появлялись здесь — припаркованные у дороги автомобили легко мог заметить шериф или егерь.

Их участок располагался на отшибе от Милфорд Фоллз и больше походил на тупик, лишая людей повода бывать там. Это одна из причин, по которой местоположение нравилось бабушке и дедушке Анжелы, а также ей самой.

Девушка припарковалась на обочине, заглушила двигатель и несколько минут сидела с закрытыми глазами, наслаждаясь тишиной и лесным уединением хижины. Потом она подошла к дому и размотала садовый шланг. Опустив откидной борт, она запрыгнула в кузов грузовика. Анжела сперва промыла шнурки на обуви, а потом принялась за углы и щели кузова, вымывая кровь. Она продолжала поливать кузов, пока вытекавшая вода не стала прозрачной.

Закончив, она отперла тяжелую дубовую дверь домика и вошла в свое небольшое жилище. Она оказалась в гостиной с дровяной печью. Слева за гостиной была кухня, а справа — спальня и ванная. В скромном домике было все, что требовалось ее бабушке с дедушкой, а теперь и самой Анжеле. Ей нравились уют и уединенность хижины.

Между ванной и гостиной располагалась дверь, ведущая в подвал, — самое интересное помещение в доме, по мнению Анжелы.

В глубине дома, между кухней и спальней, находилась небольшая прихожая перед черным входом. Анжела открыла верхний ящик в прихожей и достала большую канистру отбеливателя.

Вернувшись к грузовику, она расплескала отбеливатель по всему кузову, заливая его в углы и швы, пока канистра не опустела. Она выбросила канистру, взяла шланг и снова тщательно вымыла кузов грузовика.

Анжела неплохо разбиралась в криминалистике и понимала, что очень многого не знает и не узнает никогда. Она не питала иллюзий относительно того, что она умнее полиции или может скрыть убийство так, что о нем никогда не узнают. Она знала, что есть эксперты, которые могут получить улики непостижимыми для нее способами. Ей приходилось идти на этот риск.

Ее единственной мерой предосторожности было вести себя максимально осмотрительно и оставаться незаметной. Она делала все возможное, чтобы не выделяться, не ввязывалась в неприятности и избегала представителей власти. Тело Оуэна было единственным, которое она оставила так, чтобы его нашли. Она надеялась, что как только полицейские обнаружат тело Кэрри, они сосредоточатся на убитых Оуэном женщинах, а не на его убийце.

Анжела знала, что если появится повод внимательно изучить ее связь со смертями, эксперты наверняка смогут найти то, что разоблачит ее. Поэтому она делала все возможное, чтобы не оставлять улик и никак не привлекать внимания.

Она не хотела быть иглой в стоге сена; ее больше устраивало быть иглой в бескрайнем лесу. У нее не было друзей, она ни с кем не общалась, поэтому люди, как правило, знали о ней не более того, что она позволяла увидеть.

Очистив кузов от крови, насколько это было возможно, она взяла тряпку и распылитель с чистящим средством и стала протирать грузовик изнутри, избавляясь от отпечатков пальцев, которые мог оставить Оуэн. Она вымыла дверь во всех местах, где он мог коснуться ее, когда садился или выходил, а также откидной борт и боковины кузова.

Анжела знала, что полиция в конечном счете появится с фотографией Оуэна и спросит, не заходил ли тот в бар. Она скажет им правду: что он заходил. Они захотят узнать, что он говорил. Она скажет им правду: что Оуэн набросился на нее и хотел, чтобы она поехала с ним в мотель; что она отказалась, и он ушел, допив последний бокал. Барри подтвердит все, что она скажет полиции.

Оуэн долго ждал у грузовика, и она не знала, до чего он мог дотронуться. Если полиция обнаружит его отпечатки на грузовике, она может сказать, что Оуэн пытался проникнуть в машину. Откуда ей знать? Она работала в баре, а затем убиралась после закрытия. До тех пор, пока они не найдут отпечатки в салоне грузовика, не будет причин подробно расспрашивать Анжелу.

Это был ее ключ к выживанию — не давать властям поводы взглянуть на нее дважды.

Она трудилась над грузовиком, пока не удостоверилась, что ни на одной поверхности салона нет отпечатков Оуэна.

Девушка вздохнула, встряхнув тряпку и закинув ее на плечо. Это был долгий день. Она чувствовала облегчение, находясь в своей лесной хижине, вдали от людей.

Когда Анжела была маленькой, она нередко оставалась у бабушки с дедушкой — либо в их городском доме, либо, что чаще, в хижине. Городской дом стоял на небольшом участке рядом с другими точно такими же домами. Анжеле было хорошо с бабушкой и дедушкой где угодно, но больше всего ей нравилось в хижине, вокруг которой не было других людей, а были бесконечные леса, где можно было бродить.

В раннем детстве Анжелы ее мать Салли не сильно волновалась, что с девочкой часто сидят бабушка и дедушка. Большую часть времени Салли была под кайфом и даже не замечала, что Анжелы нет. Мать редко приглядывала за ней. Но бабушка и дедушка заботились об Анжеле и всегда знали, где она — или где должна быть. Они считай вырастили ее.

Мать Анжелы не волновало ничего, кроме кайфа. Ей было все равно, какие курить сигареты, какое пить пиво или спиртное, с кем спать. То же самое было с наркотиками. Она принимала кокаин задолго до рождения Анжелы, а когда метамфетамин стал легкодоступным и дешевым, она принялась и за него. Салли нюхала, курила и колола почти все подряд, но мет стал ее любимым наркотиком. Впрочем, она с радостью принимала кокаин, если могла его достать.

Она находилась в наркотическом опьянении днями. После трех-четырех дней кайфа она курила травку, чтобы отпустило, и она могла уснуть. Периодически она упо-

требляла героин, чтобы расслабиться и заснуть. Но затем она могла подсесть на героин.

Полиция много раз бывала в их трейлере, и нередко их визит заканчивался арестом Салли и нескольких ее гостей. Салли почти никогда не проводила в тюрьме больше одной ночи. Вито всегда отказывался вытаскивать ее из-за решетки, но приходил забрать Анжелу. Салли всегда находила способ выбраться — с нее либо снимали обвинения, либо давали условный срок.

Периодически она подсаживалась на героин и несколько раз попадала в неотложку с передозом. Иногда именно Анжела звонила на 911. Каждый раз в больнице Салли возвращали к жизни.

Чтобы не попасть в тюрьму, мать Анжелы отправлялась в рехаб и после выхода переставала принимать героин, но практически сразу возвращалась к мету. Анжела не хотела, чтобы ее мать умерла, но думала о том, что, если это произойдет, она могла бы жить с дедушкой и бабушкой, вдали от друзей Салли.

В гостиной трейлера всегда было полно людей: бойфренды ее матери и незнакомцы — в основном мужчины, — которые нюхали порошки с зеркала на кофейном столике, курили крэк или кололись. Салли предпочитала жить в дурмане.

Нередко из-за этого у Анжелы были проблемы. Зависавшие у них дома люди предлагали ей наркотики, подбивая попробовать то или иное, а затем смеялись, когда Анжела свирепо смотрела на них по пути в убежище своей спальни.

Салли не работала. Она жила на социальное пособие, пособие по уходу за ребенком, талоны на питание и выплаты по другим программам помощи. Она получала необходимые ей иглы по программе «чистой иглы». Люди, приходившие в трейлерный парк, раздавали их как кон-

феты на Хэллоуин. Если у Салли не было денег на покупку наркотиков, ее «друзья» мужского пола, постоянно сменявшиеся парни или дилер всегда были готовы обеспечить ее наркотиками в обмен на секс. Не раз Анжела, выглянув из своей спальни, видела нескольких обнаженных мужчин, выходивших из комнаты матери.

Анжела знала, что ее отцом был один из этих мерзавцев или любой другой мужчина вроде них. Но никто не знал, кто именно. Эта тема обсуждалась редко — не потому, что считалась постыдной, а потому, что узнать это было невозможно, да и никому не нужно.

Иногда, лежа под одеялом в своей постели, она слышала, как они выпивают с Салли в гостиной и шутят о том, на кого похожа Анжела. Они никогда не приходили к согласию. Кто-то выкрикивал имя, и все смеялись или стонали «Ни за что!». Отец Анжелы был одним из случайных парней-наркоманов, или их приятелей при деньгах, или каким-нибудь сомнительным наркодилером, с которым ее мать переспала за дозу мета.

Совместное времяпрепровождение двух неблагополучных неуравновешенных психопатов привело к беременности.

Семя, посеянное в этом союзе дегенератов, росло и развивалось в непрерывной смеси из наркотиков и алкоголя.

В результате родилась Анжела — урод.

Глава 9

Бабушка и дедушка Анжелы не одобряли образ жизни своей дочери, но после долгих лет тщетных попыток исправить ее пришли к выводу, что здесь уже ничего не

поделать. Салли отказывалась от советов и помощи, вопя во всю глотку, что с ней все в порядке и у нее все под контролем. Она говорила, это ее жизнь, и живет она так, как хочет.

Анжела знала, что Салли чокнутая.

Иногда люди просто тупые, и это никак не исправить.

Анжела любила свою мать, но так часто разочаровывалась в ней, что предпочла любить ее на расстоянии, изредка улыбаясь и обнимаясь с ней — и представляя, каково иметь настоящую мать.

В то же время, Анжела обожала дедушку с бабушкой. Больше всего она любила находиться рядом с ними. Они олицетворяли для нее стабильность, безопасность и безусловную любовь.

Зачастую она боялась людей, слонявшихся вокруг их трейлера. Анжела терпеть не могла находиться в доме, когда ее матери не было или она была без сознания — либо занималась сексом, — а рядом были чужие люди. Бабушка с дедушкой были ее спасением от той вездесущей смутной угрозы.

Когда она только вошла в подростковый возраст, Фрэнки — более-менее стабильный дилер и парень ее матери — начал терять интерес к сексу с Салли в обмен на дурь. Наркотики и алкоголь стерли привлекательность Салли, и Фрэнки заинтересовался Анжелой.

Когда это произошло впервые, все оказалось именно так, как в кошмарах Анжелы. Она жила в постоянном страхе того, что эти мужчины могут с ней сделать, и вот однажды ночью Салли потеряла сознание, и Фрэнки направился в спальню девочки.

Как и Салли, Фрэнки был совсем тощим. Оставшиеся у него зубы были желтыми и гнили. Под действием мета он улыбался как сама смерть, стаскивая с нее одежду. Он

предупредил ее о том, что произойдет, если она не будет вести себя тихо. Анжела неплохо знала Фрэнки и понимала, что его угрозы реальны. Он облапал Анжелу, а затем обнажил свое костлявое тело. Ей казалось, будто ее насилует смерть, снявшая свой черный плащ.

Приставив нож к лицу девочки, Фрэнки силой вошел в нее. Закончив, он наклонился к Анжеле и прошептал, что, если она скажет об этом хоть кому-нибудь, он заживо сдерет кожу и с нее, и с Салли. И Анжела ему поверила.

Хотя она не была близка с матерью и не понимала, почему ту словно не заботит благополучие дочери или ее самой, Анжела не хотела, чтобы Салли причиняли боль или убили.

Она жутко боялась, что Фрэнки ее прирежет. Анжела знала, что он на это способен. В конце концов, он только что изнасиловал ее.

Вместо того чтобы сразу уйти, он некоторое время сидел на краю кровати, поглаживая ее волосы и шепча, какой она была горячей. Вскоре у него снова встал, и он взгромоздился на Анжелу. Она умоляла его остановиться, но Фрэнки велел ей заткнуться, иначе он перережет ей горло.

Она плакала как можно тише, пока он насиловал ее. Она прикусила щеку изнутри, чтобы отвлечься от боли. Анжела потеряла счет времени, пока он часами имел ее в спальне трейлера.

Когда все закончилось, она тихо лежала, пока не услышала, как дверь трейлера с шумом захлопнулась. Фрэнки наконец-то ушел. В трейлере больше никого не было, кроме ее матери. Анжела дрожала в кровати, пока не набралась смелости пойти в комнату матери. Салли раскинулась на мятой кровати почти без сознания; повсюду была разбросана грязная одежда. Анжела потрясла

мать за руку, чтобы разбудить ее. Салли что-то невнятно бормотала.

Анжела догадалась, что Фрэнки дал ее матери дополнительную дозу наркоты, чтобы та не помешала ему. Несмотря на угрозы Фрэнки, возмущение Анжелы пересилило страх. Он уже причинил ей боль. Он уже пролил ее кровь.

Она встряхнула мать сильнее, плача и рассказывая, что Фрэнки ее изнасиловал. В ответ Салли пренебрежительно что-то пробормотала и снова погрузилась в забытье.

Анжела перестала плакать, рассердившись на себя за мысли о том, что матери есть до нее дело и она что-то предпримет. Что бы сделала мать? Что она могла? Анжела знала ответ. Ничего.

Она вышла в гостиную и позвонила бабушке с дедушкой, опять глотая слезы. Она спросила, смогут ли они забрать ее, хотя утром ей нужно было идти в школу. По ее голосу они поняли, что что-то не так. Когда они приехали, то будто вызволили ее из глубин ада. Ей было стыдно говорить об этом, но в машине Анжела рассказала, что Фрэнки ее изнасиловал.

Дед отвез их в хижину, велел Габриэлле позаботиться об Анжеле, а сам уехал, сославшись на срочное дело. Она была напугана, растеряна и измучена, но испытала самое прекрасное чувство на свете, оказавшись в безопасной хижине вместе с бабушкой.

Габриэлла помогла ей помыться и мягко расспросила, а потом напоила Анжелу чаем, от которого захотелось спать. Бабушка отвела ее в их с дедушкой спальню и уложила в постель, а сама легла рядом и всю ночь обнимала внучку.

Вито, приехавший домой поздно ночью, лег спать на раскладном диване в гостиной, на котором обычно спала

Анжела. Следующие несколько ночей Анжела и Габриэлла опять спали на кровати в спальне, а Вито в гостиной.

Анжеле нравилось находиться с ними в безопасной хижине. Она не спрашивала, куда дед ездил той ночью и что делал. Она не хотела этого знать. Было важно лишь то, что они спасли ее.

Впоследствии Салли упомянула при Вито о том, что ее друг Фрэнки пропал, и подозрительно посмотрела на отца. Это был немой вопрос. Он высказал предположение о том, что Фрэнки отправился прямиком в ад. Салли не поняла, что это значит, но она боялась отца, поэтому не стала расспрашивать. Получая материальную помощь от государства и зарабатывая сексом наркоту у дилеров и их друзей, она быстро вернулась в состояние забытья. Нашлись другие мужчины, и вскоре Фрэнки был забыт.

Но Анжела никогда его не забывала.

С тех пор как она стала достаточно взрослой, чтобы позаботиться о себе самостоятельно, мать постепенно делала из нее прислугу. По будням, после школы, она стирала, готовила и была на побегушках у матери.

Салли могла сказать своим друзьям: «Пойдите и приведите девочку с луны. Она в своей комнате. Скажите, что она мне нужна». Или: «Пойди и скажи девочке с луны сбегать за сигаретами». Или: «Скажи девочке с луны, чтобы она приготовила поесть». Или: «Скажи девочке с луны принести пива». Анжела никогда не понимала, почему мать называет ее девочкой с луны. Она предполагала, что это какое-то издевательство.

Анжела знала, что Салли все больше и больше завидует тому, что ее дочь превращается в женщину, становится длинноногой и женственной, в то время как соблазнительная красота Салли сменилась худобой и костлявостью. Часть зубов выпала, а оставшиеся были по-

желтевшими и гнилыми. Кожа была покрыта струпьями и шрамами, а на руках виднелись следы от игл. В бесконечных вечеринках и поисках кайфа Салли, сама того не осознавая, утратила привлекательность и сексуальность.

Анжела становилась такой, какой ее мать больше не была.

Глава 10

И хотя Фрэнки больше не было рядом, Анжела всячески избегала пребывания в трейлере. Она боялась, что ее изнасилует другой отморозок. Некоторые из них пугали ее, и ей не нравилось, что они все чаще пялятся на нее. Она знала, чего они хотят. Того же, что и Фрэнки.

Некоторые из слонявшихся вокруг мужчин были вполне нормальными, но большинство, как новый бойфренд Салли, байкер по имени Боска, были просто психами.

Хуже того, выпивка обостряла их жестокость. Когда Боска был пьян, иной раз он ругался с Салли и в итоге избивал ее. Это всегда приводило Анжелу в ужас. Закончив с матерью, Боска в гневе покидал их трейлер. Анжела приводила мать в порядок, обрабатывала раны антисептиком и перевязывала их. Звонить в полицию мать всегда отказывалась. Она говорила, что сама во всем виновата, а Боска хороший человек; затем она нюхала кокаин или курила мет, который он ей оставил.

Не раз в их доме происходили кровавые драки между выпившими мужчинами, и нередко они продолжали на улице, а люди стояли вокруг и смотрели, но почти никогда не пытались вмешаться. Однажды во время драки

кто-то достал нож, и одного человека ранили. Соседи часто вызывали полицию.

Анжела по возможности проводила все свое время у дедушки с бабушкой. Они разительно отличались от ее матери, были ее покровителями, разумными и надежными.

Если Анжела была дома и там начиналась вечеринка, она старалась уйти на улицу, чтобы бродить по магазинам или засиживаться в укромных переулках, наблюдая за звездами и алкашами. К счастью, ее длинные ноги позволяли легко убежать от них, если придется.

Иногда мать уходила с друзьями на всю ночь. Тогда Анжела стирала белье, вытряхивала пепельницы, собирала пивные банки и использованные иглы. Иной раз они могли уйти на несколько дней, оставив Анжелу задаваться вопросом, увидит ли она снова свою мать, но та всегда возвращалась, выглядя опустошенной.

После случая с Фрэнки Анжела бывала у дедушки с бабушкой при любой возможности. Бабушке не нравилось, что Анжела находится в трейлере тогда, когда Салли принимает наркотики. Поскольку ее мать была наркозависимой, это происходило бóльшую часть времени. Она редко оставалась в трезвом состоянии надолго. Трезвая Салли была отъявленной стервой — скандальной и агрессивной.

Салли не одобряла, что Анжела остается у ее родителей. Она считала это прямым порицанием своего образа жизни. Когда она была достаточно трезвая, то настаивала на том, чтобы Анжела оставалась дома в будние дни, когда нужно было идти в школу. Анжела знала, что Салли поступает так назло.

Ее бабушка и дедушка обсуждали возможность взять опекунство над Анжелой, чтобы она перебралась к ним насовсем. Полиция часто появлялась в трейлере и аре-

стовывала Салли, а Анжелу передавали дедушке с бабушкой, пока мать не протрезвеет или не выйдет на свободу, поэтому отношения Салли с органами опеки были сложными. Анжела была в восторге от мысли переехать к бабушке и деду. С ними ее страхи улетучивались.

Она нежно любила Габриэллу и боготворила Вито. Одевшись с утра, но еще не обувшись, он позволял ей пойти с ним в ванную и посмотреть, как он бреется. Она с восхищением наблюдала, как он намазывает пену, а потом осторожно и размеренно проводит по коже бритвой, по одной и той же схеме каждый раз. Иногда он рассказывал ей забавные случаи с работы, произошедшие до его выхода на пенсию. После бритья он наносил на кожу немного лосьона. Анжеле нравился этот запах. Запах дедушки.

Затем она шла за ним в спальню и смотрела, как он обувает большие и тяжелые рабочие сапоги с рельефной подошвой. Ей нравились эти сапоги, потому что они были частью него. Эти сапоги принадлежали сильному и надежному человеку.

Иногда она забегала в спальню раньше него, совала ноги прямо в туфлях в эти большие рабочие сапоги и топала по комнате, дурачась и подражая деду, заставляя его смеяться. Бывало, он щекотал ее, чтобы вернуть обувь, и просил ее никогда не взрослеть. Анжела не могла понять, почему ее мать закатывает глаза при упоминании дедушки или бабушки.

Однажды они взяли ее в секонд-хэнд, чтобы купить одежду, которую можно было бы надеть на рыбалку или на прогулку по окрестным горам. Блуждая по магазину, Анжела заметила пару почти новых сапог, похожих на сапоги ее деда. Она захотела эти сапоги сильнее, чем что-либо еще. Бабушка сказала, что это неподходящая обувь для красивой молодой леди, но Анжела ответила, что они

идеальны для прогулок по лесам и горам. Бабушка все равно продолжила поиски джинсов, рубашек и свитеров для школы. По пути к кассе Вито улыбнулся Анжеле и взял сапоги.

Анжела носила их постоянно — не только в хижине, но и в школу. Другие девочки высмеивали ее за то, что она носит рабочие сапоги, а не изящные туфли, но Анжеле было все равно, что они говорят и думают о ней. Она носила сапоги, поскольку они ей нравились. Она считала, что короткая юбка хорошо сочетается с ними. Они были хороши не только для леса, но и для прогулки домой из школы в плохую погоду. Они стали частью нее, как сапоги ее дедушки были частью него.

Анжела отличалась от других детей не только обувью и манерой одеваться. Она думала не так, как они. Ее не заботили детские темы, которые были им интересны.

Она отказывалась от наркотиков и алкоголя, но другие подростки как раз начинали их принимать, и это делало Анжелу объектом насмешек. Возможно, ее мать начинала так же, как они. Анжела видела, чем это закончится, и не хотела в этом участвовать.

У нее в жизни были более важные вещи. У нее были бабушка, дедушка и их хижина. Были лесные тропы, горы и озера, в которых можно ловить рыбу. Иной раз самым лучшим занятием было пускание «блинчиков» по зеркальной глади озера.

Девочки в школе часто называли ее уродкой, помимо всего прочего. Когда до этого доходило, она не могла с ними спорить. Она была отродьем. Она родилась уродом. Ей не нравилось, когда ее обзывали, но она не видела смысла драться из-за этого. Другие девочки раздражались куда больше нее, когда она не реагировала на их насмешки.

Она явно отличалась от них тем, чего они не могли полностью понять, и другие дети опасались ее, поэтому дальше обзывательств дело заходило редко. Пару раз девочка, подстрекаемая друзьями, начинала с ней драку. Если они дергали ее за одежду, Анжела отвечала ударом. Если ее толкали один раз, Анжела толкала в ответ трижды. Если тянули за волосы, она сбивала обидчика с ног. Но до увечий никогда не доходило, в основном потому, что этого было достаточно, чтобы остановить их, а если они прекращали, то прекращала и Анжела.

Такие стычки только прибавляли слухов, что Анжелу лучше не злить. Девочки обзывались и издевались над ней потому, что все больше завидовали ее внешности, ведь мальчики, которые им нравились, стали обращать внимание на Анжелу. Она игнорировала как мальчиков, так и девочек, но это не охлаждало их пыл, а лишь еще больше подогревало интерес к ней. По крайней мере, мальчишки ее не обзывали.

Однажды, когда она возвращалась из школы, три девушки из старших классов остановили ее на парковке у винного магазина, которая была на пути к трейлерному парку. Это были не привычные ей одноклассницы, которые смеялись над ней, шепотом обзывали или даже дергали за волосы и убегали.

Эта троица была на голову выше Анжелы. Она узнала популярных девушек, которые нравились спортсменам в школе. У них была идеальная одежда, идеальные волосы и ногти. Они смеялись над Анжелой, называя нищебродкой, и указывали пальцем на ее сапоги. Такие же, как у деда.

Анжелу мало беспокоили насмешки — к этому она привыкла, — и она не хотела ввязываться в драку с рослыми девицами. Не поднимая головы, она попыталась прошмыгнуть мимо них.

Самая высокая из троицы шагнула к ней и неожиданно ударила в живот. Это не был типичный девчачий удар, к которым Анжела привыкла. Это был удар в полную силу девушки старше нее, которая хотела причинить боль.

От удара Анжела отшатнулась и опустилась на грязный асфальт, согнувшись от боли. Широко раскрыв рот, она хватала воздух, но не могла вдохнуть. Мир вращался вокруг нее, и ей пришлось опереться на одну руку. Ее вырвало. Все это время они смеялись над ней и обзывали уродиной.

Потом ударившая ее девушка пнула Анжелу по ребрам и крикнула двум другим:

— Отмудохаем ее хорошенько!

Внутри что-то щелкнуло. Анжела поднялась, одновременно разворачиваясь и замахиваясь ногой. Она изо всех сил впечатала сапог в лицо нападавшей девушки. Она почувствовала, как ломается кость. Кровь брызнула на двух других.

Девушка жестко приземлилась на асфальт и потеряла сознание. Две другие склонились над подругой, лежащей на разбитом асфальте среди окурков и мусора. Пока они истерично кричали и плакали, Анжела просто отряхнулась и пошла домой.

Глава 11

На следующий день в школе Анжелу забрали с урока, отвели в кабинет директора и усадили на стул в приемной. К ней вышел директор, мистер Эриксон, и сказал, что ее мать не берет трубку. Анжела не удивилась. Мать обычно не отвечала на звонки, если только не хотела до-

стать наркоты. Если она уже это сделала, то вряд ли даже услышит телефон.

Мистер Эриксон навис над ней, уперев кулаки в бедра, и спросил, кому еще можно позвонить, чтобы вызвать в школу. Анжела совсем не хотела впутывать в это дедушку с бабушкой или чтобы они узнали об ее неприятностях, но она больше никого не знала, поэтому все же дала директору их номер. Анжела сидела одна у кабинета мистера Эриксона, пока не появился ее дедушка.

Он не успел ничего сказать Анжеле, потому что спокойная женщина тут же проводила их обоих в кабинет директора и закрыла за ними дверь. Они сели на деревянные стулья перед потертым столом директора. Мистер Эриксон хмурился, барабаня пальцами по столу.

— Вы мистер Константайн? Дед Анжелы?

— Верно. Что она сделала?

Мистер Эриксон неодобрительно глянул на Анжелу, а потом снова переключил внимание на ее деда.

— Из-за нее девочка попала в больницу, вот что она сделала. Сломала лицевые кости. Пострадавшей понадобится хирургическое вмешательство.

Дед повернулся к Анжеле и молча посмотрел на нее. Слова были не нужны. Анжела понимала, что значит этот взгляд.

— Когда я шла домой, меня остановили три девочки постарше. Это было на парковке винного магазина на Барлоу-стрит, — сказала она дедушке. — Они обзывали меня. Я попыталась уйти, но самая высокая ударила меня в живот. От боли меня стошнило. Пока я лежала на земле, она ударила в бок. Я слышала, как она предлагала двум другим избить меня. Я поняла, что сейчас мне сильно достанется, и я ничего не смогу противопоставить. Поэтому вскочила и со всех сил ударила ногой в

лицо напавшей девочки. Она упала. Было много суматохи и криков. Я ушла домой.

Дед кивнул, удовлетворенный таким ответом, и повернулся к директору.

— Что мы здесь делаем? Вы вызвали нас, чтобы мы выдвинули обвинения против этих трех девочек?

Директор удивленно приподнял брови:

— Мистер Константайн, Анжела травмировала бедняжку так сильно, что той потребовалась госпитализация. Мы исключаем Анжелу из школы.

Дед нахмурился:

— Исключаете? Почему? Вы слышали ее. Она защищалась. Если бы она не дала отпор, то эта троица могла отправить в больницу саму Анжелу, а то и хуже.

— Мистер Константайн, мы здесь не терпим насилия.

— Насилие? Это не насилие, — спокойно сказал дед, — а самозащита.

Мистер Эриксон откинулся на спину и скрестил пальцы на своем пухлом животе.

— Из-за Анжелы та девочка в больнице. Мы просто не можем закрыть на это глаза. Вот почему ее исключают.

— Трех других девочек тоже исключают?

Директор смутился:

— Нет, разумеется. Зачем? Как вы не понимаете? Это Анжела их покалечила. Во всяком случае, одну из них.

Лицо Вито помрачнело.

— Итак, вы защищаете жестоких девочек, напавших на Анжелу, а ее наказываете за то, что она стала их жертвой.

— Нет, это не совсем...

— Вы когда-нибудь видели, как чья-нибудь голова раскалывается, словно дыня, упавшая на бетон?

— Пожалуй, нет. — Директор побледнел. — Но к чему это...

— Я шестнадцать лет был ответственным за технику безопасности в профсоюзе. Мы целыми днями работали на бетонном покрытии. Однажды я видел, как подсобный рабочий поскользнулся и упал на спину, ударившись затылком о бордюр. У него был проломлен череп, и он провел две недели на ИВЛ, а потом его семья приняла решение отключить его. Я был там, когда его сердце перестало биться. Я проследил за тем, чтобы в правилах появился пункт о том, что каждый обязан находиться на строительной площадке в защитной каске — не только бетонщики и каменщики, а вообще все. Напавшие на Анжелу девочки могли сбить ее с ног, и она могла удариться головой о бордюр на парковке. Могла остаться инвалидом до конца жизни или умереть.

— Ну, шансы на это...

— Взгляните на нее. Посмотрите, какая она худенькая. Если более крупный и сильный человек ударит такую девочку в живот, он может разорвать артерию, может открыться внутреннее кровотечение и она умрет в муках. Удар в живот мог нанести серьезные повреждения. Это уже не одноклассница, которая дергает за волосы или бросается бумажными комочками, это был человек намного крупнее нее — все трое, — явно намеревавшийся причинить боль. Анжела не собиралась их калечить, а лишь пыталась вырваться. На нее напали, и она защищалась.

— Но насилие в любом виде строго... — снова начал мистер Эриксон заученную фразу.

Вито скрестил руки на груди:

— Так в вашей школе защищают хулиганов? Вы считаете, Анжела не должна была защищаться? Должна была позволить, чтобы ей причинили боль, сильно ранили, а может даже и убили? Таков должен был быть итог?

— Думаю, вы не понимаете... — Директор явно ожидал раскаяния и был раздражен иной реакцией.

— А я думаю, вы должны хорошенько поразмыслить, какой вред может принести ваше решение и какой посыл оно несет для других хулиганов и их жертв.

У деда Анжелы был пугающий взгляд, под стать голосу. Даже не повышая голоса, он мог заставить людей побледнеть.

Мистер Эриксон несколько раз облизнул губы и отвел глаза, прежде чем заговорить.

— Учитывая обстоятельства и объяснения Анжелы, я думаю, будет лучше не исключать ее.

— Полагаю, так будет лучше для всех.

— Но, мистер Константайн, я должен вам сказать, что Анжеле нужно сосредоточиться на учебе, — произнес мистер Эриксон, меняя тему. Анжела, очевидно, уже была у него на примете. — У нее один из самых высоких показателей *IQ*, которые мы когда-либо фиксировали в нашей школе. Вы знали?

— Нет, она мне не говорила.

— И тем не менее. Но ее оценки ниже среднего уровня. Она едва набирает проходной балл. У нее огромный потенциал, но она не использует его. Может, если бы она училась усерднее и старалась вписаться в коллектив, ей не пришлось бы защищаться. Просто взгляните на ее одежду и обувь!

Вито поднял ногу в сапоге и с грохотом опустил ее на директорский стол.

— Что не так с ее обувью?

Мгновение Эриксон таращился на рифленую подошву сапога на своем столе, а потом поднял глаза на Вито.

— Пожалуй... ничего. Дело даже не в обуви, а в том, как она себя подает.

Анжеле было плевать, что о ней думают. Когда учителя писали на доске задачу, она улавливала суть задания одновременно с ответом. Было смертельно скучно ждать, пока остальные поймут или пока учитель дотошно объяснит то, что Анжела увидела в первый же миг. Ее мысли были заняты другим. Она считала, что ей не нужно вникать в эти объяснения, потому и не слушала. Она знала ответ, и этого, по ее мнению, было достаточно.

— Вынужден сообщить, что это происходит не впервые. Вот почему вы здесь. Она дралась и с другими девочками.

— Я знаю об этом, — сказал дед Анжелы. — Все это было несерьезно, просто детские ссоры. Мы здесь не для того, чтобы говорить о таких пустяках или об оценках. Сегодня мы здесь потому, что три девочки постарше пытались навредить Анжеле.

— Мистер Константайн, вы должны понять...

Вито наклонился, сверкнув глазами:

— Сегодня мы говорим о том, что я должен сделать, чтобы вы не причинили Анжеле еще больше вреда.

Лицо директора побледнело, и он прочистил горло.

— Мистер Константайн, я уже сказал, что после объяснений Анжелы, о которых я совершенно ничего не знал, я пришел к выводу, что нет никакой необходимости ее исключать.

— И вы на неделю отстраните от занятий напавших на нее девочек и расскажете их родителям, почему.

Это был не вопрос.

Мистер Эриксон коротко взглянул на Анжелу:

— Что ж, полагаю, это будет правильно.

— Именно так.

Директор подался вперед, положив на стол руки:

— Я рад, что мы прояснили этот момент, но я настоятельно рекомендую вам проследить, чтобы Анжела сосредоточилась на учебе и вела себя прилично, потому что...

— Позвольте мне сказать, что мы сегодня прояснили, мистер Эриксон. Не уверен, что эта школа безопасна для Анжелы и других порядочных детей. Понятно, что вы никак не защищаете детей, ставших жертвами издевательств. Теперь я скажу, что будет дальше. Я отстраняю вас и вашу школу от Анжелы на неделю, чтобы дать вам время поразмышлять, как исправить ситуацию.

Директор моргнул:

— Что? Вы заберете ее из школы?

— На неделю. Это даст вам возможность навести порядок. Если мне придется прийти сюда снова, я исключу вас из ее жизни навсегда. Все ясно?

Директор сглотнул:

— Предельно ясно, мистер Константайн.

По дороге домой дед некоторое время молча вел машину, а потом посмотрел на внучку.

— Я горжусь тобой: ты защищалась и не позволила тем девчонкам навредить тебе.

— Спасибо, дедуль.

Он над чем-то задумался, а затем сказал:

— Я знаю, что ты умная, Анжела. И мне для этого не нужны никакие тесты. Тебе не кажется, что стоит использовать свои способности? Применять их? Знаешь, ум может помочь в жизни.

Анжела мгновение размышляла.

— Мамины ухажеры постоянно предлагают мне наркотики и выпивку. Они пытаются заставить меня затянуться крэком или вдохнуть с ними дорожку. Они хо-

тели показать мне, как вводить в вену то, что они называют хорошей штукой. Я всегда говорю им «нет» и прошу оставить меня в покое.

Больше она не стала ничего добавлять.

Ее дед догадался и улыбнулся сам себе.

— Полагаю, ты уже используешь свой ум.

Глава 12

Добравшись до дома в городе, Вито попросил Габриэллу собрать вещи и сказал, что какое-то время они будут жить в хижине. Она спросила, почему и что случилось в школе.

— Ничего особенного, — ответил он. — На Анжелу напали три девочки постарше, и она дала отпор. Я подумал, будет безопаснее забрать ее из школы на неделю, пока не утихнет.

Как только они оказались в хижине, бабушка с дедушкой ушли в спальню и заперли дверь. Она слышала, как они негромко что-то обсуждают, но не разбирала слов. Ее бабушка и дед были очень близки и делились друг с другом всем. Иногда казалось, что они могут общаться взглядом. Анжела подозревала, что Вито рассказывает Габриэлле о нападении и том, чем оно закончилось.

Выйдя из спальни, дед не предложил отправиться в поход или на рыбалку, а вытащил из оружейного шкафа маленький пистолет, проверил, пуст ли магазин, и передал Анжеле.

— Это Вальтер П22. Ты достаточно взрослая, чтобы учиться обращаться с ним. Теперь я понимаю, что должен был научить тебя защищаться. Анжела, ты хорошо

справилась и не пострадала, но, когда я смотрел, как ты рассказываешь о нападении той троицы, меня поразило, насколько ты еще мала и уязвима. Не только перед детьми постарше, но и людьми вроде...

Фрэнки. Дед не произнес имени, но говорил о нем.

Фрэнки исчез, но это не значило, что ей больше не угрожают подобные ему люди. Она знала, что такие будут всегда. Она не раз слышала, как полицейские говорили ее матери прекратить якшаться с плохой компанией.

По мнению Анжелы, ее мать не попала под влияние плохой компании. Она и была этой самой компанией.

— Как бы то ни было, — продолжил ее дед, — ты быстро растешь и когда-нибудь будешь сама по себе. — Он вложил в ее вторую руку четыре коробочки с патронами. — Я не всегда буду рядом, чтобы оберегать и выручать тебя.

Анжеле не понравилась эта мысль.

Она несколько раз видела, как он тренировался в стрельбе, но в основном он делал это в ее отсутствие. Анжела всегда думала, что это занятие для взрослых. Она становилась старше и была готова взять на себя больше ответственности. Взросление также означало, что она узнавала об опасностях, о которых не подозревала в детстве. Когда дед захотел научить ее стрелять, она резко почувствовала себя старше и остро осознала, что опасности угрожают ей не только в трейлере матери, но и во всем мире — даже в школе.

— Сегодня мы расстреляем эти четыре коробки, а потом постараемся стрелять каждый день, пока не сможешь отстрелить комару крылья. Уйдет много времени и сил, но этот навык ты сохранишь на всю жизнь. Как думаешь, справишься?

Анжела улыбнулась:

— Да. — Ей нравилось, как Вальтер лежит в ее руке. Она видела, как дед использовал пистолеты крупнее, но ей нравился этот. — Этот пистолет достаточно большой? Ну, чтобы защитить меня?

— Наемные убийцы всех мастей пользуются двадцать вторым.

— Правда? Почему?

— У него более мелкая пуля, которая не проникает глубоко. Она не пройдет сквозь человека, а потом через стену. Но чтобы пуля убила, она должна попасть в нужное место. Если ты всадишь пулю двадцать второго калибра в правильное место, она убьет мгновенно. Место попадания гораздо важнее размера пули. Вот почему наемные убийцы действуют так эффективно — они опытные стрелки. Чтобы правильно выстрелить, требуется много практиковаться. Думаешь, ты готова?

Анжела с серьезным видом кивнула.

— Будь осторожна, — сказала бабушка, когда они направились к двери. — Делай, как говорит дед, и все будет хорошо.

— Да, бабуль.

Вито дал ей электронные защитные наушники, которые заглушали звук выстрелов, но не голоса. В тот день она расстреляла все четыре коробки патронов. Ее большой палец болел от заталкивания патронов в магазин, но это было мелким неудобством на фоне восторга от изучения чего-то нового, такого серьезного и взрослого.

Первый день и многие дни после она училась уверенно держать пистолет, пока стреляла в скалу. Дед не разрешал ей никуда целиться. Было сложно держать пистолет неподвижно, и Анжела вздрагивала в ожидании отдачи.

Лишь через несколько месяцев Вито был удовлетворен тем, что она могла стрелять без остановки, быстро

или медленно, и пистолет оставался неподвижным до самого вылета пули, а после отдачи возвращался в исходное положение.

Дед рассказывал ей сюжеты из новостей об останках похищенных людей, в основном молодых женщин, которых держали в плену, пытали и убивали. Это случалось с реальными людьми.

Анжела знала, что он хочет не напугать ее, а придать особое значение стрельбе по мишеням. Вито стремился убедить ее в важности этих тренировок. Анжела серьезно относилась ко всему, что он говорил.

Как только она научилась твердо держать пистолет, они перешли к стрельбе по бумажной мишени, прибитой к пню. Она расстреляла в клочья бесчисленное множество бумажных мишеней. Как только Анжела стала уверенно попадать в яблочко, он принес предмет, который она уже видела во время его тренировок. Это была какая-то хитроумная мишень, собранная им из деталей со свалок.

У механической мишени было тяжелое стальное основание с шестернями и цилиндрической пружиной. Из основания торчал стержень, к которому примерно на уровне глаз был приварен стальной треугольник. Когда Вито поворачивал ключ в основании, стержень начинал колебаться и качаться во все стороны с амплитудой до метра.

— Цель треугольная не просто так, — сказал ей дед. — Ты знаешь причину?

Анжела с прищуром посмотрела на деда:

— Чтобы было сложнее в нее попасть?

— Отчасти, — сказал он. — Двадцать второй калибр легко может убить человека, даже крупного. Помнишь, я говорил тебе о важности места попадания пули?

Анжела кивнула:

— Помню.

— Видишь ли, если ты выстрелишь в верхнюю часть лба или по касательной, то пуля, скорее всего, лишь слегка заденет твердую черепную кость, не причинив значительного вреда. Это не остановит твоего противника.

— Поэтому нужно целиться в сердце?

Он скривился, размышляя.

— Если у тебя пистолет крупного калибра, то да. Но двадцать второй может срикошетить от грудной клетки и не добраться до сердца. Если мужик большой и крепкий, то пуля, вошедшая в его тело, но не задевшая важных органов, может и не остановить его. А если он накачан наркотиками, то может даже не почувствовать боли и умереть через несколько часов от внутреннего кровотечения, или прожить еще несколько дней, а то и вовсе выжить. Но если он собирается причинить тебе вред, ты должна нанести смертельную рану, чтобы остановить врага достаточно быстро. Другой возможности может не представиться. Это значит, что ты умрешь, и смерть твоя будет ужасной.

Анжела смотрела в землю, обдумывая все это, а потом подняла взгляд:

— Ну, если всадить пулю в голову, мозг прекратит функционировать. Враг будет остановлен.

Дед улыбнулся.

— Именно. Но человеческий череп очень толстый. Двадцать второй калибр пробьет эту твердую кость, если пуля войдет под прямым углом. Но если угол будет другим, пуля может срикошетить. У тебя будет мало времени, и, если пуля срикошетит, у тебя может не оказаться второго шанса.

Он выставил указательный и средний пальцы у нее перед глазами, а большим пальцем прикоснулся к кончику ее носа.

— Эта треугольная область между глазами и кончиком носа — самая уязвимая часть человеческого черепа. Если ты попадешь из пистолета в этот треугольник, пуля легко войдет в череп, мгновенно убив и тем самым так быстро остановив двигательную функцию, что даже если на тебя направлен пистолет противника, он не сможет нажать на курок. Еще одно уязвимое место — основание черепа. Наемные убийцы часто метят туда, когда стреляют человеку в спину. Выстрел разрушает продолговатый мозг. Безукоризненно. Но практически невозможно застрелить так того, кто на тебя нападает. Ухо — еще одно уязвимое место, но оно тоже бесполезно, если тебя атакуют в лоб. Если кто-то нападает на тебя и твоей жизни грозит опасность, ты должна выстрелить в этот треугольник. Тогда враг умрет, а ты будешь жить. Вот и все.

Анжела кинула взгляд на самодельную мишень.

— Так вот почему на вершине стержня треугольник.

— Верно. Он размером примерно с зону поражения головы среднестатистического человека. Я сделал так, чтобы мишень двигалась, ведь когда кто-то намеревается схватить или убить тебя, он двигается. Если противник увидит, что у тебя пистолет, он может даже уклониться от выстрела. Вот почему я сделал движущуюся мишень. Ты узнаешь о попадании по звону, когда пуля столкнется со сталью.

Анжела глубоко вздохнула:

— Не знаю, смогу ли я попасть в подвижную мишень.

— Ты должна, — сказал он. — Ты будешь тренироваться каждый день, пока каждый твой выстрел не будет попадать в этот качающийся треугольник.

— Каждый? — она покачала головой. — Не знаю, дедуль, смогу ли я этого достичь.

— Если когда-нибудь тебе понадобится это умение, каждый раз твоя жизнь будет зависеть от того, сделаешь ли ты смертельный выстрел с первого раза.

Анжела решительно кивнула:

— Хорошо. Буду тренироваться, пока не стану попадать. Ну, по крайней мере, как можно чаще.

— Каждый раз, — повторил он строго и непререкаемо.

Анжела долго смотрела на него, а потом твердо сказала:

— Каждый раз.

Анжела приняла решение не отступать. После долгих тренировок она смогла иногда попадать в треугольник — когда он был неподвижен. Но как только дед заводил механизм и мишень начинала колебаться, она теряла надежду. Она промахивалась каждый раз. Попытки следовать за целью и стрелять были тщетными. Вито призывал успокоиться и не стрелять, пока не захватит цель, но та всегда уходила до того, как Анжела успевала выстрелить. Она не понимала, в какой момент спускать курок, чтобы хотя бы задеть мишень, не говоря уже о том, чтобы точно поразить ее.

Потребовалось несколько месяцев и десятки тысяч патронов, прежде чем она попала в движущийся треугольник. Услышав звон, Анжела удивленно замерла и уставилась на мишень, пока эхо выстрела разносилось по лесу. Она не была уверена, попала ли случайно или намеренно.

В последующие месяцы она стреляла по нескольку часов каждый раз, когда бывала в хижине. Она жалела о том, что почти не ходит в походы или на рыбалку, но стрельба была важнее. Задача была сложной, но слож-

ность только подстегивала ее стремление добиться успеха.

Одним осенним вечером, когда ее дед был в душе, а Габриэлла сидела на краю разложенной кровати, Анжела уютно устроилась под одеялами, вдыхая приятный запах дыма от слабого огня в печи.

— Бабуль, могу задать тебе серьезный вопрос?

— Конечно. Ты всегда можешь поговорить со мной.

Анжела повернула голову, слушая шум воды за закрытой дверью ванной, и повернулась обратно.

— Зачем он это делает? Он не просто учит меня стрелять из пистолета. Тут что-то другое, я чувствую. В этом есть что-то важное, но я не знаю, что именно.

Ее бабушка ненадолго задумалась.

— Возможно, это ты другая, Анжела.

Брови Анжелы сошлись на переносице:

— Другая?

— Да, пикколо.

«Пикколо» в переводе с итальянского означало «малютка». Иногда бабушка ласково называла так Анжелу.

— Я не понимаю.

Она, наконец, опустила взгляд на внучку:

— Мы давно подозревали, что ты другая — особенная. На это указывают тысячи мелочей, которые мы не можем понять и объяснить. Но затем, когда ты сделала то, что сделала, с ударившей тебя девочкой, мы поняли. Может показаться, что ты просто защищалась, но там было нечто большее. Ты не такая, как другие девочки, другие люди, Анжела.

— Понимаю. Я тоже не знаю, как это объяснить, но я другая. Иногда это меня пугает, иногда радует. Я не знаю, что это, но понимаю, что отличаюсь от других людей.

— Мы тоже так думаем. У тебя есть предназначение.

— Какое?

Габриэлла пожала плечами:

— Мы не знаем. Но полагаем, что у тебя есть некая цель в жизни. Когда ты определенным образом дала отпор той девочке, мы поняли. Это был первый понятный нам признак. Ты другая. Твоя жизнь будет другой. Мы решили, что дедушка начнет учить тебя тому, что тебе понадобится в жизни, понадобится человеку, которым ты станешь.

Анжела скривила лицо:

— Я не понимаю.

Ее бабушка грустно улыбнулась:

— Я знаю, дитя. Но однажды поймешь.

— Каким человеком я стану?

— Еще слишком рано говорить об этом. Имей терпение и будь собой, и ты вырастешь такой, какой должна быть. А теперь, спать.

Глава 13

В один весенний день, через полгода после начала тренировок и тысяч сделанных выстрелов, Анжела стояла в лесу с пистолетом в руке, ощущая его продолжением себя, как вдруг ее охватило странное чувство.

Будто во тьме открылась дверь, и она вдруг увидела все в новом свете.

Она уже проходила сквозь такие ментальные двери и после каждой обнаруживала, что познает мир по-новому. Все становилось понятным. Анжела считала эти двери частью процесса взросления, получения знаний и установления новых взаимосвязей. Возможно, так оно и было.

Но эта дверь была совершенно иной. Более значимой. В момент озарения Анжела перестала целиться в стальную мишень. Раньше она делала именно это: целилась в раскачивающийся и петляющий зигзагами треугольник. На тренировках она часто думала о треугольнике как о плохом парне. Но всегда она сознательно навязывала мишени этот образ.

Сейчас она действовала аналогично, но в то же время совершенно иначе.

Ее обуяло внутреннее стремление убивать плохих парней. По коже забегали мурашки.

Она подумала о Фрэнки и мужчинах, которые похищали и убивали женщин. В момент просветления треугольник перестал быть мишенью и превратился в мужчину, который пришел, чтобы причинить ей боль, убить ее.

В ней пробуждался некий первобытный страх. Она чувствовала во рту его привкус. Теперь речь шла не о стрельбе по цели, а о жизни и смерти. Перед ней был варвар, которого нужно убить до того, как он убьет ее. Какой-то таинственный кусочек космического пазла ее жизни наконец-то встал на место. Она больше не чувствовала отчаянье, пытаясь преследовать треугольник. Ее охватило спокойствие.

Хаотичные движения стального треугольника не были случайными. Не могли быть. Убийца не уклоняется и не пытается увернуться. Он связан со своей жертвой. Анжела стала частью этой связи. Она больше не преследовала цель. Наоборот, мишень притягивала ее через эту связь.

Теперь она смотрела не на стальной треугольник, а на область между глазами и кончиком носа убийцы, пришедшего за ней. Это был портал в его черепе для ее пули, путь к спасению. Ее единственный шанс выжить.

Это осознание дало Анжеле чувство цели и внутреннее спокойствие. В то же самое время, в центре спокойствия находилось ядро гнева на убийцу, и она позволяла этому огню гореть глубоко внутри себя.

Все слилось в стремительном порыве. По коже пробежали мурашки, дыхание перехватило. Отчаяние отступило. Ей казалось, будто она прошла сквозь потайную дверь к новому виду связи с мишенью.

Анжела могла захватить цель так уверенно и надежно, что пистолет повторял любую траекторию мишени, двигаясь вместе с ней. Пуля находила цель.

Она слышала спасительный звон с каждым выстрелом.

Анжела больше не слышала ни птиц, ни ветра в деревьях. Стальной треугольник больше не раскачивался во все стороны, а двигался в замедленном темпе.

Время словно замерло.

Оно принадлежало ей. Цель принадлежала ей.

Независимо от скорости стрельбы каждый раз Анжела со звоном попадала по стальному треугольнику. Иногда она стреляла в медленном ритме, а иногда так быстро, как только могла нажимать на спусковой крючок.

Каждый раз, когда магазин пустел, она вытаскивала его, вставляла новый, передергивала затвор и в мгновение ока прицеливалась. Когда магазин был отстрелян, в ход шел следующий и опустошался в считанные секунды. За месяцы практики Анжела приноровилась так быстро перезаряжаться, что между магазинами уже практически не было пауз.

Важной и значимой сейчас была связь, которую она ощущала с той небольшой областью, куда должна угодить пуля. Пуля летела туда, куда Анжела ее посылала, туда, где она уже ее видела до того, как спускала курок.

Все встало на свои места так неожиданно и кардинально, что ей пришлось на секунду остановиться, когда по щекам покатились слезы. Это было подобно волшебству.

Она почувствовала, как только что освоила нечто новое: но не навык, а по-новому овладела своей жизнью. У нее было новое видение. Новое мироощущение. Все ее чувства были связаны с этой единственной целью.

Анжела поняла, что это связано с ее отличием от всех остальных. Она не знала, как именно, но осознавала эту связь.

Именно это видели в ней бабушка и дедушка. Теперь она и сама это увидела.

Когда она поняла, что израсходовала все боеприпасы на этот день, то долго стояла в звенящей тишине. Наконец, она взглянула на деда. Он стоял в стороне, устремив на нее странный и проницательный взгляд.

Он улыбнулся и кивнул. В тот миг, глядя друг на друга, они безмолвно разделили понимание.

— Вот следующий шаг, — дедушка очень быстро защелкал пальцами, — стрелять так же быстро и попадать по движущейся мишени каждый раз.

Анжела, чрезвычайно довольная тем, чего только что достигла, была ошеломлена такой невыполнимой задачей.

— Дедуль, я не могу так быстро думать.

Он понимающе улыбнулся:

— Это твой следующий урок — стрелять, не задумываясь. Мысли тебя замедляют. Как только ты научишься не думать, твое подсознание возьмет верх и сделает это. Когда ты едешь на велосипеде, ты не думаешь о том, как удержать равновесие. Твое подсознание может стрелять в цель так же быстро, как я щелкаю пальцами.

Анжела кивнула.

— Раз ты говоришь, что я могу сделать это, я смогу.

Он положил руку ей на плечо:

— Не пора ли нам поужинать?

Анжела сняла защитные наушники и огляделась. Уже почти стемнело. Она могла стрелять по мишени в любое время суток, даже в сумерках и почти без света.

В хижине пахло замечательно. Бабушка была на кухне, и Анжела увидела, что она готовит ее любимое блюдо: кусочки итальянского хлеба, вымоченные в яйце с базиликом, орегано и другими специями, а затем пожаренные на оливковом масле.

— Как она справилась? — поинтересовалась бабушка, помешивая кусочки хлеба лопаткой.

— У нее получилось.

— Как и у тебя? — спросила Габриэлла, не отвлекаясь от готовки.

— Как и у меня, — ответил он после паузы.

Анжела не совсем поняла, что именно у нее получилось, но бабушка выгнула бровь, глядя в сковороду.

Анжела села за стол, застеленный белой скатертью с изображениями клубники. Ее голова все еще кружилась от того, что она сделала. Это казалось ненастоящим, и в то же время более реальным, чем все остальное. Ей казалось, будто для нее открылся новый мир.

Наклонившись и выкладывая на тарелку Анжелы порцию хлеба, бабушка взглянула на Вито и сказала:

— В таком случае, не пора ли показать ей подвал?

Что? Подвал?

Дверь в подвал всегда была закрыта. Анжела ни разу в жизни там не была. Об этом даже речи не заходило. Она понятия не имела, что находится внизу, хотя ей всегда было любопытно. Но теперь она испытала неожидан-

ное чувство тревоги при мысли о том, чтобы спуститься туда.

Анжела переводила глаза с бабушки на дедушку, которые обменялись долгим взглядом. В тот момент они выглядели так, будто были одни во всем мире.

Ее дед слегка кивнул:

— Думаю, ты права.

Анжела все еще смотрела на них.

— Что находится в подвале?

Глава 14

Вскоре после того знаменательного дня, когда перед ней открылась новая дверь, другая закрылась.

Тела ее дедушки и бабушки были найдены на обочине дороги. Их застрелили в затылок из двадцать второго калибра.

Несколько последующих дней это таинственное убийство было сенсацией в местных новостях, а затем постепенно забылось. Анжела не знала, насколько усердно полиция разыскивает убийцу, но это не имело значения, потому что они все равно никого не нашли и даже не обвинили. Важно было лишь то, что бабушка и дедушка мертвы, и даже поимка убийцы не могла их вернуть.

Анжела была безутешна. Она два дня не выходила из своей комнаты и плакала, чувствуя себя совершенно потерянной. Она не хотела есть, не хотела жить. Она хотела быть там с бабушкой и дедушкой, чтобы убийца сначала пустил пулю в ее затылок — тогда ей не пришлось бы мучиться от боли утраты.

Салли восприняла это довольно спокойно. Она провела утро похорон, покуривая мет. Они с Анжелой прие-

хали на потрепанном старом Понтиаке, который появился в полуразрушенном трейлерном парке задолго до рождения Анжелы. Девочка сидела на заднем сидении и плакала. Небо тоже плакало — моросил дождь.

Стоя перед могилами под дождем, от которого волосы прилипли к голове, Анжела чувствовала оцепенение. Казалось, ничто уже не имело значения. Все, чего она хотела, это удержать их и быть с ними. Она думала, что не сможет жить без них.

Часть денег они завещали на поминки и погребение. Дом в городе оставили Салли, а хижину завещали Анжеле, как и вклад, который она получит, когда ей исполнится двадцать один год.

Салли была недовольна, что хижина и деньги отойдут Анжеле. Она долго и громко возмущалась по поводу того, что родители не оставили все ей. В конце концов, она была их единственной дочерью и потому обижалась и злилась на родителей. Ее утешал тот факт, что дом в городе стоил больше, чем хижина и вклад вместе взятые.

Салли не потребовалось много времени, чтобы продать дом. Было бы лучше продать трейлер и переехать в дом, но Салли так не считала. От продажи дома она получила больше денег.

Анжела мечтала сбежать в хижину, но пешком идти было слишком далеко, а сесть за руль ей не позволял возраст.

Как только Салли получила от продажи городского дома то, что считала целым состоянием, она стала тратить деньги на наркоту. Анжела знала, что дедушка с бабушкой не хотели бы, чтобы их дом променяли на наркотики, но им было важнее передать хижину Анжеле. В некотором смысле, это было способом отвлечь Салли от хижины.

По ночам в трейлере устраивали вечеринки. Друзья, соседи и незнакомцы курили, напивались и шумели до самого утра. Одни насыпали дорожки кокаина на зеркальную крышку кофейного столика в гостиной. Многие курили сигареты, мет, либо травку. Некоторые кололи героин. Даже когда вечеринок не было, поблизости часто околачивались наркоманы, желавшие поживиться метом ее матери или предложить товар.

По утрам, когда Анжела выходила из спальни, чтобы отправиться в школу, она нередко видела людей, которые спали на диване, в креслах или в собственной рвоте на полу. Многих она знала, но зачастую в доме были и незнакомцы.

После исчезновения Фрэнки Салли все больше и больше увлекалась новым парнем по имени Боска, который был теневым поставщиком для дилеров, а значит, у него не было проблем с удовлетворением потребностей Салли. Он частенько оставался на ночь.

Боска был крупным ширококостным мужчиной с накачанной грудью и всклокоченной бородой. Он ездил на Харлее и тусовался с другими байкерами, которых иногда приводил на вечеринки в трейлер. Они были самыми страшными парнями из всех, кого Анжела знала, но именно от Боски волосы на затылке вставали дыбом.

Если в трейлере находился кто-то кроме матери, Анжела предпочитала запираться в спальне. Однажды ночью Боска выломал дверь, чтобы она больше не закрывалась. Когда Салли засыпала, Боска входил в комнату Анжелы, садился на кровать и начинал задавать всякие глупые вопросы; например, как дела в школе или кем она хочет стать, когда вырастет. Во время этих бесед он откровенно пялился на нее. Боска пугал ее до чертиков.

Теперь у Салли было достаточно запасов наркоты, и большую часть времени она ходила обдолбанной. Мать

Анжелы бодрствовала по несколько дней, взвинченная метамфетамином, затем часами курила травку, чтобы прийти в себя и суметь заснуть. Это больше походило на кому, чем на сон.

И в эти периоды коматозного сна Салли Боска входил в комнату Анжелы и насиловал девочку.

Вечные поиски забвения Салли привели к появлению струпьев и язв. Ее зубы сгнили, глаза налились кровью. Прежде красивое лицо теперь напоминало скомканную бумагу, натянутую на череп. Салли было всего тридцать пять, но выглядела она изрядно потасканной. А вот Анжела превращалась в длинноногую молодую девушку. В ней расцветала та женственность, которую ее мать уже утратила.

Салли была легкой добычей, но Боска предпочитал Анжелу. Каждая их встреча сопровождалась угрозами о том, что с ней произойдет, если она не будет держать язык за зубами. Анжела настолько боялась Боску, что часто теряла голос и не могла отвечать на его вопросы. Когда он принимался ее избивать, девушка могла вымолвить только те слова, которые он ожидал услышать. Опасаясь за жизнь, она была вынуждена подчиняться.

Не имея ни защитника, ни способа вырваться из этого нового ада, Анжела научилась выдерживать эти встречи в спальне, позволяя своему разуму витать где-то далеко. То, что творил с ней Боска, не имело значения. Ее там не было. Она исчезала. Пока Боска возился на ней, а ее разум уносился вдаль, Анжела впадала почти в такое же коматозное состояние, как и ее мать.

Когда насильник заканчивал, его угрозы ножом или даже пистолетом возвращали ее разум из забытья и пугали до состояния беспомощности. Анжела знала, что, если она разозлит его, он без колебаний рассечет ей лицо или

перережет глотку. Мужчина пообещал залить ее лицо кислотой, если она будет ему перечить.

Однажды, когда она огрызнулась ему в тот момент, когда он застегивал штаны, Боска заявил, что, если девчонка еще раз сострит, он отдаст ее на потеху банде байкеров, которые поставляли ему наркотики. Судя по его глазам, это не было пустой угрозой.

После того как он уходил спать к Салли, Анжела часами дрожала, не в силах заснуть и осознавая, что ничего не может с этим поделать. Никто не поможет, и это будет повторяться вновь и вновь. Из страха перед Боской девочка не рассказывала никому в школе о том, что он с ней творил. Также она понимала, что мистер Эрикссон вряд ли поверит ее словам, не говоря уже о том, чтобы помочь. Она была просто уверена, что мистер Эрикссон только порадуется ее мучениям.

Анжела знала, что и полиция не поможет — копы задерживали Боску десятки раз, но он вечно выпутывался. Ему засчитывали время, проведенное в ожидании суда, и освобождали; обвинения снимались или нарушения признавались мелкими; ему назначали испытательный срок. Еще ни разу он не отправился за решетку за свои преступления. Все сходило ему с рук. Если Анжела обратится в полицию, Боска снова выйдет сухим из воды, вернется к ней, и тогда она сполна заплатит за свою попытку сдать его. Законники не могли ей помочь.

Все это заставляло Анжелу чувствовать себя одинокой и беспомощной. Фрэнки изнасиловал ее один раз, но Боска, казалось, был возбужден всегда. Он был постоянной угрозой.

В какой-то момент она стала ночевать в укромных переулках или в зарослях за другими трейлерами. Она дрожала от холода, но была рада одиночеству. Однажды, когда она вернулась домой из школы, Боска схватил ее за

волосы огромной ручищей и предупредил, что если она не останется дома на ночь, то ему придется пойти на ее поиски, и ей, черт побери, крайне не понравится, когда он ее найдет.

После этого Анжела оставалась дома, где он всегда мог до нее добраться. Она знала, что ей не помогут ни мать, ни школа, ни законники. Оставалось лишь терпеть, позволяя своему разуму уноситься куда-то вдаль.

Все могло стать еще хуже в случае беременности, поэтому она начала принимать таблетки. Ежемесячно она пополняла запасы в захудалой аптеке, расположенной в женской консультации. Анжеле едва исполнилось пятнадцать, и сначала аптекари решили, что она слишком юна для занятий сексом, и отказали ей. Тогда она спросила, считают ли они ее достаточно взрослой, чтобы заводить ребенка. Это заставило их передумать, и они разрешили ей принимать противозачаточные.

Они знали, что у некоторых девочек сложная и даже опасная домашняя обстановка, поэтому они не звонили родителям, если несовершеннолетняя просила этого не делать. Анжела воспользовалась этим правом.

Она очень сомневалась, что мать забеспокоится, если подумает, что ее дочь спит с мальчиками, но Анжела знала, что, если расскажет Салли правду, та обвинит во всем ее, впадет в истерику и будет орать, что девчонка сама напросилась, а затем, когда мать будет в отключке, Боска что-нибудь сделает с Анжелой.

Она не слишком волновалась, что Боска ее убьет — если это будет быстро, — но она боялась, что он плеснет кислотой ей в лицо.

Она вздохнула с облегчением, когда в консультации согласились предоставить ей таблетки и конфиденциальность.

Когда деньги от продажи дома закончились, Анжела часто становилась негласным источником оплаты наркотиков для матери, и та смотрела на это сквозь пальцы. Если мужчины получали то, что хотели, Салли тоже получала свое. Это все, что ей было нужно. Зачастую Боска выступал посредником для мужчин, которые могли поиметь Анжелу в обмен на то, чего хотела Салли. Она говорила Анжеле, что Боска защищает ее от парней, у которых есть заболевания.

Анжела не могла сосчитать, сколько раз она шла в школу, все еще ощущая привкус спермы во рту.

Со временем она впала в глубокую депрессию. Она чувствовала себя пойманным в ловушку зверем. Не было ни надежды, ни выхода из этой ситуации. Анжела делала, как ей говорили мужчины, которым она не смела перечить. Она также выполняла распоряжения Салли, ходила за продуктами, готовила, делала работу по дому и исполняла капризы матери.

Она была девочкой с луны, безмолвно бродившей по темному трейлеру и исполнявшей прихоти психопатов.

Анжела понимала, что единственный способ покончить с насилием — убраться из трейлера. Если б у нее была машина, она могла бы доехать до хижины бабушки и дедушки — ее хижины — и жить там. Но нужно было ждать еще почти год, чтобы получить водительские права. Тот факт, что у нее не было денег на машину, повергал ее в еще большее отчаяние.

Она потеряла интерес абсолютно ко всему. Ей было плевать на все и на всех. Она лишь прилагала минимальные усилия, чтобы получать удовлетворительные оценки в школе. Все люди, которых она знала, использовали ее для тех или иных целей. Она хотела, чтобы ее оставили в покое.

В пятнадцать с половиной Анжела начала красить волосы в разные цвета. В некотором смысле, это было единственное, в чем у нее было право голоса. Она делала пирсинг. Собирая монеты с пола и диванов в трейлере, Анжела могла покупать в секонд-хэнде одежду, которая вкупе с пирсингом и цветными волосами создавала отталкивающий образ.

Дети в школе уже относились к ней подозрительно, ведь она подпортила лицо популярной девочке намного старше нее. Теперь она сама стала старше и выше. Она ни от кого не терпела наездов. Вдобавок ко всему, ее считали уродиной, а из-за замкнутости еще и сумасшедшей. У нее не было друзей. Все это держало их на расстоянии. Именно этого она и добивалась.

Она знала: никто не защитит, никто не поможет, все лишь в ее руках.

В глубине души Анжела понимала, что должна убраться подальше от матери и трейлерного парка. Для этого ей нужно было подрасти. Когда ей исполнится шестнадцать, она сможет получить водительское удостоверение, но ей нужна была еще и машина. Осознав, что машина действительно ее единственное спасение, Анжела сосредоточилась на том, чтобы заработать деньги.

Она смогла устроиться на работу в службу по уборке домов и работала ежедневно после школы по несколько часов. Она откладывала на машину каждый заработанный цент. Как только она научится водить и купит машину, то сможет уехать.

Анжела так усердно трудилась в клининговой компании, что менеджер комиссионки предложил подработку на выходных — раскладывать одежду в магазине. Сбережения продолжали расти. Она с радостью принимала чаевые от людей, чей дом убирала.

Она не брала деньги лишь у мужчин, которые издевались над ней и оскорбляли нее. Это был их способ оправдать свои действия — если бы она брала у них деньги, это уже не считалось бы изнасилованием. Анжела всегда отказывалась от денег, которые они предлагали. Если они оставляли деньги в ее комнате, она клала их на кофейный столик. Она не собиралась прощать их злодеяния.

В ее школе были курсы вождения, и, когда Анжеле исполнилось шестнадцать, она получила водительское удостоверение. Как только у нее появились права, она отправилась в автосалон, в который уже захаживала. На скопленные деньги она купила присмотренную машину, которую могла себе позволить. Подержанная серебристая Хонда была для Анжелы самой красивой машиной на свете, но не из-за самой машины, а из-за того, что теперь девушка могла спастись от насилия.

В тот день, когда Анжела забрала машину, она поехала в трейлерный парк и упаковала свои вещи, пока мать отсыпалась после вечеринки. Ее не так уж и сильно волновали эти вещи, и она не хотела, чтобы Боска поймал ее во время побега, поэтому шустро собрала все основное в пару черных пакетов и поехала в хижину.

Прежде чем уйти, она написала короткую записку, сообщая матери, что уезжает и не вернется.

Подъезжая к хижине и глядя на две горы по бокам от домика, она будто почувствовала теплые объятия бабушки с дедушкой. Анжела знала, что наконец-то оказалась в безопасности. Первым делом, зайдя в хижину, она зарядила Вальтер П22. Если они выяснят, где она, и Боска придет, чтобы утащить ее обратно в трейлер, она вышибет ему мозги.

Анжела не боялась, что Салли явится забрать ее домой. Девушка была намного сильнее матери. К тому же,

мать в этой ситуации скорее будет курить крэк, чем придет за ней. Наркотики были для Салли решением всех проблем.

Разложив в спальне свои вещи, Анжела села на кровать и заплакала от горя, что ее бабушки с дедушкой здесь нет, и от радости, что она сбежала от этих домашних пыток.

В итоге беспокоиться о Боске не пришлось — тот внезапно разбился на мотоцикле. Он проехал на красный, удирая от полиции, и в него врезалась женщина на минивэне.

Карма — та еще сука.

Глава 15

Следующая ментальная дверь открылась через несколько лет после переезда в хижину. Анжела тщательно следила за оценками, чтобы окончить среднюю школу, и покинула ее с огромным облегчением. Выпускной стал прекрасным событием, поскольку ознаменовал окончание наполненного страданиями детства.

Анжела всегда думала о себе, как о взрослой личности в теле ребенка. Наконец ее тело и разум достигли равновесия. Теперь она стала действительно взрослой, несмотря на то, что еще не достигла совершеннолетия.

Окончив школу и обретя самостоятельность, она смогла работать полный день. Один из домов, в которых она убиралась, принадлежал семейной паре юристов. Мистер и миссис Боллард высоко ценили работу Анжелы, поэтому попросили девушку убирать еще и их офис. Поскольку они были милы и честны с ней, Анжела с удовольствием согласилась.

Однажды, выкидывая мусор из корзин, девушка случайно услышала, как мистер Боллард сказал супруге, что ему нужно отвезти кое-какие бумаги. Они обсуждали, как выполнить это, потому что им срочно нужны были подписи на этих документах, но никто из них не мог отлучиться из офиса.

Анжела подошла к ним:

— Я могу отвезти.

Они оба уставились на нее.

— Что? — удивился мистер Боллард.

— Буду рада помочь.

Они продолжали смотреть на девушку.

— У меня своя служба доставки, — солгала она. — Могу доставить ваши бумаги.

Семейная пара обменялась взглядами, а потом мистер Боллард вложил бумаги в конверт и, написав на нем адрес и имя получателя, вручил его Анжеле.

— Попроси его подписать бумаги, а потом привези обратно.

— Без проблем, — ответила Анжела.

После этого они стали регулярно поручать ей доставку всевозможных судебных документов. Однажды, когда Анжела вернулась с очередным конвертом, мистер и миссис Боллард попросили ее присесть.

— Ты ведь знаешь, что берешь вполовину меньше за свои услуги, чем другие курьерские службы?

Анжела пожала плечами:

— Мне хватает покрыть расходы и немного уйти в плюс. Я ценю эту работу и довольна тем, что имею. А такой ценник привлекателен тем, что вы нанимаете меня, а не кого-то другого. В итоге все довольны.

Боллард откинулся на кожаную спинку кресла и принялся постукивать пальцем по подлокотнику, изучая лицо девушки.

— Ты не так проста, как кажешься.

Анжела нахмурилась:

— Простите?

Мужчина пожал плечами:

— Ты выглядишь... ну, по твоей внешности не скажешь, что на самом деле ты решительная и дотошная девушка.

Анжела нахмурилась:

— Вы недовольны моей работой?

— Нет, что ты, — ответил он. — Наоборот, мы можем полагаться на тебя. Ты не проваливаешь поручения, доставляешь документы кому надо и когда надо.

— А в чем тогда проблема?

— У тебя нет лицензии на эту деятельность, не так ли?

— Ну...

— Как насчет страховки?

— У меня есть страховка.

— Я не имею в виду полис на машину. Я про лицензию на деятельность и полис страхования твоей деятельности. Они у тебя имеются? Ты застрахована и имеешь необходимые разрешения? Ты зарегистрировала курьерскую службу?

Анжела вздохнула. Ничего из перечисленного у нее не было. Ей показалось, заработанные деньги вот-вот испарятся.

— Нет, — призналась она.

Некоторое время он оценивающе смотрел на нее, что-то прикидывая.

— Ты отлично справляешься, Анжела. Поддерживаешь чистоту в нашем доме и офисе, а также на других адресах, где убираешься, всегда вовремя доставляешь документы куда надо и привозишь их обратно. Но у тебя должна быть лицензия на деятельность, если ты и далее

намерена оказывать эти услуги. Мы юристы, и не можем пользоваться твоими услугами, пока ты все не оформишь по закону.

Анжела все сильнее вжималась в кресло.

— Понимаю.

— Вот что я тебе скажу. Мы с женой можем уладить все юридические вопросы. Тебе нужно придумать название фирмы и заплатить пошлину за регистрацию, а мы можем взять на себя оформление пакета документов, чтобы у тебя не возникло проблем с законом.

Анжела выпрямилась в кресле:

— Вы серьезно?

— Конечно, — ответила миссис Боллард. — Ведь ты неоднократно выручала нас.

— Во сколько мне обойдется регистрация?

Мистер Боллард улыбнулся.

— Мы предлагаем тебе сделку. Мы берем все расходы на себя, а взамен ты два месяца доставляешь наши документы бесплатно. Это как раз должно покрыть наши расходы. После регистрации мы не только сами сможем с тобой работать, но и порекомендовать тебя другим юристам и знакомым.

— Это было бы замечательно! Спасибо вам обоим!

Такая сделка позволила Анжеле оставить работу горничной и стать курьером. Как только у нее появилась лицензия и название фирмы, обыгрывавшее значение ее имени, она заказала пластиковую табличку с магнитами, которая крепилась к дверце машины: «Курьерская служба Анжелы. Окрыли свою посылку».

Некоторые клиенты четы Боллардов испытывали различные правовые затруднения. Некоторые были преступниками. Они тоже стали обращаться к Анжеле по поводу доставки документов. Теперь не только адвокаты, но и люди, имевшие проблемы с законом, знали Анжелу

как надежного курьера. Им нравилось, что одним из основных правил ее фирмы было сохранение конфиденциальности.

Она никогда не задавала вопросов и не болтала о других клиентах. Девушка поняла, что конфиденциальность положительно влияет на ее бизнес. Это касалось не только клиентов, имевших трудности с законом, но и, например, при работе с клиниками, где закон требовал сохранять неприкосновенность частной жизни пациентов.

В конце одного жаркого летнего дня, во время очередной доставки перед ней открылась новая ментальная дверь.

Миссис Боллард вручила ей пакет документов для доставки в небольшой злачный бар на краю города. Заведение с названием «У Барри» представляло собой простое блочное здание, и внутри оказалось довольно темно. За столиками сидели люди, а еще несколько посетителей находились у барной стойки. Вращавшийся под потолком шар отбрасывал на все вокруг сверкающие блики.

Заметив мужчину за стойкой, девушка направилась к нему через зал. Продолжая протирать стаканы, бармен краем глаза наблюдал за ней.

Девушка облокотилась на барную стойку, чтобы он услышал ее через громкую рок-музыку.

— Мне нужен Барри.

— Я Барри, а это мой бар. Чем могу помочь?

Анжела протянула ему конверт с документами.

Он взглянул на обратный адрес, принадлежавший юридической конторе:

— А, отлично. Спасибо.

Анжела развернулась, чтобы уйти, но Барри попросил задержаться. Она посмотрела на него. Мужчина улыбнулся, но не мерзко — такие скользкие улыбочки

Анжела узнавала с первого взгляда, — а приятно и вежливо.

— Не сочти меня озабоченным, — произнес он, — но у тебя чертовски классные ноги.

На Анжеле были шорты с низкой посадкой. Она видела, что он разглядывал ее ноги, пока она шла через зал.

— Спасибо, — настороженно ответила она, опасаясь предложения.

— Ты когда-нибудь думала о работе барменом?

Такого вопроса она не ожидала. Анжела поморщилась:

— Нет. Я ничего не смыслю в этом.

— Это не так уж и сложно. — Он обвел рукой бар. — Заведение не слишком модное. Я могу научить тебя всему, что нужно. Кроме того, с самым важным у тебя уже все в порядке.

Она нахмурилась:

— С самым важным?

Он махнул рукой с тряпкой:

— Твои ноги. Я про... Проклятье, такие ноги привлекают клиентов. Твои чаевые в баре могли бы быть больше, чем заработок курьера.

— Правда?

— Сколько тебе лет?

— Двадцать.

Барри вздохнул.

— Дерьмо. Тебе должен был двадцать один. Сколько тебе еще до совершеннолетия?

— Пять месяцев.

Он скорчил гримасу, обдумывая эту помеху.

— Вернешься сюда в свой день рождения, и я возьму тебя на неполный рабочий день. Если это не принесет тебе минимум в два раза больше прибыли, чем доставка,

я покрою разницу из своего кармана, но я гарантирую, что мне не придется добавлять ни цента.

Анжела ненадолго задумалась — ей и правда хотелось бы зарабатывать больше. Если она будет работать в баре по ночам, то сможет купить машину получше и продолжить заниматься доставкой. Девушка не хотела отказываться от этого.

— Меня зовут Анжела. Увидимся в мой день рождения.

Барри закинул полотенце на плечо:

— Обрежь эти шорты еще короче, и сможешь зарабатывать втрое больше, чем сейчас.

Анжела улыбнулась. Она всегда считала, что у нее слишком длинные ноги. Но если она могла зарабатывать больше, не обхватывая этими ногами какого-нибудь подонка, ее это устраивало.

— Договорились. Вернусь, как только мне исполнится двадцать один.

— Увидимся, — Барри улыбнулся, дружелюбно и безобидно, а затем поднял несколько пустых коробок и направился в подсобку.

Анжела повернулась к выходу и встретилась взглядом с мужчиной, сидевшим за барной стойкой.

Это был здоровяк с ростом метр девяносто и весом больше ста килограммов. Его светлые волосы были завязаны в хвост. Линия роста волос уже начала отступать — такое иногда преждевременно происходит у мужчин, когда им около тридцати. Здоровяк был одет в джинсовую безрукавку, позволявшую разглядеть не только многочисленные татуировки на руках, но и внушительные мускулы.

Все татуировки были весьма мрачными: черепа, змеи, жуткие рептилии, могилы и вороны. Вытатуированная змея выползала из-под джинсовой куртки, и ее

голова с обнаженными клыками располагалась на боковой стороне шеи мужчины.

На обеих мочках ушей сверкали бриллианты — возможно, поддельные. Но судя по внешнему виду мужчины, бриллианты все же настоящие. Он был похож на того, кто не оценит уличение в подделке.

Впервые в жизни Анжела была уверена, что смотрит в глаза убийцы. В это мгновение ее буквально втянуло в очередную дверь, а ее жизнь изменилась безвозвратно.

Помимо осознания она испытала страх, проникавший в каждую клеточку ее тела. Девушка застыла на месте. Ледяной пот выступил на ее коже.

Едва встретившись взглядом с мужчиной, она увидела видение. Прежде подобного с ней не случалось. Она увидела, как этот мужчина сидит верхом на девушке с короткими рыжими волосами. Они находились на старой заброшенной фабрике с выбитыми стеклами. Анжела знала это место. В видении только наступал вечер. Мужчина стянул с девушки джинсы и трусы, и она была голой ниже пояса. Она умоляла его не причинять ей боль. Она обещала, что никому ничего не расскажет, если он отпустит ее.

Ее колотило от ужаса. Анжела слишком хорошо знала это ощущение.

Она видела, как он возбуждается и заводится от беспомощной мольбы жертвы. Он наслаждался ее страхом. Мужчина разорвал ее блузку. Девушка кричала и умоляла его. Внезапно он вонзил нож сначала в одну ее грудь, а потом во вторую — быстро и резко. Раны были недостаточно глубоки, чтобы убить девушку. Нет, он пока не хотел ее убивать. Он хотел вселить в нее ужас.

Ее крики возбуждали его даже сильнее, чем мольбы.

Он принялся колоть ее ножом, заставляя кричать все громче. Он держал нож обеими руками, поднимая над

головой и стремительно опуская, снова и снова, так быстро, как мог. В неудержимой ярости он продолжал наносить удары даже после того, как его жертва затихла.

Когда девушка, широко раскрыв глаза, стала делать последние булькающие вздохи, он расстегнул свои штаны и вошел в нее. Она была уже давно мертва, когда он кончил. Ему это понравилось. Он ощущал особый триумф от того, что затрахал ее до смерти.

Выйдя из нее, он принялся наносить яростные удары по ее лицу, пока не обезобразил его до неузнаваемости. Неподалеку он нашел кусок арматуры и выбил девушке зубы. После этого он завернул тело в мешковину, валявшуюся в углу на куче щебня, вынес труп наружу и направился к старой цистерне с бетонной крышкой. Он был весьма мускулистым, а потому без проблем сдвинул люк в сторону и бросил рыжеволосую девушку в кромешную тьму. Крышку он вернул на место.

Он сильно сомневался, что ее найдут до того, как тело полностью сгниет, но даже если это и произойдет, раздробленный череп и отсутствие зубов сделают опознание крайне затруднительным. Выбитые зубы он выбросил в лесу.

— Ну и ну, — протянул сидевший за барной стойкой мужчина из ее видений. — Да ты просто милашка!

Анжела не могла даже пошевелиться, шокированная видением о том, что сотворил мужчина с рыжеволосой девушкой. Она увидела все за миллисекунду, будто яркое воспоминание, но только из его памяти. Она даже могла ощутить дрожь сексуального удовлетворения, когда он вошел в только что умершую девушку. Она не понимала, как и откуда она могла все это узнать, но была уверена в увиденном, словно сама находилась рядом.

— В чем дело? — спросил он. — Кисонька проглотила язык?

— Отвали, — ответила она, не сводя с него глаз. Она понимала, что такой ответ лишь раззадорит его. Больше всего ей хотелось подцепить его на крючок. — Ублюдок, — добавила она для пущего эффекта.

Анжела не знала, как ей удалось понять, что мужчина убийца, и увидеть смерть девушки с короткими рыжими волосами. Но в тот момент она поняла, что обратной дороги через ту дверь уже не будет. Никогда. Жизнь уже не станет прежней.

Единственное разумное объяснение — Анжела действительно была ошибкой природы. Наркотики, которые постоянное употребляли ее мать и тот торчок, который ее зачал, привели к тому, что Анжела развивалась в токсичном бульоне из того, что текло в венах ее мамаши. Она родилась испорченной.

Она была уверена лишь в одном — впервые в жизни она столкнулась лицом к лицу с убийцей.

Это ужасало ее.

И возбуждало.

Глава 16

Несколько следующих дней Анжела не могла выбросить мысли об этом типе из головы. В ночных кошмарах она видела ужасающие подробности того, что он сотворил. Всеми фибрами души она осознавала, что это случилось на самом деле.

Занимаясь доставкой посылок и документов, она старалась не думать об этом мужчине. Она размышляла, сколько денег может принести работа в баре. В Милфорд Фоллз было непросто найти хорошо оплачиваемую работу. Она решила купить несколько книг с рецептами кок-

тейлей, чтобы по достижению совершеннолетия быть готовой работать барменом.

Но в глубине ее сознания неизменно всплывали воспоминания о мужчине из бара и навязчивые образы, увиденные в его глазах.

Развозя документы, она вглядывалась в людей в поисках этого убийцы. Она не понимала, откуда ей это известно, но была совершенно уверена, что еще увидит его.

Эта мысль пугала до тошноты и в то же время будоражила, как ничто другое. Ее ужасала и опьяняла перспектива еще раз встретиться с этим монстром.

В конце концов, она решила, что сойдет с ума, если и дальше будет постоянно думать о нем, поэтому сделала все возможное, чтобы выбросить его из головы и сосредоточиться на мысли о предложенной Барри работе в баре. Никто из посетителей и близко не был так страшен, как типы, болтающиеся у трейлера ее матери, поэтому она была уверена, что у нее все получится. Вечером, закончив с доставками, она заехала в книжный магазин и приобрела пару книг.

Она намеренно выбрала простые книги с рецептами базовых коктейлей и советами, как их продавать. Книги про изысканные коктейли она проигнорировала — «У Барри» определенно не относилось к числу модных заведений.

На шоссе, перед съездом на дорогу, которая вела на север и проходила мимо хижины, девушка заметила стоявший на обочине синий маслкар. Она припомнила, что видела его на парковке у бара. Анжела не верила в совпадения.

От этого места до ее дома было довольно приличное расстояние, если идти пешком, но с другой стороны, как раз такое расположение машины должно было отвести подозрения.

Свернув на подъездную дорожку дома, она расстегнула трос, настороженно разглядывая кусты и деревья. Заехав на территорию, она вернула трос на место и огляделась, но не заметила на земле ничьих следов. Впрочем, неизвестный мог прийти с другой стороны, чтобы не оставлять следы.

Припарковавшись и войдя в темный дом, она поняла, что он где-то здесь. Она его чувствовала.

Девушка осмотрела каждый темный угол, но не увидела никаких признаков присутствия. С колотящимся сердцем она отперла дверь подвала, затем вернулась в гостиную и зажгла светильник. Анжела постепенно успокоилась и, отрешившись от тревоги, ощутила его присутствие в спальне. Сосредоточившись на нем, она смогла почувствовать, как он притаился, поджидая.

Анжела не собиралась играть по его правилам и заходить в спальню, где он набросился бы на нее. Вместо этого она плюхнулась в кресло в темном углу гостиной, зевнула и шумно придвинула скамейку, чтобы забросить на нее ноги.

Затем она стала ждать. Ждал и он.

Он ждал почти час, пока жажда завладеть ею не взяла верх. Анжела чувствовала его ненависть к ней и ее откровенной женственности, которая уязвляла его. Его гнев достиг точки кипения, и ему придется что-то с этим сделать.

Он тихо вошел в гостиную.

Дом был небольшим. Коридор, ведущий в спальню, начинался прямо в центре гостиной, поэтому мужчина был совсем рядом. Он мысленно отмерил несколько шагов и большой прыжок, чтобы оказаться на ней сверху. Хижина стояла в глуши, а мужчина был намного крупнее Анжелы, поэтому он чувствовал себя в безопасности и считал, что контролирует ситуацию. Он знал, что возьмет

ее там, где захочет. В его разуме уже кружились идеи, что с ней сотворить.

Эти мысли парализовали ее.

Сделав еще шаг в гостиную, он увидел, что ее рука лежит на бедре, и замер при виде направленного на него пистолета.

Присмотревшись и узнав двадцать второй калибр, он усмехнулся и поднял руки, притворяясь, что сдается.

— Полегче, красотка. Ты же не собираешься стрелять в меня из этой пукалки? — В его ухмылке отражались жуткие мысли, наполнявшие его голову, но не было никакого страха.

— Возможно, — ответила она. — Как пойдет.

Он опустил руки:

— Сомневаюсь, что такой симпатичной малышке хватит смелости в кого-то выстрелить, особенно в того, кто лишь хочет узнать ее получше.

Она молча смотрела на него, не убирая пистолет.

— А даже если смелости хватит, — произнес он, указывая на пистолет, — и ты умудришься попасть, эта пукалка не сможет нанести особого вреда и помешать мне добраться до тебя и отобрать ее.

— Она нанесет достаточный вред, если я выстрелю промеж глаз.

Пистолет повторял даже малейшие движения мужчины.

Мгновение он пристально смотрел на нее, а потом его ухмылка вернулась.

— Не думаю, что ты настолько хорошо стреляешь, особенно в темноте. Как насчет того, что я заберу эту штуку и засуну ее в твою маленькую симпатичную задницу?

— А давай я попаду в бриллианты в твоих ушах, чтобы показать, насколько хорошо стреляю? — Она

наклонила голову. — Знаешь, большинство парней носит только одну серьгу.

Он рефлекторно прикоснулся к уху, но тут же опустил руку.

— Да? Ну, я раза в два крупнее большинства парней.

Выражение его лица стало кровожадным, и он резко бросился на нее.

Анжела подняла пистолет обеими руками и сделала два выстрела, пока мужчина был еще в воздухе.

Он качнулся и зажал руками уши.

— Ах ты, сука! — заорал он. — Мелкая долбаная шлюха!

Он шагнул вперед с правой ноги, и Анжела выстрелила раньше, чем он успел оторвать от пола левую ногу. Пуля разнесла его коленную чашечку, словно тарелку для стрельбы. Он рухнул, зажимая колено руками, вопя от боли, катаясь по полу и извергая проклятия.

Анжела все так же невозмутимо сидела в кресле, положив ноги на скамейку. Она даже не шелохнулась, пока стреляла.

— Чертова сука! Я тебе руки переломаю и в пизду запихаю!

Мужчина умудрился подняться и теперь подпрыгивал на здоровой ноге, чтобы сохранить равновесие. Он вытащил нож из чехла на поясе под жилетом и поднял оружие над головой. Анжела прострелила его запястье, раздробив кости. Пуля прошла навылет, оставив на стене позади него брызги крови. Нож загрохотал по полу.

— Блять! — закричал он. — Что, черт подери, с тобой не так! Какого хера ты делаешь?

Анжела не ответила. Она встала и пошла мимо него к коридору между кухней и спальней. Он баюкал покалеченное запястье. Оказавшись рядом и не проронив ни слова, она прострелила ему другое колено, раздробив

чашечку. Он завалился на бок, сжимая колено здоровой рукой.

Анжела открыла дверь в подвал и указала пистолетом:

— Сюда. Шевелись.

— Шевелись? Ты совсем пизданулась? Я встать не могу!

— Я не велела тебе вставать, я сказала «шевелись». У тебя еще есть здоровая рука. Воспользуйся ей, чтобы ползти туда.

Анжела увидела, что он смотрит в направлении ножа на полу. Не отводя дула с его лица, она обошла мужчину, чтобы тот не достал ее своей здоровой рукой, и подняла нож.

— Думаю, теперь ты веришь, что я не промахиваюсь. Давай, тащи свою жалкую задницу к двери. Повторять не буду.

Задыхаясь от боли, навалившейся на него в полной мере, он выполнил ее приказ: опираясь на здоровую руку и локоть раненой, он полз по деревянному полу. Каждое движение сопровождалось болезненным рыком, за мужчиной тянулся кровавый след. Он напоминал ей раненого тюленя.

В темном дверном проеме он остановился, опираясь на здоровую руку.

— Давай-давай, — велела девушка.

Он оглянулся через плечо:

— Я же ничего не вижу. Там темно! Каким хреном, по-твоему...

Анжела от души ткнула его сапогом между лопаток. Этого оказалось достаточно, чтобы он скатился вниз по лестнице. Она слышала шум ударов, когда он падал с очередной ступеньки. Наконец, он упал на пол подвала и застонал.

Анжела включила свет и увидела, что он лежит у подножия ступеней почти без сознания. Не теряя времени и не дожидаясь, пока он придет в себя, девушка сбежала по лестнице и вынула из ящика на полке кабельные стяжки. Она завела одну его руку за спину и, упершись коленом в спину и не давая ему пошевелиться, проделала то же самое и со второй рукой. Хомутами она зафиксировала его запястья.

Когда она схватила его кровоточащую кисть и туго стянула на ней пластиковую стяжку, он взвыл от боли. На всякий случай, она также зафиксировала хомутами его лодыжки. С простреленными коленями он едва ли был способен что-либо сделать, даже если бы его руки были свободны; кроме того, она могла вышибить ему мозги, если что-то пойдет не так, но для того, что она задумала, он должен быть полностью неподвижен. А еще она хотела, чтобы он в полной мере ощутил беспомощность — как та рыжеволосая девушка.

Было страшно находиться рядом с таким жестоким убийцей. Но вместе с тем она ощущала себя куда более живой, чем за все то время, что жила без бабушки и дедушки.

Анжела перевернула мужчину и терпеливо стала дожидаться, когда он придет в себя. Очнувшись, он закрутил головой, осматриваясь. Он изгибался и выкручивался, силясь освободиться и выглядя при этом как рыба, выброшенная на берег. Он был силен, но недостаточно, чтобы освободиться, особенно учитывая полученные ранения.

— Будь ты проклята! — заорал он. — Какого хрена ты вытворяешь?

Анжела изогнула бровь:

— Ты вломился в мой дом, прятался в спальне, собираясь напасть, в то время как в твоей башке роились по-

хабные мыслишки, и ты еще спрашиваешь меня, что я вытворяю?

— Ничего такого не думал! Я не собирался причинять боль!

— Ага, как же.

— Ты не можешь просто так подстреливать людей! Это незаконно! Я заявлю на тебя в полицию. Я подам иск в суд, и ты за все, нахрен, ответишь!

Не обращая внимания на угрозы, Анжела опустилась рядом с ним на колено, а на второе колено оперлась рукой с пистолетом.

— У меня полно вопросов, — произнесла она. — Хочу, чтобы ты на них ответил.

— Да пошла ты! — выкрикнул он. От злобы он брызгал слюной. — Ни черта я тебе не расскажу!

— Да ладно?

Анжела поднялась и направилась к полкам, где нашла ручную пропановую горелку и кремниевый воспламенитель, которые принадлежали ее деду. Она открыла клапан пропанового баллона, поставила стальную чашечку воспламенителя на наконечник горелки и сжала стальные ручки, чтобы пружина нанесла удар по огниву. После того как горелка зажглась, девушка отрегулировала пламя и перенесла прибор к своему нежданному гостю.

Анжела снова присела на одно колено перед мужчиной и поставила горелку на пол в зоне его видимости.

— Как я уже сказала, у меня полно вопросов.

Он закричал и задергался, стараясь отодвинуться.

— Да пошла ты! Ничего я рассказывать не собираюсь!

Анжела подняла горелку:

— А я думаю, собираешься.

— Если не хочешь неприятностей, отпусти меня!

— Расскажи мне о девушке с рыжими волосами.

Он замер и в панике уставился на нее.

— Чего?

— Девушка с рыжими волосами. Я хочу, чтобы ты подробно рассказал мне обо всем, что с ней сделал.

— Не знаю я никакой девушки с рыжими волосами!

Анжела провела пламенем по его лицу. Его кожа почернела. Он закричал и замотал головой, стараясь отодвинуться от горелки, поэтому она направила пламя на предплечье. Его подкожный жир стал плавиться, а кожа трескаться. Помещение наполнилось запахом горелого мяса. Он задыхался и визжал. Это было восхитительно.

— В подробностях, — повторила она, держа пламя горелки перед его глазами.

Его взгляд метался между шипящим пламенем и ее глазами.

— Я не хотел никаких проблем. Все вышло случайно. У нас был просто грубый секс, вот и все.

Анжела ткнула кончиком пламени в его левый глаз. Его ресницы моментально обгорели. Он издал душераздирающий крик и яростно стал мотать головой из стороны в сторону.

Девушка уперлась сапогом в его челюсть, зафиксировав голову. Ей необходимо узнать, насколько точным было ее видение. Если все действительно произошло так, как она это видела, ей нужно было услышать все мельчайшие подробности. Она не сомневалась, что перед ней убийца, но ей по-прежнему было тяжело постичь природу подобных видений. Она должна выяснить, на самом ли деле он проделал с девушкой все, что она увидела, или это лишь плод ее воображения.

Упираясь сапогом в его челюсть и наваливаясь всем весом, не давая ему мотать головой, она выжгла его левый глаз.

Она убрала сапог и позволила ему некоторое время кричать и биться. Когда он затрясся от боли, Анжела наклонилась ближе.

— Подробно. Начни с самого начала.

Он снова посмотрел на пламя здоровым глазом. Его подбородок бесконтрольно дрожал. Анжела видела в нем не человека, а того, кем он был на самом деле, — монстра, убивавшего женщин. Он был как бешеная собака, которую требовалось усыпить. Того, кем он когда-то мог стать, уже не было. Он убийца, который убьет снова, если ему представится возможность. Этой ночью он собирался убить ее и заняться сексом с ее трупом.

— Я отвел ее в заброшенное здание. Говорю же — у нас был жесткий секс. Вот и все.

Анжела подняла горелку.

— Соврешь еще раз, и я выжгу второй глаз, и это будет только начало. Хочу знать каждую деталь. От и до. Пришло время для исповеди. И ничего не упусти. — Она со стуком поставила горелку на пол. — Начинай.

Стоявшая рядом горелка убедила его прекратить сопротивляться и начать выкладывать все о своих деяниях. Казалось, он испытывал облегчение, признаваясь в грехах.

Каждая деталь полностью совпала с видением Анжелы.

Ощущения были потрясающими, но в то же время ей было противно находиться в мыслях убийцы, видеть его глазами, быть свидетелем жуткой и одинокой беспомощности его жертвы. Теперь Анжела была единственным защитником той молодой рыжеволосой девушки.

Это было его первое убийство. Вспышка ярости высвободила всю его затаенную ненависть и желания. Это стало его посвящением в убийцы, но Анжела положила этому конец.

Она все еще не знала, как ей удалось проделать такое, но это отошло на второй план, как только она получила подтверждение истинности каждой увиденной детали. Все, что сейчас имело значение, — она могла делать это.

Той ночью в ней что-то щелкнуло, как и в тот день, когда та девочка постарше ударила ее. Она прошла через ментальную дверь и стала той, кем прежде не являлась. Она познала новую цель в жизни. У нее появилась причина жить.

В мире были убийцы, и теперь они принадлежали ей.

Она была для них хаосом, разрушителем, нежданной ложкой дегтя в бочке с медом. Она вносила дисбаланс в их идеальную формулу зла.

Анжела нашла свое предназначение.

Следующие три дня она провела в подвале с убийцей. Он провел эти три дня в аду на земле.

Она хотела, чтобы это никогда не заканчивалось.

Глава 17

Рафаэль стоял в маленьком офисе и смотрел через окно на причал, где рабочие загружали в ящики металлические цилиндры. Его восхищало, что спустя десятилетия планирования и кропотливой работы миссии наконец-то дали ход.

Он взглянул на часы и понял, что они выбиваются из графика. Ему предстояла длительная поездка по суше, а затем путешествие на борту грузового корабля, который сделает несколько остановок по пути в Южную Америку. Многие из их команды уже были в пути. Они собирались проникнуть на территорию отдельными группами.

Рафаэль и его команда готовились к этой миссии почти всю жизнь. Он едва верил, что она начала воплощаться в реальность.

Он увидел, как цилиндр выскользнул из рук Хосе, когда тот повернулся рассказать шутку другому мужчине. Цилиндр дважды подпрыгнул, а затем покатился по погрузочной платформе.

Хосе побежал за ним, спотыкаясь о собственные ноги. Он случайно пнул цилиндр, и тот покатился еще быстрее. К счастью, Роналдо успел поставить ногу и остановить его.

Цилиндры были достаточно прочными, но кто знает, что может случиться при неосторожном обращении? Хосе со смехом поблагодарил Роналдо, затем закинул цилиндр на плечо, словно тот был совсем не опасен, и направился к ящикам.

— *Idiota*[1], — прошипел Рафаэль сквозь зубы.

Сквозь стекло Рафаэль не мог услышать, что сказал Хосе товарищам, когда вернулся к ящикам, но некоторые из них улыбнулись. Другие покачали головой. Хосе слыл главным шутником группы. Но сейчас было не место и не время для шуток.

Алехандро, заместитель Рафаэля, взглядом выразил все, что думает о Хосе. Рафаэль стиснул челюсти. Как и Алехандро и многие другие, он был сыт по горло выходками Хосе. Это была миссия всей их жизни, миссия, к которой они готовились с самого детства. Теперь, когда они выполняли самые важные части плана, он сомневался, можно ли и дальше позволять этому придурку принимать участие в операции.

Он сожалел, что они не убрали Хосе из команды еще несколько лет назад. Но и тогда уже было поздно брать

[1] Идиот (исп.). — Здесь и далее прим. пер.

кого-то вместо него. Если бы Хосе не получилось бы кем-то заменить, он все равно приносил больше вреда, чем пользы. Он подвергал риску все их дело.

Рафаэль повернулся на звук открывающейся двери. В помещение ворвался Хасан с раскрасневшимся лицом. Когда он остановился, его тауб обернулся вокруг ног. Хасан вздернул плечи, а затем опустил, чтобы расслабиться и заодно поправить бишт. Богатый коричневый плащ с золотой каймой указывал на его важный статус.

— *Que te trae aqui hoy*? — спросил Рафаэль.

Хасан замахал рукой:

— На фарси, пожалуйста. Ты же знаешь, я не говорю по-испански.

— Прости, забыл. Я спросил, что тебя сюда привело?

— Хотел сообщить, что все уже будет готово к сборке, когда вы туда доберетесь.

Рафаэль скрестил руки на груди:

— Каким образом вы доставите взрывчатые проволочные мостики так быстро, что наша команда на месте сможет продолжить сборку без задержек?

Взрывчатые проволочные мостики весьма заботили Рафаэля, потому что являлись критично важным компонентом, который было необходимо доставить раньше всего остального. Если их потеряют или позволят перехватить, миссия окажется под угрозой. Как и многие другие важные элементы, ВПМ было запрещено ввозить в Америку, и за этим тщательно следили.

— Курьерами, — ответил Хасан. — У нас имеются свои сотрудники МИБИ[1] в зарубежных представительствах и посольствах большинства стран, через которые пройдут поставки. Они выжидают момент, и пакет с ВПМ передается от одного надежного агента другому.

---

[1] Министерство информации и безопасности Ирана.

— Разумно, — произнес Рафаэль. — Но что насчет Америки? Это самое опасное звено цепи. У вас имеются надежные агенты, которые передадут последнюю поставку?

— Мы не можем рисковать, используя наших агентов для доставки грузов, — возможно, их личности известны американским спецслужбам, и они находятся под наблюдением. У американцев есть такие технологии, о которых мы даже не знаем. Если будем передавать поставки через агентов, дело окажется под угрозой. Это историческая операция, и нельзя, чтобы нас раскрыли. Чтобы не вызвать подозрений, мы не будем использовать наших людей или сторонников, а обратимся к услугам небольших частных служб доставки. Курьеры будут передавать наш груз по цепочке, от одной службы к другой. Никто не будет знать содержимое или конечный пункт назначения. Каждый курьер будет получать только инструкции по доставке посылки следующему курьеру. Таким образом, только последний курьер вскроет инструкцию с конечным адресатом — твоей командой под руководством Мигеля.

— Но последний курьер будет знать, куда доставить посылку, — возразил Рафаэль. — Такое знание — угроза для нас.

Хасан улыбнулся:

— Мы мыслим одинаково, Рафаэль, поэтому в коробку с ВПМ я вложил инструкции, в которых получателю велено убить курьера и избавиться от тела. Никто не будет знать, что случилось с последним курьером, и никто не свяжет его с нами. Отследить посылку не смогут. Я подписал приказ твоим именем, и твои люди без колебаний его выполнят.

Рафаэль кивнул, с облегчением вздохнув:

— Хорошо.

— А что у вас? Вы отстаете от графика.

— Мы выполнили самую сложную часть и скоро загрузим все компоненты. Осталось погрузить только энергоблок, и можно отправляться. Я подсчитал, что если мы поднажмем, то нагоним отставание от графика к моменту прибытия в Бразилию. Наши люди будут тщательно контролировать каждую пересадку.

Хасан кивнул. Рафаэль заметил, что араб выглядит несколько растерянным.

— Какие-то проблемы?

Хасан вытер рукой рот и разгладил свою черную бороду.

— Помнишь, я говорил, что мы послали Вахиба в Иерусалим?

Рафаэль порылся в воспоминаниях:

— Вахиб, который наемный убийца? Ты о нем?

Хасан кивнул:

— Его раскрыли.

Рафаэль подался вперед, нахмурившись:

— Раскрыли. Каким образом? Насколько мне известно, наши враги о нем не знали, поэтому он и был столь ценен. Он был неизвестен и невидим, как призрак среди неверных.

Хасан огляделся так, словно стены могли иметь уши:

— Помнишь, я делился с тобой своими подозрениями?

Рафаэль задумался, постукивая большим пальцем по ноге.

— Что в Моссаде есть люди, которые могут увидеть, доводилось ли человеку убивать?

Хасан снова кивнул:

— По данным нашей разведки, такое возможно. Наши люди утверждают, что видели вместе двух мужчин. Один из них, должно быть, подал какой-то знак, ко-

гда Вахиб повернулся к нему лицом; солдаты и люди в штатском тут же налетели из ниоткуда и схватили его.

Рафаэль счел это тревожным.

— Ты уверен? Уверен, что в нем узнали убийцу просто по взгляду на лицо?

— Не на лицо. В глаза.

Рафаэль скривился.

— Сложно поверить, что такое возможно.

— Я верю. — Хасан бросил на него обеспокоенный взгляд. — Вахиб был ценным человеком. Никто никогда не знал, кто он такой. Мы в этом полностью уверены.

— Откуда у тебя появилась эта идея о людях, которые могут узнавать убийц по глазам?

Хасан снова пригладил бороду.

— Вахиб рассказывал, что однажды по пути на задание встретил пожилую женщину, которая несла домой кувшин с растительным маслом, чтобы приготовить ужин для своей семьи. Когда Вахиб шел по людному переулку, она посмотрела ему в глаза и ахнула. — Хасан поднял палец, подчеркивая свои слова. — Старуха поняла, что он убийца. Вахиб сказал, такое уже случалось с ним однажды, и он тоже смог увидеть в ее глазах, что она была из тех очень редких людей, которые понимали по его глазам, что он убивал. Он сказал, что и он, и старуха обладали редкими и весьма схожими способностями. Именно поэтому она поняла, что он убийца.

Рафаэль сомневался.

— Просто взглянув на него?

— Взглянув ему в глаза, — поправил Хасан, снова подняв палец. — К счастью, он смог успокоить ее и убедить, что убивал только евреев. Она испытала облегчение и радость от такой новости, а потом пошла своей дорогой, пожелав ему успехов и еще множества убийств. Вахиб слышал разговоры о том, что Моссад использует лю-

дей, способных распознавать убийц, — с такой же способностью, как у той старухи. Боюсь, это правда.

Рафаэль поднял брови:

— Думаешь, один из таких людей узнал в нем убийцу, и потому его схватили?

Хасан глубоко вздохнул.

— Я в это верю. — Он поправил свою накидку. — Ситуация серьезная; очень важно ликвидировать этого человека, работающего на Моссад. Неизвестно, какой ущерб он может нам причинить, какие планы может разрушить эта вражеская змея. — Он указал через окно на причал: — Может, даже такие планы, как этот. Мы не можем рисковать. Его нужно устранить.

— И как разыскать этого еврея с особым зрением?

Хасан искоса взглянул на него:

— В этом и проблема. Ни ты, ни я не распознаем человека с такой особенностью. Для этого потребуется убийца очень высокого уровня — вроде Вахиба. Чтобы они раскрыли карты, нужен тот, в ком этот еврейский дьявол признает убийцу. Обычный наемник может не понять, что его вычислили. Нам нужен человек, который может разглядеть в их глазах это умение. Нужен кто-то вроде Вахиба, но он, к сожалению, во вражеских руках.

— Значит, нам нужен высококлассный особенный убийца, который может распознать эту способность по глазам врага?

— Именно.

— На все воля Аллаха. Как же ты собираешься найти такого?

Хасан встретил взгляд Рафаэля:

— У нас есть такой человек — Кассиэль. Я считаю, что у него есть способность выявлять таких врагов.

— Что заставляет тебя так думать?

— Этот человек — волк в таубе. Он безжалостный убийца. Грамотный. Умный. Хитрый. Он свободно говорит на пяти языках и весьма неплохо еще на нескольких.

— Он один из наших людей?

— Нет. Он наемник, схваченный силами охраны правопорядка.

— Почему они заинтересовались делом об убийстве? Обычно они занимаются внутренней безопасностью.

— Потому что это был особый случай, имеющий некоторое отношение к внутренней безопасности. Кассиэль охотился в основном на женщин, но в числе его жертв были и мужчины. Он убивал без какой-либо причины или системы. Недавно от его руки погибли имам и его родственники. Он убил родственников, пока добирался до имама.

— А сам имам?

Хасан провел пальцем по горлу.

— Министерство информации и национальной безопасности Ирана не может точно сказать, где он родился, но они узнали, что в течение многих лет он переезжал из одной страны в другую. Мы знаем, что он убивал людей от Италии до Таджикистана. Уверен, что жертв было больше. По какой-то причине иногда он вырезает целые семьи. Он международный серийный убийца.

Хасан склонил голову ближе.

— Полагаю, случайный характер выбора жертв означает, что у них должно быть что-то общее. Подозреваю, он охотился на тех редких людей, способных узнать убийцу — в том числе и в нем.

— Он заботился о своей безопасности?

— В некотором смысле. — Хасан выгнул бровь. — Волкам не понравится, когда овчарка наблюдает за охотой. Думаю, Кассиэль охотился на овчарок.

— Это тревожная мысль.

— Как бы то ни было, его должны были казнить вскоре после того, как схватили. Я пришел к нему с предложением: свобода в обмен на то, что он будет работать исключительно на нас, убивать для нас, охотиться на людей, которых выбираем мы, а не он. Мы разрешили убивать любым способом, только бы тех, кого нужно. И все же он настоящий зверь. Опасный зверь. Я сказал, что у нас повсюду агенты — повсюду глаза, — и если он убьет кого-то без приказа, то мы пристрелим его как бешеного пса. Ему понравилась затея, при которой его не казнят и даже позволят продолжить убивать, пусть и строго по списку, поэтому он согласился на наши условия. Я считаю, он способен обнаружить человека, которого мы ищем — того, кто распознал в Вахибе убийцу.

— Ты пошлешь его за этой еврейской змеей?

— Да, но все не так просто, — ответил Хасан. — Информаторы сообщили, что израильтяне всегда держат его под усиленной охраной. Пока Моссад за ним присматривает, будет нелегко до него добраться. Но его необходимо устранить — иначе мы рискуем слишком многим. — Он снова махнул рукой в сторону окна. — Даже этим.

— Как ты собираешься действовать?

Рафаэль задумался, зачем Хасан посвящает его в свои планы. Подобное вообще не входило в обязанности Рафаэля, к тому же, ему и его команде предстояла чрезвычайно важная работа. Вскоре они отправятся в свою миссию.

Хасан скрестил руки на груди, раскачиваясь на пятках.

— Чтобы Кассиэль приблизился к цели и уничтожил ее, нам нужен отвлекающий маневр.

— Какой?

— Мученик. Тот, кто послужит Аллаху, пронеся бомбу, которая уничтожит как можно больше евреев. Нам нужен тот, кто захочет быть мучеником и сочтет это за честь. Кто-то, кто никогда не убивал, и поэтому его не опознают, как Вахиба. Бомба отвлечет внимание от Кассиэля.

Рафаэль резко посмотрел через окно на людей, загружающих ящики. Хосе корчил дурацкие рожи, закручивая внутренний люк. Он не следил за тем, что делал, и не попадал на резьбу. Увидев, что натворил, он обругал люк, будто тот был виноват.

— Думаю, у меня есть человек для такой важной миссии.

Хасан увидел, на кого смотрит Рафаэль.

— Это крайне ценные люди, — произнес Хасан. — Мы с самого детства готовили вас к этой миссии. Мы много вложили во всех вас и очень на вас надеемся.

Было не похоже, чтобы Хасан сильно возражал, оценивая серьезность предложения Рафаэля.

— Именно поэтому я считаю, что этого человека нужно отстранить от миссии. Он делает слишком много ошибок. Разумеется, наши руководители не могли этого предвидеть, когда мы были еще детьми, но он не слишком сообразительный. Боюсь, из-за неуклюжести и невежества он может ненароком поставить все под угрозу. Как бы ценен ни был каждый из нас, я думаю, ему лучше стать мучеником. Это решит две проблемы разом.

Глядя в окно, Хасан обдумывал предложение Рафаэля.

Наконец, он улыбнулся.

— Приведи его сюда. Я сообщу, что мы так сильно верим в него, что он выбран для особо почетного задания: он станет мучеником намного раньше, чем ожидал.

Рафаэль улыбнулся сам себе.

— Он будет в восторге от того, что ты лично выбрал его для этой миссии.

Глава 18

Закончив отмывать грузовик от крови и отпечатков Оуэна, Анжела зашла в хижину и открыла дверь в подвал. Дед и бабушка всегда держали дверь запертой. Анжела поступала так же.

Она включила свет и спустилась по крутой деревянной лестнице. Подвал с низким потолком занимал лишь половину длины дома. Гранитные пласты по обеим сторонам образовывали неглубокую V-образную яму под домом. Пол первого этажа опирался на каменные выступы, перекрывая эту яму.

Половые доски из тикового дерева были расположены на расстоянии примерно в полсантиметра друг от друга, так что пол можно было помыть из шланга, висевшего на стене. Вода утекала через щели между досками, а потом по каменному склону сбегала в расщелину под дальней частью подвала.

Расщелина была плотно закрыта люком внушительного размера. Дед называл расщелину адской дырой.

Анжела считала, что дыра была создана разломом между гигантскими гранитными горами по обеим сторонам — горы разошлись, а земная кора раскрылась, оставив трещину, ведущую в недра земли. Ее дед воспользовался этой геологической особенностью. Анжела предполагала, что он решил построить хижину на этом самом месте именно из-за разлома. Убрав оттуда деревья, скопившийся валежник и кустарник, под которыми скрывалась расщелина, он прямо над ней построил свой дом.

Анжеле нравилось представлять, что горы по обеим сторонам — это ее дедушка и бабушка, присматривающие за ней. Гора бабушки слева, а гора дедушки справа. Их духи всегда были там, непрестанно оберегая ее.

Анжела знала, что у адской дыры должно быть дно, но все попытки измерить глубину не дали результата. Однажды она купила несколько мотков веревки, привязала к концу одной тяжелый болт, а затем опустила в дыру. Когда один моток заканчивался, она привязывала к концу новый, и так, пока все мотки не кончились. К ее удивлению, болт так и не достал до дна. В общей сложности, веревка была более ста пятидесяти метров длиной.

Железный болт на конце веревки раскачивался и в начале спуска ударялся о широкие стены, но ниже ни обо что не звякал. Значит, пропасть не сужалась. Анжела удивилась еще больше, когда отпустила веревку — глядя, как ее конец упорхнул в темноту, она считала секунды и ждала, когда болт достигнет дна. Но она не услышала ни звука. Может, болт падает до сих пор?

Когда она направила свет мощного фонаря в адскую дыру, тот осветил гладкие гранитные стены, которые сначала слегка сужались, а потом расширялись и изгибались. Они уходили вниз, пока свет просто не рассеивался в темноте.

Дед предупреждал ее быть осторожной с адской дырой: если она туда провалится, ее больше никто не увидит. В расщелине не было скальных выступов или корней, за которые можно уцепиться во время падения, никаких опор для ног или рук, чтобы выбраться. Влажный мох покрывал гладкий камень там, где вода просачивалась через крупные трещины. В сущности, это было не что иное, как скользкий, гладкий и слегка извилистый гранитный колодец, спускающийся в громадную пропасть.

Она знала, что дед был прав. Если упадешь, тебя ничто не остановит. Никто никогда не услышит, как ты зовешь на помощь, летя вниз. Ты не переживешь падения, но даже если каким-то чудом выживешь, то никогда не сможешь выбраться оттуда и умрешь в холодном мраке.

Анжела подозревала, что за тысячи лет до того, как дед построил хижину, животные поскальзывались на наклонном выступе и разбивались насмерть. Она представляла, что на дне пропасти можно найти доисторических хищников. Может, даже саблезубого тигра.

Однажды Анжела бросила в бездонный колодец сигнальную ракету. Она наблюдала, как та падает, пока пятнышко мерцающего красноватого света постепенно не исчезло в пустоте. В другой раз она взяла несколько дымящихся кусков ладана и держала над дырой, чтобы посмотреть, вверх или вниз движется воздух, что указало бы на другой вход где-то ниже — боковую шахту, — но дым не выявил никакого движения воздуха. Дыра не была входом в систему пещер. Это была просто очень глубокая дыра.

Когда дед показал ей адскую дыру, Анжела спросила, не там ли находится Фрэнки. Он сказал только, что людям вроде Фрэнки там самое место. Анжелу такой ответ вполне устроил.

Теперь в адской дыре был не только Фрэнки. Первый мужчина, в котором Анжела распознала убийцу, присоединился к нему после трехдневного вводного курса в ад. За ним последовали другие убийцы, которых она узнавала по тому, что видела в их глазах. Они больше никому не причинят вреда, их останки никогда не обнаружат. Они будут вечно лежать внизу вместе с другими древними хищниками.

Оуэн присоединился бы к ним, но для Анжелы было важнее узнать, где он бросил тело Кэрри Страттон, своей

последней жертвы. Ее семья должна была узнать. Труп Оуэна укажет, где находится тело.

Анжела вытащила из сапога нож в чехле и бросила его в адскую дыру. Она слышала, как он несколько раз ударился о каменные стены, падая вниз, а потом воцарилась тишина. Затем она села на железный стул на другой стороне подвала и сняла сапоги и носки. Девушка бросила их в зияющую черную дыру. После этого она избавилась от шорт, трусов и топа, швырнув их в темноту. Все, что было на ней, отправилось в пропасть.

Она не хотела беспокоиться о том, что какой-нибудь судмедэксперт найдет кровь в швах ее сапог или пятнышко на ткани шорт или майки. Она не давала никому найти никаких улик, избавляясь от них навсегда. Включая нож. Он весь был покрыт кровью Оуэна. Насколько она знала, в конструкции ножа были стыки, в которых могли остаться следы крови.

Единственный способ убедиться, что власти не найдут никаких доказательств — не дать им найти улики. Проще некуда. Единственный способ сделать это и остаться в безопасности — выкинуть все в адскую дыру. Она никогда не делала исключений. Не стоило рисковать.

Из одного из шкафчиков Анжела достала новый нож в новом чехле. Он был точно такой же, как тот, которым она обрабатывала Оуэна. У нее было еще полтора десятка одинаковых острых ножей, выстроившихся в ряд в шкафу.

Совершенно голая, с новым ножом, она поднялась наверх, чтобы принять душ и взять вещи. Ей хотелось, чтобы впечатления от убийства Оуэна продлились дольше. Она с удовольствием сполна воздала бы ему по заслугам. По крайней мере, теперь он был мертв и не мог больше никому причинить боль.

Но эта восхитительная, пьянящая эйфория уже затухала.

Приняв душ и одевшись, она проверила телефон на прикроватной тумбочке.

Был один пропущенный звонок из хосписа.

Она могла перезвонить — кто-нибудь всегда отвечал, — но вместо этого послала сообщение:

Простите за пропущенный звонок. Была на работе.

Анжела намеренно не предоставила никакой другой информации и не сказала, когда у нее будет время.

Она кинула телефон на тумбочку и достала свой Вальтер П22 с подавителем Джемтэк. Большинство называли их глушителями, но дед рассказал ей, что это подавители, так как они подавляют звук, а не заглушают его полностью. Она вытащила пару коробок с дозвуковыми патронами и зарядила десять магазинов.

Она предпочитала использовать во время тренировок подавитель, особенно ночью. Ночь и туман, казалось, разносили звук на многие мили. Анжела не хотела без необходимости привлекать внимание, тем более выстрелами.

Выстрелы настораживали шерифов и егерей. Она выяснила это давным-давно и решила, что не хочет повторения. Стрельба в собственных владениях не была незаконной, но они все равно должны были отреагировать на сообщение о стрельбе. Помимо этого, с подавителем ей не нужно было надевать защитные наушники, что позволяло оставаться готовой ко всему — например, если кто-то к ней подкрадется.

На подавитель требовалась федеральная лицензия, как и на ношение огнестрельного оружия. Анжеле не нужен был пулемет, но нужны были подавители. Она не хотела проходить долгий и тяжкий процесс получения

лицензии, который наверняка вызовет подозрения и привлечет внимание к ее имени.

Единственным плюсом в знакомстве с наркоторговцами и их друзьями было то, что они могли достать что угодно, если у тебя есть наличные. У Анжелы были деньги, и она купила огромное количество подавителей без лишних вопросов, предъявления документов, проверки данных, бумажной волокиты и ожидания.

Даже с подавителем выстрелы производили громкий треск, когда пуля приобретала сверхзвуковую скорость. Дозвуковые снаряды предотвращали треск от выстрела, поэтому с дозвуковыми патронами и подавителем пистолет стрелял практически бесшумно. В основном звук издавал затвор, когда выкидывал стрелянную гильзу и досылал новый патрон.

Дозвуковые пули были медленнее, но все равно оставались смертельными. Пуле достаточно скорости всего шестьдесят метров в секунду, чтобы пробить человеческий череп — при условии точного попадания. Если она попадала в смертельный треугольник, то гарантированно убивала.

Выйдя из дома, Анжела привела в действие треугольную мишень своего деда. Она тренировалась почти каждый день, так много, что могла попасть в цель чуть ли не с закрытыми глазами.

Тренировка была одной из форм целенаправленной жестокости, которая помогла продлить кайф от расправы над Оуэном.

Анжела очень серьезно относилась к тренировкам. Первый мужчина, в котором она распознала убийцу, раскрыл ей глаза на ее странную способность. Он мог бы добавить ее в число своих жертв, когда пробрался в ее хижину, но она была отличным стрелком. Дед хорошо ее обучил.

Анжела скучала по бабушке с дедушкой. Какой-то убийца всадил им пулю в затылок — убийца, которого она теперь могла узнать по взгляду в глаза.

Он должен молиться, чтобы Анжела никогда не узнала, кто он такой.

Глава 19

Джек Рейнс наблюдал за тем, как Эхуд пробирается сквозь поток людей на тротуаре возле кафе на углу. Полицейские в голубых рубашках и темно-синих куртках парами патрулировали улицу, приглядывая за прохожими. Вдалеке военные вели наблюдение со своих постов.

Джек помедлил, чтобы дождаться одетого в штатское Эхуда, который был руководителем группы Моссада. Тот шагнул в сторону, пропуская шумную группу пожилых женщин, болтающих и смеющихся. Их руки были заняты многочисленными сумками с покупками; женщины были в прекрасном настроении и совершенно не подозревали об опасности. Такова была человеческая натура. Думать иначе — работа Джека и его коллег.

На пешеходных аллеях Иерусалимского треугольника собрались туристы со всех уголков мира, говорившие на самых разных языках. В магазинах вдоль мощеных мостовых продавались предметы искусства, одежда, обувь, религиозные товары, свежие фрукты, предметы утвари и кондитерская выпечка. Как только плотная группа туристов прошла, Джек кивнул мужчине, чтобы тот приблизился.

— Все на своих позициях, — произнес Эхуд, присоединившись к Джеку. — Мы готовы начать заново.

Джек кивнул:

— Я пойду к Узиэлю, и мы начнем поиск. Держись рядом. Он уже нервничает. Я не хочу, чтобы его что-то спугнуло, и определенно не желаю, чтобы он пострадал. Он слишком ценен.

Джек внимательно смотрел на прохожих. Треугольник казался необычно многолюдным. Возможно, беспокойство сыграло шутку с его разумом. По плану они должны пройти по улице Бен-Йехуда, минуя красочные магазины, уличные кафе и закусочные, где было больше всего туристов. Толпы людей притягивали к себе опасности. Джек и его команда на эти угрозы охотились.

— Не волнуйся, мы будем постоянно на связи с вами обоими, — сказал Эхуд.

— Будь готов к моему сигналу, если Узиэль кого-нибудь заметит.

Джек высматривал что-то необычное, пока мимо проезжали вагончики узкоколейки в сопровождении вихря звуков. Как только вагоны проехали, солнечный день снова наполнился звуками шаркающей обуви и разговоров. В отдалении Джек слышал музыку, а ближе — чей-то веселый смех.

На другой стороне улицы у тротуара выстроились в ряд три зеленых автобуса, выпуская пассажиров на площадь. Эскадроны белых такси рыскали по окрестным улицам, выискивая клиентов или высаживая пассажиров. Солдаты, полицейские, а также мужчины и женщины в штатском присматривали за порядком, надеясь, что у посетителей Треугольника будет приятный и спокойный день.

Не так давно необычное зрение Узиэля попало в точку, и они схватили убийцу, прежде чем тот смог причинить вред. Они не знали, откуда он и какова его цель, но он держал рот на замке и явно был хорошо обучен. Джек

подумал, что пройдет немало времени, прежде чем они смогут что-то из него вытянуть.

Таким людям нужно уделить много времени. Моссад должен найти подход, трещину, с помощью которой его можно расколоть. Джек знал, что в конечном итоге они добьются успеха, хотя бы частичного, но на это потребуется время. Сейчас важно было то, что он больше не бродит по улицам.

Из-за огромных толп на площади выявление угрозы затруднялось. Чем больше людей, тем легче террористу затеряться среди них. Но именно поэтому они использовали Узиэля — он видел то, чего никто из них видеть не мог.

— Смотри в оба, — сказал Джек. — Я иду к нему.

Эхуд растворился в толпе, разглядывавшей полки с хлебом в витрине соседнего магазина. Он и его команда будут поблизости.

В глубине кафе Джек увидел Узиэля, стоявшего возле высокого кованого стола. За этим же столом расположилась парочка беседовавших американцев. Столешница была достаточно просторной, чтобы вместить несколько человек с напитками. Узиэль, положив руку на стол, лениво помешивал кофе и стрелял глазами по сторонам, рассматривая людей.

Он заметно нервничал, и не без оснований. Такие редкие люди со способностью распознавать убийц часто становились мишенями особого рода хищников, которые могли засечь эту способность. Хищники в людском обличье, как и четвероногие, не любили вмешательства в свою охоту. Когда их замечали, четвероногие обычно уходили и возвращались на охоту в другой раз, но двуногие хищники стремились устранить всякого, кто мог их вычислить, чтобы потом охотиться свободно.

Джек знал, что Узиэль на взводе не только по этой причине. Его молодая жена недавно умерла от опухоли головного мозга. Они были женаты всего два месяца, когда обнаружилось заболевание. Ее здоровье стало стремительно ухудшаться, и она умерла спустя три месяца после постановки диагноза. Узиэль был потрясен этой трагедией и чувствовал себя потерянным.

Тогда Джек его и нашел. Он покупал продукты к ужину и встретил Узиэля, занятого тем же. Джек не мог, как Узиэль, определять убийц по глазам, но обладал исключительным даром распознавать тех, кто на это способен. Он заговорил с мужчиной и в итоге заполнил пустоту в его жизни, дав ему цель.

Джек вполне понимал боль Узиэля. Женщина, которую он когда-то любил, обладала той же способностью, что и Узиэль. Джек пытался убедить ее, что она в опасности, но она не хотела помощи. Во всяком случае, пока не стало слишком поздно. Один из хищников вычислил ее способности и убил ее. Этот опыт заставил Джека осознать, что его призвание не позволяло к кому-то привязываться.

Но все это случилось до встречи с Кейт. Она была другой. Конечно, поначалу она была сбита с толку и настроена скептически, но затем быстро усвоила все, что рассказал Джек. Он научил ее выживать. Вместе они уничтожили крайне необычное гнездо хищников, охотившихся на людей со способностью, как у Кейт.

Со временем Кейт стала значить для него гораздо больше, чем он мог представить. Черты ее лица, манера держаться, звук ее голоса прочно запали в его душу.

Ее способности намного превосходили способности всех, с кем он раньше имел дело. Она не просто могла узнавать убийц, но и видела смутные образы того, что сотворили эти преступники. Именно такую совершенную

личность Джек искал все время. После многолетних поисков он не сомневался, что такие люди существуют, но из всех встреченных им только Кейт обладала такими выдающимися способностями.

К несчастью, во время битвы в логове убийц Джек был смертельно ранен. Он пережил клиническую смерть, пока команда военных медиков Моссада боролась за его жизнь. Никто не думал, что он выживет. Он ничего не помнил после выпущенного в него града пуль, кроме меркнущего образа испуганной Кейт.

Это воспоминание все еще преследовало его.

Он так и не пришел в сознание, когда его отправляли на самолете в Израиль, чтобы местные врачи попытались спасти его жизнь. Уверенные в том, что он не выживет или останется овощем, и не желая травмировать психику Кейт, они сказали ей, что он скончался. Все решили, что так будет лучше.

Выйдя из комы, Джек семь месяцев провел в госпитале, восстанавливаясь после травм, а затем еще несколько месяцев ушло на физиотерапию. К тому времени, когда он был достаточно здоров, чтобы что-то предпринять, Кейт уже исчезла.

Она обладала высоким интеллектом, соответствующим уровню способностей. Она пришла к пониманию того, что означают ее способности и какая опасность в них кроется. Кейт сделала ровно то, о чем рассказывал Джек, обучая ее. Исчезла из поля зрения всех радаров. Даже его друзья в Моссаде не смогли ее обнаружить. Для людей вроде Кейт самым безопасным было становиться невидимым. На них всегда охотились редкие высшие хищники. Так как эти способности передавались по наследству, убийцы часто вырезали всю семью своей жертвы, чтобы убедиться, что никто со способностями не выжил.

Джек приобнял Узиэля за плечи:

— Ты как?

Узиэль выдавил улыбку:

— Я в порядке.

На правду это не походило. Он так усердно жевал жвачку, открывая рот, словно от этого зависела его жизнь, а его взгляд лихорадочно скользил по людям на улице.

— Давай не будем привлекать внимание, хорошо? — Джек указательным пальцем надавил на подбородок мужчины, закрывая его рот. Узиэль застенчиво улыбнулся и выплюнул жевательную резинку в чашку из-под кофе.

— Может, начнем? — предложил Джек. — Ты хорошо справлялся, пока не засек последнего убийцу. Просто помни, что я тебе говорил — не зацикливайся. Просто просканируй как можно больше глаз.

Узиэль откинул со лба прядь каштановых волос и наклонился ближе.

— Я в порядке, Джек, правда. — Он сделал глубокий вдох, успокаиваясь. — Я хочу сделать это. Я хочу не дать кому-то потерять близкого человека.

Джек нажал на наушник и выслушал информацию о расположении членов их команды, а затем вывел Узиэля из кафе. Улицы в этом районе Иерусалима, известном как Треугольник, уже давно были закрыты для автомобилей и постепенно превратились в красивую пешеходную торговую зону под открытым небом. В центре некоторых улиц стояли кадки с деревьями, здесь было полно всевозможных магазинов, а по ночам бурлила жизнь.

Ночная жизнь привлекала толпы туристов, являвшихся целью террористов. Узиэлю было легче вычислять убийц в дневное время. Ему необходимо было видеть их

глаза, а темнота обеспечивала убийцам укрытие. Как и солнцезащитные очки.

Глава 20

Джек заставлял Узиэля идти неторопливо. Они останавливались у магазинов, чтобы у него была возможность просканировать толпу. Со стороны они походили на пару туристов или покупателей. Джек не хотел выглядеть подозрительно для потенциального террориста, ищущего свою цель.

Они прошли по нескольким узким переулкам, где теснились лавочки и магазины с уличными прилавками. Узиэль время от времени поглядывал на вешалки с шарфами, ожерельями и четками или на лотки с фруктами, выпечкой и безделушками, стараясь выглядеть обычным покупателем, пока тщательно изучал лица во встречном потоке людей.

Внезапно Узиэль замер.

— Что? — спросил Джек, поднимая взгляд.

— В выцветшей зеленой футболке, — сообщил Узиэль, кивая на кого-то на другой стороне улицы.

Джек оглянулся и увидел пожилого грузного мужчину в выцветшей футболке. По пятнам на этой футболке можно было проследить целую жизнь. Тяжелые челюсти мужчины и его двойной подбородок поросли щетиной. Выглядел он несколько дезориентированным. Джек не мог представить, что этот мужчина убийца, но он не обладал способностями Узиэля, а убийцы часто выглядели непримечательно.

— Грузный пожилой мужчина в выцветшей зеленой футболке; идет мимо ювелирной лавки Джамина, — произнес он в микрофон под воротником.

Двое в штатском вышли из толпы и схватили мужчину за руки, вынуждая остановиться. Тут же подоспели двое полицейских, чтобы перенять подозреваемого. Мужчина вертел головой, глядя на двух офицеров и протестуя на иврите. Он продолжал возмущаться, пока его уводили прочь. Люди из толпы неподалеку уставились на задержание.

Люди Джека растворились в толпе, пока прохожие смотрели, как полиция уводит задержанного. В воздухе повис запах тревоги, когда люди, забыв о развлечениях, стали перешептываться о возможной опасности. Вскоре выяснилось, что это был арест обычного преступника, а не террориста. Спустя несколько минут после задержания люди вернулись к праздным делам. Теперь им будет о чем поговорить за обеденным столом.

Узиэль и Джек вернулись к своему занятию, выискивая в Треугольнике опасность. Солнце уже поднялось высоко, и становилось жарко. Узиэль и Джек остановились у магазина, чтобы купить пару бутылок воды, а потом сидели на скамейке, пили воду и наблюдали за людьми. Только вот способ наблюдения был совершенно необычным.

Ближе к вечеру на связь вышел Эхуд.

— Человек, которого мы арестовали — убийца, — прозвучали его слова в наушнике Джека. — Его разыскивала полиция. Прошлой ночью он убил свою жену. Вероятно, с тех пор он бродил по улицам.

— Хорошо, спасибо, — тихо произнес Джек в микрофон.

— Что ж, ты был прав, — сказал он Узиэлю. — Тот мужчина убил свою жену.

Узиэль, узнав новости, покачал головой:

— Это несправедливо.

Джек нахмурился:

— Несправедливо?

Узиэль выбросил пустую бутылку в урну:

— Судьба отняла у меня любимую жену, а кто-то не ценит того, что имеет.

— Понимаю, — сказал Джек. — Как бы то ни было, мы охотились не на него, так что давай вернемся к делу.

Они прошли по улице к чему-то вроде площади, где пересекались несколько улиц. Здесь было полно людей, идущих во всех направлениях. Они замедлились, и Узиэль стал оглядывать толпу.

Стоя в неторопливом людском потоке, они вдруг услышали крик. Солдат кричал, указывая пальцем:

— Бомба! Бомба! Бомба!

Со всех сторон выскочили солдаты с оружием наготове, выкрикивая приказы расступиться.

Джек вытянул шею, чтобы посмотреть поверх голов, и увидел неподалеку мужчину в расстегнутой рубашке, отчаянно тыкавшего пальцем в пояс смертника, чтобы подорвать его.

Слово «бомба» пронеслось по толпе со скоростью лесного пожара. Почти мгновенно люди на улицах ударились в панику. Спокойный дневной шопинг превратился в громкую, оголтелую давку. Тысячи людей разом пытались убежать от опасности.

Узиэль и Джек, стоявшие у края прилавка с солнцезащитными очками, были укрыты от проносящейся мимо толпы. Настроение покупателей мгновенно перешло от праздного хождения по магазинам к массовой истерии.

Сквозь промежутки между несущимися мимо людьми Джек увидел двоих подскочивших солдат, схвативших террориста-смертника за руки. Они повалили его на

землю, не дав привести бомбу в действие. На подмогу бросились другие солдаты.

Джек встал за спину Узиэля, готовясь направить его в поток людей и увести от опасности, но мельком увидел ковбойскую шляпу, когда Узиэль замер и ахнул от удивления.

В правой руке Джека щелкнуло раскрывшееся лезвие ножа, а левой рукой он обхватил Узиэля за талию, оттаскивая назад.

В следующее мгновение, пока Джек еще только начинал отдергивать напарника, неизвестный мужчина с такой силой воткнул нож в грудь Узиэля, что навалился на Джека.

Джек увидел лишь спину убийцы, исчезавшего в обезумевшей от паники толпе. Ему удалось заметить короткие черные волосы и бороду. Лица нападавшего он не разглядел.

Прежде чем Узиэль и Джек рухнули на землю, убийца уже ушел. Джек нашел взглядом ковбойскую шляпу, которая валялась под ногами людей.

— Врача! — выкрикнул Джек в микрофон. — Нужен врач!

Посреди этого безумия трое в штатском из его команды уже были рядом, заслоняя лежащего на земле Узиэля.

Когда Джек увидел рану в центре груди Узиэля и количество крови, он понял, что помощь уже не понадобится. Два военных медика опустились на колени по обе стороны от Узиэля, но Джек знал, что все бесполезно. Убийце хватило одного удара.

Джек знал, что этот нож пронзил сердце Узиэля, и тот был мертв еще до того, как упал на землю. Джек хотел кричать от ярости, хотел схватить человека в ковбойской шляпе, но тот давно исчез. Джек понимал, что даже

не узнает его при встрече — он едва успел заметить шляпу и бороду. И все же Узиэль узнал в мужчине убийцу, пусть и за мгновение до своей смерти. Убийца явно увидел в глазах Узиэля его редкую способность.

Джек хотел сказать своему напарнику, как ему жаль, что он не защитил его. Он обещал, что сделает все возможное, чтобы уберечь его. Джек стиснул зубы в ярости на самого себя за то, что не смог предотвратить атаку.

Медики не сдавались, но Джек видел достаточно убийств и знал, что этот человек не нуждается в помощи. Крови было много, но она больше не текла из зияющей раны — поврежденное сердце больше не могло качать ее.

Подбежал запыхавшийся Эхуд и встал как вкопанный при виде Узиэля в луже крови. Один из медиков ставил капельницу, другой делал искусственное дыхание.

— Что произошло? — спросил Эхуд.

— Террорист-смертник был отвлекающим маневром, — сказал Джек. — Настоящей целью был Узиэль.

— Откуда ты это знаешь?

— Как только кто-то крикнул «бомба», толпа сорвалась с места. Убийца находился среди людей, используя их как прикрытие. Он узнал о способностях Узиэля прежде, чем тот его заметил. А потом уже стало слишком поздно. Хотел бы я разглядеть его лицо, но увидел лишь ковбойскую шляпу. Узиэль повалился на меня; я пытался рассмотреть убийцу, но тот исчез в обезумевшей толпе. Я так и не увидел его лица.

Эхуд провел пальцами по своим кудрявым волосам и огляделся, явно раздосадованный и разгневанный.

Один из команды, одетый в штатское, подбежал к ним.

— Мы взяли смертника прежде, чем он успел взорвать свой пояс, — сказал он Эхуду, хотя это и так все понимали, поскольку взрыва не было.

Люди, спешившие покинуть место происшествия, сторонились трупа мужчины в луже крови и окружающих его солдат. Появившиеся полицейские начали оттеснять толпу.

Джек остался с Узиэлем, пока над ним трудились медики. Он слышал в отдалении сирену скорой помощи. Джек чувствовал себя бесполезным. Ему стало дурно.

Эти люди спасли ему жизнь, когда в него стреляли, и он был, по сути, мертв. Но он понимал, что ранение Узиэля было серьезнее. Ему уже было не помочь. Убийца знал, что делает, и действовал наверняка.

Джек отступил, когда прибыла скорая помощь, позволив медикам делать свою работу.

Как только Узиэля положили на каталку и погрузили в машину, Джек повернулся к Эхуду:

— Я поеду с ним.

Ему показалось, что Эхуд хочет возразить, но тот кивнул.

— Это не твоя вина, Джек.

— Это я раскрыл его способности, — сказал Джек, запрыгивая в машину. — Я завербовал его.

Поездка в больницу с завывающей сиреной была мрачной. Джек подумал, что он, должно быть, когда-то выглядел так же безнадежно, как Узиэль, когда его везли на скорой помощи. Ему хотелось, чтобы у Узиэля был такой же шанс на жизнь, какой дали ему израильские доктора. Он держался за эту ниточку надежды, хотя и знал, что все не так.

Когда они влетели в отделение неотложной помощи, там уже ждала команда врачей и медсестер. Безжизненное тело Узиэля в окружении медиков вкатили через двойные двери. Джек вопреки всему надеялся, что они сотворят чудо, как сделали для него.

Он в одиночестве сидел на скамейке в коридоре, жалея, что нашел Узиэля, что сказал ему, что он может спасать жизни. Однако Узиэль сам хотел этого. Джеку было жаль, что он не сказал «нет», и не оставил Узиэля жить своей жизнью.

Но находить людей с редким зрением было призванием Джека. Этого не мог никто другой.

Была уже поздняя ночь, когда доктор вышел поговорить с Джеком. Как он и ожидал, спасти парня не удалось. Джек кивнул и поблагодарил доктора. Уже никуда не торопясь, доктор вернулся через двойные двери, оставив Джека одного. Люди сновали по коридору с зелеными стенами и мимо Джека, одиноко сидевшего на скамейке. Он не знал, что делать, и чувствовал себя потерянным. Он скучал по Кейт и в то же время надеялся, что она исчезла из поля зрения и убийца не нашел ее.

Посреди ночи, когда он сидел на скамейке, оплакивая Узиэля и погрузившись в свои мысли, пришел Эхуд.

— Есть новости? — Он сел на скамью рядом с Джеком.

Джек уставился в пол:

— Он не выжил. Врач сказал, они ничего не смогли сделать.

Эхуд кивнул:

— Мне действительно жаль, Джек.

— Знаешь, это было спланировано. Террорист-смертник был отвлекающим маневром. Настоящей целью был Узиэль. Во всяком случае, никто не погиб от этой бомбы. Нам повезло, что она оказалась неисправна.

— Она была исправна, — сказал Эхуд.

Джек нахмурился.

— В смысле? Я видел, как парень снова и снова нажимал на детонатор.

Эхуд наклонился и выгнул бровь.

— Он нажимал не на детонатор. Это был переключатель в боевое положение. Он жал на предохранитель, думая, что это кнопка детонатора. Бомба была под напряжением. Попади он в нужную кнопку, произошел бы взрыв, и он стал бы мучеником.

Джек откинулся назад и сложил руки на груди.

— Ты, верно, шутишь.

— Никак нет. Парень, по всей вероятности, испугался близкой смерти и запаниковал, что бомба разнесет его на части. В приступе эмоций он продолжал бить пальцем по кнопке предохранителя вместо детонатора.

— Ты действительно так думаешь? Это кажется довольно странным. Подобные ему обычно хотят умереть.

— Да, но последний момент может быть травмирующим. Человеческий разум не может ясно мыслить, когда конец близок.

— Полагаю, так и есть. Что парень сказал в свое оправдание?

— Это самое странное, — сказал Эхуд.

— Говори.

Эхуд оглядел коридор, желая убедиться, что в пределах слышимости никого нет.

— Самое странное, что он не говорит на арабском, фарси, иврите или любом другом ближневосточном языке или диалекте.

Джек скривился:

— Тогда на каком языке он говорит?

— На испанском.

Джек наклонился немного ближе:

— На испанском? Он из ЭТА[1]?

Эхуд покачал головой:

---

[1] Аббревиатура баскской леворадикальной, националистической организации сепаратистов, выступавшей за независимость Страны басков (Испания). Существовала с 1959 по 2018 годы.

— Нет, он не из баскского сепаратистского движения. Он никогда о них не слышал.

— Кто же он тогда?

— Единственное, что мы смогли из него вытянуть, — это то, что он из Сантьяго-де-Керетаро, Мексика.

— Мексика! — Джек поднял голову, проверяя, что никто его не услышал. — Он из Мексики? — спросил он, понизив голос.

— Мы смогли добиться лишь этого. Сантьяго-де-Керетаро, Мексика.

Джек тяжело вздохнул:

— Так он мексиканский террорист-смертник?

— Похоже на то.

— Выяснили еще что-нибудь?

— Его зовут Хосе.

— Хосе… Почему Хосе из Сантьяго-де-Керетаро в Мексике пытался взорвать себя здесь, в Иерусалиме?

Эхуд пожал плечами:

— Он сказал лишь, что хотел мученически умереть во имя Аллаха. Но я должен сказать, что этот парень туп как пробка. — Эхуд постучал пальцем по виску: — Сомневаюсь, что у него там все в порядке.

Это неожиданно обрело смысл. Террористы часто вербовали умственно отсталых и убеждали их в том, что умереть за Аллаха будет праведным поступком.

Джек потер ноющие колени:

— Думаешь, его завербовали, потому что его легко убедить?

— Возможно.

Джек прислонился к стене и снова скрестил руки на груди.

— Мексиканский террорист-смертник. Ничего не понимаю.

— Я тоже, — признался Эхуд, вставая. — Давай-ка я подвезу тебя домой.

Джек встал и пошел с Эхудом.

— Мексиканский террорист-смертник, — бормотал он себе под нос, идя по коридору.

Глава 21

Выдался теплый день для осени, так что Анжела была в тех же обрезанных шортах с низкой посадкой. Она доставила полтора десятка посылок юристам и хотела отправиться в «У Барри» поработать до закрытия, но тут ей позвонили из Почтовой службы Майка.

Майк предоставлял различные почтовые услуги, включая сбор посылок для *UPS* и *FedEx*. Порой, когда люди приносили посылку для местного адресата, он звонил Анжеле. Это происходило нечасто, но давало дополнительный приработок.

Кода она вошла внутрь, Майк оформлял транспортные этикетки *UPS*.

— Что стряслось? — спросила Анжела.

Майк подошел к стойке:

— Приехал курьер из Сиракуз. Он впервые тут и не знает местности, поэтому не смог найти адресата. Сказал, работает в небольшой службе доставки и здесь он не в своей стихии. Ему нужно было возвращаться, поэтому он попросил найти местного курьера, который завершит доставку. Он оставил деньги.

Анжела пожала плечами:

— Конечно, без проблем.

Майк достал из-под стойки коробку, длинную и легкую. Анжела подумала, что там могут быть розы с длинными стеблями.

Увидев адрес, она поняла, почему курьер не смог его найти. Это была промышленная зона с множеством заброшенных заводов, лабиринтом улиц, переулков, бетонированных площадок, погрузочных помостов и железнодорожных путей с ответвлениями к фабрикам. На огороженных участках стояло сгнившее и устаревшее заводское оборудование, а также тяжелые детали станков, медленно ржавеющие.

Во многих зданиях крыши обрушились, и остались только стены. Некоторые были в неплохом состоянии и подходили для складов. Кое-где располагались небольшие офисы, темные и грязные, но зато дешевые. В эти офисы изредка заглядывали те, кто хранил там оборудование.

И хотя некоторые здания все еще использовались, Анжела никогда никого не видела в этом районе.

Старая промзона была лабиринтом бесхозных зданий с беспорядочными или отсутствующими адресами. Никакой *GPS* не мог их найти. Нужно было хорошо знать этот заброшенный район, чтобы найти здесь что-нибудь. Городская администрация не хотела тратить деньги на поддержание этого города-призрака, поэтому уличные знаки встречались редко. Анжела подозревала, что их растащили подростки в качестве сувениров или чтобы украсить свои спальни.

Дедушка с бабушкой часто брали Анжелу с собой в воскресные поездки. Обычно они проезжали через сельскую местность, затем покупали мороженое в рожках, но порой дедушка провозил их через промзону, указывая на заводы, которые он помогал строить. Не раз Анжела слышала его истории о том, как человек умер от удара

раскачивающейся балки, как у кого-то случился сердечный приступ, и он упал в только что залитый бетонный фундамент, как завязалась драка из-за игры в кости, и одного из игроков зарезали.

Майк положил две двадцатки и десятку на длинную коробку.

— Тот парень сказал, что это покроет расходы на завершение доставки, и настаивал, чтобы посылку доставили срочно. Говорил, что работает в фирме один и его доход напрямую зависит от репутации. Я сказал, что у меня есть подходящий курьер.

У Анжелы было так же — ее курьерский бизнес был построен на хорошей репутации. Она отдала десятку Майку за то, что подкинул работу. Получая от нее комиссию, он продолжал пользоваться ее службой доставки, когда это было нужно.

— Спасибо, Майк. Увидимся.

Забравшись в грузовик, Анжела вытащила старую карту Милфорд Фоллз, которую когда-то ей дал дедушка, и стала изучать ее в поисках «Хартленд Мелиорации». У нее были кое-какие догадки, и карта подтвердила их.

Петляя среди заброшенных заводов промзоны, она не встретила ни людей, ни машин. В Милфорд Фоллз никто не собирался строить новые предприятия, поэтому ничто не мешало медленному упадку промышленной зоны.

Анжела проехала мимо знакомого здания — его арендовал старикан, который варил из кусков металлолома, найденного в бесхозных зданиях, причудливых животных и продавал их на ярмарках. Выбранное им строение идеально подходило для такого рода занятий — бетон, сталь и кирпич не вспыхнут от его горелки, и никто не помешает работе. Но он старел и дряхлел, поэтому появлялся все реже.

Анжела миновала здание с рядами высоких окон, поделенных на небольшие квадраты. Большая часть стекол была давно выбита. Это здание она тоже узнала.

Когда она встретила мужчину, убившего рыжеволосую девушку, то увидела это здание в видении. Это был первый раз, когда она узнала убийцу, посмотрев ему в глаза. А еще он стал первым человеком, которого она убила. Анжела скинула его тело в адскую дыру после того, как заставила признаться в каждой подробности убийства, чтобы подтвердить видение.

Проезжая мимо, она заметила цистерну, где он спрятал труп. Было печально осознавать, что тело невинной жертвы наверняка сгнило в глухой, темной, сырой дыре задолго до того, как Анжела встретила убийцу.

Анжела ехала дальше, высматривая «Хартленд Мелиорацию». Нигде не было никаких указателей. Обычное дело для этого обособленного и заброшенного района. Именно поэтому отправитель не послал пакет по почте или через *UPS*, а направил его курьером.

Многие здания были разрисованы граффити. Граффитеры, подобно крысам, выходили ночью. Место было жутковатым. К счастью, она всегда держала пистолет в центральном подлокотнике машины. Но граффити были старыми. Здесь некому было их разглядывать, поэтому художники вернулись к разрисовыванию мостов, оград и городских зданий.

Наконец Анжела заметила адрес, написанный на помятой ржавой двери. Окон в здании не было, как и таблички с адресом. У двери была припаркована старая бежевая четырехдверная «Тойота-Камри». По привычке, выработанной при доставке посылок в неблагополучные районы, девушка запомнила номер машины. Черная надпись с адресом выглядела свежей на фоне облупив-

шейся двери. Анжела запарковалась рядом с тойотой и выпрыгнула из грузовика.

Постучав в железную дверь, Анжела услышала изнутри чей-то крик, приглашающий войти. Открываясь, дверь заскребла по неровному бетону. Анжела оказалась в небольшой комнате без потолка и мебели. Свет проникал через световые фонари в крыше и окна. Длинные цепи, свисавшие с зубчатых роликов, держали окна в приоткрытом положении.

В маленьком помещении никого не было. Из глубины здания доносилось эхо голосов.

Анжела прошла через дверной проем в огромный старый цех. Справа стояли серые металлические стеллажи, отделявшие небольшой закуток. Слева была еще одна комната.

Перед стеллажами расположилось несколько заляпанных складных столов с какими-то предметами, накрытыми старыми грязными одеялами. Анжела отметила, что предметы на полках также были укрыты ветхими старыми покрывалами или засаленным уплотнителем. Горело несколько небольших ламп, прикрепленных к столам, но бóльшая часть света исходила из высоких окон на дальней стене. Возле столов стояли обветшалые деревянные стулья на колесиках. Чем бы ни занималась «Хартленд Мелиорация», это рабочее место выглядело довольное неряшливым.

Неподалеку от стеллажей стояли фрезерные станки разного типа и два красных газовых генератора, питавших станки и дежурное освещение.

— Есть кто? — крикнула Анжела в пустоту цеха. — У меня посылка. — Из темноты вернулось эхо ее голоса.

Из комнаты слева выскочил мужчина в рабочем комбинезоне, вытиравший руки грязной тряпкой. Анжела узнала его.

Вслед за ним появилось еще трое. Она узнала всех. Эти четверо латиносов сидели в баре в ту ночь, когда пришел Оуэн.

— Доставка, да. Спасибо, проходите, — произнес один из них с сильным акцентом и жестом пригласил подойти ближе.

Когда остальные трое шагнули вперед, она впервые хорошо рассмотрела их глаза. В баре было темно, а из-за шара под потолком было сложно разглядеть чьи-либо глаза, если они не так близко, как были глаза Оуэна.

После того как Анжела поняла, что может узнавать убийц по глазам, она научилась видеть угрозу в людях, которые еще даже не совершили убийство.

Такие глаза были у Фрэнки. Еще не убийца, но близко к тому. Глаза Боски были еще хуже — глаза чрезвычайно опасного и жестокого человека, который может причинить боль, но все же еще никого не убил.

И Фрэнки, и Боска могли в какой-то момент легко пересечь черту и убить. Глаза этих четверых были такими же. Хитрые. Расчетливые. Жестокие.

У Боски был особый взгляд, когда он хотел ее. В нем читалось сфокусированное желание, решимость получить желаемое. От этого взгляда волосы на затылке Анжелы вставали дыбом, ее сковывал страх. У этих четверых был тот же взгляд.

Тот, что с бородавками на лице, обошел ее и двинулся ко входу. Она услышала, как щелкнул засов на входной двери.

Анжела была кроликом в самом центре стаи бешеных псов.

Глава 22

Мужчина закончил вытирать руки и бросил тряпку на стол.

— Ты нам что-то принесла? Для «Хартленд Мелиорация»?

— Верно, — ответила Анжела официальным тоном. Она хотела отдать посылку и уйти.

Мужчина дотронулся пальцами до своей груди:

— Меня зовут Эмилио. Вот, положи посылку на стол. — Он указал на стол рядом с собой.

Анжела сильно сомневалась, что этим мужчинам кто-то мог отправить розы с длинными стеблями. В коробке явно было что-то другое, хотя в данный момент это беспокоило ее меньше всего.

Она бросила длинный сверток на стол:

— Вот. — Она отступила назад. — Спасибо.

— Нет, нет, — произнес Эмилио, замахав рукой, — подожди, мы убедимся, что все… все… — Он повернулся к одному из двух своих товарищей. — *Que es la palabra?*[1]

— Без повреждений, — подсказал один из них.

— Да, правильно. — Эмилио с улыбкой повернулся к ней. — Без повреждений. Сначала убедимся, что содержимое без повреждений.

— Я опаздываю, — сказала Анжела, продолжая пятиться, и указала на сверток. — Коробка без повреждений. Я не отвечаю ни за то, что внутри, ни за то, как оно было упаковано. Если обнаружите какие-либо повреждения, вам придется уведомить об этом отправителя.

— Отправителя! — воскликнул Эмилио, оглянувшись на остальных. Его взгляд заскользил по ее голым

[1] Как там это слово? (исп.).

ногам, а потом он посмотрел ей в лицо, лукаво улыбаясь. — Но он очень, очень далеко, так что давай сначала посмотрим, цело ли то, что внутри.

Она чувствовала, что бородавчатый стоит прямо у нее за спиной и следит, чтобы она не пыталась уйти. Анжела чувствовала его запах — сочетание каких-то химикатов и вони немытого тела. Она не позволяла себе оглядываться на него. Ей хотелось сорваться и побежать к двери, но она знала, что этого от нее и ждут. Дверь была заперта, так что ей пришлось бы потратить драгоценные секунды, чтобы отпереть засов.

Эмилио вытащил из поясных ножен большой боевой нож и медленно провел лезвием вдоль коробки. Вернув оружие в ножны, он поднял крышку, заглянул внутрь и достал сложенный лист бумаги, а также длинную пластиковую трубку толщиной с его большой палец. Внутри трубки была свернута длинная и очень тонкая проволока с красным колпачком на одном конце. Осмотрев трубку, Эмилио вернул ее в коробку, которую поставил на стол. Затем мужчина развернул лист и стал молча читать, улыбаясь все шире и шире. Он показал на какую-то строчку товарищам.

— Мигель, я думаю, ты должен это увидеть, — сказал он бородавчатому типу позади Анжелы. — Распоряжения от Рафаэля.

Эмилио шагнул вперед и передал листок Мигелю. Это дало бородавчатому возможность подойти к ней ближе, чем ей хотелось. Теперь она была зажата между двумя мужчинами.

Анжела огляделась в поисках другого выхода. Входная дверь была не лучшим вариантом из-за запертого засова. Ей не понравился расклад четверо на одного, и она решила, что в случае чего нужно прорваться в пустой цех. Анжела была уверена, что на открытом пространстве

сможет бежать быстрее мужчин, и это даст ей время на поиски другого выхода.

Она остро осознавала, что ее пистолет лежит в грузовике. Пушка могла бы уравнять шансы, но тайное ношение оружия было незаконно, поэтому Анжеле приходилось оставлять его в машине. Сейчас ствол пригодился бы. Но запертая дверь и четверо мужчин не давали ей шанса добраться до него.

На нее нахлынул тошнотворный страх, от которого подкашивались колени. Голос в ее голове приказывал немедленно бежать, но она знала, что хищники погонятся за убегающей добычей. Если она сорвется с места и не найдет выхода, то окажется в ловушке. Тем не менее, бегство было ее лучшим вариантом.

Не тратя времени, Анжела рванула в промежуток между двумя мужчинами. Она оттолкнула одного локтем в сторону, устремившись в проход между стеллажами.

— *Agarrala! Agarrala!*[1] — крикнул бородавчатый остальным.

Время замедлилось, а ее ноги словно увязали в патоке. Когда Анжела оттолкнула одного локтем, двое других заблокировали ей путь. Они схватили ее за руки, прежде чем девушка успела взяться за нож, а третий, которого она пихнула локтем, обхватил ее за талию сзади. Теперь она не могла ни бежать, ни драться. Она безуспешно пыталась вырваться. Мужчина, державший ее за талию, свободной рукой вцепился в волосы Анжелы. Задыхаясь от ярости, она попыталась вывернуться, но он был слишком силен.

Анжела брыкалась, чтобы вынудить отпустить ее, но мужчины лишь уворачивались от ее каблуков. Она извивалась и боролась, а они сжимали ее руки все крепче. Ко-

[1] Держи! Держи! (исп.).

гда Мигель обхватил руками ее горло, Анжела попыталась врезать ему головой в лицо, но державший волосы мужчина отдернул ее голову назад, препятствуя атаке.

Когда один из них сместил захват на ее руках, она пнула по почкам мужчину с противоположной стороны. Он тут же ответил ударом в живот, чтобы охладить ее пыл. Это сработало. Теперь ей приходилось не только пытаться вырваться, но и с трудом переводить дыхание.

Анжела не знала, входило ли это в их планы изначально, но узнав в ней девушку из бара, они поняли, что она одинока и уязвима, и увидели возможность взять то, чего они все хотели.

— Держи ее крепче! — крикнул Мигель. Он подошел к полке, стянул засаленный уплотнитель и бросил на пол. Подойдя к девушке, он с усмешкой приблизил к ней свое лицо. — Я уже трогал твои ноги в баре, помнишь? Мне понравилось. Я рассказал друзьям, как это приятно. Теперь я потрогаю тебя как следует.

Анжела испугалась того, что эти люди собираются сделать, и это заставило ее отчаянно вырываться. Она изо всех сил пыталась освободиться. Обездвиженность рук только усиливала ощущение беспомощности. Анжела попыталась пнуть Мигеля, но мужчины с каждой стороны зажали ее ноги между своими, не давая ударить. Мигель с силой вмазал ей по лицу. Трое мужчин полностью обездвижили жертву, не оставив возможности сопротивляться.

Мигель ухмыльнулся и снова ударил девушку, словно глубоко презирал ее.

Он наклонился и прошептал ей на ухо:

— Вы все одинаковые. Американки считают, что должны иметь право голоса, но в глазах Бога вы все шлюхи Сатаны. Женщины — грязь в глазах Него и всех набожных мужчин.

Анжела не совсем понимала, о чем он говорит, но это соответствовало ее первому впечатлению об этих мужчинах. Теперь она видела по их глазам, что все они совершенно не одобряли ее саму и ее образ жизни. Она словно оскорбляла их своим существованием, но в то же время возбуждала.

Мигель расстегнул пуговицу на ее шортах, а затем медленно расстегнул молнию. Опустившись перед ней на колени, он стянул с нее шорты вместе с трусиками. Анжела стиснула зубы и яростно зарычала.

Остальные держали ее, и она никак не могла помешать Мигелю. Он стянул шорты и трусы через один сапог, затем через второй и бросил одежду в сторону. Анжела почувствовала, как лицо покраснело от ярости и унижения.

Бородавчатый, стоя на коленях, поцеловал ее в живот.

— Хорошо, если бы ты зачала от меня ребенка, но ты не проживешь так долго. — Он накрыл ладонями ее груди. — Да, ты могла бы стать хорошей матерью и выкормить мое дитя. — Он сжал ее грудь. — Однажды все американские шлюхи родят от нас детей, которые станут нашей великой армией.

Анжела напрягалась и ерзала, пытаясь вырваться, но все было безнадежно. Даже один из этих мужчин был сильнее ее, а уж четверо легко могли с ней совладать. Она была в ярости от собственной беспомощности и неспособности защитить себя.

Умом она понимала, что не способна остановить этих людей или сбежать, но страх и паника заставляли ее бороться изо всех сил. Она достаточно смотрела в глаза убийц, чтобы понять, чем все закончится.

Мигель, вставая, засунул руку ей между ног и издал стон удовольствия.

— Вы все умрете, — стиснув зубы, процедила Анжела.

Мужчина проник в нее пальцем и улыбнулся.

— В самом деле? И как же мы умрем?

— Я сама намерена убить каждого из вас, уроды траханные, вот как. Даю вам слово.

— Вроде как это мы тебя будем трахать.

Остальные трое загоготали.

За эту дерзость Мигель наказал ее ударом в живот, и Анжела согнулась пополам. Затем он двинул ей кулаком в лицо, обозвал американской шлюхой и для верности снова ударил по животу. У нее перехватило дыхание от ошеломляющей боли. Анжела открыла рот, пытаясь вдохнуть, и подумала, что ее сейчас стошнит.

Мигель указал на уплотнитель на полу.

— Положите ее туда, — велел он остальным. — Держите за ноги. Пусть узнает, что предназначение женщины — обслуживать мужчину.

Когда она оказалась на полу, двое мужчин раздвинули ее ноги, а третий задрал руки над головой и крепко сжал запястья. Он же ударил ее по лицу, чтобы девушка перестала сопротивляться. Она не прекратила извиваться, и мужчина нанес еще удар, на этот раз сильнее. У Анжелы потемнело в глазах. Разозлившись, он бил ее по лицу изо всех сил, рыча от усилий.

Анжела то теряла сознание, то приходила в себя, едва ощущая град ударов.

Мигель стоял меж ее раздвинутых ног и расстегивал свой рабочий комбинезон. Он больше не улыбался. На его лице была странная смесь похоти и отвращения. Он высвободил руки из комбинезона, а затем спустил его, обнажая эрегированный член.

Оцепенев от множества ударов, Анжела почти не сопротивлялась, скорее из-за всепоглощающего беспомощ-

ного страха, чем из-за веры в возможность побега. Мигель опустился на колени между ее ног, наклонился и несколько раз ударил ее кулаком в живот. Ее крики утонули в слезах удушающей агонии. Он лег сверху.

Из видений в глазах убийц она знала, что они больше склонны к ненависти, унижениям и контролю, чем к сексу. Но секса они все равно хотели.

Анжела с трудом дышала под навалившейся на нее тяжестью. Мигель совсем не пытался меньше давить на нее. Она стиснула зубы, чувствуя, как из глаз текут слезы. Ей пришлось глотать кровь, чтобы не захлебнуться.

Она уже много раз ходила по этой дорожке и видела достаточно таких людей, чтобы понимать, что ее ждет.

В этот момент она снова стала подростком. Фрэнки и Боска вернулись. Снова началось ужасающее испытание, от которого она никуда не могла деться. Все вернулось на круги своя.

Инстинкты призывали ее умолять их остановиться, но она знала, что ничего хорошего из этого не выйдет. Мольбы только возбуждали таких мужчин и заставляли чувствовать себя сильнее. Крики были наградой, которую она поклялась не давать им.

Но потом она нарушила свою клятву.

Когда она вновь стала подростком, то почувствовала, как покидает свое тело. Она увидела себя со стороны: лежащую на полу с раздвинутыми ногами. Пока один монстр был на ней сверху, другие держали ее и лапали грудь, ожидая своей очереди.

Разум ее ускользнул в другое место. То, что происходило с ней на грязном заводе, не имело значения. Они не могли по-настоящему прикоснуться к ней, прикоснуться к ее сущности.

Она была неподалеку от хижины, в окружении умиротворяющего леса. Анжела часто сидела на этом скаль-

ном выступе, с которого открывался до боли красивый вид.

Была ночь. С неба на нее смотрела луна.

Пока она плакала где-то в другом мире, лунный свет забрал ее к себе.

Глава 23

Закончив, Мигель уступил место мужчине, державшему ноги Анжелы. Поднимаясь, он снова ударил девушку, и это выдернуло ее сознание из отдаленного места и вернуло в тело. Возвращение было крайне неприятным.

Она сопротивлялась, сжав зубы, отчаянно стараясь не дать каждому из насильников воспользоваться своей очередью. Она знала, что все усилия тщетны, но не могла лежать спокойно. Девушка не хотела, чтобы они решили, что она сдалась, или, что еще хуже, отдается им добровольно.

Она хотела убить их. Она поклялась себе, что однажды убьет каждого. Убьет наверняка.

Сейчас все было не так, как с Боской. Ему она не сопротивлялась, потому что он мог нанести ей увечья или покалечить мать в назидание Анжеле. Этот скот был постоянной угрозой, всегда ошивался неподалеку. Пока она жила в трейлере, он в любой момент мог войти в ее комнату. Если она не показывалась дома, он сам приходил за ней. Страх перед Боской парализовывал ее, но Анжела знала: если она отдастся ему, после этого он отпустит ее.

Но эти мужчины не собирались ее отпускать.

Сейчас она была женщиной, а не беспомощной девчонкой. Она по-прежнему боялась, но гнев был сильнее.

Она не сомневалась: эти люди сотворят с ней что-то ужасное. Образы в глазах убийц дали ей ясное представление о том, что именно предпочитают вытворять с женщинами такие подонки, желая продемонстрировать власть над жертвой. Через видения она погружалась в мир деградации, боли и жуткой смерти.

Теперь она сама была во власти таких подонков.

В их глазах она читала, что они еще не стали убийцами, но уже стояли на пороге и сегодня ночью были намерены пересечь последнюю черту.

По какой-то причине в них взращивали порочные наклонности, но в то же время заставляли жить в строгости. Теперь все барьеры рухнули, и они чувствовали, что вольны творить все, что пожелают. Судя по тому, как они избивали Анжелу, они получили возможность потакать давно сдерживаемым побуждениям.

Когда последний из них финишировал, у Мигеля снова встал, и он захотел повторить. Он приподнял ее за волосы, а затем несколько раз быстро и сильно ударил в живот. От ударов она согнулась пополам и снова утратила волю. Мигель поднял ее, как тряпичную куклу, и швырнул на стол лицом вниз, собираясь взять ее сзади. Намотав волосы на кулак и прижав ее лицом к столешнице, он снова принялся насиловать девушку.

Анжела беспомощно лежала на столе, пока он с рыком вторгался в нее сзади, и смотрела на свою кровь — много крови, — размазанную по столу. Ее лицо пульсировало от боли.

Она лежала так, что могла заглянуть под край одеяла, которым были прикрыты какие-то предметы на столе. Как в бреду она смотрела на несколько странных светло-желтых предметов прямоугольной формы и толщиной в пять-семь сантиметров. Также под одеялом лежало с

полдюжины сотовых телефонов. Все это не имело никакого смысла для нее.

Когда Мигель кончил и вышел из нее, его место занял следующий насильник. Он тоже прижимал ее голову к столешнице, и из ее рта на стол текла кровь. Мигель при помощи одеяла собрал все предметы со стола и вынес их. Она услышала, как открылась дверь. Спустя еще несколько секунд раздался звук захлопнутого багажника.

Закончив, последний мужчина схватил ее за волосы и снова швырнул на пол. У нее не было сил даже на попытку смягчить падение. Ей в лицо прилетел ботинок, почти оглушив. Инстинктивно она свернулась в комок, прижав колени к груди и прикрыв голову руками и не переставая дрожать. Она задерживала дыхание в такт сыпавшимся на нее ударам.

Анжела знала, что за изнасилованием последует убийство.

Она услышала странный звук и через мгновение поняла, что это стучат ее зубы.

Последний насильник смотрел на нее сверху вниз, упиваясь своей властью и тем, что они поставили Анжелу на место. Не сводя с нее глаз, он подтянул комбинезон, просунул руки в рукава и застегнул пуговицы. Анжела уставилась на пол под их ногами. Чувствуя себя раздавленной, она была не в состоянии взглянуть на кого-нибудь из них.

Она услышала, как входная дверь хлопнула, когда вернулся Мигель. Он остановился перед ней, затем опустился на одно колено, приблизив свое покрытое бородавками лицо к ее лицу. Она не хотела снова смотреть в эти ужасные глаза, но ей пришлось.

Он помахал перед ее лицом документом из посылки:

— Знаешь, о чем говорится в этом письме?

Анжела перевела взгляд на письмо, но оно было написано на испанском, поэтому она ничего не могла прочесть.

Не дождавшись ответа, он сам стал рассказывать:

— Здесь указания от Рафаэля, нашего лидера. День, когда мы уничтожим Великого Сатану, все ближе. Письмо приказывает убить курьера, который принесет детали, необходимые для этого знаменательного дня. То есть убить тебя. — Он постучал пальцем по бумаге. — Ты курьер. Нужно убить тебя, чтобы никто не узнал, куда и кому ты доставила посылку. Мертвые не разговаривают, не так ли? Тупые американцы. Вы сами упрощаете нашу задачу. Вас всех легко одурачить. Как видишь, ты была приговорена уже в тот момент, когда взяла эту посылку. Тебе стоит порадоваться, что мы милосердны и напоследок дали тебе насладиться сексом.

Остальные мужчины усмехнулись.

Этого Анжела не ожидала. Она думала, они собираются убить ее из-за жажды убийства и для того, чтобы скрыть свое преступление. Она не ожидала, что они убьют ее потому, что получили такие инструкции. Особенно потрясло ее то, что она доставила им собственный смертный приговор.

Анжела приняла судьбу с мрачным смирением. Всю свою юность она ожидала, что однажды какой-нибудь псих прикончит ее. Это ощущение злого рока постоянно довлело над ней. Она всегда думала, что живет взаймы, и была готова умереть. Жизнь значила для нее не так уж много. Смерть сулила большее. Смерть означала освобождение.

Она по-настоящему ощущала себя живой только когда уничтожала убийц и заставляла их страдать за то, что они вытворяли с женщинами, не способными сопротивляться, женщинами, которые уже не смогут свершить

возмездие. Когда она убивала мужчин, делавших со своими жертвами то же самое, что эти подонки творили сейчас с ней, это доставляло ей удовольствие. Она ощущала экстаз.

Она жила только ради этого. Ее жизнь годилась лишь на то, чтобы приносить смерть подобным мерзавцам, верша правосудие и предотвращая их дальнейшие деяния. Какая ирония, что она умрет так же, как их жертвы.

Впрочем, смерть сулила вечный покой. Если Бог есть, Он может позволить ей быть с единственными, кого она любила, — с бабушкой и дедушкой.

Она даже сама удивлялась, что прожила так долго. Она не раз рисковала быть убитой, как в случае с Оуэном, потому что не сильно беспокоилась за собственную жизнь. Хождение по краю лишь еще больше будоражило ее и позволяло достичь абсолютного экстаза от совершаемой мести.

Анжела выросла в окружении опасных людей, а потом стала охотиться на опасных убийц. Она знала, что смерть может настичь ее в любой момент.

Мигель схватил ее за волосы и рывком поставил на ноги. Обнаженная Анжела стояла перед четырьмя мужчинами, дрожа от боли и беспомощного страха перед тем, что ее ожидает. Она страшилась не смерти, а мучений, которые предстоит испытать. Подобные люди не любили убивать быстро. Им нравилось смотреть на мучительную смерть.

Мигель сказал что-то на испанском. После короткого обсуждения Эмилио направился в боковое помещение и вернулся с веревкой и продемонстрировал моток Анжеле.

— Веревка может убить быстро, верно? — Он поднял руку над головой и изобразил повешенного, высунув

язык. — Видишь? Сломаешь себе шею, и все случится быстро.

— Но быстрая смерть — слишком щедрый дар для американки, — произнес Мигель.

Хуан и Педро согласно кивнули. Теперь она знала все их имена и имя того, кто отдавал приказы: Рафаэль.

— Мы придумали кое-что получше, — сказал Эмилио.

На лице Мигеля появилась злобная усмешка.

— Подержите ее.

Пока мужчины держали ее руки и волосы, Мигель затянул вокруг ее шеи конец грубой жесткой веревки. Тугой узел причинял боль. Анжела уже начинала задыхаться. Она мало что знала о повешении, но уже поняла, что они не собираются сломать ей шею и подарить быструю смерть.

— Руки связать? — спросил Эмилио.

— Нет, — усмехнулся Мигель. — Пусть ее руки будут свободными, чтобы она могла цепляться за веревку, которая задушит ее. Пусть поборется за жизнь. Будет даже лучше, когда она поймет, что ничего не может сделать с веревкой на шее.

Эмилио взглянул на потолок, а затем перебросил свободный конец веревки через железную балку.

Мужчины отпустили Анжелу и взялись за веревку. Вместе они быстро оторвали девушку от земли с помощью веревки на шее.

Анжела сделала последний судорожный вздох перед тем, как ее ступни оторвались от пола и вес тела затянул узел еще туже. Мужчины тянули за веревку до тех пор, пока ее ноги не оказались в метре от пола. Все равно что в километре. Она уже паниковала от того, что не могла вздохнуть.

Кто-то из них привязал свободный конец веревки к столбу.

Анжела дергала ногами и извивалась. Она хотела кричать, но не могла. Ее охватило отчаяние. Как и предсказывал Мигель, она вцепилась руками в душившую ее веревку.

— Идем, — распорядился Мигель.

— Не хочешь посмотреть, как американская шлюха сдохнет? — удивился Эмилио.

— Мы только что получили необходимые элементы, и нас ждут другие дела. Уже темнеет. Потом вернемся за ней на грузовике. Нужно будет избавиться от ее тела. Мы и так потратили на нее слишком много времени. — Он осклабился и ударил ее по голой заднице. — Но оно того стоило, а?

Анжела попыталась пнуть его по голове, но он легко уклонился. Она отчаянно хотела дотянуться ступнями до стола, но все столы стояли слишком далеко. Ее тело вращалось в воздухе, пока она размахивала ногами, отчаянно цепляясь за удушающую веревку. По щекам текли слезы, смешиваясь с кровью, капавшей с подбородка.

Она не переставала бороться, наблюдая, как четверо мужчин шагают к двери, забирая по пути свертки с полок. Она не видела, но слышала, как входная дверь проскребла по полу, а затем закрылась. Во дворе ожил мотор, двери захлопнулись, и зашуршали шины уезжавшего автомобиля.

Анжела осталась абсолютно одна на темной заброшенной фабрике, которую помогал строить ее дед. Никто не придет на помощь. На веревку вокруг гортани давил весь ее вес. Боль была ужасной. Девушка отчаянно нуждалась во вдохе.

Перед глазами маячил темный тоннель.

Пока она кружилась, мир вокруг стал угасать.

Глава 24

Повиснув на веревке вокруг шеи, Анжела продолжала трепыхаться и бороться за свою жизнь. Она могла только представлять шок тех, кто рано или поздно обнаружит ее обнаженное тело с посиневшей кожей и вывалившимся изо рта языком.

Какая сенсация — повешенная обнаженная девушка.

Обнаженная. Это слово обожгло ее охваченный паникой разум. Она была почти голая — за исключением сапог. Они стянули с нее шорты и трусы, разорвали топ, стремясь поскорее получить желаемое, но на сапоги не обратили внимания.

Даже вспомнив об обуви, Анжела поняла, что ее время стремительно истекает. Отчаянный план обретал форму, но она уже задыхалась, и возможности что-то предпринять скоро не будет.

У нее осталось лишь несколько секунд, чтобы спастись.

«Шевелись, Анжела! — приказывала она себе. — Не позволь им победить. Давай!»

Она резко потянулась левой рукой вверх, схватила толстую грубую веревку у себя над головой и подтянулась, чтобы хоть немного ослабить давление на горло. Это также дало ей некоторую свободу в плечах, и она смогла потянуться правой рукой вниз. Веревка все равно продолжала душить, но боль уже была не такой мучительной, и девушка могла сфокусироваться на том, что ей необходимо делать.

Анжела согнула правую ногу в бедре и колене, подтянув сапог к правой руке. Она изо всех сил напрягала мышцы шеи, чтобы помочь крови попасть в мозг и не потерять сознание.

Руку покалывало, словно от онемения, и в то же время простреливало по всей длине сильной болью. Двигаться было тяжело. Хотелось кричать от того, как сложно было тянуться рукой вниз. Но она должна, если хочет спастись. Ее дрожащие пальцы немели.

Из последних сил удерживая ногу в согнутом положении, она вслепую отчаянно ощупывала ее, пока кончики пальцев не нашли рукоять ножа внутри голенища. Это был момент головокружительного успеха среди ледяного страха смерти, окутавшего ее тьмой. Она напомнила себе, что потеряет сознание и умрет, если не поторопится.

В бешенстве от того, что не может дышать, Анжела заставляла себя как можно осторожнее вытаскивать нож из сапога. Как только она вытащит его из ножен наполовину, то нож может выскользнуть из непослушных пальцев, и тогда она лишится своего единственного шанса.

Было так жутко висеть в петле и так трудно пытаться вытащить нож, что часть ее хотела сдаться. Ее манила возможность просто сдаться удушливой тьме, и тогда все будет кончено. Если она сдастся, то обретет вечный покой. Больше не будет боли, никто и никогда не сможет навредить ей. Ее зрение и разум затуманивались, и этот вариант казался все более привлекательным.

Безмятежное царство мертвых звало ее, шептало обещания, что если она сдастся, то всегда будет в покое и безопасности. Стоит только прекратить бороться, и через считанные мгновения боль исчезнет, а Анжела сможет воссоединиться с дедушкой и бабушкой.

Но часть ее отчаянно хотела жить.

«Шевелись!»

Анжела не хотела быть одной из женщин, которые умерли, так и не увидев наказания своих убийц. Она не хотела умереть вот так. Она хотела, чтобы ее жизнь что-то значила. Эти подонки не должны победить. Она по-

обещала убить их, но не сможет этого сделать, если поддастся ласковому шепоту.

Перспектива конца мучений манила, но Анжела из последних сил пыталась вытащить нож. Наконец, ее ослабевшие пальцы выдвинули рукоять ножа настолько, чтобы его можно было вытащить из сапога. Она собралась с силами, чтобы поднять тяжелую ногу повыше и поднести сапог ближе к подрагивающим пальцам. Нога казалась свинцовой.

Легкие горели, а мозг едва ли был способен думать о чем-то кроме отчаянной нехватки воздуха и желания сдаться. Она и не знала, как больно задыхаться. Теперь она понимала, что чувствовали женщины из видений, когда убийцы их душили. По щекам побежали слезы, когда Анжела почувствовала, что проигрывает битву. Нож был так близко и так далеко. Сил уже не оставалось.

А затем ее пальцы рефлекторно сомкнулись на рукояти, и она вытащила нож. Она бы закричала от радости, но не могла даже дышать, не то что издать звук. Одно короткое мгновение она трясущейся рукой держала лезвие перед глазами, проверяя, что нож и правда в руке.

А потом ее глаза закрылись.

Больше не было сил держать их открытыми.

Она стиснула зубы, напрягая мышцы шеи, чтобы петля не раздробила трахею и кровь не переставала поступать в мозг. Теперь обе ее руки были над головой: левой она продолжала держать веревку, а правой начала резать. Ее ножи всегда были острыми как бритва. Она слышала, как волокна с треском рвутся. Этот звук придал ей силы, которых, как она думала, уже не осталось. Анжела продолжала пилить прочную веревку.

И хотя Анжела орудовала ножом так быстро, как только могла, этого было недостаточно, и сознание про-

должало ускользать. Слезы огорчения текли из ее закрытых глаз.

Когда нож перерезал веревку наполовину, оставшиеся гнилые волокна не выдержали ее веса и резко оборвались. Анжела рухнула на пол. Ноги ее не держали, и она упала на колени.

Давление исчезло, но петля все еще душила. Когда ее подвесили, узел на шее затянулся под тяжестью ее тела.

Она с ужасом осознала, что перерезанной веревки оказалось недостаточно. Она все еще не могла вдохнуть, и ей казалось, что ее глаза вылезают из орбит.

Она сказала себе, что сделала все возможное.

Просто этого не хватило.

Она вспомнила самодовольные лица уходивших мужчин, когда они оглянулись на нее, зная, что победили. Она не хотела их победы.

Стоя на коленях и наклонившись вперед, Анжела ощупывала шею, пока не обнаружила узел. Трясущимися пальцами левой руки она вставила лезвие в узел и принялась аккуратно и быстро перепиливать веревку. Одной рукой она держала кончик ножа, а другой рукоять, двигая оружие взад-вперед.

Волокна натянутой веревки начали разрываться. Шеей она чувствовала, как пряди расходятся. Наконец, все они разорвались, распустив узел и сняв давление с горла. Анжела повалилась спиной на упаковочный уплотнитель, раскинув руки и громко хватая ртом воздух. Она долго лежала, хрипло вдыхая и выдыхая, позволяя жизни вернуться в нее. Получив воздух, в котором так отчаянно нуждалась, она смогла сдернуть с шеи остаток петли.

Мужчины оставили ее умирать. Однако она была жива — раздавлена болью, но жива.

Глава 25

Анжела просто лежала на засаленном уплотнителе, на котором ее изнасиловали, жадно втягивая воздух и жизнь, стараясь оправиться и от удушья, и от пережитого ужаса.

По ее щекам текли слезы, но теперь это были слезы радости. Она одолела тех, кто хотел ее убить. Она сделала всех четырех ублюдков.

Спустя некоторое время она заставила себя подняться на дрожащих ногах. Выпрямиться она не могла — живот сильно болел от ударов. Она опасалась внутренних повреждений. Кровь капала с ее подбородка на бетонный пол, оставляя расползавшиеся ярко-красные лужи. Лицо пульсировало от боли. Она огляделась и увидела свои шорты и трусы, отброшенные Мигелем к стеллажам.

Анжела захромала к своей одежде и стянула одеяло с серой металлической полки. Ее ноги были забрызганы кровью из многочисленных ран.

Она постояла, восстанавливая силы, затем одеялом вытерла сперму, стекающую по ее бедрам, и натянула трусы и шорты. Ее топ был разорван. Она надела его трясущимися руками и завязала спереди в узел, как смогла.

Она чуть не закричала от облегчения, обнаружив в кармане шорт ключи от своей машины. Девушка сомневалась, что сейчас в состоянии вести машину, но у нее не было выбора.

Дверь проскребла по неровному бетонному полу, когда она медленно приоткрыла ее ровно настолько, чтобы осторожно выглянуть наружу. Она опасалась, что один из мужчин мог остаться караулить снаружи, но никого не увидела. На улице было темно и абсолютно пусто. Ее автомобиль стоял на том же месте.

Ей пришла в голову сумасшедшая мысль. Барри наверняка удивится ее отсутствию на работе. Он всегда был добр к ней.

Она толкнула дверь еще немного, чтобы высунуть голову в ночную тьму и осмотреться получше. Никого из мужчин не было видно. Их машины тоже. Должно быть, они уехали все вместе. Они хотели убить ее, но не остались посмотреть на ее смерть. Наверняка они решили, что у нее нет ни единого шанса.

Территория вокруг заброшенной фабрики была темной и безжизненной. Она не видела фонарей. Только луна освещала призрачные здания, но ее света было вполне достаточно.

Анжела открыла свой грузовик и кое-как забралась на водительское сидение. Ее живот сводило от боли, лицо пульсировало, а горло горело от каждого вдоха.

Ее мобильный по-прежнему лежал в одном из подстаканников. Она подумала, не позвонить ли в полицию, но потом поняла, что им понадобится целая вечность, чтобы найти ее. Это займет слишком много времени.

Анжела не могла позволить себе терять время.

Ее пальцы дрожали так сильно, что она вставила ключ в замок зажигания далеко не с первой попытки. Она повернула ключ, и мотор ее верного грузовика ожил — тачка была готова умчать ее к спасению. Анжела сдала назад, развернулась и с ревом покрышек рванула прочь от смертельной ловушки.

Спутанные мысли продолжали кружиться в голове. Она не знала, куда едет. Она не была в состоянии сконцентрироваться на том, каким путем приехала сюда, и вскоре поняла, что совершенно заблудилась. Все выглядело незнакомым. Темные силуэты зданий казались одинаковыми. Даже днем в промышленной зоне было легко заблудиться, а ночью, без фонарей и ориентиров, это бы-

ло еще проще. Вдобавок ко всему ей было так больно, что она вообще с трудом соображала.

Анжела пригибалась к рулю в конце каждого здания, внимательно всматриваясь в каждую сторону в поисках четырехдверной «Тойоты-Камри», на которой уехали насильники. Ей совсем не хотелось снова попасть им в руки. Конечно, пока она в своей машине, они не могут ее схватить. Но если они вооружены, то могут прострелить колеса или, что более вероятно, застрелить ее саму. Грузовик не защитит от огнестрельного оружия, он не бронированный. Как и она сама.

Но теперь пистолет при ней, и она сможет отстреливаться.

В промышленном районе считай не было улиц в их привычном понимании — здесь были лишь целые акры бетонного покрытия, на котором в случайном порядке располагались здания. Бетон потрескался и выкрошился, через него проросли сорняки. Хотя все казалось беспорядочным, в расположении зданий все же присутствовала логика — например, некоторые строения имели выход к железнодорожным путям или были соединены между собой проулками.

Вот только Анжеле была плохо понятна эта закономерность. То там, то здесь крупные здания перекрывали дорогу, которую она считала верной, заставляя искать обходной путь. Этот лабиринт старых зданий сводил с ума ее спутанное сознание.

Наконец, в лунном свете она различила знакомое здание с частично разрушенной крышей. За этим зданием девушка обнаружила дорогу, ведущую в город. Она хотела поехать в свою хижину в лесу. Это было все, о чем она сейчас мечтала. Отправиться в душ и смыть с себя грязь этих насильников.

Но она понимала, что это не очень умный поступок, и потому направилась в Милфорд Фоллз. Она испытала облегчение, добравшись до уличных огней и хорошо знакомых мест.

Она вклинилась в поток машин, который из-за позднего часа был не особо интенсивным. Она даже была рада увидеть другие машины, ведь совсем недавно ей казалось, что она осталась одна во всем мире. Если она замечала, что на перекрестке нет машин, то проносилась через стоп-линию на красный сигнал светофоров. Она не хотела терять время на бесполезные остановки.

Увидев, наконец, светящийся красным символ больницы, она свернула и встала прямо перед входом в приемное отделение. Она знала, что здесь нельзя парковаться, но ее это не заботило.

На входе в приемное отделение были двойные стеклянные двери, и Анжела могла видеть то, что внутри. Других пациентов не было. Девушка знала, что в это позднее время в приемном обычно тихо и спокойно. Всех пьяных, попавших в аварии или драки, уже оформили, поэтому больница погружалась в относительное спокойствие до обычной утренней суеты.

Анжела выскользнула с водительского кресла. Едва ее ноги коснулись земли, она почувствовала столь сильное головокружение, что засомневалась, сможет ли даже стоять, но свет за стеклянными дверьми звал ее к себе. Она решила, что если силы покидают ее, то она должна хотя бы войти внутрь. Тогда кто-нибудь ей поможет.

Автоматические двери раздвинулись, едва она подошла ко входу. Только при свете она заметила, что ее кровь капает на темный линолеум. Девушка чувствовала, как кровь стекает с ее подбородка на грудь и живот.

Кресла для пациентов, ждущих своей очереди, были пусты, но за регистрационной стойкой находилось не-

сколько человек. Она хорошо знала это место, так как часто доставляла сюда посылки. Она знала многих работников больницы.

Они узнают ее. Они помогут ей.

Увидев медленно шагающую девушку, медсестра за стойкой тут же позвала на помощь и выбежала навстречу. Еще две сестры примчались из соседнего помещения. Санитар высунул лысую голову из-за занавески. Никто не впадал в панику, но все они деловито засуетились.

Одна из сестер взяла девушку под руку и обняла за талию, едва Анжела начала оседать на пол. Санитар пододвинул сзади инвалидную коляску и помог усадить в нее пострадавшую.

— Бог мой, юная леди, с вами еще кто-то есть?

— Я одна, — выдавила Анжела. Ее голос казался чужим, а распухший язык едва слушался.

Санитар повез ее в сторону лечебного отделения, по обеим сторонам шли медсестры.

— Милая, как тебя зовут?

Анжела подняла взгляд:

— Джули, это же я.

— Ты? Кто ты?

— Анжела.

Женщина была потрясена.

— Анжела? Анжела Константайн? Наш курьер?

Анжела кивнула. Она поняла, что ее лицо сильно пострадало, раз Джули не узнала ее.

— Что случилось? Ты попала в аварию?

— Нет. Меня изнасиловали четверо мужчин, — ответила девушка. — Они пытались меня убить.

Анжела смутно осознавала, что ее переложили на кровать в процедурной. Вокруг мельтешили люди. Кажется, каждый из них знал, что и как делать.

Невысокая азиатка склонилась над ней, и Анжела узнала женщину. Это была доктор Сонг. Одна из медсестер затягивала на левой руке девушки манжету тонометра, пока вторая вводила иглу капельницы в правую руку. Измерив давление, первая сестра ножницами разрезала шорты и трусы Анжелы, затем быстро расшнуровала сапоги, стянула обувь и поставила ее в сторону.

— Что с твоей шеей? — спросила доктор Сонг, прослушивая сердцебиение девушки.

— Они пытались меня повесить.

Доктор Сонг повернулась к одной из медсестер.

— Вызови полицию. Офицера-женщину. Потом возьми анализы на изнасилование.

Анжела начала плакать.

Одна из сестер похлопала ее по плечу:

— Не нужно плакать, Анжела. Мы о тебе позаботимся.

Анжела плакала не из-за этого.

Она плакала, потому что оказалась в безопасности.

Глава 26

Джули проскользнула в помещение — не то призрак, не то ангел, — и коснулась пальцами плеча Анжелы.

— Как ты себя чувствуешь?

— Что происходит? — спросила Анжела слабым, хриплым голосом, щурясь на медсестру.

— Тебе дали лекарство, чтобы ты расслабилась и немного поспала.

Анжеле еще не доводилось видеть Джули во время исполнения обязанностей по уходу за пациентами. Она видела ее только за оформлением образцов для доставки

в лабораторию. Женщина казалась очень уверенной, знающей и заботливой, когда просматривала показания на мониторах.

Джули напомнила ей Кэрри Страттон. Та тоже работала здесь медсестрой, пока Оуэн не убил ее. Они были примерно одного возраста, и даже их прически были похожими.

Горло Анжелы болело. Как и челюсть, и живот. У нее болело все. Ее собственный голос казался ей скрипучим.

Она огляделась и поняла, что находится в больничной палате, а не в отделении неотложной помощи. Пока ее осматривали врачи и делали компьютерную томографию, она то и дело теряла сознание. Она не помнила, как ее доставили в палату. В памяти всплыл смутный образ того, как ей поставили капельницу, а потом мир поблек.

— Если тебе нужно больше обезболивающих, доктор Сонг разрешила их давать, — сказала Джули. — Просто попроси.

Анжела кивнула:

— У меня онемели щеки. Во рту какие-то корочки.

— Ты чувствуешь швы. Докторам пришлось зашивать твои щеки изнутри, — пояснила Джули.

Глядя на женщину, Анжела недоверчиво прищурилась.

— Что?

— Когда тебя били, твои зубы изрезали щеки изнутри. Доктор применила местную анестезию для наложения швов, так что некоторое время тебе будет непривычно.

Анжела вспомнила, как мужчина избивал ее, будто это была какая-то игра. Однако, несмотря на боль, она не хотела больше наркотиков. Ее и так тошнило от лекарств,

которые уже дали. Она ненавидела наркотики. Из-за них она родилась уродом.

Анжела была очень рада, что смущавшая ее процедура освидетельствования закончилась. Она без раздумий согласилась на это, можно считать даже настояла. Это была главная причина, по которой она пришла в больницу. Она хотела, чтобы этих мужчин привлекли к ответственности, а для этого полиции понадобится их ДНК. По крайней мере, компьютерная томография прошла довольно быстро. После изнурительного осмотра она хотела, чтобы ее просто оставили в покое и дали поспать.

Пока Джули делала пометки в карте пациента, к кровати подошла доктор Сонг.

— Как себя чувствуешь? Боль уходит?

Анжела дотянулась правой рукой до левого плеча:

— У меня здесь болит. Они что-то сломали?

Сонг улыбнулась и успокаивающе погладила руку Анжелы.

— Нет, с плечом все в порядке. Это иррадиирующая боль от селезенки.

— От селезенки? — не поверила Анжела. — Быть того не может. Вы уверены?

— Да, компьютерная томография показала, что у тебя гематома и возможное повреждение селезенки в результате тупой травмы живота. Это и вызывает боль в плече.

Анжеле было трудно понять, как травма внутренних органов могла вызвать ноющую боль в плече.

— Мы подержим тебя под наблюдением пару дней, — сказала доктор Сонг. — Я хочу сделать еще одну томографию через сутки, а затем посмотрим на результаты и, возможно, оставим тебя еще на день, чтобы убедиться, что селезенка не разорвана и все в порядке. Мы надеемся

избежать хирургического вмешательства. Хорошая новость: томография не выявила ни внутреннего кровотечения, ни признаков сотрясения мозга.

— Я хочу вернуться домой.

Доктор Сонг улыбнулась:

— Не волнуйся, мы выпишем тебя как можно скорее.

— Полиция уже ждет снаружи, — сообщила Джули доктору. — Они спрашивают, можно ли с ней поговорить.

— Думаю, да, — сказала доктор Сонг, и посмотрела на Анжелу. — Справишься?

Анжела кивнула. Джули проверила капельницу и вышла. Доктор Сонг пошла пригласить полицейских.

Спустя несколько минут в палату вошла женщина-офицер. На ее лице отразилось беспокойство, когда она увидела состояние Анжелы. Девушка не знала, как она выглядит, но женщина дала ей подсказку. Анжела заметила мужчину-офицера, разговаривающего в коридоре с медсестрой. Женщина-офицер, которой было под сорок, в полицейской форме выглядела представительно и властно. Ее светло-русые волосы были собраны сзади в низкий хвост. Когда она подошла к кровати и слегка наклонилась, Анжела заметила, что ее табельным оружием был Зиг Зауэр.

— Мисс Константайн, я офицер Дентон. Вы можете рассказать мне о мужчинах, которые сделали это с вами? Вы знаете, кто они, или их имена?

В ее голосе прозвучало профессиональное сочувствие, но Анжела не нуждалась в сочувствии. Она хотела, чтобы ублюдков поймали и навсегда упекли за решетку.

Или сбросили в адскую дыру.

— Они однажды приходили в бар, где я работаю, — ответила Анжела, и собственный голос показался ей странным. — У вас есть блокнот и ручка?

Офицер Дентон вытащила небольшой блокнот из поясной сумки из черной кожи и протянула его Анжеле вместе с ручкой. Девушка записала четыре имени — Мигель, Эмилио, Хуан и Педро — и номер их машины.

Она вернула блокнот офицеру.

— Это их имена и номер машины, на которой они ездят.

Офицер Дентон взглянула в блокнот, затем подняла глаза.

— Хорошо. Вы знаете марку машины или хотя бы цвет?

— Бежевая «Тойота-Камри». Наверное, шести-семилетка.

Женщина выгнула бровь:

— У вас хорошая память.

— Я склонна запоминать людей, которые пытаются меня убить.

— Можете рассказать, что произошло? Пригодится все, что вы вспомните.

Анжела посмотрела в глаза офицера:

— У меня небольшая курьерская служба. Я взялась доставить посылку для «Хартленд Мелиорации», и четверо этих мужчин взяли меня силой. Они сорвали с меня одежду, изнасиловали, избили, а после еще несколько раз пустили по кругу, — резко сказала Анжела. Ей пришлось отвернуться и сделать паузу, чтобы усмирить гнев. — Затем они надели мне веревку на шею, подвесили на балку и оставили задыхаться в метре над полом. Сами они сели в машину и уехали. Они хотели, чтобы я мучительно умирала, и ожидали, что я задохнусь.

Офицер Дентон записала слова Анжелы в отчет на планшете. Наконец, она снова заговорила:

— Где это произошло?

— В старой промышленной зоне.

Анжела назвала адрес.

— Вы можете описать этих четверых? Как они выглядели? Рост, вес, все остальное.

— Они все латиноамериканцы со смуглой кожей и темными волосами. Телосложение обычное, рост — примерно метр семьдесят пять. У каждого на лице небольшая растительность, но бородой это назвать сложно. Им от двадцати до тридцати, возможно чуть за тридцать. Одеты были в рабочие комбинезоны синевато-серого цвета. Мигель, похоже, у них за главного. У него на лице огромное количество бородавок.

— Хорошо, пока достаточно, — сказала офицер Дентон, записывая, а потом подняла взгляд, на мгновение задержав его на татуировке «Темный Ангел» поперек горла Анжелы.

— Судя по синякам и следу от веревки на шее, вам повезло, что вы живы.

Анжела промолчала. Проницательный взгляд офицера переместился на глаза Анжелы.

— Как вам удалось снять веревку с шеи?

Анжела посмотрела на свои сапоги, стоявшие на нижней полке больничного шкафа у противоположной стены палаты. Она могла видеть только кончик черной рукояти, выглядывавший из голенища. Нож в ножнах находился между подкладкой и кожей обуви, и поэтому не натирал ногу.

Полиция обязательно наведается по адресу, который дала им Анжела, чтобы собрать улики. Девушка знала, что если скажет, что старая гнилая веревка просто порвалась от ее веса, то ее поймают на лжи, когда поймут, что удавка была перерезана.

У Анжелы было два правила относительно полиции. Первое правило — не разговаривай с полицейскими, второе — если говоришь с ними, не лги. Полиция запомина-

ет ложь, а она не хотела давать им повод вспоминать о ней.

— Я перерезала веревку ножом, — призналась Анжела.

Офицер Дентон нахмурилась, подняв глаза от отчета.

— Нож. — Она пробежала взглядом по своим записям на планшете. — Вы сказали, что они стащили с вас одежду, и вы висели в метре от пола. Так откуда у вас взялся нож?

— Они не сняли с меня сапоги, а в правом был нож. Когда они ушли, я смогла добраться до него и перерезать веревку.

Офицер Дентон посмотрела через плечо на обувь Анжелы. Женщина встала и подошла к маленькому шкафчику. Присев на корточки, она большим и указательным пальцами вынула нож, держа его так, будто он мог укусить ее. Анжела видела, что оружие в крови. По крайней мере, это была ее кровь, а не Оуэна. Она была рада, что следовала своему правилу касаемо уничтожения всего, что использовала против убийц.

Офицер вернулась к Анжеле и показала ей нож, держа его двумя пальцами.

— А вот это уже незаконно.

Анжела нахмурилась:

— Мой нож незаконен?

— Да. Он явно превосходит разрешенную законом длину.

Анжела провела языком по швам на щеке.

— Мои кухонные ножи куда длиннее этого.

— Может и так, но этот нож явно является оружием, а не обычной кухонной утварью. По этой причине он незаконен. Хуже того, вы держали его спрятанным в сапоге, что квалифицируется как скрытое ношение оружия. Вы нарушили закон.

Анжела ненадолго задумалась, не вообразила ли она себе это безумие.

— Иной раз мне приходится доставлять посылки в опасные районы, — сказала она. — И у меня есть лишь нож, чтобы защитить себя.

— Похоже, в этот раз он не очень-то помог, не правда ли?

— Насильники схватили меня за руки и ноги так быстро, что я не могла добраться до него, пока они не оставили меня висеть в петле.

— Скрытое оружие обычно только ухудшает ситуацию и подставляет своего владельца. Если бы вы бросились на них с ножом, они отобрали бы оружие и зарезали вас.

Анжела хотела возразить, что нож спас ей жизнь, но инстинкты велели ей заткнуться и не спорить.

Офицер Дентон вытащила бумажный конверт из своего тонкого алюминиевого планшета, и вложила в него нож в ножнах.

— Жители штата Нью-Йорк четко заявили, что они против скрытого ношения оружия. Нож такой длины является оружием, поэтому его ношение расценивается как преступление, а скрытое ношение — гораздо более серьезное преступление.

— Но ведь это не пистолет. Я думала, только пистолет является скрытым оружием.

— Нож наравне с пистолетом классифицируется как скрытое оружие.

Наравне с пистолетом. Анжела почувствовала, как ее лицо покраснело от ярости. Ее изнасиловали, избили, почти убили, а эта женщина совсем не радовалась тому, что жертве удалось освободиться и дать информацию, которая поможет задержать преступников. Офицер была настроена враждебно из-за ножа, которым Анжела хотела

защитить себя, но не выказала подобного возмущения по отношению к четырем насильникам.

Анжела хотела высказать все это, но ей совсем не нужно было ругаться с полицией. Иногда полицейские заходили в бар и спрашивали о посетителях. Всякий раз в таких разговорах Анжела старалась казаться ничем не примечательной — разве что нарядом. Она хотела оставаться за пределами их радаров. Если они не начнут вынюхивать про нее, то ничего и не найдут.

— Простите, — сказала Анжела, пытаясь казаться подавленной. — Я не знала.

Выражение лица офицера Дентон немного смягчилось.

— Я должна его конфисковать.

Таких ножей у Анжелы были десятки, поэтому у нее не было причин просить вернуть этот. Они всегда служили своей цели, а затем отправлялись в адскую дыру. Этот нож уже выполнил свою задачу — спас ей жизнь.

— Я понимаю, — кивнула Анжела.

Офицер Дентон долго смотрела на нее с нечитаемым выражением лица.

— Константайн. Вы живете в трейлерном парке. Ваша мать, Салли Константайн, сидит на мете.

— Я жила там раньше, — поправила Анжела. — Но уже очень давно переехала.

— Там годами активно торговали наркотиками. Полиция несколько раз наведывалась в ваш трейлер. И даже кое-кого арестовывала.

Это было похоже на обвинение, но Анжела промолчала.

Офицер Дентон указала на горло Анжелы:

— Я тут подумываю, может, сделка с наркотой пошла не по плану? Я права? Тут замешаны наркотики?

Мужчины привезли поставку из Мексики, а вы заплатили меньше, чем обещали? Очень похоже, что так все и было.

Анжела удивленно заморгала:

— Я не употребляю.

— Вы просто продаете. Умно. Многие торговцы сами сидят на своем товаре. Это рушит их бизнес и приносит сплошные неприятности. Умные же продают, но не употребляют.

Анжела хотела послать женщину куда подальше, но прекрасно понимала, что это лишь укрепит ее подозрения.

— Я не употребляю, — повторила Анжела настолько спокойно, насколько могла. — Я больше не живу с матерью. Съехала, как только стала достаточно взрослой. Моя мать — наркоманка, и вокруг нее постоянно крутились уроды. Когда она была под кайфом, некоторые насиловали меня, хотя я была еще девочкой. Ненавижу наркотики и не хочу иметь с ними ничего общего. У меня курьерская служба, а еще я работаю в баре. Так я зарабатываю на жизнь. Если не верите мне, то тут полно моей крови, можете сделать любые анализы. Идите и обыщите мой грузовик, если нужно.

Офицер Дентон постучала большим пальцем по перилам кровати, все еще не выказывая эмоций.

— Сожалею о случившемся, мисс Константайн, — наконец сказала она. — Благодарю за предоставленную информацию. Уверена, мы сможем поймать этих мужчин. — С этими словами она развернулась и вышла.

Глава 27

Тремя днями позднее Анжела все еще находилась в больнице, но надеялась, что ее скоро выпишут. Отеки почти полностью ушли, но все тело по-прежнему болело.

Она хотела отправиться в хижину и залезть в постель, чтобы никто не будил ее ночью для измерения температуры и кровяного давления или для приема лекарств. Она устала катать за собой стойку для капельниц, когда ходила в уборную.

Анжела только что вернулась из очередного изнурительного похода в уборную и улеглась в постель, когда в дверях ее палаты появились двое мужчин в штатском. Они постучали по косяку и представились как детективы Престон и Вон. Оба мужчины средних лет были одеты в костюмы, полицейские значки висели на цепочках поверх серых галстуков.

— Вы не против побеседовать с нами? — начал детектив Престон, грузный мужчина с короткой стрижкой. Он выглядел чуть старше напарника.

— Конечно, — осторожно ответила Анжела. Она опасалась, что они пришли с новыми обвинениями в торговле наркотиками или скрытом ношении оружия. — Что вам угодно?

— Взгляните на несколько фотографий, — ответил детектив Вон.

Он был выше и худее Престона, а стрижка его была еще короче. Белесые брови и ресницы казались почти незаметными на фоне пронзительных голубых глаз.

Анжела с облегчением кивнула. Они подкатили к кровати обеденный столик и поставили перед девушкой. Анжела нажала на кнопку, чтобы поднять спинку кровати. Детективы выложили на столик фотографии в два ряда по три штуки. Снимки выглядели так, словно были

сделаны на черно-белом копире, но лица были вполне различимы.

— Посмотрите внимательно, — попросил детектив Вон, — и скажите, узнаете ли вы кого-то из этих людей.

Анжела бегло взглянула на снимки. Этого ей было вполне достаточно.

— Нет. Тут нет тех, кто пытался меня убить.

Детектив Престон убрал снимки, а детектив Вон стал выкладывать шесть новых фотографий.

Анжела указала на последний снимок еще до того, как детектив положил его на столик.

— Он. Это Эмилио.

— Остальные пятеро вам не знакомы? — спросил Вон.

Анжела покачала головой, и детектив Престон убрал снимки, отложив фотографию Эмилио в сторону.

Когда детектив Вон выложил очередные шесть фото, Анжела указала на снимок в центре верхнего ряда.

— Это Хуан, — сказала она с нарастающим гневом. — Он один из четверых, пытавшихся меня убить. — Она указала на снимок, лежавший правее. — А вот Педро. — Когда детектив Престон принялся убирать лишние фотографии, отложив два опознанных снимка в сторону, Анжела протянула руку. — Просто дайте мне остальные фото. Если Мигель там есть, я узнаю его бородавчатое лицо.

Детективы обменялись взглядами, и Вон протянул Анжеле стопку фотографий. Она быстро просматривала их одну за одной, кладя лицом вниз на столик, пока не наткнулась на снимок Мигеля. Его лицо она помнила очень хорошо. Анжела припечатала снимок к столику, показывая его двум детективам.

— А вот и Мигель. Все четверо опознаны. Если у вас есть эти снимки, значит, их уже арестовали?

Детектив Вон кивнул:

— Пару часов назад. Мы хотели удостовериться, что взяли тех людей. Судя по вашей уверенности, мы не ошиблись.

— Когда будет суд? Я хочу дать показания и помочь упечь их за решетку.

Детектив Престон улыбнулся в ответ на ее нетерпение.

— Мы свяжемся с вами и сообщим, какие обвинения им предъявлены. — Он положил на столик визитку. — Но если у вас возникнут вопросы или еще что-то вспомните, вот моя визитка.

— И моя, — сказал детектив Вон, положив перед Анжелой свою визитку. — Многие жертвы боятся давать показания, и мы рады слышать, что вы хотите свидетельствовать.

Вскоре после отбытия детективов приехал Барри, который проведывал ее уже второй раз. Он заверил Анжелу, что синяки на ее лице выглядят не так уж плохо, как и след от веревки на шее. Она не знала, пытается ли он ее подбодрить или говорит честно.

Барри был отличным парнем, но стеснялся проявлять сочувствие. Он не знал, куда деть свои руки, пока стоял перед ее кроватью. Вскоре он сказал, что хочет дать ей отдохнуть, поэтому не задержится надолго. Анжеле было приятно, что он навестил ее.

Он сказал ей не беспокоиться насчет работы и возвращаться в бар, когда поправится. Затем улыбнулся и добавил, что она лучший из всех его барменов, и он хочет, чтобы она вернулась.

На следующий день ее навестила доктор Сонг. Она пришла с обходом чуть раньше обычного.

— Результаты утренней томографии показали значительное улучшение, — сказала врач. — Если ты готова,

мы можем выписать тебя уже сегодня. Но только если ты чувствуешь себя достаточно хорошо. Хотя могу сказать тебе, что чем меньше времени ты проведешь в больнице, тем лучше для тебя.

Анжела села:

— Я в порядке. И готова отправиться домой.

Доктор Сонг улыбнулась нетерпеливости Анжелы:

— Отдам распоряжения о выписке. В течение часа или двух придет медсестра, вынет катетер капельницы и выпишет тебя.

— Отлично, — ответила Анжела, желавшая поскорее покинуть больницу. — Спасибо за все, что вы для меня сделали.

— Рада была помочь, — улыбнулась Сонг. — Но хочу попросить тебя не напрягаться. Пока что никаких нагрузок, хотя бы еще пару недель. Принимай легкую пищу. Никакого аспирина — мы дадим тебе с собой несколько обезболивающих таблеток и рецепт на случай, если понадобится еще. Если боли в животе усилятся, немедленно дай мне знать.

Анжела просто кивнула. Она не хотела говорить доктору, что не собирается принимать обезболивающее. От наркотиков ее тошнило. Лучше чувствовать боль, чем тошноту.

Чуть позже Анжелу освободили от катетера и датчиков, и она подписала необходимые бумаги. Джули принесла рубашку и джинсы из фонда забытых вещей и сказала девушке, что отогнала ее машину на парковку. Анжела сердечно поблагодарила медсестру за проявленную заботу и пообещала угостить выпивкой, если та заедет в бар, когда Анжела вернется к работе.

Джули некоторое время помолчала.

— Помнишь Карри, которая работала здесь медсестрой? Она как-то передавала тебе образцы для доставки в лабораторию.

— Помню, — ответила Анжела. — Слышала, ее похитили.

Джули улыбнулась, хотя в ее глазах заблестела влага.

— То ли Бог вмешался, то ли еще что, но ее тело нашли рядом с телом убийцы. Нам всем жаль, что она уже не с нами, но хотя бы теперь семья может похоронить ее должным образом.

— Мне так жаль... — После неловкого молчания Анжела заговорила снова: — Спасибо, что заботилась обо мне здесь.

Джули смахнула слезу, улыбнулась и потрепала Анжелу по руке.

— Была рада присматривать за тобой.

Когда сестра вышла найти санитара с инвалидным креслом, Анжела подумала: «Вы присматриваете за мной, а я присматриваю за всеми вами».

Каждый занимается своим делом.

Джули наконец привела санитара. Они довезли Анжелу до ее машины на парковке и предложили вызвать кого-то, кто сможет отвезти девушку домой, или вызвать такси. Анжела поблагодарила их, но заверила, что чувствует себя прекрасно. Когда она осторожно забралась в грузовик, радуясь долгожданной свободе, то первым делом убедилась, что ее пистолет по-прежнему лежит в центральном подлокотнике. Он был там, где она его и оставила.

Она медленно вела машину по городу, не желая резко тормозить в случае чего. На нее накатила волна облегчения, что она пережила покушение на убийство и выбралась из больницы. Четверо насильников, пытавшихся ее убить, уже за решеткой. Она бы предпочла скинуть их

в адскую дыру, но для начала подойдет и тюрьма. Она надеялась, что им дадут пожизненное.

Доехав до своей подъездной дорожки, она опустила трос на землю и переехала через него. Ей хотелось оставить трос на земле и просто поехать к дому, но лучше было вернуть его на место.

Четверо насильников за решеткой, но ей не хотелось, чтобы к ней нагрянули незваные гости. Анжела изо всех сил тянула за конец троса, и, наконец, ей удалось закрыть его. Она была счастлива, что осталась одна.

Глава 28

Хотя было еще светло, Анжела сразу отправилась в постель. Она стянула с себя чужие мешковатые джинсы и рубашку и с наслаждением нырнула в кровать, но перед этим с трудом устояла перед искушением взглянуть на себя в зеркало.

Через несколько дней, утром, она все же решилась посмотреться в зеркало. Все выглядело хуже, чем она надеялась, но не так плохо, как она боялась. Синяки сменили нездоровый фиолетово-черный оттенок на уродливый темно-желтый. Швы на внутренней стороне щек доставляли неудобства, но рассасывались по мере заживления. Она радовалась, что ее щеки не были пробиты насквозь и на лице шрамов не останется. Но с возвращением в бар придется повременить.

Одевшись и приготовив себе суп, она спустилась в подвал. Тишина там отличалась от тишины остального дома. В подвале стояла гробовая тишина. Она подумала об убийцах, которых отправила в адскую дыру, и пообещала себе, что будут еще.

Анжела достала из шкафа новый нож и сунула ножны в карман подкладки новых сапог, не залитых кровью. Она даже и не подозревала, что ношение ножа незаконно. Она брала с собой нож только потому, что знала о запрете на ношение огнестрельного оружия. Она шла на дополнительный риск, выбирая нож вместо пистолета, только для того, чтобы оставаться в рамках закона. Но раз нож тоже оказался вне закона, все менялось.

Анжела вернулась к шкафу с оружейными припасами и взяла кожаную поясную кобуру к Вальтеру П22, доставшуюся от деда. Она попробовала поместить пистолет внутрь. Входил, как в перчатку. Но это было не совсем то, что нужно.

Девушка положила кобуру на верстак и с помощью универсального ножа отрезала дно, в которое упирался ствол. Она накрутила на пистолет подавитель и попробовала вставить оружие в кобуру. Ей пришлось отрезать еще немного кожи, пока подавитель не начал свободно проходить через отверстие. Теперь пистолет полностью входил в кобуру.

Она расстегнула джинсы и закрепила кобуру на внутренней стороне ремня сзади. Пистолет был бы слишком заметен при ношении на бедре. А вот на спине она могла прикрыть кобуру длинной футболкой.

Подавитель удлинял оружие, но Анжела обнаружила, что ствол можно поместить между ягодиц, и тогда пистолет будет незаметен.

В баре она часто носила укороченные топы, демонстрирующие ее плоский живот. Она решила, что обрезанных шорт будет достаточно, чтобы мужчины заказывали выпивку и оставляли чаевые, так что в коротком топе нет нужды. Длинная футболка прикроет пистолет с подавителем.

Расправившись с мужчиной, который убил рыжеволосую девушку и спрятал тело в старой цистерне на заброшенной фабрике, она почувствовала, что нашла свое предназначение в жизни. Чем больше она убивала, тем больше хотелось продолжать. Это было увлекательно.

К счастью, она просто притягивала психов. Убийцы слетались на нее, как пчелы на мед.

Анжела рассудила, что если она и так нарушает закон, нося с собой нож, то можно носить и пистолет. Лучше нарушить закон, чем погибнуть. В следующий раз ей не придется беспокоиться о том, что она оставила ствол в машине.

Но эти четверо пугающе быстро одолели ее, и пистолет все равно не помог бы — он просто не успела бы его достать. Пока она не совсем понимала, как быть с этой проблемой. Словно в головоломке не хватало какой-то детали.

Довольная тем, как ей удалось приладить кобуру, Анжела взяла несколько коробок с патронами и пошла тренироваться. Кобура на спине вносила в стрельбу новый аспект. Ей придется научиться максимально быстро извлекать оружие, даже с подавителем. Непростая задача. Это был компромисс между скоростью и скрытностью.

Прежде всего, требовалось научиться моментально извлекать оружие и точно прицеливаться. Не важно, как быстро ты стреляешь, если ты промахиваешься. Дедушка часто говорил, что даже самый быстрый, но неточный выстрел, не убережет твою жизнь.

Вскоре она научилась доставать спрятанный пистолет и выпускать первый патрон с убийственной точностью. Когда в металлический треугольник стала попадать каждая выпущенная пуля, она укрепилась в уверенности, что скрытое ношение оружия стоит того.

Живот болел все меньше, синяки проходили. На плановом осмотре доктор Сонг была приятно удивлена прогрессом в исцелении. Швы на щеках также начали рассасываться.

Уверенная в том, что может замаскировать оставшиеся синяки макияжем, девушка подумывала о возвращении на работу к Барри. В честь того, что она выжила и возвращается к работе, Анжела перекрасила волосы в платиновый блонд с синими кончиками. Цвет волос и короткие шорты, демонстрирующие длинные ноги, принесут ей хорошие чаевые. Насколько ей было известно, татуировка на горле также производила нужный эффект.

С тех пор, как она начала носить пистолет в поясной кобуре на спине, ей пришлось надевать длинные футболки, маскировавшие оружие. Однако подавитель мешал во время вождения, поэтому она решила накручивать его перед выходом из машины. Карманов нужного размера для подавителя не имелось, поэтому девушка стала прятать его в левый сапог, по той же системе, что и нож в правом сапоге. Это доставляло некоторые неудобства, но работало.

Ее беспокоило то, что носить нож и пистолет было незаконно, а подавитель — вдвойне незаконно, но все перевешивало опасение, что она наткнется на взгляд убийцы. Это случалось куда чаще, чем встречи с полицией.

Благо, четверо насильников находились за решеткой, и можно было не бояться их встретить.

Довольная своим вооружением, она уже собиралась отправиться в бар, но тут зазвонил телефон. Она ответила на вызов, шагая к входной двери с ключами в руках.

— Алло, это Анжела, слушаю.

— Добрый день, мисс Константайн. Вас беспокоит детектив Вон.

Анжела плечом прижала телефон к уху, запирая входную дверь:

— Назначили дату суда?

Детектив помедлил, прочистив горло.

— Крайне прискорбно сообщать вам эти новости, но обвинения были сняты и все четверо выпущены на свободу.

Анжела замерла с ключами в руках. На какое-то время она даже потеряла дар речи.

— Не понимаю. Как их могли отпустить?

— Боюсь, это решение прокурора.

Сначала Анжеле показалось, что она упадет в обморок, но уже через несколько секунд ее охватил гнев.

— Но я опознала их. Я готова была давать показания. У вас есть образцы ДНК, ведь в больнице у меня взяли все анализы на изнасилование.

— Анализы на изнасилование со всего штата копились годами. Для их обработки недостаточно средств. Пройдет как минимум три года, а то и четыре или пять, прежде чем очередь дойдет до анализа ДНК по вашему случаю.

— Но я хочу дать показания. У них есть веревка. Моя кровь по всему помещению. Есть отчет из больницы с описанием моих травм. Разве этого не достаточно?

— Послушайте, мисс Константайн, я на вашей стороне. Меня тоже злит такой исход.

— Да неужели? Эти ублюдки вас тоже изнасиловали? Они тоже накинули вам на шею эту гребаную веревку, повесили на балке и оставили подыхать?

В трубке наступила тишина.

— Конечно, нет. Я понимаю, что не могу в полной мере разделить ваши чувства, но уверяю вас, я на вашей стороне. Я хотел бы видеть всех четверых говнюков в

тюрьме. Я пришел в бешенство от новости, что их выпустили.

— Кто отдал это распоряжение?

— Джон Бабингтон, помощник окружного прокурора.

По долгу курьерской службы Анжеле несколько раз доводилось пересекаться с Бабингтоном. Тот еще говнюк.

— Не могли бы вы…

— Я ничего не могу с этим поделать. Они действовали через мою голову. Я звоню, чтобы не просто проинформировать, но и предупредить вас. Эти четверо на свободе, и, вполне вероятно, захотят довершить дело до конца. Я попросил включить вас в программу защиты свидетелей, но считается, что явной угрозы нет, и босс заявил, что у нас нет людей для этого.

Анжела внимательно всматривалась в окружающий ее лес.

Они могут быть где угодно.

— Вы не знаете, они покинули город?

— К сожалению, у меня нет информации. Если узнаю что-то об их местоположении или о том, что они уехали из города, то непременно дам вам знать.

— Хорошо, спасибо, — после паузы сказала Анжела.

Ее мысли уже сосредоточились на другом — на напыщенном придурке Джоне Бабингтоне.

Однажды в холле администрации, когда рядом никого не было, Джон Бабингтон положил ладонь на ее задницу. Это не было случайным или мимолетным жестом, он действовал сознательно и напористо. Она привыкла избегать напившихся мужчин в баре, поэтому просто увернулась, не поднимая шума и не привлекая внимания, и протянула ему документы от одного из своих постоян-

ных клиентов. Придурок одарил ее снисходительной и похотливой улыбкой.

Вместо того чтобы отправиться в бар, Анжела набрала Барри и сообщила ему, что немного задержится, так как ей необходимо кое-куда заехать.

Глава 29

Поговорив с Барри, Анжела поехала в центр Милфорд Фоллз. Всю дорогу она пыталась придумать причину, по которой могли выпустить насильников. Это просто не поддавалось объяснению. Они не мелкие магазинные воришки. Мужчины избили ее до потери сознания и оставили висеть в петле, полные уверенности, что она умрет.

Анжела уже бывала в администрации и знала, что на входе стоят металлодетекторы. Отыскав место на платной парковке в соседнем квартале, она совершила привычные действия — вынула нож из сапога и положила его под водительское сиденье. Так как теперь при себе у нее был еще и пистолет, девушка сняла с пояса кобуру с оружием и спрятала ее вместе с подавителем под коврик у пассажирского сидения.

Уже поднимаясь по широким ступеням, Анжела поняла, что ее наряд не подходит для визита к помощнику окружного прокурора. Почти все входившие и выходившие люди были одеты в деловые костюмы, хотя среди них попадались курьеры и работники низшего звена, одетые менее официально. Анжела собиралась отправиться в бар, поэтому на ней были короткие шорты и сапоги. Она вызывала у мужчин ухмылки, а женщины словно хотели убить ее взглядом.

Внутри располагался типичный холл общественного здания: просторное помещение, в котором раздавалось эхо голосов и шагов посетителей. Небольшая очередь образовалась перед пунктом досмотра. Посетители клали сумки и портфели в пластиковые ящики на столе, а сами проходили через рамку металлодетектора. Анжела сняла сумочку с плеча и положила ее в серый контейнер. Она уже не раз доставляла документы прокурорам, работавшим в этом здании, и знала, как себя вести.

Миновав охрану, девушка поднялась на лифте на четвертый этаж. Пройдя по коридору мимо разглядывавших ее людей, она остановилась перед кабинетом помощника окружного прокурора. Секретарем был худощавый молодой человек с идеально уложенными волосами. Его голубая рубашка, дополненная ярким коралловым галстуком, выглядела великоватой. Он спросил, назначена ли у нее встреча с мистером Бабингтоном. Когда она ответила отрицательно, он сказал, что у помощника прокурора сейчас проходит другая встреча и что ей необходимо записаться на прием и затем прийти в назначенное время. Анжела ответила, что подождет, пока мистер Бабингтон освободится. Раздраженный секретарь спросил ее имя, и Анжела сообщила, что работает курьером и уже доставляла посылки мистеру Бабингтону. Скривившись, он предложил ей присесть.

Почти в пять Джон Бабингтон открыл дверь кабинета и выпустил двух человек, которые поспешно удалились. Помощник окружного прокурора остановился в дверях, надевая пиджак.

Секретарь с неодобрительной ухмылкой указал на Анжелу:

— Я сказал ей, что нужно записываться на прием, но она решила дождаться вас.

Бабингтон застыл с одним надетым рукавом и уставился на голые ноги девушки. Она не сомневалась, что он ее помнит. Он снял пиджак и кивнул девушке, чтобы та прошла в кабинет.

Анжела закрыла за собой дверь и села в бордовое кожаное кресло перед деревянным столом. Джон накинул пиджак на высокую спинку кресла по другую сторону стола и тоже сел.

— Чем я могу…

— Меня зовут Анжела Константайн.

Он откинулся на спинку кресла и рукой зачесал назад свои густые каштановые волосы.

— Чем я могу быть полезен, мисс Константайн?

— Четверо мужчин пытались меня убить. Я узнала, что вы сняли обвинения и выпустили их на свободу. Хочу знать, почему.

В его глазах мелькнуло узнавание, а затем он снисходительно улыбнулся, словно она была ребенком, задавшим наивный вопрос.

— Все не так просто.

Анжела сложила руки на коленях:

— Для меня все просто. Они пытались меня убить.

— Вы утверждали, что они изнасиловали вас, не так ли? — Он подался к ней с намеком на улыбку, словно ожидал услышать скабрезную историю.

— Да, — только и ответила она.

Его двойной подбородок нависал над воротником и галстуком, пока он силился разглядеть ее ноги, но она сидела слишком близко к столу, поэтому он наградил долгим взглядом ее грудь, а потом переключился на стопку папок у края стола. Он перебирал их, пока не нашел нужную.

С шумом положив папку на стол, он открыл ее и принялся листать бумаги, негромко хмыкая во время

чтения. Она заметила черно-белые снимки четырех насильников. Он перевернул эти четыре карточки, послюнявил пальцы и взялся за страницу, проглядывая ее содержимое.

Наконец, он взглянул на нее поверх бумаги:

— Что именно вас интересует?

— Я сообщила офицеру, которая приходила в больницу, что готова свидетельствовать в суде против этих четырех мужчин. Я могу их опознать. Я сообщила полиции регистрационный номер их автомобиля. А теперь хочу знать, по какой причине вы сняли обвинения и выпустили их.

Он холодно посмотрел на нее, выдерживая паузу.

— У вас предрассудки, мисс Константайн?

Анжела моргнула:

— Что?

Джон Бабингтон надменно осклабился.

— Эти люди — нелегальные иммигранты из Мексики, мисс Константайн. Наш штат оказывает покровительство нелегальным иммигрантам.

Анжела снова посмотрела ему в глаза:

— Они пытались меня убить.

— Добропорядочные граждане штата Нью-Йорк, как и все избранные должностные лица надо мной, — он поднял руку и покрутил ею над головой, — ясно дали понять, что наш штат предоставляет убежище нелегальным иммигрантам. Значит, они находятся под нашей опекой и защитой. У меня прямые указания не сотрудничать с федеральными властями...

— Но это не федеральный случай, — перебила Анжела. — Это криминальный случай. Я не хочу их депортации, я хочу привлечь их к ответственности. — Она указала на синяки на шее: — Они повесили меня и оставили

умирать. Они пытались меня убить. Вы должны действовать от лица жертв и наказывать преступников.

Он посмотрел на ее горло, а затем взглянул девушке в глаза.

— Вы сатанистка, мисс Константайн?

— Чего?

— Сатанистка. Вы понимаете, служение Дьяволу, — он указал на ее шею. — Ваша татуировка. Там написано: «Темный Ангел». Вы поклоняетесь Сатане?

Анжела недоверчиво нахмурилась:

— Нет. Но разве сатанисток можно насиловать и убивать?

Он кинул взгляд на бумагу в своих руках, а затем с ледяным презрением посмотрел на девушку.

— Согласно показаниям этих мужчин, секс был по взаимному согласию.

Анжела была ошарашена таким заявлением.

— Это ложь. Конечно, они так сказали — они скажут что угодно, лишь бы избежать наказания. Надо полагать, они также заявили, что не покушались на мою жизнь, а оказывали помощь в попытке самоубийства?

Он выгнул бровь в ответ на ее саркастическое замечание и вернулся к чтению отчета.

— Тут зафиксировано, что все четверо говорили одно и то же: все было по согласию. Они утверждают, что вы хотели получить… «новый опыт».

— Да что вы такое говорите? Какой «новый опыт»?

— Они все говорят, что встретили вас в заведении «У Барри», где вы работаете барменом. После работы, на парковке, вы познакомились с ними и сказали, что хотите воплотить сексуальную фантазию об изнасиловании. Они сказали, что вы предложили им немного поразвлечься и помочь вам получить такой опыт.

В тот день после работы Анжела была занята тем, что убивала Оуэна, но вряд ли стоило об этом рассказывать.

— Я попала в больницу.

Он кивнул, показывая, что знает об этом.

— Они заявляют, что вы хотели жесткого секса, чтобы, как они выразились, ощутить все в полной мере. Вы заранее оговорили, чтобы вас повесили на веревке и оставили — это часть вашей фантазии. Они не хотели заходить так далеко, но вы уговорили их и сообщили, что у вас в сапоге нож, и вы перережете веревку, чтобы освободиться.

Анжела замерла. Мужчины не знали о ноже, когда оставляли ее в петле. О ноже узнала офицер Дентон во время допроса в больнице. Значит, кто-то слил информацию насильникам и помог выдать нужные показания.

Она поняла, что штату, который предоставлял убежище нелегалам, был необходим повод, чтобы снять обвинения и выпустить мужчин на свободу, поэтому была сфабрикована история, дискредитирующая саму Анжелу.

Джон потряс кулаком в воздухе и понимающе подмигнул.

— Любите групповушку, мисс Константайн? Все прошло как надо? Немного грубо, быстро и жестко?

Анжела с трудом сдерживала ярость. Но она понимала, что сорваться нельзя. Она почувствовала, как ее лицо налилось краской, но ничего не могла с этим поделать.

— Я говорю вам о том, что было на самом деле, — возразила она как можно спокойнее. — Я жертва покушения на убийство.

Джон Бабингтон окинул ее властным взглядом.

— А я просто информирую о том, какие показания дали мужчины. Это определенно расходится с вашими словами. Показания были бы озвучены в суде. Показания

их четверых и ваши. Их позицию подробно бы осветила пресса. Весь Интернет забурлил бы, поддерживая бедных и невинных нелегалов, а вас выставили бы фанатичкой, расисткой или еще кем-то похуже. Поэтому мне и пришлось снять обвинения. Это спасло всех, включая вас.

— Они преступники, — повторила девушка. — Я — нет.

Он пролистал еще несколько страниц:

— Что ж, давайте посмотрим. В отчете указано, что при вас было неразрешенное оружие. — Он, выгнув бровь, глядя на нее поверх бумаг: — Это так?

Анжела сглотнула комок в горле. Она понимала, что отрицать это бессмысленно.

— Да. Я носила нож для самообороны. Я не знала, что это незаконно.

— Незнание не освобождает от ответственности, мисс Константайн. Полагаю, вы осознаете, что раз офицер обнаружила и конфисковала ваш нож, то у нас есть основания для возбуждения против вас дела о незаконном ношении оружия? — Он угрожающе ей улыбнулся. — Разумеется, если мы того пожелаем.

Анжела не ответила. Она, наконец, увидела общую картину. Они намерены отпустить насильников, и точка. Помощник окружного прокурора явно дал понять, что выдвинет обвинения против нее самой, если она продолжит упорствовать. Он обвинит ее в преступлении и повернет дело так, что все будет расценено не как изнасилование, а как секс по взаимному согласию. Он заявит, что она решила обвинить мужчин, чтобы скрыть свое непристойное поведение, а еще потому, что она расистка.

Его взгляд сместился с ее волос вниз, насколько он мог рассмотреть ее тело.

— Совершенно очевидно, что вы сами попросили их об этом. Верно? — уточнил он у нее. — Я имею в виду

вашу манеру одеваться. Кто угодно, взглянув на вас, сразу скажет, что вы из тех женщин, которые ищут приключений на свой передок. Правда?

— Мой внешний вид не дает право меня насиловать.

Он улыбнулся, подмигнув ей:

— Да ладно, ну признайтесь уже. Вам понравилось.

Анжела понимала, что этот наделенный властью мужчина поставил ее в опасное положение. Она всегда старалась избегать подобных ситуаций.

— Это не так, — просто произнесла она.

Он пожал плечами и продолжил изучать документ.

— Тут говорится, что офицер, допросивший вас в больнице, предполагает, что дело может быть как-то связано с неудачной сделкой по торговле наркотиками.

Анжела моргнула:

— Я не употребляю наркотики.

— Важно не то, что вы говорите, а во что поверят присяжные.

Он пролистал еще несколько страниц, бормоча что-то себе под нос во время чтения. Наконец, он собрал бумаги, сложил их обратно в папку и откинулся на спинку кресла, сцепив на затылке пальцы. Его массивный живот нависал над ремнем.

— Несмотря на ваши слова, юная леди, есть свидетельства, что вы связаны с наркоторговлей. В дом Константайнов, где вы ранее проживали, довольно часто заглядывала полиция, расследуя хранение и распространение наркотиков. Это место хорошо знакомо служителям закона. Там не раз были драки, ножевые ранения, аресты по самым различным обвинениям, большинство из которых связаны с наркотиками. Все это очень впечатлит присяжных.

Анжела отчаянно старалась контролировать голос.

— Я не имею дел с наркотиками.

Это не имело значения. Она отвечала за грехи матери.

Он пожал плечами, не расцепляя руки на затылке.

— Все, против кого я выдвигал обвинения в хранении и распространении наркотиков, говорили одно и то же: они не употребляют наркотики; они не имеют дел с наркотиками; мы взяли не того человека; полиция подбросила им наркотики. Все это чушь собачья! Вы все одинаковые.

— Вы готовы привлечь к ответственности человека, зная, что он невиновен?

— Не мне решать, кто виновен, а кто нет. Вердикт выносят присяжные.

Анжела встала, сжав кулаки.

— Я не имею никакого отношения к наркотикам.

— Что ж, значит, слово полиции, — его похотливый взгляд задержался на ее ногах, — против слова шлюхи из трейлерного парка. — Он поднял на нее холодный презрительный взгляд.

Пока он пялился на ее тело, Анжела поняла, что у него есть нечто общее с четырьмя насильниками. Как и они, он считал себя лучше нее. Более того, он питал к ней элитарное презрение, но в то же время не мог противиться низменной похоти. В результате, в нем боролись презрение и желание.

Анжела молча опустилась в кресло.

Он пожал плечами:

— Возможно, у нас рядовое дело: торговка наркотиками, которая незаконно носит оружие. — Он наклонился вперед, указывая на нее ручкой со стола, и повысил голос. — Как сказал, штат предоставляет убежище нелегальным иммигрантам и не намерен преследовать их по велению гребаной бродяжки из трейлера!

С огромным усилием Анжеле удалось смолчать.

— Итак, — подытожил он, переходя на обычный тон, — полагаю, вам повезло, что я не намерен выдвигать встречные обвинения по поводу незаконного ношения оружия. Согласны?

Анжела подавила растущий в ней гнев. Она осознавала, что должна быть очень осторожна с ответом. Эту битву ей не выиграть. Более того, у нее могут возникнуть огромные проблемы.

— Да... Согласна.

На его лицо вернулась вежливая улыбка.

— Я так рад, что смог все вам объяснить и теперь мы смотрим на эту проблему с одной точки зрения.

Внезапно в дверь постучали. Когда мистер Бабингтон поднял взгляд и крикнул «Да!», дверь приоткрылась, и парень из приемной просунул в кабинет голову.

— Можно вас на минуту, мистер Бабингтон? Очень важный вопрос.

Бабингтон захлопнул папку и поднялся.

— Прошу прощения, мисс Константайн.

Он подтянул штаны и направился к двери. Выглянув в приемную, он обсуждал что-то с секретарем. Реплики Бабингтона звучали очень раздраженно.

Анжела некоторое время наблюдала за проявлением его дурного настроения. Бабингтон одной рукой держался за дверной косяк, а второй — за дверь, задавая вопросы и злобно отдавая распоряжения. Она не могла видеть молодого человека, который явно стушевался под напором своего босса.

Анжела перегнулась через стол, раскрыла папку и перелистнула несколько станиц, пока не нашла черно-белые снимки насильников. Она быстро вытащила их, сложила и запихнула в карман. После этого девушка закрыла папку.

Когда мистер Бабингтон закончил разговор и вернулся в кабинет, Анжела взяла свою сумочку с соседнего кресла и перекинула ремень через плечо. Он снова одарил ее непристойной снисходительной улыбкой, как и при первой встрече.

Она ответила фальшивой улыбкой, которую иногда использовала в баре, чтобы успокоить хрупкое мужское эго.

— Благодарю за уделенное время, мистер Бабингтон, — сказала она, проходя мимо него.

— Всегда пожалуйста, дорогая, — ответил он. — В любое время.

Глава 30

Анжела сидела в машине, сжимая руль так сильно, словно хотела его задушить; ей не хватало воздуха, сердце колотилось, взгляд был направлен в никуда. Она знала, что не стоило обращаться к властям. Прекрасно знала. Должна была догадаться, чем все закончится. Услышав, что обвинения сняты и мужчины выпущены на свободу, она должна была догадаться, что решение уже принято и она ничего не может с этим поделать. Система всегда обвиняла жертву.

Она вспомнила слова дедушки, сказанные по дороге домой в тот день, когда он приходил в школу. Директор Эрикссон собирался исключить ее за то, что она дала сдачи старшеклассницам. Анжелу не выгнали только потому, что директор больше испугался ее деда, чем критики в свой адрес за исключение.

Когда они сели в машину, дед сказал, что любая форма власти, от школьной системы до системы право-

судия, гораздо больше озабочена своей защитой, нежели защитой невиновных, и поэтому он гордится тем, что она постояла за себя. Дед сказал, что это единственный способ добиться справедливости.

Он был совершенно прав. Прокуратуру не заботило правосудие. Как и все формы власти на всех уровнях, они стремились защитить только самих себя и свои политические взгляды. Всегда опасно идти против решения властей. Люди вроде Анжела были досадной мелкой помехой на пути к их целям. Если будет нужно, система раздавит эту помеху.

Но Анжела хотела справедливости. Это все, что ее волновало. Только месть позволяла ей почувствовать себя живой. Это единственное, ради чего стоило жить.

Анжела была даже рада, что этот эгоистичный ублюдок отпустил латиносов. Теперь Анжела могла охотиться на них.

Мужчин отпустили, поскольку они являлись мексиканскими нелегалами, но Анжела не верила, что эти четверо были из Мексики. Обычные мексиканцы не ведут таких разговоров и мыслят иначе. Вряд ли мексиканцы считают Америку Великим Сатаной.

Она знала, кто так считал. Она видела в глазах этих людей, что они искренне презирают Америку. Они источали неподдельную ненависть.

Они собирались убить ее, так что не притворялись.

А еще она сомневалась, что предметы в том цеху имели отношение к мелиорации. В оросительных системах не использовались сотовые телефоны, детали сложной геометрической формы или провода, которые она доставила. Эти четверо были не теми, за кого себя выдавали. Они явно что-то замышляли.

У Анжелы промелькнула мысль позвонить властям — в ФБР или Службу нацбезопасности, — и сообщить о

том, что видела. Но обвинения Джона Бабингтона все еще будоражили ее; она видела, что законы защищают преступников, а не жертв, и потому отбросила идею куда-то звонить.

Ее нарекут расисткой, ненавидящей людей за то, что они мексиканцы. Если доложит властям, то, скорее всего, сама навлечет на себя проблемы. Власти свяжутся с Бабингтоном, тот отмахнется от подозрений, а потом обвинит Анжелу в скрытом ношении оружия. Больше пугало, что он подкинет наркотики и обвинит в наркоторговле. Такому легко засадить в тюрьму кого-то вроде Анжелы, где ее заставят замолчать и все о ней забудут.

Она вспомнила о своем правиле: не жди добра от общения с властями и доверия к ним, какими бы они ни были.

Анжела взяла телефон и позвонила Барри. Он ответил после второго гудка.

— Барри, это Анжела. Ничего, если я сегодня не приду?

— Что-то случилось?

— Ерунда.

— Не ерунда, я же слышу по твоему голосу. Что не так?

Анжела прочистила горло:

— Я только что узнала, что обвинения против четырех напавших на меня мужчин были сняты.

— Что? Бред какой-то. Какого черта? Кто снял обвинения?

— Помощник окружного прокурора. Джон Бабингтон.

Барри раздраженно выдохнул:

— Ничтожество. Ты знаешь, что когда Бабингтон баллотировался на эту должность, он приходил в бар и просил взнос на предвыборную кампанию?

— Нет, ты не говорил мне.

— Ну, было дело. Он сказал, что будет неплохо, если я сделаю взнос в его кампанию и поддержу его жесткую позицию в отношении правопорядка. Посоветовал помочь ему в избрании, так как в случае его проигрыша пройдет какое-то время до присяги нового человека. А через стол помощника окружного прокурора проходит много обвинений против баров, и ему, возможно, придется заняться ими в качестве последней обязанности перед жителями штата. Я ответил, что ничего не смыслю в предвыборных кампаниях, и спросил, ну какую сумму взноса он рассчитывает. Знаешь, сколько запросил этот говнюк?

— Сколько?

— Он сказал, что рассчитывает на полторы тысячи долларов. Полторы штуки баксов!

— Значит, ты сделал «взнос» в его кампанию.

— Проклятье, именно так. Я способен распознать шантаж. Иногда, даже когда требования несправедливы, ты должен делать так, как лучше для тебя. Понимаешь?

Костяшки пальцев Анжелы, сжимавших руль, побелели.

— О, определенно.

Он какое-то время молчал.

— Анжела, прости, что жалуюсь на такую мелочь, которую даже не сравнить с тем, как этот гребанный говнюк поступил с тобой. Слушай, сегодня посетителей немного. Возьми отгул на сегодня... нет, даже до конца недели. Ты выбита из колеи. Дьявол, у меня у самого подгорает, хотя это произошло не со мной.

— Спасибо за понимание, Барри. Я позвоню тебе через несколько дней, обсудим график работы.

Повесив трубку, Анжела набрала номер, от которого было уже полдюжины пропущенных вызовов.

— Привет, это Бетти из хосписа, — сказала женщина на другом конце линии.

— Привет, Бетти. Это Анжела Константайн.

— Анжела! Я никак не могла до тебя дозвониться.

— Я знаю, но кое-что произошло.

— Что такого важного могло случиться, что ты не...

— На меня напали четверо мужчин. Они изнасиловали меня, избили и оставили умирать. Я лежала в больнице.

Ее недовольный тон сменился извиняющимся:

— Господи! Я понятия не имела! С тобой все в порядке? Прости, что названивала…

— Не беспокойся. Послушай, Бетти, я звоню, потому что мне нужно кое-что узнать от мамы.

Повисла пауза.

— Ей становится все хуже, понимаешь? Она то с нами, то уходит в себя. Похоже, она больше не в состоянии говорить по телефону.

— Ничего страшного. Я и не ждала, что она сможет поговорить со мной. Просто спроси у нее кое-что. Это очень важно. Мне нужна фамилия парня, который когда-то приходил к нам в дом. Его зовут Нейт. У его фамилии иностранное звучание, но я не могу вспомнить. Ма должна помнить его — она всегда говорила, что он милый и ей хочется ущипнуть его за задницу. Он приходил к нам, пока не сел в тюрьму за непредумышленное убийство.

— Нейт. Попал в тюрьму за непредумышленное убийство. Какой ужас. Хорошо, подожди, я сейчас спрошу. — Ее не было довольно долго. Наконец она вернулась к телефону: — Это было непросто. У нее тяжелые времена, понимаешь?

— Я знаю.

— Но она вспомнила его. Его зовут Нейт Дренович.

Анжела щелкнула пальцами.

— Точно. Спасибо, Бетти. Прости, но мне нужно бежать.

— Когда я даю лекарства, она часто спрашивает тебя. Уж не знаю, что ей надо. И вот сейчас она спрашивала что-то странное.

— И что же?

— Она спросила, не та ли это девочка с луны. Немного странно. И жутко. Ты знаешь, о чем это она?

Анжела не знала, что сказать.

— Когда ты сможешь навестить ее?

— Скоро, — ответила Анжела. — Сначала кое-что улажу…

— Понимаю. Береги себя, дорогая, и поправляйся. Ты меня слышишь? Поправляйся.

— Да, конечно. Спасибо, Бетти.

Глава 31

Нажав на отбой, Анжела принялась искать в интернете на телефоне Нейта Дреновича. Удивительно, но нашлось несколько записей, и все в других городах. Затем она нашла одну заметку в Милфорд Фоллз: «Дренович Тактикал». Под названием была пометка «боевые единоборства». Судя по всему, она нашла парня.

Анжела приблизительно знала этот адрес. Она сунула нож в правый сапог, подавитель — в левый, а пистолет заткнула за пояс. С пистолетом было неудобно откидываться на спинку водительского сиденья, но она напомнила себе, что пистолет носят не для удобства, а для спокойствия.

Анжела чувствовала себя в большей безопасности с пистолетом в кобуре, а не в подлокотнике машины, где он был бесполезен, когда она остро в нем нуждалась — а все из-за следования закону. Но даже наличие пистолета не решало всех проблем.

Она нашла «Дренович Тактикал» в захудалом торговом ряду чуть в стороне от оживленной четырехполосной дороги. Она не ожидала, что Нейт ее вспомнит. Ей тогда было пятнадцать или шестнадцать. Анжела не знала, сидит ли он на наркоте, но наличие у него своего бизнеса вселяло надежду. В противном случае, она просто найдет кого-нибудь другого.

Из всех пугающих мужчин в трейлере матери Нейт казался самым порядочным. Но его бы там не было, если б он не принимал наркоту или не водился с наркоманами. Как минимум, он попал в плохую компанию.

Еще Анжелу беспокоило совершенное им непредумышленное убийство. Она задавалась вопросом, с кем собирается связаться, но на данный момент Нейт был единственным, кто приходил на ум. Можно начать с него, а если ей что-то не понравится, уйти.

Анжела припарковалась перед витриной, выкрашенной изнутри в черный цвет. На ней золотыми буквами с красной обводкой было написано: «Дренович Тактикал». Стекло было закрашено полностью, и внутрь заглянуть было невозможно. Она открыла типичную для подобных придорожных магазинчиков алюминиевую остекленную дверь, которая также была покрашена в черный.

Внутри оказалась одна комната — небольшая, но для занятий боевыми искусствами места хватало. Нижняя часть стен почти на два метра в высоту была выкрашена в черный, выше по всему периметру комнаты проходила красная полоса, над которой до самого потолка стены были белыми. По потолку проходили воздуховоды с вен-

тиляционными решетками. В глубине помещения находилась ванная комната, а перед закрашенным окном стоял стол с несколькими складными стульями. Вдоль одной стены выстроились деревянные скамьи. Пол почти везде был застелен матами.

Двое мужчин в центре практиковали захваты и уходы от них. Один из них соответствовал ее воспоминаниям о Нейте, а другой, с короткой стрижкой и в майке-алкоголичке, был старше и мускулистее. Его тело было покрыто находившими друг на друга татуировками. Накаченный стероидами мужчина сопел и подергивал плечами, и это заставило девушку задуматься, не совершила ли она ошибку, придя сюда. Качок с выпученными глазами явно был на взводе. У Анжелы был богатый опыт быстрой оценки мужчин, и этот мог доставить проблемы.

Мужчины прекратили бороться и подошли к Анжеле.

Нейт был чертовски красивым парнем лет на пять-шесть старше нее. Его короткие каштановые волосы были в привлекательном беспорядке, а облегающая черная футболка демонстрировала рельефную мускулатуру. Но он не был перекачан, как другой парень.

— Ого, горячая штучка, — произнес татуированный, подходя к ней, а потом агрессивно схватил за задницу. — Ничего так.

Анжела молниеносно прижала дуло пистолета к его подбородку, приподняв голову мужчины на несколько сантиметров.

Он застыл.

— Ты слышал этот щелчок? — спросила она.

— Э-э-э… Да.

— Я сняла пушку с предохранителя. У меня был очень плохой день, и я в очень, очень плохом настроении. Сейчас мне нужен только повод, чтобы спустить ку-

рок. Если даже подумаешь прикоснуться ко мне еще раз, я отправлю пулю гулять по твоей тупой черепушке. Ты же знаешь, что такое «черепная коробка», дебила кусок?

Ее тон заставил мужчину насторожиться.

— Ага, знаю.

— И что же это? Или ты кусок дебила?

Казалось, он не понял, что она хочет от него услышать.

— Э-э-э…

— Все в порядке, Малкольм, — вмешался Нейт. — Послушай, я знаю, что сейчас происходит в твоей голове. Поверь, ты только начал обучение, и у тебя недостаточно опыта, чтобы даже помыслить о попытке разоружения этой раздраженной леди, прежде чем она успеет выстрелить.

Нейт осторожно положил ладонь на предплечье Анжелы.

— Все в порядке. Клянусь, я больше не позволю ему прикасаться к тебе. Может, уберешь пистолет?

Анжела посмотрела в его глаза, спокойные и уверенные. Поставив пистолет на предохранитель, она убрала его от подбородка Малкольма и сунула в кобуру.

Нейт положил руку на потное плечо Малкольма с татуировкой символа радиоактивной опасности и отодвинул парня на несколько шагов.

— Думаю, нам пора закругляться. Продолжим на следующей неделе. — Он указал большим пальцем на дверь: — Увидимся.

Малкольм нахмурился в замешательстве от того, как быстро его выпроваживают. Его выпученные глаза метались между Нейтом и Анжелой.

— Чертова маленькая пизда, — наконец изрек он.

Анжела свирепо посмотрела на него:

— Мне похрен.

— Ну все, хорош, — сказал Нейт Малкольму, когда тот побрел прочь. — Ты знаешь, что я учу и тому, как вовремя уйти. Сейчас как раз такой момент. Не нужно доказывать, что можешь отмутузить пятидесятикилограммовую девчонку. Ты достаточно наговорил, увидимся на следующей неделе.

Малкольм еще раз глянул на обоих, а затем стащил рубашку со спинки стула и, сжимая ее в кулаке, выскочил за дверь.

Когда Анжела обернулась, Нейт озадаченно нахмурился.

— Я тебя знаю? Твое лицо кажется знакомым.

Анжела видела в его глазах, что он убивал, но его глаза загадочным образом отличались от глаз других убийц. Он вызывал тот же первобытный леденящий страх перед хищником, но в его глазах не было порочности, присущей остальным. У нее не возникло видений — только смутные сражающиеся тени. Это дезориентировало и тревожило, но в то же время успокаивало.

— Вроде того. Я Анжела Константайн. Дочь Салли. Ты приходил на вечеринки в нашем трейлере.

Он щелкнул пальцами и указал на нее. На его лице расплылась приятная улыбка.

— Точно… дочь Салли. — Он быстро оглядел ее с головы до ног. — Проклятье, девочка, ты правильно сделала, что выросла.

Анжела была не в настроении для лести:

— Ты еще на наркоте?

Вопрос сбил его с толку, но Нейт быстро пришел в себя:

— Не-е, — протянул он с пренебрежительным жестом, вместо того, чтобы оправдываться, — это пройденный этап. Я тусовался не с дурной компанией.

— По моему опыту, люди, которые говорят так, — и есть дурная компания.

Он посерьезнел:

— Если уж ты так хочешь знать, все дело в девушке по имени Бекки, в которую, как я тогда думал, я был влюблен. Попроси она, и я бы прыгнул с обрыва. Я был молод и глуп. — Он отмахнулся от этой темы. — Что привело тебя сюда?

— Меня интересует самооборона.

Он с улыбкой покачал головой.

— Ты уверена, что тебе это нужно? Ты чертовски быстро управляешься с пистолетом.

Анжела не ответила на его улыбку.

— Пистолет не всегда может спасти. Его может не оказаться под рукой, когда он больше всего нужно. Даже если пистолет при тебе, может подвести реакция. А некоторые знают, как выхватить пушку до того, как ты ее используешь… Иногда тебя просто превосходят силой.

Он помрачнел, когда увидел, что она не улыбается.

— Ты права. Может, и не Малкольм — пока он на это не способен, — но другие люди могут вырвать у тебя пистолет, прежде чем ты опомнишься, и тогда у тебя будет ворох неприятностей. Если это сделает плохой парень — ты труп.

Анжела мгновение изучала его глаза.

— Ты сидел за убийство. Почему ты убил того парня?

Нейт поднял руку в защитном жесте.

— Ого, полегче. Что за вопросы?

— Я должна знать ответ до того, как соглашусь стать твоей ученицей.

— Согласишься?.. — Он упер кулаки в бедра. — А если я не захочу тебя учить?

— Тогда поищу кого-нибудь другого. Я начала с тебя, потому что всегда считала тебя порядочным парнем, несмотря на твой круг общения. Я неплохо разбираюсь в людях. Я решила, что ты вспомнишь меня и, возможно, захочешь помочь.

— Понимаю.

— Так почему ты убил человека?

Он закусил нижнюю губу и отвел взгляд, раздумывая, стоит ли отвечать. Наконец, он посмотрел на нее:

— Бекки — та девушка, в которую я втюрился, — подсела на мет. Употребляла все больше и чаще. Всякий раз, когда я просил ее завязать, она обзывала меня трусливым неудачником. Поначалу я мирился, поскольку не хотел, чтобы она бросила меня; пыхал травку, когда она долбила мет или мы тусовались. Когда она у тебя дома курила крэк, я курил траву. Я пытался вписаться в ее мир и стать частью ее жизни. Но потом я достаточно повзрослел, чтобы понять, что заслуживаю лучшего, поэтому порвал с Бекки и перестал с ней видеться. Я резко завязал. Это причиняло боль и даровало облегчение, понимаешь? Бекки просто взбесилась. Она была охренительно красива, и ее еще никто не бросал. Ей это не понравилось. Она решила отомстить и сказала другому парню —с которым мне изменяла, но я об этом не знал, — что я избивал ее, и поэтому она бросила меня ради него. Тот парень сидел на «ангельской пыли». Однажды ночью он отыскал меня, чтобы отомстить за свою даму сердца. Он поймал меня на выходе из круглосуточного магазина. Я сказал, что отпускаю к нему Бекки и благословляю, но парень и слушать не желал. Я не хотел с ним драться, но он пришел в бешенство от того, что я просто держу его подальше. Он кинулся на меня с ножом. По его глазам я понял, что он под «ангельской пылью» и всерьез вознамерился убить меня. Этот крепкий парень принялся размахивать

ножом. Я пытался остановить его болевым приемом, но из-за кайфа он не чувствовал боли. Наконец, я с трудом уложил его, чтобы выиграть время и свалить оттуда. Но парень приземлился на обломанный машиной столб дорожного знака. Дурацкая случайность. Обломок перебил ему позвоночник у основания черепа, отчего тот мгновенно умер.

Когда Анжела жила с матерью, там были люди, которые делали «супертравку» — марихуану в сочетании с фенциклидином. Она знала, как это портит людей. Те, кто употреблял «ангельскую пыль», называли ее «ракетным топливом». С нее они дурели. От таких Анжела пряталась.

— Походит на самозащиту.

Нейт разочарованно воздел руки, соглашаясь:

— Так и было! Все шло к тому, что с меня снимут обвинения. Но потом на мое дело наткнулся этот прокурорский ушлепок. Он тогда баллотировался на второй срок и хотел выглядеть суровым борцом с преступностью. Он хотел, чтобы дело об убийстве возвеличило его в глазах избирателей. В наличии был мертвый парень и я. Он назвал это любовным треугольником и обвинил меня в убийстве второй степени. Он привлек эту сучку Бекки дать показания против меня. Ей это понравилось. Она хотела отомстить за то, что я бросил ее. К счастью, присяжные ей не поверили и признали меня виновным в непредумышленном убийстве. Я отмотал чуть больше двух лет. Вот как получилось, что я убил парня и отсидел. Бекки хвасталась перед своими корешами, что упекла меня за решетку.

— Кто был обвинителем?

— Джон Бабингтон. В Милфорд Фоллз нехватка рабочих мест, а с судимостью найти работу почти невозможно. Я изучал единоборства едва ли не с пеленок, по-

этому решил применить это на деле и открыл свою школу боевых искусств, чтобы заработать на жизнь.

— Ты мог в случае чего убить этого парня намеренно?

Он не мог поверить, что она сомневается в его способностях.

— В первую же секунду, как он кинулся на меня, я мог сломать ему шею. Я мог бы убить его дюжиной разных способов, если бы хотел. Никаких проблем. Но я не собирался убивать его или даже травмировать. Я просто пытался уйти. Я порвал с той истеричкой и не хотел возвращаться в эту мыльную оперу. Но Бабингтон с радостью спустил мою жизнь в унитаз, чтобы переизбраться.

Глава 32

— Так уж случилось, — сказала Анжела, — что сегодня я пообщалась с Бабингтоном, и все пошло через задницу.

Он удивился и немного насторожился.

— Да ладно. Что ты у него забыла?

Анжела достала четыре фотографии насильников, развернула их и передала Нейту.

— У меня своя курьерская служба. Я доставила посылку этим четверым, а они набросились на меня, изнасиловали, почти до смерти избили и повесили на балке, оставив умирать.

— Вот дела… — тихо произнес он. — Я заметил на твоей шее след веревки и задавался вопросом, что же случилось. Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это. — Нейт озадаченно посмотрел на нее. — Но если

они оставили тебя висеть в петле, как, черт возьми, ты выбралась?

Анжела выдернула нож из сапога, на мгновение подняла лезвием вверх и опустила обратно в ножны. Парень не ожидал, что кроме пистолета у нее был еще и нож.

— Я сообщила полиции номер их машины, их имена и описание внешности. Всех четверых арестовали. А потом Джон Бабингтон снял обвинения и освободил их.

Нейт скривился:

— Почему?

— Они нелегалы — священная корова для штата. Бабингтон не хотел обвинений в расизме и преследовании эмигрантов или чтобы вышестоящие устроили ему проблемы за отклонение от курса. Это плохо сказалось бы на его карьере, поэтому он снял обвинения. Когда я возразила, он назвал меня шлюхой и намекнул, что я сама их соблазнила и получила по заслугам. Когда я лежала в больнице, полиция изъяла мой нож. Он угрожал привлечь меня за скрытое ношение оружия и состряпать дело о наркоторговле, если я подниму шум. Бабингтон — напыщенный хер. Я знала, что лучше не пересекаться с ним.

Нейт вздохнул:

— Это похоже на Бабингтона. Я рад, что у тебя хватило ума не тягаться с ним. Он бы осуществил свою угрозу. Поверь, я знаю. — Нейт сложил руки на груди. — Чего ты хочешь от меня?

— Эти четверо мгновенно одолели меня. У меня был нож, но они схватили мои запястья, и я не успела даже потянуться к нему. Я изо всех сил старалась вырваться, но не смогла. Они были намного сильнее меня. Я сдалась на их милость, которой у них не было. Я была беспомощна, а мне это не нравится.

На лице Нейта отразилось понимание.

— Я знаю, — продолжила Анжела, — что есть люди, которые и без оружия могут вырваться из хватки нападающего и даже поменяться с ним ролями. Кто-то умеет подавить угрозу, даже если противник сильнее. Но я всего этого не умею. Много часов эти мужчины насиловали и избивали меня. Ты и представить не можешь, как это было унизительно и больно. Я едва не умерла. Пока висела в петле, я уже не сомневалась, что умру.

— Слава богу, ты выжила. Все позади.

Анжела покачала головой:

— Я знаю, что это не обычные плохие парни. Они знают, что я выжила и теперь, оказавшись на свободе, придут закончить начатое. Это вопрос их мужественности и воображаемого превосходства. Женщина превзошла их, а они не могут такого допустить. Но дело не только в этих четверых. Я подрабатываю в баре, а там временами бывает неспокойно. Я женщина, и слабее большинства мужчин. Вдобавок, я будто притягиваю плохих парней. Я хочу знать, как остановить убийцу вроде этих латиносов, — да и вообще любого, кто захочет навредить мне. Можешь научить меня этому?

Нейт пожал плечами:

— Конечно. Я решительно за то, чтобы женщины умели защитить себя. Но это займет…

— Ты не понял. У меня нет времени постигать более возвышенный образ жизни. Мне не нужно хобби или душевный покой. Я не хочу изучать позы и ритуальные движения с причудливыми названиями. Я не скучающая домохозяйка и не наивная девушка, ищущая смысл жизни. У меня нет времени на это дерьмо. Мне не интересно учиться защищать себя так, как ты учишь женщин. Дело не в эмансипации. Я не хочу постигать боевые искусства и получать цветные пояса. Научи меня запрещенным приемам уличных боев. Обучи причинять боль людям,

которые этого заслуживают. Эти четверо где-то рядом. Когда они придут за мной, я должна уложить их, а не просто вырваться и убежать.

Нейт наклонил голову:

— Но существует несколько этапов…

— Я не собираюсь ходить на занятия с другими женщинами и проходить некие этапы. Меня интересует только одно: научи меня, как, нахер, поубивать их. Я знаю, как сделать это с пистолетом или ножом, и обязательно ими воспользуюсь, если смогу, но мне нужно знать, как действовать, если не успею добраться до оружия. Не хочу быть беззащитной, если я безоружна. Вот чему ты должен меня научить.

Нейт некоторое время задумчиво смотрел ей в глаза.

— Это сильно отличается от стандартной подготовки для самообороны.

— Как я уже сказала, мне не нужно хобби.

— Ты говоришь о неких серьезных летальных приемах.

— Именно.

— Обычно я не обучаю такому идиотов вроде Малкольма. Ты говоришь о приемах, с помощью которых можно сломать кости или даже убить, но использование летальных приемов допустимо только когда это вопрос жизни и смерти: либо ты, либо тебя. Как и с пистолетом.

— Я понимаю.

Он выглядел предельно серьезным, еще несколько мгновений обдумывая ее просьбу.

— Придется тренироваться по несколько часов в день. Я покажу немало эффективных приемов, о которых просишь. Собственно, научиться им несложно, если это все, что интересно. Ты не хочешь совершенствоваться в боевых искусствах, поэтому можешь обойтись без боль-

шей части остального. Всей полноты не поймешь, но сумеешь нанести серьезные травмы.

— Главное, уложить противника так, чтобы он не мог встать — может даже никогда.

Он оценивающе посмотрел на нее:

— У меня есть судимость, и по закону мне не дозволено учить тому, о чем ты просишь, поэтому все должно быть строго конфиденциально. Ты не можешь позволить властям узнать, где ты этому научилась.

— Не проблема.

— Это также означает, что уроки должны быть частные — только ты и я — и никто не должен знать о них. В это время я не смогу тренировать других, поэтому уроки обойдутся недешево.

— Дедушка и бабушка защищали меня от мужчин, шатающихся у трейлера моей матери. Старики завещали мне немного денег. Уверена, они были бы рады, если я потрачу часть средств на обучение самозащите.

Нейт кивнул:

— Если настроена решительно, я отменю некоторые занятия и посвящу это время тебе. Будем заниматься один на один. Я буду запирать дверь и освобожу время до и после наших занятий, чтобы никто не увидел, как ты приходишь и уходишь. Так никто о нас не узнает.

— Отлично.

— Я пропущу введение и традиционные наставления. В основном мы будем отрабатывать решительные действия. Я научу тебя, как уйти от захвата и покалечить противника на всю жизнь или даже убить, если нужно. — Он улыбнулся, пытаясь развеять мрачность слов. — И после наших занятий всегда можешь зайти в салон по соседству и сделать маникюр.

— Когда начинаем?

Нейт пожал плечами:

— Да хоть сейчас, если хочешь.

— Хочу. Мне переодеться?

— А ты собираешься переодеваться перед тем, как кто-то попытается тебя убить?

Впервые с тех пор, как пришла сюда, Анжела улыбнулась.

— Полагаю, нет.

Он улыбнулся в ответ. Его улыбка пришлась ей по душе.

— Что ж, вот и хорошо.

— С чего начнем?

— Во-первых, скажу тебе вот что. Большинство людей не способно преступить черту и всерьез вознамериться убить. Многие даже не в состоянии кого-то ранить. Ты должна понять, что приемы, которым я научу, могут серьезно травмировать и даже убить. Многие, когда дело доходит до этого, не могут заставить себя убить. Эти приемы могут быть такими же смертельными, как нож. Смерть есть смерть. Подумай, смогла бы ты ударить кого-либо ножом, если придется?

Анжела едва не рассмеялась, но сдержалась.

— Если кто-то решит меня убить, то получит то, чего заслуживает. У меня нет с этим проблем. Может, уже начнем?

Нейт опустил руки вдоль тела.

— Противник мужского пола почти всегда будет крупнее и сильнее тебя. Силой одолеть его ты не сумеешь, но сможешь превзойти техникой.

— Хорошо. Как?

— Твоя задача — дезориентировать, вывести из строя, обезвредить. Это требует сосредоточенности, агрессии и скорости.

Теперь он говорил на ее языке. Анжела вполне была знакома с пунктами «дезориентировать, вывести из

строя, обезвредить». Практики у нее было достаточно. Она порадовалась решению прийти к Нейту.

— Показывай.

Нейт потянулся и схватил ее запястье.

— Скажем, противник хватает тебя вот так.

— Как раз так меня и схватили, — кивнула Анжела.

— Хорошо. Сначала ты должна освободиться из захвата. Я покажу, как перейти в положение, в котором сможешь сломать ему запястье. Если парень не под «ангельской пылью» или чем-нибудь еще, как тот, которого я убил, то боль — твое лучшее оружие.

— Не поспоришь.

Он отпустил запястье девушки и посмотрел ей в глаза.

— Начнем с того, как сломать человеку запястье. У противника пропадает желание продолжать схватку, и ситуация оказывается под твоим контролем. Но звук ломающейся кости отвратителен. Ты не можешь медлить, и должна выполнить этот прием с сознательным намерением сломать кости. Ты брезглива?

Если бы он только знал…

— Постараюсь не блевануть. — Анжела снова протянула ему руку. — Показывай.

Она уже чувствовала себя так же прекрасно, как в тот день, когда дед начал учить ее стрелять.

Глава 33

Рафаэль сидел в кабине, которая раскачивалась и грохотала в унисон с двигателем, работавшим в холостом режиме. Он уже больше трех часов стоял в очереди грузовиков на пограничном пункте пропуска — обычно

именно столько времени и уходило на пересечение границы между Мексикой и США через пункт Оэсте Меса. Мужчина лениво разглядывал перекрещенные балки под мостиком между пропускными будками. Уже близко. Ждать осталось немного.

Когда грузовик перед ним немного продвинулся, Рафаэль снял ногу с педали тормоза и включил передачу. Кабина слегка качнулась, когда движок с усилием стронул груз. Проехав освободившийся участок, мужчина затормозил и снова включил нейтральную передачу, позволяя двигателю работать вхолостую.

Обширное пространство перед пунктом пропуска Оэсте Меса было переполнено очередями всевозможных грузовиков. Вереницы машин тянулись на мили от колей, веером расходившихся от пропускных будок с пограничниками. Подозрительные большегрузы или те, которые выбирались для досмотра случайным образом, направлялись по короткой боковой дороге в Службу Безопасности Коммерческого Грузового Транспорта и там проходили более тщательный досмотр.

Рафаэль дважды проходил через такой досмотр. Разумеется, оба раза ничего не нашли. Если б они знали, что он везет на этот раз, тут не царила бы такая спокойная будничная атмосфера.

Мужчина высунул локоть в открытое окно и взглянул на огромное количество грузовых машин в очереди. В большом зеркале заднего вида маячили сотни грузовиков, под палящим солнцем ожидающих проезда в Калифорнию. Возле них суетились продавцы, предлагавшие водителям самые разные товары: мороженое, еду, приготовленную здесь же на гриле, щенков и даже религиозные христианские товары, выставленные на высоких передвижных витринах.

Исламские религиозные товары здесь не продавались. Земля неверных. Пока еще. От осознания количества окружавших его христиан Рафаэль со злобой стиснул рулевое колесо. Однажды все неверные будут истреблены, и мир объединится под знаменем ислама и законами шариата.

Пограничники в темной униформе сновали между грузовиками, деловито осматривая их снаружи, заглядывая под днище, на крышу и внутрь в поисках наркотиков или иной контрабанды. Также грузовики досматривались на предмет соблюдения всех требований безопасности и наличия необходимой документации.

Неверные.

Потратив годы на подготовку и поиски, они выбрали именно Оэсте Меса. Отчасти потому, что это был крупный коммерческий пограничный пункт пропуска в Южную Калифорнию. Штат Калифорния оказывал покровительство иммигрантам. Некоторых из их передовой группы задержали после попадания в Калифорнию, но затем без особых проволочек отпустили. Хотя даже в Техасе не возникало крупных проблем, если ты был полон решимости попасть в Штаты, говорил только по-испански и выглядел как латинос. Американцы ожидали, что мексиканцы будут проникать в Штаты — как легально, так и нелегально. Рафаэль и его команда тщательно работали над тем, чтобы американцы увидели именно тех, кого ожидали: еще нескольких мексиканцев.

По этой причине вся команда с самого детства говорила практически только на испанском. Некоторые владели еще английским и фарси, но большинство знали только испанский. Это было жизненно важно для их миссии. Идеальный язык, правильная прическа, тщательно подобранная одежда — и вот они уже легко сливаются с толпой иммигрантов на южной границе. На самом деле

они были иранцами, но при правильном подходе их принимали за мексиканцев. Ни у кого не было причин взглянуть на них дважды.

После почти трех десятков лет подготовки ему не верилось, что наступил финальный этап.

Весь последний месяц Рафаэль и остальные члены команды работали водителями, доставляя дешевую офисную мебель с мексиканской фабрики на склад в Сан-Диего. Фабрика принадлежала им через ряд подставных иранских компаний. Их рабочие места, как и все остальные детали операции, были тщательно подготовлены заранее. Работа водителями дала команде Рафаэля возможность не один десяток раз пройти через границу, провозя грузы и изучая, как все устроено. Они уже даже знали некоторых пограничников по именам. Теперь они точно выяснили, сколько времени уходит на прохождение границы, что было весьма критично. Каждый член команды знал, где и когда он должен находиться. Для такой сложной миссии правильное планирование времени являлось ключевым фактором.

Перевозка мебели позволила команде Рафаэля ознакомиться с методами досмотра и контроля, используемыми сотрудниками пограничного контроля и дорожного патруля Калифорнии. Проводя часы в ожидании своей очереди, они изучали систему обнаружения и наблюдения, отмечали количество и расположение персонала, будок контроля, мониторов, камер, рентгеновских аппаратов и, что самое важное, нейтронных и гамма-детекторов.

До сегодняшнего дня обнаруживать у них было нечего. Но сегодня грузовик был загружен вовсе не офисной мебелью. Сегодня они по-настоящему начнут выполнять свою миссию.

Когда машина перед Рафаэлем начала движение, он включил передачу и медленно двинулся вперед, сокращая разрыв.

Сидевший на пассажирском кресле Кассиэль высунул голову в окно, пытаясь заглянуть за грузовик перед ними. На коленях у него, как и у Рафаэля, покоился АК-47. Длинные рожковые магазины были скреплены попарно — чтобы, как только заканчивался боезапас в одном из них, можно было подсоединить к автомату второй. Идея взять с собой оружие принадлежала Кассиэлю, а не Рафаэлю.

Прежде они не рисковали брать с собой оружие, но сегодня все было по-настоящему, и Кассиэль настоял на автоматах. Все детали миссии прорабатывались годами. Если хоть что-то пойдет не так, десятки лет подготовки пойдут насмарку. А если это случится, пара АК-47 точно не спасут операцию.

Множество людей потратили огромное количество времени на планирование, чтобы все прошло так, как нужно. Они проработали все возможные сценарии. В операции были задействованы сотни людей: рабочие на заводе по обогащению урана в древнем городе Кум, где работали тысячи центрифуг, отважный персонал реакторов, инженеры-программисты, союзники в КНДР и Пакистане, снабжавшие их необходимой технической информацией. У них даже были программисты, внедренные в Россию.

Но Кассиэль хотел взять с собой гребаный автомат, будто им можно было уничтожить Америку.

Он был невысоким мужчиной с мощным телосложением. Его голова, словно высеченная из цельного камня кубической формы, была покрыта глубокими морщинами и складками, шея словно отсутствовала вовсе, а голова крепилась прямо к плечам. По крайней мере, цвет его

кожи, коротко стриженные черные волосы и борода позволяли Кассиэлю легко сойти за мексиканца.

Насколько было известно Рафаэлю, Кассиэль мастерски обращался со всеми видами оружия. Но даже без оружия мужчина производил впечатление крайне опасного человека. Когда он смотрел на людей, те предпочитали отводить глаза и заниматься своими делами.

Разумеется, изначально Кассиэль не входил в их команду. Он свободно говорил на испанском и еще на нескольких языках, включая английский, и это помогло ему влиться в коллектив.

Члены команды Рафаэля росли вместе с самого детства и были друг другу как братья. Благодаря тому, что они вместе жили, учились в школе, тренировались и молились, проникновение шпиона или доносчика в такую замкнутую группу просто не представлялось возможным. Посторонний не мог попасть в их коллектив, и никто из команды не мог общаться с чужаками. Таков был один из основополагающих принципов, не позволявших обнаружить готовящуюся атаку.

Все они говорили по-испански и немного по-английски, но только Рафаэль и еще несколько человек бегло говорили на фарси, поэтому могли общаться и координировать действия с руководством. Фарси еще также был необходим для технической подготовки. Всю жизнь они посвятили своей миссии.

Кассиэль же не был одним из них. Рафаэлю не особо нравилось участие чужака в столь важном деле. Да, он мог быть талантливым убийцей, но все равно не был частью их семьи.

Хасан рассказал Рафаэлю, что Кассиэля спасли от казни, потому что он был профессиональным убийцей. Хасан был впечатлен тем, как быстро и эффективно Кассиэль устранил израильскую гадюку со странной способ-

ностью распознавать убийц по взгляду. Это позволит братьям, посланным убивать евреев и туристов, успешно делать свое дело, не опасаясь быть раскрытыми, как Вахиб. Смерть мужчины, раскрывшего Вахиба, заставила Хасана испытывать еще большее уважение к способностям Кассиэля. Хасан считал бесценным человека с такими навыками.

В обмен на спасение жизни Кассиэль отправился на выполнение миссии с командой Рафаэля, чтобы помочь им всем, чем сможет. Хасан мог считать его бесценным, но для Рафаэля Кассиэль был лишь нанятой физической силой. Кассиэль мало говорил, но при этом выполнял команды Рафаэля. Он знал, чем ему грозит невыполнение приказов, и постоянно пребывал в дурном настроении. Вероятно, самой натуре Кассиэля претило подчиняться иранским хозяевам.

Рафаэль задавался вопросом, насколько наемник предан их делу. Готов ли отдать жизнь, как все они? Рафаэль подозревал, что нет. Некоторые из них сегодня умрут. Рафаэль был расстроен тем, что братья отдадут свои жизни во имя их миссии, но Аллах щедро наградит мучеников.

Запищал один из телефонов. Писал Хавьер — один из тех, кому сегодня суждено стать мучеником. Он спрашивал, как долго Рафаэлю осталось до прохождения гамма-детектора. Рафаэль сообщил, что впереди еще несколько грузовиков. Хавьер ответил, что находится на идеальной позиции. Рафаэль видел еще и грузовик Эстебана: тот тоже был на своей позиции и ждал команды.

Рафаэль положил телефон в лоток к остальным, на каждом из которых была приклеена бумажка с именем или задачей. Рафаэль улыбнулся при виде этой коллекции *iPhone*. *Apple* был их весьма ценным и ничего не подозревающим партнером, обеспечивающим качественное

шифрование, благодаря которому атаки были эффективными и смертоносными. К тому же, *Apple* отказывались помогать ФБР и другим службам разведки в идентификации террористов. Команда использовала специальный мессенджер со сквозным шифрованием, которое не позволяло даже самим разработчикам перехватывать и читать сообщения. Ни одна западная служба разведки не знала, о чем они друг другу пишут.

Удивительным казалось то, что здесь, на пропускном пограничном пункте со строгими мерами безопасности, они могли свободно общаться между собой, не опасаясь быть обнаруженными — и все потому, что американские компании оберегали частную жизнь своих пользователей. Ни один из сотрудников пограничной службы, рыскающих вокруг и пытающихся распознать хоть намек на какую-либо опасность, даже не мог предположить, что уже приговорен к смерти и никак не может перехватить сообщения, выносящие этот приговор.

Рафаэль подумал, что Кремниевая долина, пожалуй, единственное место в мире, которому не грозят атаки, потому как именно она предоставляла инструменты для убийства как можно большего количества американцев, евреев и прочих неверных. Ни один джихадист не нанесет вреда столь важному ресурсу, обеспечивающему скрытность и безопасность операций джихада.

Грузовик впереди встал под нейтронный и гамма-детектор.

Рафаэль взял в руки телефон.

Глава 34

Рафаэль нажал кнопку отправки сообщения команде, следившей за ходом операции из Ирана. Всего одно слово.

«СЕЙЧАС».

Он стал наблюдать. Через секунду мужчина заметил, что мониторы в будках контроля погасли. Сотрудники наклонились к экранам, проверяя их, а затем начали осматривать остальное оборудование в поисках проблемы. Некоторые набирали команды на клавиатуре, пытаясь включить угасшие мониторы, другие проверяли провода, но все было бесполезно. Они ничего не могли обнаружить и исправить.

По команде Рафаэля хакеры активировали предварительно внедренные программы, вызвавшие отключение всей электроники на всех контрольно-пропускных пунктах на границах с Мексикой и Канадой. Одновременное отключение во всех пунктах нужно было для того, чтобы власти не смогли понять, где именно начнется атака. Они могли даже решить, что хакерская атака на пограничную электронику и была целью. Все было спланировано таким образом, чтобы замаскировать то, что действительно должно было случиться.

Отключились не только компьютеры. Все портативное оборудование, от которого они зависели во всем — от регистрации данных до снятия показаний, — также было отключено. Вырубился каждый сканер и считыватель данных, присоединенный к их системе. Серверы, управлявшие работой рентгеновских сканеров, нейтронных детекторов, гамма-детекторов и баз данных, больше не отвечали.

На всем пропускном пункте пропало электричество. Информационные табло с номерами полос и прочими

данными, меняющимися в течение дня, разом погасли. Абсолютно все оборудование вырубилось.

Рафаэль улыбнулся при виде растерянных лиц пограничников. Некоторые выглядывали из своих будок и узнавали у остальных, есть ли у них такая же проблема с оборудованием. Неприятная новость доносилась из каждой будки. Остальные были заняты тем, что пытались перезагрузить системы. Разумеется, их устройства не включались. Сотрудники, которые работали на улице, проверяя документы и осматривая груз, возвращались в будки, чтобы выяснить, почему их портативные приборы вдруг перестали работать.

Многие схватились за рабочие телефоны, но линия связи, соединявшая их с оперативным центром, тоже вышла из строя. Тогда они достали свои сотовые телефоны, но у тех не было прямого соединения с центром — значит, у них уйдет много времени, чтобы дозвониться до нужных людей, которых захлестнет волна звонков со всех пограничных пунктов. Все усугублялось тем, что на мониторах теперь отображались только требования выкупа. Конечно, они были фальшивыми, но властям потребуется время, — возможно, даже несколько дней, — чтобы понять это.

Даже если люди, за которыми наблюдал Рафаэль, смогли дозвониться по личным телефонам до центра, тот не мог ничего сделать. Требовалось время на то, чтобы обнаружить вредоносное ПО и вернуть контроль над оборудованием.

Их время только что истекло.

Рафаэль взял в руки телефон, подписанный именем Хавьера. Пора переходить к следующему этапу. Хавьер ждал его зашифрованной команды.

Рафаэль отправил сообщение: «Давай, Аллах с тобой». Он откинул голову, заглядывая между рядов грузо-

виков позади. Хавьер стоял перед будками на дальнем конце пропускного пункта. Несмотря на ровный рельеф, дальний край был немного выше.

Хавьер был за рулем обычного с виду тягача с прицепом, но под тентом была спрятана стальная цистерна с двумя тысячами галлонов бензина. Под клапанами цистерны в прицепе располагались люки. Получив сообщение от Рафаэля, Хавьер щелкнул переключателем, открывая три люка в полу прицепа, и крышки люков потянули за собой гравитационные клапаны цистерны. Бензин хлынул из трех полностью открытых клапанов и потек по асфальту вниз по склону, под стоящие в очереди грузовики.

Сотрудники контрольно-пропускного пункта учуяли запах бензина и стали выходить из будок в поисках его источника.

Рафаэль взял телефон с именем Эстебана. Он видел, что Эстебан вышел из кабины и стоит возле задних колес своего прицепа. Многие водители тоже вышли из машин, озадаченные выключением компьютеров и электроники, так что никто из офицеров службы безопасности не увидел ничего подозрительного в поведении Эстебана.

Наконец, около полудюжины офицеров направились к грузовику, из которого вытекало топливо. Вначале они обежали прицеп вокруг, высматривая, откуда льется бензин. Увидев открытые гравитационные клапаны, они выхватили свое оружие и направили пистолеты на Хавьера, сидящего в кабине грузовика.

Рафаэль отправил сообщение Эстебану: «Давай, Аллах с тобой». Эстебан, находившийся всего в двух полосах от грузовика Рафаэля, ждал этой команды. Он быстро взглянул на сообщение на экране, после чего бросил телефон в поток бензина. Мужчина поставил ногу на противоподкатный брус, не дававший в случае аварии легко-

вым машинам залететь под прицеп, и забрался наверх. Эстебан быстро отодвинул защелку и поднял вверх роллет. Внутри прицепа вдоль стен располагалось около сотни клеток. Эстебан потянул за ручку стального троса, последовательно открывая все клетки.

Двери клеток были оснащены пружинами, поэтому, как только защелка открывалась, дверь распахивалась, одна за другой. Больше сотни псов, в основном питбулей, выскакивали из клеток и спрыгивали с трейлера на землю. Все эти собаки были рождены, выращены и натренированы в Мексике. Все они были обучены лишь одному: нападать на любого человека в форме сотрудника границы или патрульной дорожной службы. Их научили игнорировать стрельбу и шум взрывов.

На всех собаках были пояса смертника с взрывчаткой, начиненной подшипниками, шурупами и гвоздями.

Некоторые псы схватились друг с другом, но большинство бросились на пограничников и патрульных. Агрессивные животные, кружившие возле грузовиков в очереди, сеяли неразбериху и панику. Тактика по восстановлению контроля над ситуацией, которой обучали сотрудников границы и полицейских, сейчас была бесполезна. Они были готовы к нападению людей, но атака десятков злобных псов застала их врасплох.

Некоторые животные бросались к своим целям и хватали их за ноги мощными челюстями. Собаки не собирались отпускать добычу и замедляли ее. Люди выхватывали оружие и расстреливали собак, вцепившихся в ноги, однако те уже успевали нанести опасные ранения.

Другие собаки кусали выставленные в защите руки. Схватив конечность, псы начинали мотать головой, не разжимая челюстей. У коренастых собак были мощные шеи, что позволяло им буквально срывать плоть с костей жертв. Некоторые собаки с огромной скоростью вреза-

лись в людей, вышибая из них дух и валя на землю. Повалив человека, звери получали возможность добраться до его горла или лица. Бороться с собаками было бесполезно. Их могло остановить только огнестрельное оружие.

Один питбуль прыгнул на женщину-офицера и вцепился ей в грудь. Упав на спину под весом собаки, она едва успела вытащить пистолет и выстрелить, но к ней ринулся следующий пес и вцепился в лицо. Тряхнув головой, он разорвал женщине мышцы шеи и сорвал плоть с лица.

Повсюду от боли или ужаса кричали пограничники и водители, покинувшие свои грузовики. Некоторые водители, находившиеся в момент начала атаки возле будок, завели моторы и попытались вырваться из воцарившегося хаоса. Другие наоборот выскакивали из кабин и убегали прочь, оставляя свои грузовики перегораживать проезды между будок. Некоторые собаки бросались на одну жертву группами, но большинство злобных животных носилось по всему пропускному пункту в поисках сотрудников в униформе пограничной или патрульной службы.

Офицеры повыхватывали оружие и стали расстреливать агрессивных собак, но лишь немногие попадали в зверей, петляющих между грузовиками и людьми. Эта пальба отвлекла всех от настоящей опасности.

Пока офицеры стреляли по собакам, время на таймерах поясов смертника истекло, и бомбы взорвались по всему пограничному пункту — независимо от того, жив зверь или нет. Таймеры сработали, и во все стороны полетела шрапнель.

Люди, находившиеся достаточно близко, но не задетые самим взрывом, была разорваны на куски подшипниками и гвоздями. Находившиеся подальше были ране-

ны шрапнелью и упали на землю. Другие тоже пострадали, но сохранили способность передвигаться и теперь на бегу зажимали раны, пытаясь остановить кровотечение. Многие бежали прямиком к новому взрыву, который отрывал им конечности.

В то время как некоторые детонаторы сработали сразу и создали массовую неразбериху, остальные были настроены на задержку от десяти до шестидесяти секунд, усугубляя хаос. Оставшиеся в живых собаки продолжали нападать, пока их пояса тоже не взрывались. Новые взрывы обрушили ад на тех, кто изначально находился вне зоны поражения.

Несколько офицеров, окруживших грузовик Хавьера, принялись стрелять в несшихся на них собак, а остальные продолжали держать на прицеле Хавьера, так как именно он вылил на землю тысячи галлонов топлива. Они приказывали ему выйти из кабины, иначе они откроют огонь.

Хавьер держал в руках кнопку взрывателя.

Рафаэль знал, что Хавьер прокричал им в ответ: «Аллаху Акбар!». Офицеры все поняли и, открыв огонь, стали отступать.

Спустя несколько мгновений грузовик Хавьера взлетел на воздух. Землю сотряс мощный взрыв.

Офицеры, взобравшиеся на подножку кабины, чтобы открыть водительскую дверь, были просто испепелены взрывом бомбы, заложенной в спальном отсеке грузовика. Обломки разлетелись во все стороны, и мощная взрывная волна сбила людей с ног и заставила содрогнуться все грузовики, пойманные в ловушку на контрольно-пропускном пункте. Машину Рафаэля тоже тряхнуло.

Мостик между будками распался и взлетел на воздух. Половину будок вместе с персоналом разметало на кус-

ки, которые присоединилась к другим горящим ошметкам в воздухе. Огромная ось с двумя колесами пролетела над горящими будками, пересекая границу Калифорнии.

Ужасающий шар красного пламени с желтыми и оранжевыми прожилками последовал за взрывом. Рафаэль прищурился от яркой вспышки. Огонь захлестнул соседние грузовики, в небо поднялся столб черного дыма. Практически одновременно с этим бензиновые пары от разлитого топлива с глухим хлопком воспламенились, поджигая пропитанную бензином землю.

Грузовики в крайних рядах не имели шанса уехать от опасности, потому как были пойманы в ловушку местного рельефа — КПП был почти полностью окружен возвышенностью. Там, где естественной преграды не было, высились бетонные барьеры, пресекавшие незаконный въезд в США в обход пограничного пункта контроля. Теперь эти барьеры превратились в западню, которая быстро становилась полем смерти.

Все это время начиненные взрывчаткой пояса на собаках продолжали взрываться, отбивая смертельный ритм и порождая какофонию оглушительных хлопков. В воздухе летала шрапнель. Люди, оставшиеся на ногах, падали на землю.

Выпустив собак, Эстебан пошел вглубь прицепа, чтобы подорвать бомбу в передней части.

Он сделал всего два шага, и на него обрушился град пуль: несколько калифорнийских патрульных были еще живы.

Рафаэль ожидал подобного. Они все спланировали и отработали. Он схватил другой телефон и сразу же нажал кнопку отправки сообщения. Сделав это, он пригнулся.

Почти мгновенно грузовик Эстебана разнес мощный взрыв, который был сильнее первого. Но заложенный в нем заряд был направленного действия, и большая часть

энергии ушла в правую сторону. Взрыв разнес на куски соседний грузовик и тот, что стоял рядом с машиной у детектора гамма-излучения перед грузовиком Рафаэля.

Полыхающие обломки снесли столбы и провода линии электропередач. Металлическая обшивка одного из большегрузов по спирали взлетела в воздух. Массивный кусок металла с грохотом ударился о капот машины Рафаэля и отскочил от кабины. В воздухе повисли дорожки дыма, оставленные горящими исковерканными обломками.

Оказавшиеся в ловушке грузовики захлестнуло пламя от разлитого под ними топлива. Огонь перекинулся на все стоящие машины. Люди кричали, сгорая заживо в кабинах. Кто-то пытался спастись бегством через реки горящего бензина, но ботинки и штаны несчастных вспыхивали, затем огонь перекидывался на их рубашки и волосы. Живые факелы истошно кричали.

Многие из бегущих людей вдыхали дым или огонь и падали. Люди разбегались во все стороны, пытаясь миновать полыхающие грузовики и летящие обломки в поисках безопасного места. Но его не было.

Едкий густой черный дым затягивал пространство, скрывая ряды грузовиков. Оранжевые сполохи вырывались из завесы чернильного дыма. Все это время продолжали детонировать пояса на собаках, взрывами сотрясая воздух.

Здесь творился настоящий ад.

Грузовики возле пропускных будок, не охваченные огнем и не уничтоженные взрывами, поспешили покинуть этот хаос. Большинство пограничников погибло. Те немногие, кто остался в живых, занимались своими ранами или пытались найти способ защититься. Их уже не волновали грузовики, в панике спасавшиеся от гибели и разрушений. Машины, набирая скорость по пути к про-

светам между развалинами, сталкивались с другими большегрузами, также пытавшимися спастись. Кто-то из водителей пытался маневрировать между поврежденной техникой или искореженными грузовиками, проезжая по тлеющим телам и сровненным с землей будкам пограничного контроля.

Взрывы от собачьих поясов наконец стихли. Рафаэль сверился с часами и убедился, что время на всех таймерах истекло. Он не хотел пострадать от взрыва собаки, убегающей с места происшествия. Собак дрессировали не бояться выстрелов и взрывов, но иногда природные инстинкты брали верх, и животные в панике уходили от огня. Он не видел поблизости ни одной собаки.

Наконец, время настало. Рафаэль врубил передачу и отпустил тормоз. Путь к нейтронным и гамма-детекторам преграждал почти полностью уничтоженный грузовик. Рафаэль набрал скорость и раскидал в стороны остатки прицепа. Ось с крепко сидевшими на ней колесами закрутилась волчком, отлетев в сторону. Большие листы металлической обшивки рассыпались, когда Рафаэль пробился через обломки.

Вокруг горели фуры и кричали люди — кто-то от боли, а кто-то звал на помощь. Некоторые водители и пограничники пытались спасти людей, оказавшихся в горящих грузовиках. Топливные баки продолжали врываться, заливая огонь дизельным топливом и создавая густые облака черного дыма. Даже несмотря на закрытое окно Рафаэль чувствовал испепеляющий жар.

Набирая скорость, он протаранил то, что осталось от кабины грузовика, стоявшего в одной очереди с ним. Корпус и шины его по большей части разнесло взрывом. Рафаэль попытался столкнуть обломки с дороги, но кабина повернулась перед решеткой радиатора фуры Рафаэля и покатилась на голых колесных дисках. Мертвый

водитель в кабине повис на ремне безопасности; его левая рука была оторвана взрывом.

Рафаэль продолжал толкать кабину грузовика, пока они не проехали мимо будок пограничников. Миновав их, он крутанул руль, чтобы оттеснить тлеющие обломки кабины в сторону.

На протяжении всей атаки и после нее Кассиэль сидел и наблюдал, ничего не говоря и не предпринимая никаких действий. К счастью, он не сделал попытки поднять свое оружие и выстрелить через окно в противника, когда у него была такая возможность. Рафаэль предупредил его, что их работа — играть роль невинных жертв, угодивших в террористический акт.

Им совсем не нужно, чтобы кто-нибудь из выживших или офицеров, спешивших к месту происшествия, увидел стрельбу, раздающуюся из пассажирского окна удаляющегося грузовика. Это бы тотчас подсказало, что грузовик Рафаэля был частью атаки, пустив псу под хвост годы планирования. Рафаэль должен выглядеть как один из многих попавших в беду грузовиков, отчаянно покидающих место смерти и разрушения.

Некоторые грузовики останавливались после того, как покидали зону поражения, и водители выскакивали из кабин, чтобы оказать помощь десяткам пострадавших. Но большинство машин просто уезжали в панике, слишком напуганные кровавым беспорядком, чтобы решиться остаться.

Рафаэль горел желанием затеряться среди тех невинных людей, что бежали с места происшествия. Он хотел выглядеть, как любой другой мексиканский дальнобойщик, уносящий ноги из страха за собственную жизнь.

Глава 35

Они ехали на север, удаляясь от кровавого погрома на пограничном пункте Оэсте Меса, а позади пламя пожирало остовы десятков грузовиков. В воздухе парили тлеющие угли, а разрастающаяся масса черного дыма поднималась вверх; ветер на большой высоте сорвал верхушку зловещего столба дыма, размазав ее в длинное темное пятно на ярко-синем небе.

Машины экстренных служб мчались по шоссе на юг — к месту происшествия. Рафаэль видел проблесковые световые сигналы, движущиеся к шоссе с второстепенных дорог. Казалось, каждая полицейская машина в Южной Калифорнии неслась к пограничному переезду, вливаясь в реку мерцающих огней. Они снова опоздали. Они всегда появлялись только после нападения.

Все больше машин скорой помощи мчалось к месту теракта, но они не смогут спасти многих. Им придется обыскивать груды обугленных тел в поисках выживших. Там будут те, кому медики могут помочь, но они потратят время на отправку в больницы большого количества тяжелораненых, которые умрут по пути или в течение следующих нескольких дней. А те, кого еще не нашли, будут умирать.

Рафаэль улыбнулся сам себе. Родственники погибших неверных будут лить слезы этой ночью, и еще много дней после. Они будут думать, что все закончилось.

Они будут считать случившееся одним из крупнейших терактов в истории и даже не заподозрят, что все еще впереди. Приближалось время, когда все неверные умрут.

Несколько раз Рафаэлю приходилось съезжать на обочину, чтобы пропустить полицейские машины, мчащиеся по встречной полосе в связи с крайней необходи-

мостью добраться до места происшествия. Но как только они проезжали мимо, Рафаэль быстро возвращался на дорогу и продолжал путь. Ему нужно было затеряться в этом массовом беспорядке и ускользнуть.

Легковые автомобили и грузовики останавливались на обочине шоссе, люди выходили из машин и, прикрыв глаза рукой от послеобеденного солнца, и смотрели на огонь и дым на юго-западе. Никто из них даже не догадывался, что там произошло. Днями и неделями они будут следить за новостями и обсуждать увиденное.

Седаны, внедорожники и пикапы продолжали двигаться на юг вслед за машинами спецслужб. Люди хотели лично увидеть, что случилось на пограничном пункте пропуска Оэсте Меса. Наглые мерзкие зеваки проскальзывали через нестройные полицейские заслоны или срезали путь по полю, чтобы сделать бесчисленные фото и видео обломков, пожаров и тлеющих тел. В мгновение ока все это появится в Интернете.

Фотографии и видеозаписи также попадут на все сайты Исламского джихада. Многие неправомерно возьмут на себя ответственность за теракт и пообещают их еще больше. Эти изображения расползутся по социальным сетям, и в считанные часы люди по всей стране — по всему миру — узрят результаты нападения. Все будут шокированы количеством погибших.

На людей всей Америки обрушится отрезвляющее понимание того, как они на самом деле слабы, слепы и глупы.

Однако никто еще не знал, что подобные атаки сейчас совершаются по всей территории США и даже в нескольких других странах. Люди умирают от ножевых ранений в торговых центрах, погибают под колесами грузовиков, от взрывов бомб на пунктах досмотра в аэропортах, от отравляющих газовых атак в трех различных

метрополитенах. Города от Сиэтла до Лас-Вегаса, Чикаго, Майами и Нью-Йорка захлестывает волна террора.

Все запомнят эту дату… на какое-то время.

Все решат, что этот день, когда города горели, а люди умирали, истекая кровью, был самым большим ударом против Великого Сатаны. Даже когда осядет пыль, потребуется провести разбирательство, где и что пошло не так. Все будут заламывать руки, а разведывательные управления обвинят правительство в отсутствии надлежащего финансирования.

Но все разговоры будут о произошедшем, а не о том, что только должно случиться. На это все закрывали глаза. Сама Америка помогала Рафаэлю и его команде сохранить в тайне их планы. Он использовал предоставленные ему Штатами инструменты, как физические, так и политические, чтобы попасть в страну со своей командой и снаряжением.

Власти всей страны будут расследовать происшествие и пытаться вычислить тех, кто в этом замешан. Они будут постепенно продвигаться, раскрывая связи. В конце концов, они отследят всех причастных, узнают имена тех, кто был схвачен, убит или сбежал и за кем ведется погоня, узнают названия организаций. Это будет во всех новостях.

Они соберут записи разговоров людей, причастных к атакам, просмотрят все их посты в социальных сетях. И, как обычно, все это будет постфактум, когда уже поздно что-то изменить.

Будут бесконечные сообщения о том, что эти люди каким-то образом избежали пристального надзора или были в списках подозреваемых, но их не арестовали; въехали в страну по визе или притворились беженцами, но никто ничего не предпринял. От информаторов посту-

пят горы сведений, власти обратят внимание на слухи и поймут истинный масштаб ситуации.

Они также найдут останки Хавьера и Эстебана, но от этого будет мало толку, потому что следователи не смогут идентифицировать обгоревшие кости или вычислить связь погибших с какой-либо группой.

В отличие от групп, занятых в других нападениях, о команде Рафаэля не знала ни одна разведывательная служба. За десятилетия подготовки они ни разу не взаимодействовали с какой-либо террористической группировкой или движением. Они были призраками.

Многие из людей, кто был частью их призрачной группы и оказывал материально-техническую поддержку, уже давно уехали из страны, словно растворившись в воздухе.

В отличие от других атакующих, Рафаэль и его команда оставались незамеченными. Никто не подозревал об их существовании.

Он был призраком, скользящим сквозь хаос — невидимым и незаметным.

Джихадисты, совершавшие нападения по всей Америке, также посчитали это крупной атакой. Но и они не знали правды.

Такая скрытность была необходима, чтобы никто из причастных к другим нападениям, если их схватят, не мог ничего разболтать о группе Рафаэля. До ушей этих людей не доходили даже слухи. Они не смогут сообщить властям то, чего не знают.

Рафаэль старался ехать с одной скоростью с другими машинами, покидающими место происшествия. Он не хотел давать нервным и воинственно настроенным офицерам полиции повода заметить его или остановить для допроса. Поток машин был довольно плотным, что уменьшало риск разоблачения.

Больше всего Рафаэль опасался остановки для проверки груза. Будет очень плохо, если какой-нибудь патрульный заглянет в прицеп. Поэтому они и разгромили пункт пограничного контроля Оэсте Меса, оборудованный рентгеном, нейтронным детектором, гамма-детектором, где к тому же работали весьма сообразительные пограничники. Рафаэль и его группа свели на нет все эти меры безопасности и систему контроля.

Вряд ли их остановят, но, если это произойдет, Кассиэль, скорее всего, не справится с полицейскими. Он был наемным убийцей, а не коммандос или солдатом. Он не военный. Если полиция откроет стрельбу, хватит всего одной пули, чтобы убить Рафаэля или вывести его из строя. Миссия будет провалена.

Им приходилось полагаться на годы тщательного планирования, а не на Кассиэля. Для Рафаэля киллер был лишним багажом, который приходилось тащить с собой.

Рафаэль свернул на первом же повороте к западному разъезду, ведущему в Сан-Диего. Вскоре они влились в плотный вечерний поток машин. Через час с небольшим они достигли промышленной зоны, где их ждала остальная команда. Там они смогут бросить грузовик, на котором пересекли границу.

Рафаэль позвонил Фернандо, когда они свернули с главной дороги в лабиринт небольших конторских парков и складов. Пальмы, росшие вдоль улиц, напомнили ему о доме. Когда он подъехал к зданию, которым они владели через подставную компанию, открылись большие подъемные ворота. Рафаэль направил грузовик внутрь и припарковался в дальнем конце цеха.

Заглушив двигатель, он какое-то время сидел, радуясь тому, что наконец укрылся в безопасном месте.

Автопогрузчики уже были готовы перетащить доставленный груз в фургон поменьше. Важный груз они

разместят в глубине и спрячут за домашней мебелью — на случай, если офицер полиции надумает открыть заднюю дверь. Рафаэлю предстояло перевоплотиться из дальнобойщика в новоприбывшего иммигранта с подержанным фургоном. Вместе с другом и мебелью он поедет через страну, чтобы поселиться в другом штате.

Остальные члены команды должны будут ехать в легковых машинах, сопровождая фургон разрозненной группой. Алехандро, правая рука Рафаэля, поедет прямо за ним. Машины они взяли разношерстные; никто не догадается, но грузовичок Рафаэля поедет под защитой конвоя.

Рафаэль сказал Кассиэлю, чтобы тот ехал вместе с ним, решив лично присмотреть за этим человеком.

Мужчины сорвали пломбу и открыли большие распашные двери полуприцепа, а потом забрались в фургон, чтобы помочь выгрузить важные детали, доставленные Рафаэлем.

— Как все прошло на границе? — спросил Фернандо.

Рафаэль немного приподнял голову:

— Хавьер и Эстебан стали мучениками. Аллах уже принял и щедро вознаградил их. Погибло много неверных. Это был хороший день.

Фернандо кивнул и залез в автопогрузчик, чтобы начать разгрузку полуприцепа Рафаэля.

Первое, что они загрузили в переднюю часть небольшого автофургона, — генераторы и аккумуляторы, которые должны выдать пять киловольт, необходимых для зарядки высокоэнергетического конденсатора, запускающего детонаторы. Платформы для самой ценной части груза были уже смонтированы.

Затем они осторожно вытащили из полуприцепа два кейса с полусферами плутония-239, обложенными брус-

ками карбида вольфрама и бериллиевыми отражателями. Мужчины уложили кейсы на платформы и тщательно закрепили.

Эти кейсы накрыли стальными оболочками, которые защитят их в случае чего-то непредвиденного.

Когда придет время, две половины плутониевых сфер соединят, поместив в полость в центре полоний-бериллиевый нейтронный инициатор. Инициаторы запустят цепную реакцию, которая приведет к состоянию мгновенной критичности. Сердечник будет находиться внутри свинцовой оболочки толщиной в десять сантиметров, обложенной взрывными линзами из семтекса. Линзы, детонированные ВПМ, создадут ударную волну, направленную внутрь, на свинцовую оболочку. Инерция оболочки сожмет сердечник с плутонием-239 до критической массы.

Команда Мигеля уже была на месте и занималась формовкой линз из семтекса, чтобы собрать сферу для свинцовой оболочки. Они работали в заброшенной промышленной зоне, оказавшейся идеальным источником свинца, которого понадобится по полтонны для каждой бомбы.

Иранская подставная компания выкупила все здание, а также еще одно строение поменьше и цех со старыми, но рабочими фрезерными станками. Покончив с механической обработкой в малом помещении, люди Мигеля переберутся в большое здание, чтобы начать формировать из свинца сферическую оболочку, в которую поместят плутониевый сердечник.

Команда Мигеля также изготовила латунные патрубки для детонаторов. Стандартные детонаторы не обладали точностью, необходимой для одновременного срабатывания всех взрывных линз. Чтобы синхронизировать взрывы, детонаторы требовалось соединить взрывчатыми

проволочными мостиками, которые уже были доставлены Мигелю курьером. Когда на ВПМ будет подано определенное напряжение, большая сила тока за микросекунды расплавит и испарит провод. В результате ударная волна задействует все детонаторы одновременно.

Несмотря на то, что точную мощность взрыва определить довольно трудно, расчеты, сделанные иранскими инженерами-ядерщиками при содействии северокорейских ученых, показали чуть более ста килотонн.

Как только Рафаэль и его команда доберутся до Мигеля, то смогут начать окончательную сборку.

Испытание первой иранской атомной бомбы не будет проводиться в какой-то далекой пустыне.

Оно будет проводиться в Америке.

Это будет Хиросима и Нагасаки для Великого Сатаны.

Глава 36

Этот оперативный штаб Моссада всегда напоминал Джеку центр управления полетами космических аппаратов. Ряды дугообразных стоек с компьютерами, словно в миниатюрном амфитеатре, спускались к небольшой площадке, за которой стояла стена мониторов с наиболее актуальной информацией: картами, обновлявшимися списками, видеотрансляциями из всех точек мира. Один из новостных каналов показывал выступление в ООН, другой — прямую трансляцию допроса заключенного.

У каждого из десятков инспекторов, менеджеров и координаторов был свой монитор с набором переключателей, кнопок и регуляторов. Многие разговаривали по гарнитуре — эти операторы отслеживали агентов на за-

даниях и поддерживали с ними связь. Когда Джек звонил из Штатов, то Двора говорила с ним из этого самого оперативного центра.

Проходя через неожиданно тихое помещение, Джек сразу отметил, что все инспекторы выглядят особенно напряженными. Некоторые изучали толстые бумажные отчеты, лежащие у них на коленях, другие говорили в микрофон гарнитуры. Освещение было приглушено, чтобы сотрудникам была лучше видна информация как на личных мониторах, так и на больших дисплеях на стене. Это создавало какую-то тревожную атмосферу.

Джек заметил Двору Арци и остановился у ее рабочего места. При виде него она тут же улыбнулась, сняла наушники и встала, заключив его в теплые объятия.

— Как ты, Джек? — спросила она, держа его за плечи с широкой улыбкой.

— В порядке, — ответил он без особого энтузиазма.

Эхуд увидел Джека, остановившегося рядом с Дворой, и бросился к нему.

— Джек! — воскликнул он, протягивая руку. — Где ты был? Разве ты не получил сообщения? Я пытался связаться с тобой несколько недель! Не в твоих привычках не выходить на связь.

Джек поздоровался с мужчиной за руку и огляделся.

— Извини, Эхуд, — сказал он, снова посмотрев на мужчину. — Не хотел сейчас отправляться на поиски другого объекта.

— Ты не виноват в смерти Узиэля.

Джек выдавил слабую улыбку:

— Хорошая попытка, Эхуд. Но если бы я не нашел его и не убедил помогать нам, он был бы сейчас дома и в безопасности.

— Дома он бы оплакивал свою жену. Ты дал ему повод заботиться о живых. Позволил быть частью чего-то

большего, нежели он сам. Ты не заставлял его помогать, он сам захотел.

Джек вздохнул:

— Полагаю, так и есть. — Он не хотел это обсуждать, поэтому не стал спорить. — Но я думаю, что могу позволить себе перерыв. У меня на душе кошки скребут при мысли, что я нахожу людей, умеющих распознавать убийц, только для того, чтобы увидеть, как их убивают.

— Джек, — сказала Двора, — это особенные люди. На них охотятся, но ты спасаешь многих, находя раньше убийц. Ты спас Кейт. Если б не ты, она была бы убита, даже не зная за что. Она не знала о способностях, пока ты не нашел ее и не помог понять, кто она такая. Без тебя она была бы мертва. И не только она.

Джек улыбнулся более искренне:

— Пожалуй, ты права. Я просто хочу ее отыскать. Я слишком хорошо научил ее уходить с радаров и становиться призраком, научил прятаться от убийц.

— В любом случае, — вмешался Эхуд, прерывая разговор о Кейт, — я пытался связаться с тобой по другой причине.

— Хорошо, в чем дело? — Джек сложил руки на груди и сосредоточил все свое внимание на Эхуде.

— В чем дело? — Эхуд выглядел немного удивленным. — А ты новости не смотришь?

— Я отключил телефон. Мне немного надоело узнавать обо всех проблемах в мире. Хотел спокойствия, чтобы изучить высших хищников, на которых вел охоту. Решил отвлечься от всего, чтобы заняться исследованиями.

Двора тревожно нахмурилась:

— Ты не знаешь об атаках?

Джек переводил взгляд с Дворы на Эхуда:

— О каких еще атаках?

— В Америке, — сказал Эхуд, раздраженно всплеснув руками. — Еще в Великобритании произошли террористические акты, во Франции случилась поножовщина в ночном клубе, в Брюсселе грузовик въехал в толпу, но в Штатах все намного хуже.

— Хуже? — Джек опустил руки. — Что там случилось?

Двора села за свой стол и включила видеозапись сильного пожара в отеле.

Эхуд указал на монитор:

— Это отель в Лас-Вегасе. Число погибших все еще неизвестно. Сейчас сообщили о тридцати, но ожидается, что цифра перевалит за сотню или даже больше. Возгорание произошло от мощного зажигательного устройства, вероятно, с напалмом. Все началось на нижнем этаже, лифты вырубили, и люди застряли на верхних этажах. Лестницы были взорваны, чтобы люди не могли покинуть здание, когда огонь охватил его.

Двора переключилась на другую запись:

— А это аэропорт в Тампе. — На видео с камер было видно, как идут люди, затем разлетаются обломки и дым, оставляя разбросанные по терминалу тела.

Она включила еще одно видео, на котором спасатели в противогазах выносят пострадавших со станции метро в Нью-Йорке. В другом ролике были последствия взрыва бомбы в автомобиле в большом американском городе, но с тем же успехом это могло быть видео из Багдада.

— Кто взял на себя ответственность за атаки? — спросил Джек, в то время как Двора продолжала включать другие видеозаписи разрушений и смертей.

— Каждое нападение было совершено отдельной группировкой, — сказал Эхуд.

Джек удивленно смотрел на монитор:

— А такое вообще бывало? Чтобы разные группы одновременно совершали столько атак?

Эхуд сцепил руки за спиной:

— Нет, такого еще не было. Сказать по правде, мы не знаем, что происходит, но все это весьма тревожно.

— Вот одно из самых ужасных происшествий, — сказала Двора, включая видеозапись, на которой местность выглядела как зона боевых действий в Сирии. Повсюду лежали остовы сгоревших грузовиков. — Это Оэсте Меса, крупный грузовой пункт пропуска через границу между Мексикой и Калифорнией.

— Этот теракт сопровождался кибератакой, которая положила всю сеть пограничных пунктов Соединенных Штатов, — пояснил Эхуд. — Помимо этой атаки несколько людей с автоматами устроили перестрелку на переходе между Америкой и Канадой. Террористы убили пятерых служащих и почти два десятка гражданских, прежде чем их ликвидировали. Но атака в Оэсте Меса было самой страшной.

— Есть несколько террористических организаций, которые ведут подобные кибервойны, — сказал Джек. — Похоже, они тщательно выбрали время для удара.

— Были также кибератаки на авиадиспетчерскую службу, электростанции и другую инфраструктуру. — Эхуд посмотрел на Двору, а потом снова перевел взгляд Джека. — Американские разведслужбы пустили в прессу информацию, что это русские.

— Русские! — Джек положил одну руку на бедро, а другой откинул назад волосы. Держа ладонь на затылке, он отошел на несколько шагов и затем вернулся. — В этом нет никакого смысла. Если русские сделают нечто подобное — особенно в координации с террористическими организациями — это заставит американцев перейти на военное положение.

Эхуд выгнул бровь:

— Они так и сделали.

Джек принялся размышлять в поисках логичного ответа:

— Ты знаешь, что можно устроить так, будто кибератака была произведена кем угодно — Россией, Китаем, даже Израилем. Нужно лишь создать команду внутри России для настройки серверов с использованием российских кредитных карт для оплаты хостинга, а затем использовать *VPN* для удаленного доступа к этим серверам с компьютеров внутри страны. В глазах всего мира атака будет произведена из России, доказательства будут казаться неопровержимыми — если только вы не знаете, как все устроено.

Эхуд подождал, пока Джек снова подойдет к нему.

— Проблема в том, что американская разведка слила в прессу информацию, что кибератаку осуществили русские. Люди привыкли к таким вещам из России или Китая, но в меньшем масштабе. Вирусы-вымогатели уже некоторое время досаждают крупным компаниям, больницам и правительственным учреждениям, поэтому версия об атаке из России имеет смысл для многих в американском информационном сообществе. Конечно, средства массовой информации, а значит и общественность, абсолютно уверены, что это были русские, поэтому переполошились и требуют активных действий. Некоторые даже выдвинули требование нанести удар по России.

— Но это не имеет смысла и больше похоже на неправду.

— Восприятие — это реальность, — сказала Двора.

Джек снова принялся расхаживать, задумчиво глядя на стену из мониторов. Теракты в Америке вызвали разрушения и панику. Что-то тут было не так.

— Мексиканский подрывник, которого вы схватили в Иерусалиме, — сказал он, поняв, что его беспокоит. — Он как-то связан с атаками. — Он указал на монитор Дворы с изображением кровавой бойни на границе между Мексикой и Штатами. — Слишком много совпадений. Ваш мексиканский подрывник на самом деле не мексиканец, ведь так?

— Он сказал, он из Сантьяго-де-Керетаро, Мексика. Пленник не говорит ни на каком другом языке, кроме испанского — в этом мы уверены. Мы задавали ему вопросы о Сантьяго-де-Керетаро и о том, как он рос в Мексике. Когда мы углублялись в детали, он выдавал много основной информации, но не был убедителен. Стоило нам поднажать, он придумал название улицы, где, по его словам, он вырос. Мужчина описал стандартные мексиканские трущобы, но мы не верим в существование этой улицы. Были и другие детали, которые натолкнули нас на мысль, что он лжет.

— Как ты думаешь, что он скрывает?

Эхуд прикусил нижнюю губу, оглядывая комнату, и понизил голос:

— Мы нашли кое-что на одном его ботинке.

— Хорошо… — произнес Джек. — И что же?

— К протектору подошвы прилипла частичка плутония-239.

Джек долго смотрел на Эхуда.

— Он определенно не мог подцепить ее, гуляя по Сантьяго-де-Керетаро.

— Как и пояс смертника. Материалы, использованные в нем, распространены на всем Ближнем Востоке, но не в Мексике.

— Есть соображения, где он наступил на плутоний? — спросил Джек.

Эхуд с сожалением пожал плечами:

— Пакистан? Иран? Террористическая группа, доставляющая материалы из России? Трудно сказать.

— Удалось вытянуть из него что-нибудь полезное?

— Мы сказали ему, что нашли радиоактивный материал на подошве его ботинка. Мы давили на него, допрашивая, где он мог это подцепить. Давили крепко. И тут он окончательно сбился с толку и даже не представлял, как отвечать на вопросы. Он выглядел потерянным и дезориентированным, начал плакать. Он рыдал час за часом, а мы продолжали задавать вопросы по-испански. Казалось, он никогда раньше не предполагал, что может попасть в плен, а теперь, вдали от знакомых ему людей, он не знал, что делать и как отвечать. Однако он знал, что не должен сотрудничать. Мы вернули его в камеру, чтобы он привел в порядок мысли и немного поспал, прежде чем снова вывести на допрос. Пленники ожидают пыток. Позволив немного поспать, мы вместо этого помогаем им расслабиться, так что они начинают отвечать на некоторые вопросы. Несколько ответов в конечном итоге ведут к еще нескольким, и так далее. В какой-то момент, пока менялись охранники, ему удалось покончить с собой.

— Он покончил с собой? — Джек был потрясен. — Как это могло случиться? Вы прекрасно знаете, что эти террористы подвержены самоубийству. Вы принимаете меры предосторожности, чтобы воспрепятствовать этому. Разве он не был в смирительной рубашке или в чем-то таком, чтобы предотвратить самоубийство?

— Да, конечно. — Эхуд вздохнул. — Ты не поверишь. Он, по-видимому, поднялся над полом — скорее всего, встав на унитаз — и сделал сальто назад, чтобы опуститься на голову и сломать шею. Он только был в порядке, но в следующий миг его шея уже сломана, и он мертв. Но перед смертью он невольно оставил нам одну подсказку.

— Какую? — спросил Джек.

— Его руки и кисти были связаны, поэтому он терся носом, пока не пошла кровь, и написал на стене: «Аллаху Акбар».

— Звучит не очень по-мексикански, — сказал Джек.

— Мы взяли анализ ДНК, чтобы попытаться определить страну его происхождения, — сказала Двора.

Глава 37

Джек наклонился к Дворе, чтобы поближе взглянуть на ее монитор. На нем отображалась карта Америки с точками, возле которых располагались числа в небольших кружках.

— Знаешь, мне кажется, что эти атаки — дымовая завеса, — сказал он. — У них есть первоочередная цель, а все остальное предназначено для ее сокрытия.

— Дымовая завеса, — Эхуд задумался на минуту. — Многие из тех группировок конкурируют за деньги и ресурсы. Террористические атаки повышают их статус, что дает им деньги, ресурсы и рекрутов. Они не настроены сотрудничать между собой.

Джек приподнял бровь:

— Они могли пойти на сотрудничество, если бы не знали, что их атаки являются отвлекающим маневром. Если выставить все как соперничество и шанс продемонстрировать свои способности, они согласятся. Это большая игра.

— И кто ее организовал? — спросил Эхуд.

Джек пожал плечами:

— Выбирай сам. Но только у государства-спонсора хватит связей и влияния собрать различные исламские

террористические группы для переговоров и суметь убедить атаковать одновременно. Может, группы думали, что участвуют в некоем конкурсе на получение финансовой поддержки от государства-спонсора?

Эхуд зацепил большой палец за ремень:

— Ты связываешь множество точек, которых мы пока что не видим.

— Возможно. Но что-то заставило Хосе попытаться взорвать себя. Он считал, что делает нечто значимое. Я уверен, он не знал, что его используют для отвлечения внимания, чтобы добиться того главного — избавиться от Узиэля. Думаю, кто-то делает то же самое здесь — устраивает диверсию.

— Продолжай, — произнес Эхуд.

Джек указал на монитор:

— Нападения совершены разными группами, верно? Похоже, координация действий и масштаб атак исламских террористических группировок вышли на совершенно новый уровень.

— Штатам это определенно не понравилось, — заметила Двора.

— Но мог ли это быть отвлекающий маневр, как с Хосе?

— Хорошо, — сказал Эхуд, — мне нравится, что ты всегда мыслишь нестандартно, но для чего им отвлекающий маневр?

Джек на мгновение задумался.

— Ты можешь достать фотографии с американских камер на пограничных постах, где произошли атаки?

— Почему на пограничных постах? — спросила Двора. — А с остальных мест фото не нужны?

— Сейчас я хочу просмотреть только атаки на границах. — Джек многозначительно взглянул на обоих. — Хосе был туповат. Думаю, для них он был более полезен

в качестве диверсанта, но, когда он отправился выполнять их приказ, то унес на ботинке частичку плутония. Куда они собрались везти плутоний?

Эхуд и Двора переглянулись.

Джек указал на монитор:

— Покажи фотографии с пограничных пунктов пропуска.

— Есть фото и видео из системы наблюдения на границе между Канадой и Штатами, — сказала Двора. — Террористы не рассчитали время и начали действовать раньше, чем кибератака обрушила все системы. Камеры все еще работали во время атаки, и у нас должно быть несколько хороших записей.

Сперва Двора просмотрела десятки фотографий людей в очереди машин, сделанных системой распознавания лиц. Она остановилась на молодой паре в пикапе. На голове у женщины был черный шарф.

— Эта пара начала атаку. Система распознавания лиц на них не отреагировала, значит, их не было в списке наблюдения. Они не вызывали подозрений.

— Многие местные террористы не фигурируют ни в одном списке наблюдения, — сказал Эхуд. — Власти узнают о них только после того, как они кого-то убьют. Вот почему люди вроде Узиэля так полезны.

Затем Двора показала Джеку запись с камеры над полосами движения. Грузовик пары стоял в очереди, от будки их отделяло несколько автомобилей. Внезапно мужчина и женщина выпрыгнули из машины и начали палить по пограничникам из АК-47. Нападавшая пара, похоже, не собиралась уходить. Они стреляли не из укрытия и оставались на месте до самой смерти. Джек увидел, как упали несколько пограничников, а из-за кадра показался дым ответных выстрелов.

Оба кричали «Аллаху Акбар», расстреливая застигнутых врасплох людей. Некоторые выскакивали из машин и пытались убежать, но тут же падали под выстрелами. Другие пытались спрятаться в салоне своего автомобиля, но смертельный град пуль убивал их на месте.

Террористы стреляли по очереди: пока один стрелял, второй менял магазин. Значит, они тренировались и планировали свои действия. Они поддерживали непрерывную пальбу, смертельные снаряды летели во всех направлениях, затрудняя ответный огонь. Мужчина с женщиной стояли по разные стороны пикапа, стреляя по будкам с офицерами, а также по окнам здания чуть в отдалении. Бронебойные пули проходили сквозь пуленепробиваемое стекло, автомобили и бронежилеты.

Мужчина упал от меткого попадания в голову. Женщина была ранена в ногу и левую руку, но продолжала стрелять, пока не погибла от пули, прошедшей навылет через шею. Когда она упала, в пикапе взорвалась бомба и уничтожила камеру.

— Они не были беженцами или нелегалами, проскользнувшими в Канаду для атаки, — сказала Двора. — Установлено, что они оба из сирийских семей, родились в Канаде и там же попали под влияние радикалов. Они оставили множество обращений в сети. Американские власти сообщают, что это женщина убедила мужчину посвятить себя джихаду, как и она.

— Те, кого мы ищем, не местные террористы, — заметил Джек. — Покажи мне, что у тебя есть с Оэсте Меса на границе с Мексикой.

Двора полистала файлы, а затем кликнула на один из них. Камера видеонаблюдения запечатлела обычный день на пограничном пункте пропуска. Вдалеке между грузовиками маячили торговцы, предлагавшие водителям свои товары.

— Как видишь, все довольно обыденно, — подчеркнул Эхуд.

Двора кивнула:

— Есть видео только до кибератаки. Все отключилось незадолго до начала нападения, так что нет ни одной записи того, где все началось и как развивалась ситуация.

Она показала фотографии, сделанные после того, как все кончилось. Это было похоже на зону боевых действий в Мосуле. Повсюду валялись обломки рам грузовиков, ведущие мосты машин и двигатели. Контрольно-пропускной пункт был разрушен, все было усеяно телами. Из бетонных заграждений торчала арматура. Остовы грузовиков почернели от сильного пламени.

— Чудовищное нападение, — в голосе Эхуда звучало почтение ко всем погибшим.

Джек видел массовые кровопролития множество раз. Эта картина ничего ему не говорила.

— У тебя есть фотографии из системы распознавания лиц, как на границе с Канадой?

— Конечно. Но те камеры отключились незадолго до атаки, как и вся их техника, так что они не сняли никого из тех, кого подозревают американцы. Они считают, что нападение было совершено людьми, ожидавшими в грузовиках позади и не попавшими на камеры.

Двора начала пролистывать снимки людей, сидевших в очереди в грузовиках. Джек не увидел ничего необычного. Ему внезапно пришло в голову, что многие эти люди уже мертвы.

Однако через пару минут кое-что привлекло его внимание.

— Стоп! Здесь, — указал он.

Двора остановилась на фото водителя в кабине грузовика. Оно было похоже на все остальные, сделанные

камерами на каждой линии пограничного пункта, после которой все грузовики должны были пройти через рентген и нейтронный сканер.

Водитель на фото походил на мексиканца. Он зевал так широко, что можно было разглядеть его золотой коренной зуб.

Джек постучал по монитору:

— Вот. Увеличь этот фрагмент.

Сбоку от грузовика, являвшегося объектом снимка, практически на самом краю кадра было различимо лицо человека. Некий мужчина сидел на пассажирском сидении грузовика позади, высунув голову в окно и стараясь рассмотреть что-то впереди.

Двора кликнула несколько раз, увеличивая и выводя в центр кадра изображение лица мужчины.

— Вот дерьмо.

Эхуд наклонился ближе:

— В чем дело?

Джек указал на грубое лицо мужчины с короткими черными волосами и бородой.

— В нем. Я узнаю форму его бороды, не совсем квадратную. Я не видел тогда лица, но почти уверен, что именно он убил Узиэля несколько недель назад.

— Если бы мы знали его имя, — вздохнула Двора.

— Оно нам известно, — ответил Джек. — Кассиэль Айхан Корекан.

Двора взглянула на него через плечо:

— Так ты знаешь, кто он?

Джек выпрямился и провел пальцами по волосам:

— Кассиэль Айхан Корекан один из высших хищников, на которых я охочусь уже много лет. Он прирожденный убийца. Как и все мои остальные цели, он серийный убийца. Он все равно что волк, а волки не хотят, чтобы их заметили овчарки. Поэтому он ищет и убивает таких

людей, как Узиэль — людей, способных замечать убийц. Этот редкий дар закладывается на генетическом уровне и передается по наследству, поэтому Кассиэль, обнаружив человека с такой способностью, вырезает всю семью. Он загубил несколько родословных, и это только те случаи, о которых известно мне. А я уверен, что смертей было больше.

— Похоже, у него появились другие интересы, — сказала Двора. — Должно быть, он сотрудничает с группой террористов, желавших устранить Узиэля, а потом организовавших атаку на пограничный пункт Оэстэ Меса.

— Человек по имени Кассиэль — террорист? — удивился Эхуд. — Кассиэль — это старинное еврейское имя. Маловероятно, что исламские террористы доверятся человеку с еврейским именем.

— Оно лишь происходит из Иврита, — возразил Джек. — Но в других странах это имя имеет другие различные значения.

— Например? — спросила Двора.

— Например, в Азербайджане, откуда он родом. Азербайджан — настоящая смесь различных культур, но имя для этого народа имеет огромное значение. Детям дают определенное имя не потому, что родителям понравилось, как оно звучит. Имя придает человеку определенные черты: храбрость, здоровье, силу, нежность, красоту. Считается, что как назовешь ребенка, таким он и вырастет.

— И… что означает его имя, если оно не еврейское? — поинтересовалась Двора.

— Несколько старинных текстов описывают «Кассиэля» как Ангела Слез. Иногда его также считают Повелителем луны.

— Что ж, — произнес Эхуд, — он точно принес слезы множеству людей.

Двору это не убедило.

— Это просто старинное еврейское имя. Что заставляет тебя полагать, что здесь имеется в виду непонятное альтернативное значение? При чем тут Повелитель Луны?

— Его второе имя Айхан, — ответил Джек. — «Айхан» означает «Король луны». Думаю, родители использовали «Айхан» в качестве второго имени, чтобы более точно обозначить значение имени «Кассиэль».

— Хорошо, давай предположим, что так и есть, — согласилась Двора. — Что тогда насчет этого Повелителя луны? Кем он должен был вырасти по мнению родителей?

— Хотел бы я знать, — Джек подтянул к себе пустой стул. — Могу я воспользоваться твоим компьютером, чтобы заглянуть в свои файлы? Посмотрим, что у меня есть о нем.

У Джека были данные на нескольких высших хищников, местоположение которых он пытался определить. Он собирал всю возможную информацию о них и добавлял в свои досье. Устранение любого из этих убийц спасет огромное количество жизней. Однако из-за природных способностей их было тяжело отследить, и каждый случай требовал огромного количества времени.

Поэтому Джек делал все возможное, чтобы найти людей с особым зрением, на которых обычно охотились такие хищники. Иногда он помогал им выжить, как в случае с Кейт. Но иногда, несмотря на все старания, он не мог помочь им.

Некоторые люди просто не желали смотреть правде в глаза и знать, что их ждет.

— Подожди, — сказала Двора и принялась что-то печатать. — Сначала я хочу отправить его имя на другие терминалы. Чем больше людей будут заниматься поиском информации, тем больше шансов что-то накопать на него.

Эхуд щелкнул пальцами, привлекая внимание операторов поблизости:

— Двора отправит вам имя. Найдите об этом человеке все что можете. Мы уверены, что он причастен к террористическим атакам в Америке.

Люди за ближайшими мониторами кивнули, увидев имя, а затем приступили к поиску.

— Он родился в Азербайджане, — сказал мужчина справа.

Об этом они уже знали, но Джек предпочел дать операторам возможность проводить поиск по-своему, а не направлять их.

— Интерпол подозревает его в совершении убийств в нескольких странах, — сказал другой оператор. — Местные власти несколько раз допрашивали его, но ни в одном случае не было достаточно доказательств для обвинения в убийстве.

Об этом Джек тоже знал. У него были фотографии мужчины с тех допросов, и сейчас на мониторе было лицо того же человека. Когда Двора закончила, он ввел свои учетные данные и зашел в облачное хранилище.

— Он подозревается в убийстве нескольких членов семьи Аль-Салема в Иордании, — сказала женщина через два терминала слева, — и — только вдумайтесь, — одиннадцати членов семьи Мааруф в Египте.

— Итальянские власти уверены, что он убил несколько членов семьи Константайн, — произнес другой оператор.

Джек прекратил поиск по своим файлам и поднял взгляд:

— Константайн… Почему-то это имя кажется мне знакомым.

Он вернулся к своим поискам, пока другие агенты называли имена жертв, связанных с Кассиэлем.

— Вот, — пробормотал Джек себе под нос, откинувшись на спинку стула и глядя на монитор. — В штате Нью-Йорк была пристрелена пожилая пара. Им выпустили по пуле двадцать второго калибра в затылок — словно казнили. Моя перекрестная поисковая система выдала информацию об этой паре, потому что у них та же фамилия, что и у семьи в Италии, которую, как считается, вырезал Кассиэль. В последний раз, когда я проверял, у полиции Нью-Йорка не было ни улик, ни зацепок. Убийство не было раскрыто. Вот почему его не связывают с Кассиэлем.

Но у Джека было фото Кассиэля, сделанное итальянскими властями на допросе, после которого его отпустили. Это была фотография, напечатанная на фотобумаге с настоящей пленки. Для специфической деятельности Джека она была на вес золота.

— Еще одно не дающее покоя совпадение? — спросила Двора. — Кассиэль перебил членов семьи Константайн в Италии, а пожилая пара с той же фамилией была убита в штате Нью-Йорк?

— Это не просто совпадение, — возразил Джек. — Это прямая связь.

Эхуд, задумчиво хмурясь, потер подбородок:

— Но зачем этому серийному убийце Кассиэлю находиться прямо там, где должна состояться террористическая атака?

— Понятия не имею. Найди, что сможешь, о той паре Константайн в штате Нью-Йорк, — сказал Джек Дворе,

откатываясь в сторону, чтобы уступить ей место у монитора. — Кассиэль охотник, — произнес Джек. — Он волк. Ему нравится преследовать целые семьи и истреблять всех, кто способен распознавать убийц. Посмотри, нет ли других членов этой семьи в Нью-Йорке.

Глава 38

— Нашла пару зацепок, — сказала Двора. — Салли Константайн — дочь убитой пары. Есть еще Анжела Константайн — дочь Салли и внучка убитых. Имеются даты рождения Салли и Анжелы, но нет свидетельств о смерти — значит, обе еще живы. Анжела была подростком, когда убили ее дедушку и бабушку.

— Это, безусловно, близкая семейная связь, — сказал Эхуд. — Интересно, почему Кассиэль не тронул мать и дочь, когда охотился на пожилую чету?

Джек откинулся на спинку кресла:

— Возможно, он использует такую тактику, чтобы запутать любого, кто его ищет. Я не смог выявить никакой закономерности в его действиях. Иногда он возвращается нанести удар по другим членам семьи, так что никогда не знаешь, где и когда он появится. Многие убийцы орудуют в определенных районах, он же действует по всему миру. Иногда он выжидает так долго, что начинаешь сомневаться, вернется ли он убить родственников, и тратишь много ресурсов, ожидая его. И в некоторых случаях он не возвращается. Возможно, это метод его работы, но может, у него и вовсе нет тактики. Он жестокий серийный убийца, поэтому легко может отвлечься на похищенную жертву. Он увлекается похищением девушек, которых содержит в домашних темницах, где мо-

жет подолгу их пытать. Довольно легко провернуть подобное в странах третьего мира, где он любит охотиться.

— Взгляните на это, — сказал мужчина за терминалом слева и указал на стену мониторов перед ними. — В Милфорд Фоллз произошло очень странное убийство. Именно в этом городке убили пожилую пару Константайн, и там живут их дочь и внучка.

Все посмотрели на большой монитор в правой части стены. Пока соседние экраны мельтешили видеозаписями выступлений властей и сценами массовых беспорядков, на правом мониторе было неподвижное фото, сделанное полицией: человек свисал с моста на веревке, привязанной к лодыжке. Голый торс мужчины был покрыт ножевыми ранами и кровоподтеками. Похоже, на его спине была выцарапана надпись.

— Не могли бы увеличить текст? — попросил Джек.

— Конечно, — сказал мужчина, нажимая на клавиши.

Изображение увеличивалось, пока все не смогли прочесть: «Я УБИЛ КЭРРИ СТРАТТОН».

Двора накручивала на палец прядь своих кудрявых черных волос, уставившись на большой экран:

— Это чертовски загадочно.

— Вот уж точно, — согласился Джек. — Но я не понимаю, какое это имеет отношение хотя бы к одной из Константайн или к Кассиэлю. Он не пытает и не убивает мужчин. Есть идеи, кто такая Кэрри Страттон?

— Она работала медсестрой в Милфорд Фоллз, — сказал мужчина, показавший им фото. — Ее похитили и убили. Надпись на спине мертвого парня привела полицию к ее телу. Анализ ДНК спермы и материала под ногтями женщины подтвердил, что именно этот человек убил ее.

— Чертовски странное невольное признание, — сказала Двора.

Джек вынужден был согласиться.

— Что у вас есть на обеих Константайн?

— Мать — наркоманка со стажем, — сказала Двора, просматривая полицейские отчеты на своем мониторе. — Предпочитает метамфетамин. У нее было много арестов, и все связаны с наркотиками, никакого насилия. В большинстве обвинения были сняты по разным причинам. Однако у нее все же имеется ряд судимостей за наркотики. Похоже, она всегда отделывалась общественными работами, испытательным сроком или реабилитацией. Видимо, она просто наркоманка, а не дилер. Из череды арестов ясно, что реабилитация никогда не помогала. Во время рейдов в ее жилище было арестовано немало людей по различным обвинениям. Пьянство, асоциальное поведение, хранение запрещенных веществ с целью перепродажи, хранение огнестрельного оружия, драки, иногда с серьезными травмами.

— А что по дочери? — спросил Джек, откинувшись на спинку стула и крутя в пальцах ручку.

— Анжела... — пробормотала Двора, пробежав глазами несколько страниц. — Так, посмотрим, что тут у нас. — Наконец, она остановилась на одной странице. — О, это любопытно.

Джек поднял взгляд:

— Что там?

— Буквально недавно была госпитализирована.

— По какой причине?

Двора наклонилась к монитору, читая текст:

— Ее изнасиловали испаноговорящие нелегальные эмигранты. Избили ее практически до смерти, повесили за шею и оставили умирать. Ей удалось освободиться и добраться до больницы. Похоже, она была в ужасном со-

стоянии: порезы, синяки, повреждение селезенки и тому подобное.

— Как ей удалось выбраться из петли? — поинтересовался Эхуд.

— Не сообщается. Она опознала насильников, они были задержаны, но позднее освобождены.

— Освобождены. Почему? — спросил Джек.

— Обвинения были сняты помощником окружного прокурора, — ответила Двора. — Причины не указаны.

Джек постукивал ручкой по столу.

— Не нравится мне это.

— Обвинения часто снимают по самым разным причинам, — вставил Эхуд.

— Возможно, но что-то тут не сходится. Она была серьезно ранена, опознала напавших, их арестовали. Кажется, все предельно ясно. Но почему их даже не судили? Есть ее адрес?

— Салли числится по адресу трейлерного парка, а вот у Анжелы указан только почтовый адрес до востребования — «Почтовая служба Майка».

— Необычно, — Джек выпрямился и оперся локтями на стол Дворы. — Давай проверим ее профиль в соцсетях. Думаю, сможем вытащить нужную информацию оттуда. Начнем с *Facebook*.

Двора напечатала что-то, взглянула на экран, затем стала печатать дальше, пробежала глазами еще несколько страниц.

— Ничего нет, — покачала она головой. — У нее нет страницы на *Facebook*.

Теперь Джек всерьез заинтересовался.

— А что насчет остальных соцсетей?

Двора быстро делала запросы, комментируя результаты.

— В *Instagram* пусто. В *Twitter*, *Google Plus* и *LinkedIn* тоже. — Она продолжила печатать и кликать. — Нет аккаунта в *YouTube*, ничего в *Pinterest* и *Tumblr*. Не пользуется *Reddit*, *Snapchat*. Ничего нет в *Swarm*, *Flickr* или *Kik*. В *WhatsApp* ее тоже нет. Как и в *Quora*, *Vine* или *Periscope*. И *Digg* не посещает.

— Может, пользуется чем-то менее распространенным, — предположил Джек. — Какими-то небольшими порталами.

Двора взглянула на мужчину:

— Я использовала нашу собственную поисковую программу. Если я ничего не нашла, то искать попросту нечего.

— Может, она выходит в сеть под другим именем? — предположил Эхуд.

Двора покачала головой:

— Наша программа вычислила бы ее никнеймы или любые вымышленные имена. Ничего. Нет ее фотографий — ни в одежде, ни обнаженной. Она даже отзывы нигде не оставляла. Никаких следов в сети.

Волоски на затылке Джека встали дыбом. Это был признак необычного типа личности. Именно таких людей он и искал.

Если ее бабушка и дедушка были убиты Кассиэлем, то наверняка она унаследовала особое зрение, из-за которого поплатились жизнью ее родственники в Милфорд Фоллз и Италии — как и Узиэль. Люди с такой способностью обычно были не особо социальными.

Джек указал на экран:

— Покажи мне ее водительские права.

Двора вывела документ на дисплей. Джек изучал девушку, взиравшую на него с экрана.

— Анжела, Анжела, Анжела... — бормотал он, уставившись на потрясающе красивую девушку. — Что вообще есть на нее?

Двора переместила фото на один из больших мониторов на стене и принялась искать дополнительную информацию.

— Согласно сведениям из налоговой, она работает барменом в заведении «У Барри». Она получает от гостей весьма щедрые чаевые — и декларирует их, верите вы или нет. И еще у нее своя служба доставки — «Курьерская служба Анжелы». Все вполне достойно.

Двора замолчала, кликнула по нескольким кнопкам и начала внимательно просматривать списки. Она выделила курсором один пункт из списка.

— Помните ту женщину, которую убили в Милфорд Фоллз? Кэрри Страттон? Больница, где она работала, пользуется услугами «Курьерской службы Анжелы».

— В таких маленьких городках подобный факт мало что значит, – сказал Эхуд. – Быть может, эта юная особа не имеет аккаунтов в соцсетях, потому что много работает.

Джеку такое количество совпадений казалось неслучайным.

— Сдается мне, она из тех, кто может распознавать убийц по взгляду, — сказал он скорее себе.

Эхуд нахмурился:

— Почему ты так решил?

— Это моя работа, Эхуд. И я хорошо с ней справляюсь. — Он поднял взгляд. — Мне нужен билет на самолет в США. У меня такое предчувствие, что время не ждет.

Эхуд выглядел озадаченным.

— Что заставляет тебя так думать?

— Связи и совпадения — часть моей работы, за которую вы мне платите. Слишком много подозрительных совпадений. Мне нужно увидеть эту Анжелу Константайн вживую, чтобы точно сказать, может ли она распознавать убийц. Если у нее есть эта способность, я пойму по ее глазам. Но у меня есть и более серьезные причины для поездки.

— Например? — спросила Двора.

— Мы схватили того мексиканского террориста-смертника лишь потому, что он провалил свою миссию. Он говорил только по-испански и в какой-то момент контактировал с плутонием. Если бы он справился со своим заданием, мы бы не знали даже этих двух фактов, которые на первый взгляд не имеют смысла. Если бы его пояс смертника сдетонировал, мы посчитали бы очередным террористом. Его использовали как отвлечение, чтобы убийца – Кассиэль – мог устранить Узиэля. И больше всего меня беспокоит, что на ботинке этого мужчины, притворяющегося мексиканцем, был плутоний-239. Это связывает Кассиэля с радиоактивным веществом. И сейчас Кассиэль оказался в центре масштабной террористической атаки в Оэсте Меса. Он направляется в США. Это не может быть простым совпадением.

— Ну и на что влияет связь с мексиканцем? – спросил Эхуд.

— Мусульмане в Америке могут привлечь внимание. Они выделяются. Мексиканцы же почти незаметны в Штатах.

— Твоя правда...

— Я думаю, за террористической атакой в США кроется нечто более серьезное, и оно имеет отношение к плутонию-239 — радиоактивному веществу, который используется для изготовления бомб. — Джек поднялся. — Полагаю, вы собираетесь проинформировать американ-

ские спецслужбы о том, что мы узнали? Про несостоявшегося смертника, притворявшегося мексиканцем, у которого на ботинке нашли плутоний-239 и про все прочее?

Эхуд прикусил нижнюю губу, обдумывая слова Джека.

— Я переговорю с начальством, но сомневаюсь, что они захотят сотрудничать с американцами.

— Это еще почему? — удивился Джек.

— Американские спецслужбы сольют всю информацию СМИ, будто это пикантные сплетни. Это напугает людей, и тогда станет еще труднее понять, что происходит на самом деле.

— Утечки информации — досадный фактор современного мира, — со вздохом признал Джек.

— Становится хуже. Американские спецслужбы постепенно уделяют все больше внимания политике, чем вопросам безопасности. И они все чаще занимаются слежкой за американскими гражданами и политиками, включая членов Конгресса и Сената, считая это своей основной и совершенно законной задачей.

— Законной задачей? С чего они это взяли?

— Политические деятели значительно расширили полномочия спецслужб. Их позиция и взгляды постепенно перекидываются на разведывательное сообщество. Утечка совершенно секретной информации — это инструмент и оружие, которое они используют все чаще. Это помогает теневому правительству набирать мощь. Вспомните недавнюю утечку о том, что русские ответственны за кибератаку. Конгресс призывает к жестким санкциям, а некоторые даже хотят объявления войны — а ведь информация почти наверняка неправильная, и слив этот был создан для продвижения политических целей, увеличения бюджетов управлений и, таким образом, усиления их власти. Все это никак не связано с защитой

Америки от терроризма. Для нас становится все более и более опасным делиться определенной информацией с агентствами, которые все больше считают Израиль потенциальным врагом. В эти дни многие в разведывательном сообществе США не слишком расстроятся, если Израиль будет стерт с карты мира. Они считают, что это решит проблему терроризма.

— Ты действительно веришь, что ситуация с американской разведкой становится настолько скверной?

Эхуд выгнул бровь:

— Почему ты больше не работаешь с ними в поисках людей, которые могут распознавать убийц — как с нами сейчас? Потому что это политически некорректно, вот почему, — сказал Эхуд, отвечая на собственный вопрос. — Они больше заботятся о политкорректности, чем о защите жизней.

— В таком случае, — изрек, наконец, Джек, — мне лучше поскорее отправиться в Штаты и посмотреть, смогу ли я соединить части головоломки. — Джек указал на большой монитор с лицом Анжелы Константайн: — Вот одна из частей головоломки. Уж не знаю, как она вписывается в картину.

Эхуд подозрительно нахмурился:

— Я думал, ты хочешь отдохнуть от этой нескончаемой войны.

Джек бросил на него взгляд:

— Кажется, война хочет вернуть меня обратно.

Эхуд кивнул:

— Мы отправим тебя на дипломатическом самолете.

Джек хлопнул мужчину по плечу:

— Спасибо, Эхуд. Пойду собирать вещи. Я буду на связи. — Он указал на Двору: — Оставайся у телефона.

— Всегда. И Джек, пожалуйста, возвращайся на этот раз целым и невредимым.

Глава 39

Свернув на длинный спуск на выезде из Милфорд Фоллз, Анжела заметила полицейские машины у заведения Барри. Полиция у бара была нередким явлением. Мужчины часто становились агрессивными, как правило из-за женщин, и устраивали неприятности. Спровоцировать их могло что угодно — слово, взгляд, или неправильный жест. Иной раз женщины сами провоцировали мужчин. Некоторым дамочкам нравилась мужская ревность. После определенного количества выпивки у парней отказывали тормоза, и они стремились свести счеты.

Если дело шло к драке или стычка уже начиналась, Барри выгонял дерущихся на парковку. Если он решал, что все достаточно серьезно, то вызывал полицию. Анжела заинтересовалась, что за ревнивец взбрыкнул на этот раз.

Подъехав ближе, Анжела заметила карету скорой помощи у черного входа и насторожилась еще больше, опасаясь, что Барри пострадал во время ограбления. Барри работал почти без выходных, и у него мог случиться сердечный приступ или что-то в этом роде. Там собралась небольшая толпа зевак и не меньше полудюжины полицейских. Несколько копов, вооружившись блокнотами и ручками, опрашивали очевидцев. Второе кольцо людей стояло чуть поодаль, не мешая полиции. На вид обычные любопытствующие. Теперь ей стало ясно: случилось что-то серьезное.

Анжела медленно въехала на стоянку и припарковалась подальше от толпы и полиции. Среди собравшихся она узнала местных завсегдатаев бара.

Пока она сидела в пикапе, наблюдая за полицейскими, которые опрашивали официанток, машина скорой помощи, осветив проблесковыми маячками стоянку и

врубив сирену, направилась вверх по склону к больнице. Когда машина скрылась за холмом, на стоянку въехал белый фургон криминалистов и остановился позади здания. Несколько человек с оборудованием вышли из фургона и исчезли в баре.

Анжеле нужно было выяснить, что происходит, поэтому она осторожно вытащила пистолет, затем подавитель и спрятала их под ковриком. Переборов себя, она извлекла нож из ножен в голенище сапога и засунула его под коврик со стороны пассажирского сиденья.

Еще не хватало, чтобы излишне рьяный коп — как та сука офицер Дентон из больницы — заметил у нее оружие и арестовал. Попасться при скрытном ношении оружия уже было достаточно, но с подавителем дело обстояло гораздо серьезнее. Этот ушлепок Джон Бабингтон с радостью привлечет ее к ответственности за это.

Анжела заметила Тиффани, одну из официанток, которая стояла чуть в стороне от толпы, наблюдавшей за полицией. На ней были туфли на высоких каблуках и с ремешками на лодыжках, а короткая юбка едва прикрывала ягодицы. Девушка стояла, сомкнув ноги и прикрывая рукой голый живот. Ее волосы были зачесаны наверх, кроме нескольких свисающих прядей, но в целом прическа была беспорядочной. Тиффани говорила, что так создается впечатление, будто ее только что оттрахали, а это нравится парням, и они оставляют щедрые чаевые.

Когда Анжела тихо подошла к ней, Тиффани обернулась. На улице было не холодно, но она дрожала и плакала. Слезы оставляли на ее лице потеки черной туши.

— Тиффани, какого черта тут происходит?

Тиффани сглотнула:

— Барри. Я не знаю, выживет ли он.

Анжела успокаивающе положила руку на спину девушки:

— Что стряслось? У него сердечный приступ или типа того?

Она не хотела спрашивать, стреляли ли в него при ограблении — боялась, что это окажется правдой.

Тиффани взяла предложенную Анжелой салфетку и промокнула глаза.

— Нет. Кто-то выбил из него все дерьмо.

— Это версия полиции?

— Нет, это я обнаружила перед своей сменой.

— Полиция знает, кто это сделал?

Тиффани покачала головой:

— Думаю, нет.

Анжела с подозрением посмотрела на коллегу:

— А ты?

Тиффани посмотрела на группу полицейских и зевак:

— Да. Обнаружив Барри на полу, я бросилась ему на помощь. Его лицо было как сырая котлета из гамбургера. Белая футболка, которую он всегда носит, стала красной от крови. В ней были прожжены дыры, а на него теле — ожоги, как от сигареты. Изо рта торчала тряпка. Они мучили его. Я вытащила кляп, чтобы он мог дышать.

— Он был в сознании?

— Едва. — Тиффани всхлипнула. — Я спросила его, что случилось. Все, что он смог сказать, было «эти мексиканцы», затем он лишился чувств.

Анжела ощутила, как по ее голым рукам и ногам побежали мурашки. Она точно знала, о каких мексиканцах говорил Барри.

— Ты сообщила об этом полиции?

Тиффани фыркнула с презрением:

— Нахер полицию.

— Ладно… а кто их вызвал?

— Я.

— Они спросили твое имя?

Тиффани указала на простое здание. Пивная вывеска с вечным приглашением светилась в окне.

— Я вызывала не с мобильника, а с аппарата за барной стойкой, где лежал Барри. Они спросили, в чем дело, и я сообщила, что кто-то ограбил бар «У Барри», а хозяин серьезно пострадал. Прежде чем они успели спросить что-либо еще, я повесила трубку. Я оставалась с Барри, пока не услышала сирены, а потом вышла, пока меня не заметили.

Анжела нахмурилась:

— Почему ты не хотела общаться с полицией?

Тиффани аккуратно стерла пальцем помаду с уголков губ. После долгой паузы она ответила:

— Я еще не говорила тебе, но недавно меня арестовали.

— Тебя? За что?

— За проституцию.

Тиффани одевалась как шлюха, но Анжела всегда считала, что это только ради больших чаевых.

— Я не знала.

Тиффани нахмурилась:

— Я не проститутка, понятно? Этот коп, ублюдочный офицер Палински, был здесь как-то вечером в свой выходной. Хотел, чтобы я отсосала ему на парковке. Я не знала, что он полицейский, и сказала ему отъебаться от меня. И позже ночью он вернулся, но уже в форме, и арестовал меня за приставание с целью оказания услуг. Он оформил меня и посадил в камеру, заявив, что я его домогалась. Маме пришлось приехать за мной и внести залог. — Тиффани зло тряхнула головой от этих воспоминаний.

Парни частенько предлагали Анжеле пососать, но никто не оказывался копом, поэтому она не боялась ареста за отказ.

— Но это еще не самое худшее, — продолжила Тиффани. — Меня вызвал прокурор. Он одарил меня такой самодовольной улыбкой, будто знал, что я шлюха. Понимаешь, о чем я?

— Да, мне знаком этот взгляд.

— А потом он сказал… если хочу, он поможет и, возможно, снимет обвинения. Я ответила, что была бы признательна, ведь обвинять меня не в чем. — Она взглянула на Анжелу. — Обвинять копов во всяком дерьме — не очень безопасно для здоровья. Понимаешь? Поэтому я сказала, что случилось недопонимание.

Анжела кивнула.

— И этот прокурор — все с той же гребаной улыбкой на жирной харе — сказал мне, что его офицер хорошо разбирается в минетчицах. Сказал, что может добавить к моим обвинениям продажу наркотиков, и я проведу как минимум полгода, а то и год в тюрьме! — Тиффани принялась сверлить взглядом полицейских, и по ее щекам снова покатились слезы. — Ты знаешь, у меня ребенок. Дочка. Этот ебанат сказал, что после суда позаботится, чтобы органы опеки забрали ребенка. — Она вытерла слезы носовым платком, — Ей только три.

— Боже, Тиффани, я даже представить не могла.

Анжеле и самой довелось столкнуться с опекой, когда мать отправили на реабилитацию. Это был новый вид ада, изобретенный правовой системой. Они продержали Анжелу в своих когтях полгода, а потом снова швырнули на раскаленную сковороду.

— Он спросил, на что я готова ради того, чтобы он снял обвинения и моему ребенку ничего не грозило. Я подумала, он имеет в виду какие-то общественные рабо-

ты. Ну и ляпнула, что готова на что угодно, сечешь? Тогда он заявил, что я должна буду приходить к нему домой несколько раз в неделю в течение месяца и отсасывать. Если ему все понравится, он снимет обвинения. Еще он сказал, что нужно сделать минет и Палински, чтобы тот согласился со снятием обвинений.

Анжела даже не спрашивала, согласилась ли Тиффани.

— И как звали этого прокурора?

Тиффани скривилась:

— Помощник окружного прокурора Джон Бабингтон. А что? Ты его знаешь?

— Этого ублюдка я знаю, — сквозь зубы процедила Анжела.

— Да? Мне жаль, что и тебе довелось столкнуться с этим мудозвоном.

После паузы Анжела спросила:

— Еще что-нибудь Барри сказал?

— Нет, — покачала Тиффани головой. — Когда я спросила, что случилось, он только пробормотал «мексиканцы», а затем отрубился. Надеюсь, Бог его не оставит! Барри ведь хороший человек, понимаешь?

— Ага, знаю.

Слушая Тиффани, Анжела все пыталась понять, какого черта четверо насильников взялись за Барри.

Тиффани задрожала, обхватив себя руками.

— Нужно платить за жилье. У меня ребенок. Что мне делать?

— Что ж, — начала вслух размышлять Анжела, — у некоторых из нас есть ключи. Почему бы нам не продолжать работать в баре? Барри тоже нужно платить по счетам. Мы не хотим, чтобы он лишился своего бара. Почти все девушки тут в такой же ситуации, как и ты, — они не могут позволить себе остаться без работы. Думаю, и нам,

и самому Барри, пока он поправляется, пойдет на пользу продолжать работу в заведении.

Тиффани впервые за все время разговора улыбнулась.

— Да, это мы можем. — Глаза девушки расширились, когда у нее появилась новая идея. — Можем организовать женский вечер: всем девушкам бесплатный коктейль. К нам придут девушки, а следом и куча мужиков.

— Барри никогда не нравилась идея с женскими вечерами, — возразила Анжела.

— Его здесь нет, чтобы возразить. — Она щелкнула пальцами. — Могу принести рождественскую гирлянду, и мы повесим ее над барной стойкой. Это сделает бар классным и более симпатичным. Можем даже покрасить дамскую комнату, ага? Приведем ее в порядок, и женщины захотят задержаться у нас подольше. Пока Барри не поправится, мы должны сделать все, чтобы бар приносил как можно больше доходов. Я уверена, что если мы все сделаем правильно и привлечем девушек, то получим много чаевых от мужиков, которые заявятся поглазеть на них.

Анжела задумалась. Похоже, стоит попробовать. Будет не лишним заработать для Барри побольше денег, пока он будет лежать в больнице. Если он вообще поправится.

— Знаешь, а это отличная идея. И ты тоже сможешь подзаработать, чтобы решить ваши с дочкой проблемы.

Тиффани на секунду задумалась.

— Остались только девочки, и нам нужен крепкий мужик приглядывать за порядком. Кто-то вроде вышибалы, чтобы разобраться с проблемами, которые мы самостоятельно не сможем уладить.

— Да, тут ты права. Барри за всем приглядывал. На пару с бейсбольной битой под барной стойкой. Но, похоже, сегодня она его не спасла.

— У тебя есть кто-нибудь на примете?

Анжела покачала головой:

— Пока нет, нужно подумать.

Тиффани огляделась вокруг:

— Слушай, тебя же тогда чуть не убили мексиканцы?

Анжела уставилась в темноту:

— Да, мексиканцы.

Тиффани нахмурилась:

— Но они за решеткой, поэтому на Барри напали другие.

— Нет, они на свободе. С них сняли обвинения и выпустили.

— Выпустили? Но почему?

— Бабингтон их выпустил.

— Твою мать, — выдохнула Тиффани.

Анжела не верила в совпадения. Это явно была та же четверка. Внезапно она поняла, почему они пытали Барри.

Глава 40

Город, по которому они ехали, как и многие другие города Америки, казался запущенным, заброшенным и лишенным надежды. Места, где рос Рафаэль, были старыми, но в другом смысле — с древней историей, со зданиями, памятниками и мечетями, которым было много сотен лет, а то и пару тысяч лет. В его стране история жила в самих людях и никогда не умирала.

Эти города выглядели так, словно простояли всего несколько десятилетий, но уже пребывали в запустении и загнивании. А люди в Америке были слабы, жили без цели. Они не признавали Аллаха. Вскоре многие умрут под испепеляющими лучами солнца, которое Рафаэль и его братья обрушат на них.

Рафаэль увидел бежевую тойоту на парковке у круглосуточного магазина. Принадлежавшее им здание, где они собирали бомбу, располагалось далеко и в труднодоступном районе, поэтому Мигель предложил встретиться в этом магазинчике, а уж затем отправиться к зданию сразу за городом.

Рафаэль припарковал свой старенький фургон и нажал на гудок. Сопровождавшие его машины рассредоточились — кто-то остановился на соседних улицах, кто-то отстал, а кто-то поехал вперед, чтобы убедиться, что им не грозят проблемы.

Из переднего пассажирского окна высунулась рука в знак приветствия. Потом на четырехдверной тойоте загорелись фары, и она поехала вперед, указывая дорогу Рафаэлю.

Как только огни города остались позади, местность стала темной и зловещей. Рафаэль никогда в жизни не видел столько деревьев, сколько уже повидал в этой стране. Они росли прямо возле дорог, они были повсюду. Это вызывало клаустрофобию.

Кассиэль, по своему обыкновению, молчал часами. Он смотрел на американские пейзажи, мелькавшие в окне.

— Как тебе Америка? — спросил Рафаэль.

Кассиэль продолжал смотреть в пассажирское окно.

— Я уже бывал здесь.

Рафаэль мельком взглянул на собеседника, сворачивая следом за тойотой на другую дорогу.

— Уже бывал?

Кассиэль кивнул:

— Даже в этом самом городе, Милфорд Фоллз, несколько лет назад. Он никак не изменился.

Рафаэль удивился.

— Зачем ты приезжал сюда?

Кассиэль все еще смотрел в окно.

— Убить кое-кого.

Рафаэль встретился взглядом с Кассиэлем:

— Тогда ты должен радоваться. У тебя есть шанс принять участие в убийстве еще большего количества людей.

Хасан говорил, что Кассиэль — убийца. Его собирались казнить за убийство семьи в Иране, но Хасан решил, что такой человек будет полезен для их миссии. Рафаэль был не согласен. Каждая деталь миссии была тщательно спланирована, и у них было все необходимое. Он не видел нужды в Кассиэле.

Ему казалось, он нянчится с капризным ребенком, а не говорит с братом по оружию.

Тойота вела их по темной загородной местности, пока они не заехали в промзону, выглядевшую давно покинутой. Рафаэль не видел ни машин, ни людей, ни признаков жизни. Здания обветшали за много лет без использования. Окна были разбиты. На многих стенах были нарисованы аэрозольной краской слова и символы, не имеющими смысла. Там, откуда приехал Рафаэль, людей за такое сажали в тюрьму, помещали в трудовые лагеря или даже казнили. Но Америка была страной, лишенной морали.

Пока они пробирались через лабиринт разваливающихся строений, он увидел большие участки, окруженные сетчатым забором с колючей проволокой. В этих руинах запросто можно было заблудиться, и Рафаэль при-

знал правоту Мигеля, который предложил их встретить. Сам он никогда не смог бы отыскать дорогу в бетонном лабиринте американского промышленного упадка.

Как только они подъехали к торцу большого здания с изогнутой крышей и почти без окон, один из их людей, ожидавший снаружи, вскочил и откатил большую дверь в сторону. Он махнул тойоте, фургону Рафаэля и всем сопровождающим машинам. Здание было настолько огромным, что вместило в себя все машины и грузовики, так что никто, проходя мимо, не догадается, что внутри что-то происходит.

Внутреннее пространство похожего на пещеру здания освещали лишь несколько фонарей, работающих на батарейках. Один из мужчин показал Рафаэлю, где припарковать машину, чтобы ее было удобно разгружать. Тойота остановилась сбоку.

Когда Рафаэль вылез из фургона, Мигель ринулся к нему, чтобы поприветствовать. Улыбающийся мужчина схватил Рафаэля за обе руки, наклонился и торжественно расцеловал в щеки.

— Мы так рады, что ты добрался сюда невредимым, брат, — сказал Эмилио. — С огромным интересом следили за тем, какую славу ты принес нам на границе. Мощнейший удар по неверным.

Рафаэль кивнул:

— Мы планировали это много лет. Эстебан и Хавьер покрыли себя славой и вознеслись к Аллаху.

Вокруг раздались крики одобрения в честь мучеников.

Мигель подозрительно посмотрел на незнакомца:

— Кто это?

Рафаэль вытянул руку для представления напарника:

— Это Кассиэль. Хасан поручил ему ехать со мной. Кассиэль обладает особыми талантами, которые могут

быть полезны. Он эксперт в обращении с различным оружием. Меня заверили, что с любым из них он смертельно опасен.

Кассиэль кивнул мужчинам.

— Вы все сможете познакомиться позже, — сказал Рафаэль. — Сейчас я хочу взглянуть на вашу работу.

Мигель показал, куда идти:

— Я думаю, ты будешь рад увидеть, что все готово к твоему приезду. Как видишь, на полу лежат готовые свинцовые секции.

Они выглядели точно так же, как те, с которыми они упражнялись в Иране под пристальным взглядом технических руководителей. Мигель направился к стеллажам.

— Закончив обработку на станках, мы перенесли все сюда и подготовили для окончательной сборки.

Он передал Рафаэлю один из кусков семтекса, которому была придана правильная форма. Внутри сферы находился свинцовый отражатель. Получившаяся взрывная линза позволит набрать плутониевому сердечнику критическую массу.

Рафаэль заметил, что они сделаны так же хорошо, как те, которые они много раз делали в процессе обучения.

— А здесь латунные патрубки для детонаторов. Как видишь, соединители для детонатора уже установлены и ждут присоединения ВПМ.

— Курьер доставил их без происшествий?

— Да, конечно, — сказал Мигель. — Мы изолировали мосты. Теперь все готово к подключению.

Рафаэль заметил, как Мигель искоса взглянул на Хуана, Эмилио и Педро, которые стояли чуть в стороне.

Рафаэль немного наклонился:

— Вы следовали моим инструкциям, не так ли? Хасан хотел, чтобы курьера устранили. Вы последовали

приказам, переданным вам вместе с ВПМ, и убили курьера?

— Ну, — протянул Мигель, теребя латунный патрубок, — разумеется, мы последовали твоим инструкциям. Курьером была девушка, работающая на себя. — Он небрежно отмахнулся. — Мы повесили ее.

— Повесили. — Рафаэль посмотрел на смущенные лица других троих. — Но вы не сказали, что убили ее, как было приказано.

— Мы избили ее настолько, что она едва была в сознании, а потом накинули на шею веревку и повесили ее. — Мигель махнул куда-то вправо. — Вон там, где занимались механической обработкой. Мы должны было кое-что закончить здесь, поэтому оставили ее висеть в петле, чтобы она задохнулась.

— Она умерла? Вы видели ее мертвой?

— На самом деле нет, — Мигель выставил перед собой ладони. — Кто же мог знать, что кто-то способен выбраться из петли? Это невозможно, никто не мог бы выбраться из такой веревки. Мы были уверены.

— Значит, эта женщина, которая, как вы сказали, не могла сбежать, сбежала?

Мигель смущенно пожал плечами:

— Кто ж знал.

Рафаэль глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, стиснув зубы и глядя на четверых мужчин.

— Способ убедиться весьма прост. Достаточно было находиться рядом до тех пор, пока она не умрет. А еще лучше было отрезать ей голову.

— Мы усердно трудились над завершением работы, чтобы быть готовыми к твоему приезду, и это было гораздо важнее. Женщина пошла в полицию, но нас отпустили, потому что посчитали мексиканскими иммигрантами. Полиции невыгодно обвинять нас в преступлении.

Мы знали, что должны все исправить, поэтому пошли в бар, где работает эта американская шлюха, чтобы узнать, где она живет. Поначалу владелец бара ничего не говорил, но в итоге рассказал, как добраться до ее дома.

— И вы убили его, чтобы он не смог рассказать властям, что вы те же самые люди, которые пытались убить курьера?

Мигель истово закивал.

— Да, Рафаэль. Конечно, мы убили его. Я почти наверняка уверен, что он был мертв, когда мы оставили его.

— Почти уверен. Не уверен, а именно почти уверен.

— Он не дышал.

— А я уж думал, что только Хосе был тупицей, — сказал себе под нос Рафаэль и разочарованно покачал головой. — Так кто же эта женщина, которую вы повесили?

— Ее зовут Анжела Константайн. Американская шлюха. — Он коротко улыбнулся. — Мы попользовались ею как женой, прежде чем повесить.

Рафаэль заметил, что Кассиэль подошел ближе, а руки его сжались в кулаки.

— Ты сказал, вы знаете, где она живет? — спросил Рафаэль.

Мигель горячо кивнул и сказал, как добраться до ее дома.

Рафаэль схватил мужчину за рубашку и рывком притянул его к себе.

— Я хочу, чтобы ты, Хуан, Эмилио и Педро поехали к ней домой — прямо сейчас — и закончили работу, как было приказано. Вы меня поняли?

Мигель снова кивнул, боясь заговорить.

Рафаэль посмотрел на остальных троих, пристыженно стоявших в стороне.

— У всех есть ножи?

Они кивнули.

— Почему бы не взять пушки? — спросил Педро.

— Это еще зачем? Чтобы вас остановила полиция, задержала за ношение АК-47 и учинила допрос, посчитав тяжеловооруженными нелегалами? Чтобы власти узнали о нашей операции и положили конец десятилетиям планирования? Прежде вас отпустили, решив, что вы просто мексиканские нелегалы, но этот номер не пройдет, если вас схватят с оружием.

— Прости, Рафаэль, — поспешно сказал Мигель. — Никаких пушек. Мы вполне справимся ножами.

— Думаю, я должен пойти с ними, — хрипло сказал Кассиэль.

Рафаэлю показалось, что этот мужчина слишком жаждет вернуться к своему любимому хобби.

— Нет. Это не твоя ответственность. Мигель и его люди должны сами позаботиться об этом.

Мигель снова кивнул:

— Мы сделаем это, Рафаэль. Клянусь.

Рафаэль наставил палец на четверых мужчин.

— Я хочу, чтобы вы отрезали ее голову и принесли мне. На этот раз вы все сделаете правильно, поняли? Вы, четверо сильных мужиков с ножами, справитесь с одной девкой, которая однажды от вас уже сбежала?

— Да, Рафаэль, — хором сказали они.

— В прошлый раз мы легко с ней справились, — добавил Мигель. — Она слишком хрупкая, чтобы создать нам проблемы. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Единственной нашей ошибкой было то, что мы слишком торопились продолжить работу и не убедились, что она подохла. На этот раз мы убедимся.

— Тогда идите и покончите с ней, пока она не доставила нам неприятности.

Все четверо забрались в тойоту.

— Что ж, — обратился Рафаэль к остальным, когда дверь сдвинулась в сторону, и тойота укатила в ночь, — вы все знаете, что делать. И вы в курсе, что это значит для нас, для нашего дела. Наши хакеры в России успешно запустили кибератаку, чтобы мы могли выполнить свою часть миссии. Американские спецслужбы обвинили в этом Россию. Америка разгневана и требует ответных мер. Наши союзники, управляющие серверами в России, готовы ко второму этапу. Перед самым взрывом они начнут вторую волну кибератак. Надеюсь, министерство обороны Америки предположит, что ядерный удар, который мы нанесем, является второй фазой российского нападения на Америку, и в результате Штаты нанесут ядерный удар по России. Как только их ракеты окажутся в воздухе, Россия будет контратаковать своими ракетами, и за пару минут развяжется Третья мировая война. Великий Сатана будет уничтожен. Даже если ядерная война не начнется, Америка никогда не сможет оправиться от нашего удара. Сотни тысяч неверных умрут, огромная территория будет выжжена дотла. Электромагнитный импульс уничтожит большую часть инфраструктуры Америки. США погрузится в хаос. Миллионы людей умрут от голода, дрожа во тьме, которую мы им принесем. Удар, который нанесут присутствующие в этой комнате, станет переломным моментом для Исламского мира. Теперь мы знаем, как провезти в Америку радиоактивные вещества. Другие пойдут по проторенной нами тропе. Израиль станет следующим. Когда мы это сделаем, начнется окончательное истребление Великого Сатаны, а потом, наконец, Израиль будет стерт с лица Земли. Они не смогут уничтожить весь Исламский мир. Мы привыкли выживать во тьме, а они нет. Когда начнется новая ядерная стадия нашей войны с Западом, ее ничто

не остановит. Мы изменим баланс сил. Ислам станет новой правящей сверхдержавой.

Мужчины, слушавшие его речь, вскинули кулаки в воздух и разразились криками. Эти люди посвятили жизни этой миссии и этому делу. Они учились всему, что нужно для изготовления ядерных бомб — двое в Иране и Пакистане, и еще несколько в Северной Корее. Они всю жизнь упорно трудились, чтобы сойти за мексиканских эмигрантов, которые легко могли проникнуть в американское общество. Никто и не подозревал, какую тьму они принесут Америке.

— А теперь наденьте защитные костюмы. — Он указал на своего заместителя. — Алехандро, проследи за погрузкой материалов в фургон. Ты останешься с этой командой, а я доставлю фургон на вторую точку.

Разделение материалов увеличивало шансы остаться нераскрытыми, пока не станет слишком поздно.

Он взглянул на заместителя:

— Ты все заминировал, просто на всякий случай?

Алехандро склонил голову:

— Да, командир.

— Кассиэль, ты пойдешь со мной и моими людьми. Остальные знают, что делать. Если мы постараемся, то сможем завершить сборку и все подготовить за несколько дней. И тогда начнется обратный отсчет. Когда пробьет наш час, мы поставим Великого Сатану на колени.

Глава 41

Опустив трос перед подъездной дорожкой к своему дому, Анжела увидела автомобиль, который съехал с основной дороги и направился к ней. Гравий зашуршал под

шинами медленно остановившейся машины. Из-за слепящего света фар было плохо видно, но девушке показалось, что это был служебный седан.

Она не хотела хвататься за пистолет в кобуре на спине, потому как перед ней мог оказаться свернувший не туда человек. Кроме того, будет большой ошибкой демонстрировать оружие, если это окажется полицейская машина без опознавательных знаков. Но на этом пустынном участке дороги легко попасть в неприятности, поэтому, шагнув к водительской двери и услышав звук опускающегося стекла, девушка была готова выхватить пистолет при малейшем признаке опасности.

Анжела слегка наклонилась, держась от автомобиля на достаточном расстоянии, чтобы суметь достать оружие и чтобы незнакомец в машине не смог его перехватить. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в салоне загорелось освещение, и за рулем она увидела ухмыляющегося Джона Бабингтона. Его пиджак и галстук лежали на пассажирском сидении, а воротник рубашки был расстегнут.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

Анжела отвратительно себя чувствовала из-за случившегося с Барри. Если бы Бабингтон преследовал по закону мужчин, пытавшихся ее убить, они бы остались в тюрьме, и с Барри все было бы хорошо. Именно из-за этого человека Барри сейчас лежит в больнице при смерти.

— О чем?

— Насчет серьезных обвинений против вас.

Это было что-то новенькое.

— Каких обвинений?

— Ну, — протянул мужчина, — поэтому я и приехал. Мне пришлось немного повозиться, чтобы узнать ваш адрес. Может, пригласите меня в дом, и там мы все обсу-

дим? — Он подмигнул девушке. — Уверен, мы все уладим.

Обычно прокуроры ведут дела не так, но Анжела прекрасно понимала, что лучше сдержаться и не послать мужчину куда подальше, хотя ей очень этого хотелось. Сейчас Джон Бабингтон был последним человеком на свете, с кем она хотела общаться.

Но она знала, что иногда нужно просто использовать представившуюся возможность.

Девушка улыбнулась прокурору:

— Конечно, давайте.

Анжела вернулась к своей машине и поехала к дому. Бабингтон последовал за ней и припарковался рядом. Пока она отпирала входную дверь, мужчина стоял слишком близко к ней. Девушка прошла в дом и зажгла свет в гостиной.

Она все еще была в коротких шортах, которые носила в баре, и знала, что прокурор пялится на ее зад. Она догадывалась, что у него на уме — наверняка он сделает ей такое же предложение, как Тиффани.

Анжела развернулась и постаралась добавить в голос тревогу. На этот раз она была не в его офисе, где было полно полиции и охраны. Теперь он оказался на ее территории и понятия не имел, с кем имеет дело.

— Так что вы хотели мне сказать?

— Вы же не хотите оказаться за решеткой?

— Конечно же, не хочу, — ответила она обеспокоенным тоном. — Вы можете сделать так, чтобы этого не случилось?

Мимикой он показал, что это вполне в его силах, и провел пальцем вверх и вниз по ее руке.

— Вы мне, а я вам, так сказать. Понимаете, о чем я?

— Нет, — глупо ответила она, вынуждая его говорить более прямо.

Он отбросил притворство и положил руку на ее промежность. Он чувствовал себя абсолютно уверенно вдали от посторонних глаз. Анжела не шелохнулась. Другой рукой он схватил ее за зад, и девушка оказалась зажата меж его ладоней.

— Теперь понятнее? — уточнил он.

— Вы предлагаете мне то же, что и Тиффани?

Он недовольно хмыкнул.

— Придется научить эту маленькую сосалку держать рот на замке — по крайней мере, когда она не со мной.

— Знаете, — начала Анжела, пока он поглаживал ее задницу, — ваш мобильный телефон можно отследить. Не говорю, что собираюсь это делать, но, если я сообщу, что вы приезжали и угрозами вынуждали меня согласиться на ваше предложение, полиция сможет отследить сигнал вашего мобильника и узнать, что вы действительно были здесь этим вечером.

— Поэтому я и оставил телефон на работе, — с улыбкой заявил он. Он склонил голову, всем своим видом демонстрируя, что продумал все действия наперед и обхитрил ее.

Она застенчиво взглянула на него исподлобья:

— Похоже, я оказалась в затруднительном положении.

Бабингтон выгнул бровь, скользнув двумя пальцами под ткань ее шорт.

— Да, маленькая леди, именно так. Мне бы очень не хотелось увидеть вас за решеткой, поэтому предлагаю поработать над снятием обвинений, связанных с наркотиками и оружием.

Анжела оттолкнула его руку.

— Мне трудно думать, когда вы это делаете.

— О чем тут думать? — спросил он. — Такую маленькую шлюху из трейлерного парка пользовали все,

кому не лень. Никто из них не мог спасти от тюрьмы, а я могу.

— Если я соглашусь, вы клянетесь сделать так, чтобы не было никаких обвинений? Клянетесь, что все кончится?

Он пожал плечами:

— Буду приезжать в гости время от времени, чтобы получить удовольствие, и оберегать вас от обвинений.

— То есть это будет происходить постоянно? Мне всегда будет грозить тюрьма?

Он закатил глаза, обнюхивая свои пальцы, которые только что побывали в ее шортах.

— Думаю, вам не о чем беспокоиться.

— Значит, я должна давать вам, или вы предъявите мне ложные обвинения?

Его лицо потемнело.

— Слушай, я тут не в игры играю. Я легко могу доставить тебе кучу проблем с законом. Это будет стоить тебе всего, что у тебя есть, а потом еще и еще, чтобы судиться. И в итоге все равно ты окажешься в тюрьме с горой долгов. Я же могу сделать так, чтобы всего этого не произошло. Я уже начинаю уставать от твоих вопросов. Лучше тебе согласиться, пока я не передумал.

Анжела опустила руку и нащупала его эрегированный член через ткань брюк. Она всем телом прижалась к мужчине.

— Если вы уладите мои проблемы с законом, то я наверняка смогу кое-что сделать и с вашей проблемой.

Его лицо расплылось в улыбке.

— Другой разговор. Сегодня и начнем. Прямо сейчас.

— Хорошо. — Анжела склонила голову. — Я люблю развлекаться с парнями в подвале. У меня там оборудо-

ванная комната. — Она сжала член и улыбнулась. — Понимаете, к чему веду?

Это сообщение явно его взволновало.

— Куда идти?

Анжела, открывая дверь в подвал, обернулась через плечо и ухмыльнулась, пока Джон Бабингтон продолжал лапать ее зад. Она зажгла свет и начала спускаться по лестнице, уходя от контакта с его рукой. Он, не теряя времени, направился за ней.

Внизу он огляделся, пытаясь понять, что за комнату для сексуальных развлечений она имела в виду.

Анжела одарила его многообещающей улыбкой.

— Может, вы присядете, мистер Бабингтон, и я все сделаю?

Он плюхнулся на металлический стул, не переставая крутить головой. Анжела села к мужчине на колени, оседлав его.

Не произнося ни слова, она расстегнула его ремень, а затем и ширинку. Это воодушевило его и настроило на нужный лад.

Девушка положила руки мужчине на плечи, сплетя пальцы в замок за его головой и приблизив свое лицо почти вплотную.

— Так вы себе это представляли?

Он стремительно погружался в пучину желания.

— Ага...

— А знаете, — доверительно прошептала она, — я тут поняла, что зачастую правосудие — лишь иллюзия.

— По сути, да, — хмыкнул он.

— Я пришла к выводу, что закон имеет мало общего с правосудием. Закон — лишь средство для некоторых людей иметь власть над другими. Если хочешь настоящей справедливости, то должен добиться ее сам. Понимаете, что я имею в виду?

Он нахмурился, пытаясь уловить смысл.

— Я — представитель судебной власти, воплощение закона.

— Ага, — промурлыкала она. — Вот об этом я и говорю.

— Давай уже приступим к делу, — нетерпеливо сказал он.

— О, не волнуйтесь, я оттрахаю вас как следует.

— Ну так давай уже!

Анжела поцеловала его в щеку.

— Как скажете, — прошептала она ему в ухо.

Его член просто пульсировал под ней. Анжела встала, вытащила пистолет из дедушкиной кобуры на спине и направила ствол мужчине прямо между глаз.

Она отступила назад, чтобы он не мог схватить ее руками.

— Вы правы в одном. Вы — представитель судебной власти. Вы должны представлять закон, но вместо этого представляете то, чем обладает большинство чиновников — личную власть.

— В чем твоя проблема, женщина?

— В чем проблема? Видите ли, меня избили, изнасиловали и оставили задыхаться в петле. А вы отпустили сотворивших это людей ради личной политической выгоды, а также ради системы и политиканов, интересы которых представляете. Эти же преступники пошли и избили до полусмерти моего босса. Возможно, он не переживет эту ночь. Вы, мистер Бабингтон, сделали это возможным. Вы соучастник обоих преступлений.

Явно не испугавшись оружия, мужчина застегнул ширинку.

— Опусти-ка пистолет, не то я обеспечу тебе пожизненное заключение за то, что ты направила огнестрельное оружие на представителя судебной власти!

— Раз уж мне все равно грозит срок, я могу совершить преступление.

— Я следовал закону в отношении тех нелегалов. Люди этого штата требуют, чтобы они находились под нашей защитой. Я сделал это в интересах людей.

— Вы действовали в интересах убийц, Бабингтон, а не их жертв.

Мужчина раздраженно встал.

— Не знаю, какую игру ты затеяла, юная леди, но я ухожу. Ты глупа, если думаешь, что сможешь уйти от наказания. Люди будут искать меня и явятся сюда. Если хоть пальцем ко мне притронешься, то отправишься в тюрьму за покушение на убийство.

Она наклонила голову:

— И как они узнают, где вас искать? Вы оставили телефон в офисе, чтобы никто не знал, что вы собираетесь шантажировать очередную невинную девушку. Сколько раз вы уже так поступали? Сколько таких у вас было, мистер Бабингтон?

Он нахмурился, сделав пренебрежительный жест.

— Ты лишь вторая. Ты и Тиффани, это все.

— И почему это я не верю, ммм?

— Меня не волнует, веришь ты мне или нет. Я ухожу. Жди полицию в течение часа.

— Еще шаг, и я спущу курок.

В его глазах она читала, что он пытается решить, верить ли ей или попытаться уйти. Его взгляд скользнул с оружия на татуировку на ее шее. Прочитав слова «Темный Ангел», он растерял свою уверенность.

— Вы отпустили этих четверых, — продолжила девушка. — Они убийцы. Дело не только во мне, но и в других жертвах, которых вы обрекли на страдания — как Барри. Сколько человек пострадало или погибло из-за того, что вы выпустили убийц на свободу, дали заклю-

чить им сделку со следствием или сделали одолжение их адвокату? Сколько монстров вы выпустили на улицы, позволив им убивать снова и снова?

— Я лишь следую закону.

— Законы, которые вы представляете, такие же продажные, как вы.

— Хорошо, твоя взяла, — сдался он, выставив перед собой ладони. — Я снова выдвину против тех четверых обвинения в покушении на убийство. Я буду преследовать их по закону и сделаю так, чтобы они отправились в тюрьму надолго. Как тебе? Мы договорились?

— Значит, вот как работает закон, мистер Бабингтон? Вот как все устроено? Вы займетесь ими лишь потому, что боитесь за собственную жизнь? Не из-за их жертв?

Много ночей Анжела провела в фантазиях о том, как будет пытать этого человека, пока он не сдохнет. Это довольно легко сделать, и он полностью заслужил то, что она могла бы с ним сотворить. Но она переживала за Барри и сейчас была не в подходящем настроении. Ее тошнило от этого мужчины и от всей системы, которую он собой олицетворял. Ее тошнило от его взгляда, от его голоса.

Не сводя с него оружия, она открыла люк.

— Сюда, на колени, — указала Анжела.

Он нахмурился:

— Зачем?

— Затем, что я так сказала, что не понятно?

Он неохотно опустился на колени, все еще полагая, что повиновение может спасти его. Он уставился в темноту под люком.

— Вынь все из карманов и положи в сторону.

— Пожалуйста, — произнес он, обшаривая карманы дрожащими руками. В голосе не осталось и следа высокомерия. — Я усвоил урок, клянусь. Отпусти меня, и мы

просто забудем об этом ужасном инциденте. Я задержу этих четверых и обвиню в покушении на убийство. Все, как хочешь. Просто отпусти меня.

Анжела ничего не ответила. Оно зашла ему за спину и без всяких церемоний выпустила пулю в затылок. Двадцать второй калибр легко пробил насквозь толстую кость основания черепа, попав в цель под прямым углом. Звук выстрела эхом разнесся по маленькому подвалу, вызвав звон в ее ушах.

Джон Бабингтон рухнул в адскую дыру.

Анжела наклонилась, наблюдая за тем, как безжизненное тело исчезает во тьме.

— Карма — та еще сука.

Глава 42

После того как Джон Бабингтон исчез во тьме адской дыры, Анжела отправила вслед за ним пистолет. Она смотрела, как он падает. Дважды ударившись о гранитовые стены, он, наконец, окончательно исчез в кромешной тьме. Она давно усвоила, что не стоит ждать звука удара о дно провала.

Использованный для убийства пистолет становился запятнанным и мог навлечь неприятности. Существовали всевозможные криминалистические экспертизы — изучение брызг крови, сверка серийных номеров, анализ отличительных отметин, оставленных магазином, ударным механизмом, нарезкой ствола.

Если она в кого-то стреляла, то этот пистолет больше нельзя было использовать. Оружие всегда отправлялось в пропасть вслед за убийцей. Оуэн был единственным, кого она не отправила в адскую дыру. Но нож, которым она

его зарезала, а также вся одежда, на которой могли остаться капли крови убийцы, исчезли в провале.

Анжела легко могла заманить Оуэна в свой дом и несколько дней служить его проводником в ад. Но на тот момент ей было важнее, чтобы тело Кэрри нашли и похоронили. Анжела надеялась, что Оуэн теперь навечно останется в настоящем аду.

Девушка сняла сапоги, в подкладке которых лежал нож, и кинула их в адскую дыру. Как и на пистолете, на обуви вполне могли остаться биологические доказательства совершенного преступления. Вслед за обувью она сняла с себя шорты, трусы и топ и также отправила все это в провал.

Хотя тело Бабингтона никогда не найдут, пуля, пробившая его череп, создала огромное внутреннее давление, и из образовавшегося отверстия вылетели капельки крови, кусочки мозга и волос. Самые мельчайшие частицы его тела неизбежно остались на ее одежде. Он запускал руку в ее трусы, поэтому частицы кожи с его пальцев могли прилипнуть к ее одежде.

Если хоть мельчайшие частицы его тела обнаружат на ее одежде, судмедэксперты могут провести анализ ДНК его родственников и связать ее с Бабингтоном. Даже при отсутствии тела ее могли обвинить в убийстве на основании косвенных улик.

Реальные преступники зачастую получали свободу благодаря юридическим формальностям или когда люди вроде Бабингтона снимали с них обвинения по политическим мотивам. Даже когда политика была ни при чем, жертвы считались незначительными, а к головорезам вроде Боски проявляли снисхождение. Раз за разом их выпускали под любым подвернувшимся предлогом. Перечень их правонарушений разрастался до нескольких страниц, но ничего не предпринималось, чтобы остано-

вить, а тем более наказать жестокого преступника. Бабингтон был частью коррумпированной системы. Требовался как минимум минивэн трупов, чтобы положить конец беззаконию.

Но Анжела прекрасно осознавала, что, если пойдет на это, они отправятся хоть на край земли, чтобы упрятать ее за решетку до конца жизни. Власти не позволят убивать прокуроров, как бы сильно они этого не заслуживали. Таковы были чиновники. Они защищали своих любой ценой.

Вместо того чтобы опасаться, что какие-либо биологические доказательства могут обнаружить на ее шортах, трусах, топе, сапогах, пистолете или ноже, она швырнула в адскую дыру все, что было на ней в момент казни Бабингтона. В ее случае лучшей защитой было бы сделать так, чтобы никто и никогда не смог обнаружить доказательств преступления.

Иногда она размышляла, обнаружат ли археологи через десятки тысяч лет останки хищников на дне этого провала. Оставалось только догадываться, какие теории будут выдвинуты в попытках найти этому объяснение.

Анжела встала на колени и принялась перебирать вещи из карманов Бабингтона. Монеты она скинула в пропасть. В его бумажнике было около пяти сотен долларов. Девушка вытащила деньги. Она не видела смысла избавляться от наличности. Затем она изучила лежавшие в бумажнике фотографии. То были снимки лодки и некоей женщины средних лет — по всей видимости, супруги покойного.

— Я только что оказала вам большую услугу, леди.

Бумажник девушка бросила в дыру. Туда же отправилась связка ключей с брелоком в виде листка клевера с четырьмя лепестками. На сей раз удача изменила Бабингтону. Анжела подцепила мизинцем связку с ключами и

пультом управления от автомобиля и положила их на полку.

Сбросив в провал все бесполезное или потенциально опасное в качестве улик, она сняла со стены садовый шланг и тщательно вымыла пол, избавляясь от следов крови. Ее голые ступни быстро замерзли от ледяной воды. Девушка пообещала себе принять горячий душ после того, как разберется с подвалом. Тем более, душ смоет частички его крови или мозга с ее собственных волос.

Намотав шланг на бобину в углу подвала, она достала сапоги из ящика, в котором хранила порядка дюжины одинаковых пар обуви. Между Оуэном и Бабингтоном она как раз успела сменить две пары. Она мысленно отметила, что необходимо закупить еще. Также она достала из ящика новые ножны с клинком внутри и вставила их в заранее проделанный разрез между подкладкой и кожей правого сапога.

Подготовив обувь, она вынула из коробки новый Вальтер П22. Коробку с серийным номером и гильзами, оставшимися от тестовой стрельбы, она также отправила в адскую дыру.

Один магазин она заполнила десятью патронами, второй — девятью. Вообще, влезало и десять, но годы практики показали, что оружие не всегда ведет себя надежно с десятью пулями. Для тренировок с мишенью можно было заряжать все десять. Так она училась справляться со случайными сбоями в работе оружия. Но в случаях, когда ее жизнь зависела от надежности оружия и магазина, она использовала магазины с девятью патронами.

Девушка вставила в пистолет полный магазин и взвела затвор, дослав патрон в ствол. В магазине осталось девять патронов. Таким образом, она могла рассчи-

тывать на десять выстрелов до перезарядки и еще на девять после, если потребуется продолжать вести огонь.

Пока что в столкновениях с убийцами ей ни разу не пригождался запасной магазин, но она всегда носила его с собой. Дедушка постоянно твердил ей, что боезапас карман не тянет.

Голая девушка, зажав под левой мышкой новые сапоги с ножом и держа в левой руке кобуру и несколько заряженных магазинов, а в правой — пистолет, поднялась по лестнице, чтобы принять душ.

Погасив свет в подвале и гостиной тыльной стороной ладони, она услышала шум приближающейся к дому машины.

Анжела застыла как вкопанная.

Еще ни разу никто не подъезжал к ее дому, миновав все предупреждающие таблички. Она вспомнила, что оставила трос на земле, после того, как Бабингтон проехал за ней, и поэтому проникнуть на ее территорию не составляло труда. Может, кто-то просто заблудился.

Но Анжела не верила в такую удачу.

Она бросила на диван все, что несла в руках — кроме пистолета. Свет в прихожей все еще горел, но вся остальная хижина была погружена во тьму. Она выглянула за дверь. Хорошо знакомая ей четырехдверная бежевая «Тойота-Камри» только что остановилась перед домом.

Отведя руку с пистолетом за спину, обнаженная Анжела вышла на крыльцо.

Глава 43

Все четыре двери машины открылись одновременно. Двое мужчин с пассажирской стороны выбрались из автомобиля первыми. В лунном свете она различила, что это были Хуан и Педро.

Анжела с оружием в руке впала в состояние, близкое к трансу, которое испытывала при тренировках с мишенью деда. В тот стальной треугольник она выпустила тысячи пуль. Десятки тысяч пуль. Сотни тысяч пуль. Этот треугольник снился ей.

На лице Педро появилась широкая ухмылка.

— А, гляжу, американская шлюха разделась и жаждет...

Она заткнула его, отправив пулю ровно в центр лица. Заряд пронзил мягкую часть треугольника, сформированного глазами и кончиком носа. Об этом треугольнике рассказывал ей дедушка во время многочисленных тренировок.

Пуля срикошетила от внутренней поверхности черепа Педро, мгновенно превратив его мозг в кашу и оборвав все неврологические функции организма. Он упал там, где стоял, так и не успев договорить. Тело рухнуло на землю так, словно все кости просто растворились.

Тело Педро еще не успело коснуться земли, как Хуан выхватил нож и прокричал по-испански боевой клич, которого Анжела не поняла. Он бросился к крыльцу, но девушка не торопилась. Она сконцентрировалась на нем. Он был ее единственной целью, покачивающейся, движущейся и шатающейся.

Анжела выстрелила ему меж глаз, и он замертво рухнул к ее ногам.

Звон выстрелов еще разносился по ночному воздуху, когда два тела ударились о землю. Оставшиеся двое осо-

знали, что попали в серьезную переделку и мигом захлопнули двери машины. Водитель включил скорость и выжал педаль газа. Колеса завизжали, автомобиль крутанулся на месте, подняв в воздух облако пыли, и помчался к выезду, вскоре исчезнув в темноте.

Анжела не стала стрелять в удаляющуюся машину. Она не верила, что двадцать второй калибр сможет убить водителя после того, как пробьет металл кузова. Выстрел же в стекло под углом всего лишь деформирует пулю. Также она сомневалась, что небольшая пуля способна повредить крутящееся колесо. По сути, стрельба в машину равнозначна случайной пальбе в темноте. Она не привыкла стрелять наудачу.

Кроме того, даже удачный выстрел не принесет ей пользы. Она хотела смотреть в глаза убийцам, когда они будут умирать. Она желала, чтобы ее лицо стало последним, что они увидят перед смертью.

Первым ее желанием было броситься в погоню за двумя убийцами, но она была без одежды. Пока она накинет на себя хоть что-то и схватит ключи от грузовика, они будут уже достаточно далеко и едва ли она сможет обнаружить их след. Несколько развилок, и они окончательно затеряются.

Но она найдет их и убьет, как и обещала в том грязном помещении, лежа на засаленном уплотнителе. Никуда они не денутся. Они вернутся убить ее. Они не сдадутся, но и она тоже.

Сейчас самой важной проблемой были два тела на ее дворе и стоявшая перед домом машина пропавшего помощника окружного прокурора Джона Бабингтона.

Она подозревала, что знает, где искать этих двух мужчин. Похоже, они занимаются чем-то в той самой промзоне, так что вряд ли покинут город. Никуда они не денутся. Она уже неоднократно ездила в заброшенную

промзону на поиски, но безрезультатно. Но они по-прежнему были где-то там. Анжела была уверена, что это так. Тот факт, что они явились к ней в дом закончить начатое, только укрепил уверенность. Рано или поздно она их найдет. А если они снова явятся сюда, будет даже лучше.

Анжела присела на корточки рядом с убитыми. Повсюду в качестве ее адреса был указан только ящик до востребования в Почтовой службе Майка. Настоящий адрес ее хижины нигде не фигурировал, и узнать его было затруднительно. Они пытали Барри, чтобы он выдал им, где она живет. Она не винила его за то, что он сообщил им адрес. На самом деле она бы предпочла, чтобы он сразу сказал им то, что требовалось, и тогда они не нанесли бы ему такие ужасные увечья.

Кто угодно заговорит под пытками. Молчание при длительных истязаниях все равно ничего не даст, потому что рано или поздно палач добьется своего. Она прекрасно это знала.

У Педро Анжела нашла нож в ножнах, спрятанных в его брюках. Это было серьезное боевое оружие, достаточно большое, чтобы отрезать жертве голову. Больше ничего ценного в его карманах не нашлось. Ни документов, ни ключей, ничего. Единственное, что она обнаружила, немного ворса.

Нож лежащего на ступенях Хуана по-прежнему был зажат в его кулаке. Такой же опасный нож, как у Педро. Пальцы по-прежнему плотно сжимали рукоять, хотя функции его мозга были резко оборваны. Он умер так быстро, что даже не успел разжать кулак. Будь у него в руках пистолет, он не успел бы выстрелить.

У него в карманах также ничего не обнаружилось. Их имена она знала только потому, что они пользовались ими, когда насиловали и избивали ее. Они никак не ожи-

дали, что ей удастся выбраться живой из того заброшенного здания.

Самодовольного выражения на лицах больше не было. Поскольку пули мгновенно оборвали их мозговую деятельность, глаза мужчин были широко раскрыты, мертво глядя на нее. Она лишь улыбнулась им в ответ.

Анжела понимала, что перетащить мертвые тела будет чертовски трудно, но не могла оставить их валяться перед домом. Ей нужно было что-то предпринять. Она поспешно вернулась в хижину и достала новую полиэтиленовую занавеску для душа. Она умудрилась закатить на нее Хуана, а затем затащить его вверх по лестнице. Внутри хижины дело пошло легче — занавеска хорошо скользила по полу. У двери подвала она развернула тело и позволила ему скатиться по ступенькам. Она воспользовалась той же занавеской, чтобы притащить к дверному проему Педро, и точно так же сбросила его с лестницы.

Она снова включила свет и, спустившись вниз, окинула взглядом труп Педро, распластавшийся на Хуане. К счастью, они оба не были крупными. Анжела открыла люк и схватила Педро за запястье, чтобы подтащить ближе, а затем столкнула его в адскую дыру. То же самое она проделала и с Хуаном.

На занавеске осталось совсем немного крови, но, как и любая улика, она должна быть уничтожена. Анжела сложила ее в плотный увесистый сверток, чтобы она не раскрылась и не зацепилась за что-либо по пути вниз, и бросила вслед за мужчинами.

— Двое готовы, двое остались, — пробормотала она себе под нос, бросая в яму второй пистолет за день, и закрыла люк.

При выстреле из двадцать второго калибра пуля оставалась в черепе. Это означало минимальное количество крови. Многие думали, что, чем больше пушка, тем

лучше, но триста пятьдесят седьмой калибр пробил бы заднюю стенку черепа, а кровь, кости и мозги разлетелись бы по всей округе. Это создавало страшный бардак, оставляло улики повсюду и, что важнее, не делало жертву более мертвой. Вот почему наемникам нравился двадцать второй.

Но даже из такого маленького входного отверстия вытекало немного крови. Кровь осталась на занавеске для душа, пока она волокла тела по дому до подвала. Уличный шланг и дожди смоют то немногое, что оставалось снаружи.

Анжела снова достала шланг, промыла ступеньки и дверь подвала. Ее ноги жутко замерзли.

А еще нужно было разобраться с машиной Бабингтона.

Глава 44

Анжела поднялась по лестнице и наконец-то приняла душ. Она дрожала под горячими струями воды, пока те не прогнали холод. Девушка тщательно промыла волосы и, выйдя из душа, облачилась в джинсы и длинную футболку, которая скрыла кобуру на поясе.

Не желая оставить какие-либо следы в машине Бабингтона, она надела худи, накинула капюшон и затянула тесемки. Ни один ее волосок не должен упасть в машине. Она подцепила мизинцем связку ключей и прихватила с собой пару одноразовых перчаток, сунув их в карман.

Мобильный телефон она оставила на тумбочке ровно по той же причине, по которой это сделал Бабингтон. Она не хотела, чтобы кто-нибудь смог отследить ее ночной маршрут и узнать, где она оставила машину.

Заперев входную дверь, она натянула на руки перчатки, открыла машину Бабингтона и завела мотор. Перед въездом на свою территорию она остановилась и натянула трос, чтобы никто больше не заехал на ее территорию.

Был поздний вечер, но не настолько, чтобы на проезжающую машину смотрели подозрительно. На дороге, ведущей от ее дома никого не было — там в принципе редко кто-то проезжал, — но как только она въехала в город, движение стало довольно интенсивным. Она не хотела, чтобы кто-то узнал ее в машине Джона Бабингтона, поэтому предпочитала ехать по второстепенным улицам, а не по четырехполосным проспектам, где кто-то мог остановиться рядом с ней на светофорах.

Доехав до приличного мотеля в центре города, она припарковалась за углом, на боковой улочке. На парковке мотеля вполне могли оказаться камеры. Ей не хотелось быть замеченной за рулем машины Бабингтона или выходящей из нее. Она не снимала капюшон на случай, если на улице, по которой она собиралась уйти пешком, тоже установлены камеры.

Она надеялась, когда машина будет найдена, полиция выдвинет теорию, что Джон Бабингтон приехал на вечернюю встречу и припарковался вдали от камер мотеля, после чего его ограбили, отвезли в другое место, чтобы убить, а тело бросили. Из-за густоты окрестных лесов такое порой случалось, а тела находили редко. Собственно, схожим образом поступил Оуэн. Он выбросил тело своей жертвы как мусор. Если бы Анжела не увидела в его глазах то, что он сделал, Кэрри Стрэттон могли никогда не найти. Анжела родилась неправильной — родилась уродом, — но, по крайней мере, могла использовать это во благо.

Анжела закрыла машину Бабингтона с помощью брелока, стянула одноразовые перчатки и положила в карман джинсов вместе с ключами от машины. Позже она швырнет ключи и перчатки в адскую дыру.

Она опустила голову в капюшоне и пошла.

Когда показался придорожный торговый ряд, Анжела с облегчением увидела, что в «Дренович Тактикал» все еще горит свет. Она бросила машину возле того мотеля, потому что он находился всего в полутора милях от школы единоборств. Нейт хорошо обучил ее, но теперь был нужен ей для другого.

Она откинула капюшон и открыла дверь. Нейт в одиночестве сидел за столом, работая с бумагами. Он встал от неожиданности.

— Анжела! Что ты здесь делаешь в такой час?

Анжела засунула руки в карманы толстовки.

— Мне нужна одна услуга.

— Конечно, все что угодно, — пожал плечами Нейт. — Что тебе нужно?

— Если тебе не сложно, отвези меня домой.

— Не проблема. Но что ты здесь делаешь? Твоя машина сломалась или что-то случилось?

— Нет, дело не в машине. Я пошла на свидание, но парень оказался настоящим кретином. Я не хотела выполнять его прихоти, поэтому бросила его, и теперь некому меня везти домой. Я могу дойти и пешком, если у тебя дела.

В службе такси осталась бы заявка, так что это не вариант. Пешая прогулка оказалась бы чрезвычайно долгой, поэтому Анжела надеялась, что Нейт сможет отвезти ее домой. Но она была готова прогуляться, если бы его не оказалось на рабочем месте или он не смог бы подбросить ее.

Нейт открыл ящик и достал ключи от машины.

— Ну хоть что-то я могу сделать.

— О чем ты?

Он обвел рукой пустое помещение.

— Дела идут плоховато. Такое ощущение, что в каждом торговом центре имеется школа боевых искусств по соседству с маникюрным салоном. Даже Малкольм перестал появляться. Занятия с тобой позволяли мне держаться на плаву.

— Надеюсь, это помогло тебе. Ты брал с меня немало.

— Ну да. — Он улыбнулся. — Надеюсь, оно того стоило?

— Еще бы, — с улыбкой поспешила добавить она.

— Хотел бы я, чтобы ты продолжала брать уроки. Тогда я смог бы оплатить несколько счетов. — Он вытянул руку в сторону входа. — Моя машина сразу за дверью.

Нейт не знал, где она живет, поэтому Анжеле пришлось показывать ему дорогу к ее дому. Когда они добрались до подъездной дорожки, девушка велела ему съехать на нее и остановиться перед тросом. Парень был удивлен, увидев, что она живет так далеко за пределами Милфорд Фоллз.

— Спасибо, что подвез, Нейт. Ты мой спаситель.

— Перестань встречаться со всякими придурками, и тебе не придется просить кого-то подвезти тебя до дома.

Анжела не могла удержаться от улыбки.

— Я рад, что хотя бы смог научить тебя справляться с неприятными ситуациями. — Нейт указал на подъездную дорожку. — Как насчет… не знаю. Может, покажешь свой дом?

— День был тяжелый. Может, в другой раз.

— А, ну да. Конечно.

Нейт, казалось, приуныл. Она не хотела расставаться таким образом.

— Знаешь, где я работаю?

— Да, «У Барри».

— В общем, кое-какие отморозки пытали Барри и сильно его избили.

— Боже мой, это ужасно. Зачем они это сделали?

— Я не знаю. — Она отмахнулась от вопроса, не относившегося к теме разговора. — Барри сейчас в больнице, и мы не знаем, выкарабкается ли он.

— Мне так печально это слышать. Если они хотели ограбить его, почему просто не взяли деньги? Зачем пытать?

Анжела не могла сказать ему, что Барри мучали, чтобы выяснить, где находится подъездная дорожка, на которой они сейчас стояли. Ее не покидало чувство вины из-за Барри.

— Я не знаю, — снова солгала она, водя пальцем по хромированному элементу на центральной консоли. — Послушай, Барри совсем плох. Даже если он выживет, пройдет немало времени, прежде чем он встанет на ноги. Я не хочу, чтобы за это время он потерял свой бар. Мы с девочками завтра собираемся открыть бар и продолжать работать до тех пор, пока Барри не станет лучше. Мы надеемся, что посетители продолжат приходить в бар.

— Как по мне, отличная идея.

— Поэтому мне нужно немного поспать…

— О, конечно. Я понимаю. Может, в другой раз.

Анжела кивнула, ничего не обещая.

— Завтра рано утром мы собираемся решить, как удержать его заведение на плаву.

— Хорошо. Это вы здорово придумали. Тебе и правда лучше отдохнуть. Я был очень рад увидеть тебя, Анжела.

Она распахнула дверь, но затем остановилась.

— Эй, послушай. Я тут вот что подумала. — Анжела надеялась, что у нее не войдет в привычку лгать ему, но это казалось самым целесообразным решением. — Нам, девочкам, нужен парень, который будет присматривать за всем, пока мы работаем.

— Ты имеешь в виду, вышибала?

— Ну да. Проверять документы, следить, чтоб никто из парней не начал распускать руки, пока Барри нет с нами. Он всегда сам приглядывал за девушками, которые у него работали. — Она взглянула Нейту в глаза. — Будет замечательно, если ты согласишься нам помочь.

— Даже не знаю. Мне бы со своим бизнесом управиться.

— Ты говорил, сейчас дела идут не слишком хорошо. А мы будем платить. Я буду делиться своими чаевыми. Уверена, и другие девушки обрадуются тому, что ты за ними присматриваешь, и тоже поделятся. Думаю, ты заработаешь у нас больше, чем в школе боевых искусств. Это пока Барри не поправится. Может, повесишь на дверь табличку «Ушел в отпуск»? Как раз заработаешь достаточно, чтобы разобраться со счетами.

Нейт задумчиво постукивал большим пальцем по рулю.

— Школа и правда приносит немного...

— Мне будет намного спокойнее, если за девочками будет присматривать мой хороший знакомый, а не посторонний.

— А за тобой?

— Ааа, — отмахнулась она. — Один парень научил меня, как постоять за себя. Я буду в порядке.

Он усмехнулся, а потом снова посерьезнел.

— Ты правда хочешь, чтобы это был именно я?

Она повернулась и встретилась с ним взглядом.

— Да. Я правда буду рада, если ты согласишься.

Он кивнул:

— Тогда я согласен. Когда начинать?

— Надеюсь, мы сможем открыться завтра часам к пяти. А дальше будем работать с обеда до закрытия. Мы все планируем ударно поработать, чтобы убедиться, что дела пойдут в гору.

— Ну тогда, полагаю, увидимся завтра вечером.

Анжела поцеловала свой палец и прижала его к щеке мужчины.

— Спасибо, Нейт. Увидимся.

Он не уезжал, наблюдая за тем, как она удаляется по дороге. Дойдя до деревьев, она обернулась и помахала ему рукой, и только после этого он уехал.

Глава 45

Джек припарковал арендованную машину на заполненной стоянке перед заведением с названием «У Барри», в котором, как было ему известно, работала барменом Анжела Константайн. Он не знал, была ли она тут этой ночью, но начинать ее поиски явно стоило отсюда.

Бар располагался в невысоком здании из бетонных блоков, которое словно не красили уже несколько десятилетий. Ночью, в свете единственного уличного фонаря, было трудно разобрать первоначальный цвет постройки. Вроде бы бледно-розовый.

В одном из окон ярко светилась неоновая вывеска в виде кружки пива, которую увидит любой с темной дороги.

Само место производило удручающее впечатление заставы на краю цивилизации, за которой начинался

огромный непроходимый лес; казалось, заходили сюда лишь за тем, чтобы хорошо повеселиться и выпить для храбрости перед тем, как столкнуться с темной и опасной неизвестностью, ждавшей за дверью.

Конечно, это была лишь иллюзия, но за многие годы Джек научился подмечать такие впечатления, как и смутные связующие нити, за которыми он следовал. Часто они имели значение и цель, которые можно было понять только в контексте определенных событий. Эти связи помогали ему выживать во время охоты на хищников, не принадлежавших цивилизованному обществу.

Над окном бара висел самодельный тканевый плакат, надпись на котором гласила: «Выздоравливай скорее, Барри!». Джек задался вопросом, что бы это значило.

Другой самодельный плакат обещал всем девушкам по одному бесплатному напитку. Похоже, реклама сработала: Джек увидел, как в бар заходят три женщины в коротких платьях. Они были слишком нарядными для такой забегаловки, но, с другой стороны, подобные места начали набирать популярность.

Некоторых привлекали такие по-модному опасные заведения. Как и американские горки, это позволяло ощутить опасность, но без особого риска. Иногда эти мотыльки сгорали в пламени, которое так их привлекало.

Судя по стоявшим на парковке заниженным автомобилям и грузовикам с поднятой подвеской, бесплатная выпивка для женщин служила для привлечения мужчин, которые, в свою очередь, приводили сюда еще больше женщин. Гремучая смесь.

Какое-то время Джек стоял, прислонившись к своей машине и, скрестив руки на груди, и наблюдал. Каждый раз, когда открывалась дверь, на парковку выливалась рок-музыка, казавшаяся неуместной в окружающем лесу.

Двое мужчин громко протестовали, пока вышибала выводил их на улицу. После того как охранник вернулся, закрыв за собой дверь, музыка стихла до приглушенных басов. Пьяные приятели залезли в свою машину и уехали с парковки. Только удача уберегла их от столкновения с чем-нибудь.

Джек продолжал ждать, наблюдая за происходящим внутри и снаружи. А может, он просто колебался. Ему всегда было трудно найти подход к человеку, у которого он подозревал редкую способность видеть убийц.

Некоторые из этих людей не хотели его слушать. Некоторых, как Кейт, было трудно убедить, но они были достаточно умны, чтобы выслушать его. Те, кто обладал слабыми способностями, порой считали это нормальным, думая, что так умеют все. Это умение не было нормальным и становилось все более редким, поскольку высшие хищники убивали каждого, кого находили.

Самой большой проблемой была враждебность, с которой он иногда сталкивался. Некоторым не нравилось, что он врывается в их жизнь с сумасбродными, по их мнению, заявлениями. Их способности никогда не проявлялись, поэтому они считали Джека психом. Он изо всех сил старался убедить хотя бы выслушать его, потому что рано или поздно один из редких высших хищников мог выследить и убить их. Он пытался помочь им принять свои способности. Иногда получалось. Иногда нет.

Зачастую он хотел позволить этим людям жить как им нравится. Многие и не знали о своем необычайном зрении. Другие считали это ненормальным ощущением и не знали даже, можно ли ему верить.

Часто это пугало их, и они легкомысленно игнорировали свои ощущения. Если такое случалось лишь однажды, и у них не было способа подтвердить свои подозре-

ния, то они думали, что просто испугались опасного на вид человека. Они были настроены отрицать ощущения и пытаться забыть о них.

Но Джеку было достаточно заглянуть в их глаза, чтобы увидеть это. Джек не мог распознавать убийц. Его исключительная способность заключалась в том, что он видел людей, способных разоблачать убийц. Насколько ему известно, он был единственным представителем своего вида. Поэтому он считал, что обязан использовать свои способности для спасения жизней.

Но нередко он хотел просто оставить этих людей в покое.

Мешало то, что высшие хищники тоже могли узнать их по глазам. Такие хищники с великим наслаждением уничтожали одаренных — как волкам нравилось убивать пастушьих собак.

Эта редкая способность была обусловлена генетикой и часто передавалась потомкам. Поэтому высшие хищники иногда убивали целые семьи, чтобы уничтожить весь род.

Джек был бы только рад позволить Анжеле и дальше жить в этом захолустном городишке. В таком маленьком городке она наверняка ни разу не сталкивалась с убийцей. Но его беспокоило, что люди с этой способностью каким-то образом притягивали хищников. Он не знал, как и почему, но это было так.

А еще он знал, что родственники Анжелы Константайн — и в Америке, и в Италии — уже убиты высшим хищником Кассиэлем. Раз уж Кассиэль вернулся в США, то есть вероятность, что он выйдет на Анжелу или ее мать. Узнав больше о Салли Константайн, Джек не на шутку переживал за Анжелу. Кроме того, существовали тревожные связи, которые он должен изучить.

Джек вздохнул и пошел через парковку, сожалея, что ему придется вторгнуться в жизнь этой девушки и, возможно, напугать ее до чертиков разговорами об убийцах. Он ненавидел, когда такое случалось.

Больше всего его тяготило то, что слишком часто найденных им людей в итоге убивали. Все-таки, за ними охотились и высшие хищники. Кассиэль уже вкусил крови этой семьи.

Перед сном Джек часто думал о том, что лучше бы он никогда не нашел Узиэля и многих других, которые теперь тоже были мертвы. Он знал, что мог спасти их. Но слишком часто, закрывая глаза, он видел трагическую и жестокую гибель тех, кого он нашел, — или нашел слишком поздно.

Джек открыл помятую железную дверь бара, и его чуть не снесла волна громкой музыки, разговоров и смеха. Оказавшись внутри, он постоял в темном углу, осматривая помещение и давая глазам привыкнуть к темноте. Возле барной стойки была дверь — наверное, ведущая на склад и в кабинет в глубине здания.

На дальней стене под полками с бутылками был ряд неоновых значков с названиями сортов пива и различных крепких напитков. В центре бара с потолка свисал дискошар, посылавший во все стороны маленькие пятнышки света, которые пробегали по людям, заставляя их сливаться в единую неразборчивую массу. Рождественские гирлянды висели под потолком по всему периметру. Бетонный пол, выкрашенный в темный цвет, был потертым и поцарапанным. Справа на стене висели грифельные доски, на которых разноцветными мелками были написаны названия коктейлей и нескольких легких закусок.

Неоновые огни позади барной стойки и во всем помещении были в основном красного цвета, и от этого зал,

тонувший в малиновом свете, казался довольно уютным. Впрочем, заведение все равно было сомнительным.

Это был притон, но со странной домашней атмосферой.

Девушки в мини-юбках или шортиках и на высоких каблуках разносили по залу подносы с напитками. У Джека было фото Анжелы Константайн с водительского удостоверения и еще одно с лицензии на деятельность курьерской службы, поэтому он довольно хорошо знал, кого искать.

Наконец, он увидел ее за барной стойкой. Она наливала напитки для снующих по залу официанток, а также для клиентов, сидевших на барных стульях перед стойкой. Ее волосы не были окрашены в синий цвет, как на фото с водительского удостоверения. Теперь она была платиновой блондинкой с красными кончиками. Выглядело это так, словно она окунула волосы в кровь, которая постепенно бледнела, впитываясь в платину.

Цвет волос выделял ее среди толпы в этом помещении. Ее невозможно было не заметить.

С такого расстояния он не мог хорошо рассмотреть ее глаза, поэтому направился в ее сторону через забитый зал.

Он нашел свободный стул в конце барной стойки, там, где она делала поворот. В этом закутке было только одно место. Сидя на углу, он видел всю барную стойку и то, что происходит за ней. Он мог хорошо рассмотреть и оценить Анжелу Константайн.

Несмотря на то, что он видел пару ее фотографий, она оказалась совсем не такой, как он ожидал. Абсолютно. Она превзошла все его ожидания.

На ней были голубые джинсовые шорты, из-под краев которых торчали карманы. Открытая рубашка поверх топа оставляла открытым пупок и плоский живот до

шорт с низкой посадкой. Шорты подчеркивали ее потрясающие длинные ноги, почти не оставляя простора для воображения. Замшевые сапоги доходили почти до колен и лишь привлекали внимание к длине ее ног.

Когда она подошла ближе, чтобы обслужить парня, сидевшего неподалеку, Джек рассмотрел несколько крайне необычных татуировок на ее руках. Они явно не имели отношения к искусству или украшательству. Каждая татуировка была небольшого размера и не предназначалась для посторонних. Все они, безусловно, что-то значили для нее, и только поэтому и были нанесены. Это было нечто личное.

На внутренней стороне каждого запястья было набито небольшое перышко. Похоже, лишь эти татуировки можно было назвать украшением, но они были слишком малы. Скорее, они служили напоминанием для нее самой. Может, это отсылка к ее имени, которое с итальянского переводилось как «ангел».

Короткие ногти на руках были выкрашены в кроваво-красный цвет. В хрящике уха поблескивали несколько колец. Глаза были подчеркнуты черными тенями с медными вкраплениями, подводкой и тушью. Губная помада имела насыщенный красный оттенок. Девушка легко могла бы позировать для рекламы косметики — особенно с такой помадой. Анжела обладала выразительным обликом модели.

Джек не ожидал такого эффекта от всех элементов, собранных ею воедино, но, увидев ее поближе, он осознал, что платиновые волосы прекрасно сочетаются со всем остальным, формируя цельный, уникальный образ.

Она была потрясающе привлекательна.

Но когда она повернулась в его сторону, он едва не свалился со стула, увидев большую татуировку, явно предназначенную для посторонних глаз.

Сначала, глядя сбоку, он решил, что девушка носит на шее темный чокер или повязку, но это оказалась еще одна татуировка. Поперек ее горла красовалась надпись: «ТЕМНЫЙ АНГЕЛ». Буквы были достаточно крупными, чтобы он смог рассмотреть их даже с такого расстояния.

То была не застенчивая девушка, а опасная женщина.

Когда она подошла к концу барной стойки, чтобы взять заказ, их взгляды встретились.

На мгновение она замерла при виде его глаз.

В этот момент он понял: она увидела, что ему доводилось убивать людей. Правда, в его случае это были хищники, а не невинные люди. Если она обладала сильной способностью, то смогла разглядеть это отличие.

Девушка была потрясающе красивой, но самыми привлекательными были глаза. Для него было совершенно очевидно, что она наделена способностью видеть убийц. Но это далеко не все, что она умела.

Она наклонилась над стойкой, чтобы перекричать музыку.

— Что вам налить?

Он уже решился на максимально прямой подход, но был просто загипнотизирован ее глазами, самим ее присутствием. Ему доводилось встречать немало людей со способностью распознавать убийц по взгляду, но только в ее глазах он увидел нечто куда большее.

— Я хочу поговорить с тобой о людях, которых видят насквозь твои глаза.

Упершись локтем в стойку, она наклонилась ближе:

— Уебывай.

Такого ответа он не ожидал.

— Послушай, я хочу...

— Ты слышал, что сказала леди, — произнес мужчина, стоявший за его правым плечом. — Уходи.

Джек знал, что этого вышибалу не стоит недооценивать. Впрочем, сейчас не место и не время для упрямства. Разборки с вышибалой не помогут ему поговорить с девушкой. Он привык помогать людям, а не причинять им вред.

Он неохотно слез со стула. Обернувшись, он увидел, что Анжела неподвижно стоит, наблюдая за ним.

— Это куда важнее, чем ты себе представляешь, — произнес он. — Пожалуйста, подумай об этом.

Пока вышибала не начал применять к нему силу, Джек удалился.

Глава 46

Джек решил подождать в машине, пока Анжела Константайн не выйдет с работы. Обнаружив ее, он не желал упускать возможность, а потом снова разыскивать девушку. Прежде он уже неоднократно пугал людей при первом контакте, а затем тратил прорву времени на то, чтобы снова встретиться. Несколько раз он находил уже трупы.

Несмотря на то, что такие люди могли узнавать убийц, они понятия не имели, как вести себя дальше.

Джек не ел с самого утра, и его живот урчал. Он проспал большую часть перелета из Израиля в Нью-Йорк на израильском дипломатическом джете, но этот сон не восстановил его силы. Они приземлились в аэропорту имени Джона Кеннеди, прошли таможенный контроль и отправили пару дипломатов на встречу с Гиладом Бен-Ами, находившемся в Нью-Йорке. Но их делегация была лишь прикрытием.

Они могли бы получить специальное дипломатическое разрешение и не лететь через аэропорт имени Джона Кеннеди, но Эхуд решил, что лучше не давать повода американской разведке подозревать их в проведении операции на территории США. Эхуд сказал, что если происходит что-то важное и Джеку придется проводить расследование, то вмешательство американской разведки может помешать и/или раскрыть личность Джека. Такие проколы и демаскировки происходили все чаще и уже повлекли смерть нескольких агентов.

Некоторые высшие хищники охотились не только на людей со способностью видеть убийц, но и на самого Джека. Еще одна веская причина держаться вне радаров. Если хищники смогут выследить и устранить его, то им станет проще убивать людей, которых он защищал.

Если кто-нибудь из американской разведки сольет прессе информацию о Джеке, это значительно упростит задачу высшим хищникам. Журналисты любят публиковать шпионские истории и раскрывать имена, а последствия их не интересуют. Некоторые работники разведки были только за такие последствия, поэтому сами позволят просочиться информации в прессу.

В журналистике было немало персон, радовавшихся смерти разоблаченного им агента. Это даровало им ощущение собственной значимости. Они куда больше пеклись о карьере, чем о судьбах героев их репортажей. Вдобавок, к совершенно секретной информации имели допуск сотни тысяч людей, не достойных этого.

Деятельность Джека не согласовалась с политикой, поэтому всегда находились те, кто жаждал покончить с его способностью находить особенных людей. Были и те, кто слил бы информацию о нем в надежде, что он будет убит. Политкорректность не распространялась на жизни неугодных властям персон.

Безопасность Джека и тех, кому он пытался помочь, зависела от его способности оставаться призраком.

После прохождения таможни в аэропорту имени Джона Кеннеди они совершили перелет в региональный аэропорт Эльмира Корнинг в центре штата Нью-Йорк. Там Джека уже ждала машина. Он знал, что американская разведка будет отслеживать израильский самолет, поэтому Эхуд пустил слух, что члены израильской делегации отправились на отдых к озерам Фингер.

Сев в машину, Джек перепарковал ее и немного прогулялся до стоянки сдаваемых в аренду подержанных машин, где выбрал старенький Форд, находящийся, на первый взгляд, в приличном состоянии. Он заплатил наличными, предъявив один из фальшивых паспортов. Если разведка отслеживала выданную ему машину, а он не сомневался, что так оно и есть, то на какое-то время они точно потеряют его след.

Джек торопился добраться до Милфорд Фоллз и найти Анжелу Константайн, поэтому заправил полный бак и проехал весь путь без остановок.

Из еды у него был только протеиновый батончик да бутылка воды, которые он купил на заправке. Теперь, поджидая Анжелу на парковке, он не хотел уходить на поиски еды, поэтому медленно жевал батончик.

У него промелькнула мысль пока что навестить Салли Константайн, но опыт подсказывал, что ему нужно поговорить именно с Анжелой, поэтому он не хотел терять с ней контакт.

Увидев ее глаза, он уже не сомневался, что она уникальна.

Он не знал, останется ли она в баре до закрытия. Он держал в поле зрения грузовик девушки, так что ее отъезд он не пропустит. Он решительно был настроен дождаться ее.

В несколько минут второго она, наконец, вышла на улицу и направилась к своему автомобилю. Бар все еще работал и примерно два десятка машин посетителей оставались на парковке. Джек выбрался из своей машины и направился к ее грузовику.

Она заметила его приближение. Анжела увидела Джека еще в тот момент, когда вышла из бара, но он сам хотел этого. Он не собирался выглядеть психопатом, пытающимся подкрасться незаметно.

Когда она оказалась возле своего авто, он подошел со стороны пассажирской двери, чтобы их разделял грузовик и она чувствовала себя безопаснее. Он понимал, что девушка с такой внешностью и манерой одеваться привыкла иметь дело с разными типами, повсюду ее преследующими.

Она взглянула на него со своей стороны грузовика:

— Я вроде велела тебе отвалить.

Джек поднял руку в примирительном жесте:

— Это уж точно. Послушайте, мисс Константайн, я проделал долгий путь, чтобы поговорить с вами. Просто позвольте показать одно фото — только одно — и затем, если вы все еще будете настаивать на том, чтобы я убирался, я сделаю это, клянусь.

— Не интересно, — отрезала она, открывая дверь грузовика.

Он развел руками, демонстрируя, что не вооружен:

— Только одно фото, и все. Я останусь здесь, а вы можете остаться там, где стоите, и я передам вам снимок через капот.

Она изучала его глазами, от которых его бросало в пот.

— Зачем? Что мне должно сказать это фото? Что я должна пойти с тобой на дискотеку?

Джек не смог удержаться от улыбки, услышав это.

— Нет. Я не собираюсь вас куда-то звать и не подкатываю. Клянусь. Просто взгляните, хорошо? Это действительно важно.

Она не сводила с него пристального взгляда.

— Для кого важно? Для меня или для тебя?

— Пожалуйста, можете просто взглянуть? — Ему не нравилось, что его просьба звучит как мольба. Но так оно и было.

Она глубоко вздохнула и сделала шаг от двери к капоту, встав напротив Джека.

— И когда я посмотрю на фото, ты свалишь к черту?

Джек убедительно кивнул:

— Если вы по-прежнему будете желать этого, то да.

— Идет. Давай, показывай свое супер-пупер особенное гребаное фото.

Джек достал фотографию из кармана рубашки. Снимок был распечатан на фотобумаге с негатива. Только такие фотографии были особенными для людей со способностями, как у Анжелы. Цифровые фото или фото на экране теряли какое-то жизненно важное качество, позволявшее разглядеть глаза убийцы, и были бесполезны в работе Джека. Если человек со способностями Анжелы не мог увидеть убийцу вживую, то нужен был снимок, отпечатанный на фотобумаге с оригинального негатива.

Джек положил снимок на капот машины, развернул его в сторону Анжелы и двумя пальцами осторожно пододвинул к ней по серому металлу. Помедлив, Анжела отвела от него взгляд и немного наклонилась, чтобы взглянуть на фотографию.

Не прошло и секунды, как ее рука метнулась за спину, и молниеносным движением девушка наставила на него дуло пистолета. Прежде, чем он успел сообразить, она прицелилась ему ровно между глаз. Он расслышал

лишь щелчок, с которым выхваченный из кобуры пистолет был снят с предохранителя.

Джек замер.

Еще более тревожило то, что пистолет был с подавителем. Увидев, как она держит пистолет, он не сомневался, что она умеет с ним обращаться. Ее указательный палец не был вытянут вдоль боковой стороны оружия, что было бы не так страшно, а лежал на спусковом крючке. Одно движение, и Джек будет мертв. Эта потрясающе красивая девушка была не так проста, как казалась. Совсем не проста.

Медленно, не делая лишних движений, Джек поднял руки.

— Где он, — прошипела она. — Скажи, где я могу его найти.

Девушка являлась живой ручной гранатой в оболочке леденца. Не ведая этого, он только что выдернул чеку.

Глава 47

Джек постарался сохранять в голосе спокойствие.

— Что вы видите на этом снимке, мисс Константайн? Что видите в его глазах?

— Где он?! — крикнула она.

— Не знаю. Я сам пытаюсь его найти, поэтому и хотел, чтобы вы взглянули на снимок. Я надеялся, вы сможете помочь. — Джек продолжал держать руки перед собой, надеясь, что она не выстрелит, но не был до конца в этом уверен. — Вы знаете этого человека?

— Нет, никогда не видела его.

Джек чуть опустил одну руку, чтобы указать на снимок на капоте машины.

— Мисс Константайн, вы можете сказать, что видите, когда смотрите на этого человека?

— Ты гребаный коп?

— Нет, я не коп и не имею к ним никакого отношения. Пожалуйста, скажите мне, что вы видите на фото этого человека?

Она по-прежнему не сводила с него ни взгляда, ни оружия. Пистолет был нацелен точно ему между глаз. Когда он перенес свой вес на другую ногу, дуло чуть качнулось, четко следуя за выбранной мишенью.

— Пожалуйста, мисс Константайн, что вы видите, когда смотрите на этого человека?

— Этот человек — убийца.

— Вы уверены?

Девушка некоторое время молча смотрела на него, а потом заговорила:

— Когда ему еще не было двадцати, он встречался с девушкой по имени Захра. У нее были длинные прямые черные волосы. Он называл ее маленькой принцессой. Однажды она пошла навестить родственников, а он решил — любовника. Он встретил ее в переулке, когда она уже возвращалась домой. Обозвал шлюхой, ударил по лицу и повалил на землю. Сел сверху и мутузил кулаками. Она умоляла остановиться, но мольбы лишь распаляли его. Он подобрал с земли кирпич и изо всех сил впечатал его ей в лицо. Он не останавливался, пока голова не превратилась в месиво из костей, мозгов и крови. Затем он заметил неподалеку старика, устроившегося на ночлег под картонками. Бродяга был в ужасе. Разъяренный тем, что кто-то наблюдал за ним, убийца нашел арматуру, прижал старика коленом к земле и прутом выколол глаза, а затем задушил. Той ночью в переулке он ясно осознал, что убийство воодушевляет и будоражит куда сильнее, чем что-либо другое. Убивая, он ощущал се-

бя сильным. В следующие пару лет он убил еще несколько человек, после чего ему стало скучно там, где он родился, и он переехал в Иорданию. Ему понравилось вести кочевой образ жизни, путешествуя на деньги, которые забирал у жертв. Он убил целую семью в Иордании, потому что понял, что отец семейства смог увидеть его сущность. Убил всех — отца, мать, бабушку, двоих детей. Издевался над ними всю ночь, каждые час или два принимаясь за новую жертву, пока в итоге не перерезал всех. Он любит совершать особо кровавые убийства, как с Захрой, которую посчитал шлюхой и предательницей. Он убил одиннадцать членов семьи Мааруф в Египте. Мать, взглянув в его глаза, поняла, что он убийца, — а он увидел в ее глазах особую способность. Он связал всех, а потом раздробил черепа молотком. Всех по очереди. Вначале детей. Он любит, когда люди кричат в страхе и панике. Они жили в квартире над ночным клубом, поэтому той ночью никто не услышал криков. Он убил женщину в Германии — эмигрантку. И в ее глазах он прочитал, что она может видеть его истинную сущность, как и я. У нее были длинные темные волосы. Она напоминала ему Захру, его первую любовь и «изменщицу». Женщину звали Ибада. Вначале он изнасиловал ее, потом вырезал глаза, отрезал язык — и это все, пока она еще была жива. Он сделал это только потому, что давно не убивал и чувствовал пылающую жажду убийства. Потом он перерезал ей горло и распотрошил, чтобы узнать, что внутри ее тела. Он хотел проверить, не Захра ли это спряталась в другое тело, чтобы насмехаться над ним. Потом он бросил останки с высокого берега в реку. В Италии он выследил мужчину, заметив в его глазах редкую способность. Он отправился в бедный криминальный район Неаполя к дому этого мужчины и перед входной дверью включил запись детского плача. Живущая в

доме женщина, Камилла, услышала плач и решила, что это ее внучка. Она всегда переживала за безопасность крохи. Она открыла дверь и, сама того не зная, впустила в дом смерть. Ее дочь была в задней комнате с маленькой дочкой. Он перебил всю семью.

— Тебе известна фамилия этой семьи?

— Константайн.

Волосы на затылке Джека встали дыбом, а от лица отлила кровь, пока он слушал.

Моссаду было известно многое из сказанного, но не все. Разведка даже была не в курсе некоторых убийств, тем более в их совершении не подозревали Кассиэля. И, конечно, они не знали, что заставляло его убивать. Он был одним из высших хищников, охотившихся на людей, обладавших способностью видеть убийц. Джек знал, что такая способность была следствием эволюции, как и способность отдельных убийц опознавать одаренных людей. Он предполагал, что в ходе эволюции какие-то люди получили способность проникать в память убийц и видеть, что те совершили. Кейт подтвердила эту его теорию.

Но способности Анжелы относились к совершенно новому уровню. С ней он словно выплыл в неизведанные воды. Он смотрел в глаза новой ступени эволюции.

Он смотрел в глаза нового вида человека.

Наконец, он решился спросить:

— Кого-то еще?

— Многих.

— Кого-то, связанного с тобой?

Пистолет также неотступно был нацелен между его глаз, но по щекам девушки текли слезы, а ее подбородок дрожал. Голос превратился в полный страдания шепот.

— Он убил дедушку и бабушку. Вито и Габриэллу Константайн.

Джека ранили ее душевные терзания.

— Мне очень жаль.

— Скажи, где его найти!

Он развел руки в стороны:

— Я не знаю. Правда. Я сам ищу его.

— Зачем?

— Помимо прочих причин, чтобы не дать ему убить тебя.

— Кто он такой?

— Его зовут Кассиэль Айхан Корекан. Он крайне опасный человек.

— Охренеть, какая новость.

— Мисс Константайн, я приехал сюда, чтобы помочь. Мы на одной стороне, иначе меня бы тут не было. Я стараюсь быть на шаг впереди Кассиэля, чтобы предотвратить смерть невинных людей, вас в том числе.

— Ты приехал сюда не только ради спасения моей задницы. У тебя есть какая-то другая причина. Что тебе нужно от меня?

— Обязательно продолжать в меня целиться?

— Ты убивал людей. Много раз. Обычно ты используешь два небольших ножа, которые лежат в твоих задних карманах. Предпочитаешь перерезать сонную артерию, чтобы враг терял сознание и вскоре умирал. Просто и быстро. Однако были случаи, когда тебе приходилось сначала перерезать им сухожилия, чтобы покалечить, а затем полоснуть по другой артерии — например, по бедренной. Назвать их имена?

— Нет, — тихо сказал Джек и мучительно глотнул. — Мне не нужно, чтобы вы называли их имена.

— Ты убиваешь гораздо быстрее, чем многие считают возможным. Поэтому я не убираю пистолет.

Джек знал, что эта женщина не играет в игры. Он подозревал, что она поймет, если он солжет ей.

— Причина в людях, хороших и невинных, которых я хотел защитить. В людях, которые не могли защитить себя сами. Они были напуганы, были в ужасе — как и те, которых убил Кассиэль. Я устранил тех убийц, чтобы не дать им погубить еще больше невинных людей. Если вы можете видеть в моих глазах тех, кого я убил, то должны знать, что я говорю правду. Несмотря на то, что могут сказать некоторые, я действительно не считаю это неправильным. А вы?

Она долго и пристально смотрела на него, а затем щелкнула предохранителем и направила дуло вверх, держа пистолет у своего правого плеча.

— Нет, это не является неправильным.

Часть напряжения ушла из его мускулов, и Джек немного расслабился. Он почувствовал себя комфортнее, когда она убрала оружие в кобуру на пояснице.

— Существует много вещей, насчет которых я не уверен, о которых пытаюсь узнать больше, чтобы спасти невинных людей, — сказал он ей. — Думаю, вы можете помочь в этом. На самом деле, вы уже помогли, увидев по снимку Кассиэля, кто он такой.

— У меня никогда не было подобной реакции на фото.

Ярость уже ушла из ее голоса. Джек размышлял, видела ли она настоящих убийц и реагировала ли на них таким образом.

— Это одна из причин, почему я здесь — помочь вам во всем разобраться. Я надеюсь, что вы, в свою очередь, сможете помочь мне кое-что понять.

Анжела услышала, как ее окликнул вышибала, и обернулась. Мужчина быстро пересек парковку и остановился рядом с ней.

— Опять ты? — сказал он, уставившись на Джека. — Я же велел тебе оставить ее в покое.

Анжела выставила руку, не давая мужчине обойти грузовик и схватить Джека.

— Все в порядке, Нейт.

— Да? Ты уверена?

— Вполне.

Он наклонился, изучая ее лицо:

— Ты плакала.

— Нет, нет, — ответила она, вытащив из кармана салфетку и быстро вытерев со щек тушь. — Это все из-за дыма от сигары того придурка. У меня аж в глазах защипало и слезы потекли. Спасибо, что сказал про потекшую тушь.

По всей видимости, ее слова его не убедили.

— Анжела, я не...

Анжела положила руку ему на плечо и улыбнулась Джеку.

— Это мой знакомый, которого я давно не видела. В баре темновато, и я просто его не узнала, особенно из-за попавшего в глаза дыма.

— Правда? — не унимался Нейт. — И как же его зовут?

Джек понял, что не успел назвать ей свое имя. Он тут же протянул мужчине руку через капот грузовика:

— Привет. Я Джек Рейнс. Я познакомился с Анжелой, когда она была моложе.

Нейт пожал протянутую руку:

— Да что-то ты не выглядишь намного старше Анжелы.

— Что ж, благодарю, — ухмыльнулся Джек. — Сочту за комплимент.

Анжела перевела взгляд с Джека на своего рыцаря в сияющих доспехах.

— Нейт, спасибо тебе, но все в порядке. — Она положила руку ему на грудь. — Может, вернешься и при-

смотришь за девочками? У меня был тяжелый день. Хочу просто поехать домой и выспаться. Увидимся завтра.

Наконец, Нейт сдался.

— Конечно. Рад был познакомиться, Джек. — Он было направился к бару, но затем обернулся. — Извини за... — Он махнул рукой в сторону заведения. — Ну, там, в баре. Когда Анжела тебя не узнала.

Джек сверкнул улыбкой:

— Ерунда.

— Выкрутился, — сказала она, едва Нейт скрылся в баре.

Джек переключил внимание на Анжелу.

— Слушайте, мисс Константайн, мне нужно обсудить с вами массу важных вопросов. Боюсь, у нас не особо много времени.

Некоторое время она взвешивала его слова.

— Ладно. Садись в тачку. По крайней мере, послушать я тебя могу. Но ты должен пообещать мне, что когда узнаешь, где этот Кассиэль, то сразу сообщишь мне.

— Идет, — ответил Джек, открывая пассажирскую дверь.

Глава 48

Когда они закрыли двери грузовика, яркий свет фонаря больше не бил по глазам, звуки улицы не мешали, и Анжеле не было нужды говорить громко.

— Ладно, это твой шанс. Рассказывай.

— Послушайте, мисс Константайн...

— Ты сказал, что не коп.

Не совсем понимая, он сделал паузу.

— Не коп.

— Тогда прекрати называть меня «мисс Константайн», ладно? Только гребаные копы называют меня «мисс Константайн». Если ты не из полиции, то на кого работаешь?

— Должен признаться, «Анжела» мне нравится гораздо больше.

— Вот и хорошо. Я спросила, на кого ты работаешь.

— В общем-то, я сам по себе.

— И чем занимаешься? Что тебе от меня нужно?

— Во-первых, очевидно, что ты можешь узнавать убийц по глазам.

— Очевидно.

— Первым делом я должен помочь тебе понять, почему ты на это способна.

— Это я и так знаю, можешь не стараться почем зря.

Такого ответа он не ожидал. Они еще не встречал того, кто уже знал о своей способности и настолько хорошо ее понимал.

— Давай дальше, — сказала Анжела, пока он думал, что сказать. — Мне нужно кое-куда заехать.

Она сказала Нейту, что хочет спать, а не что ей нужно куда-то ехать. Он отвернулся и посмотрел в темноту.

— Так поздно?

— Я спросила, на кого ты работаешь. Ты дал мне не совсем правдивый ответ. А еще ты говорил, что приехал издалека, чтобы повидаться со мной. Откуда?

— Из Израиля.

— Ты там живешь или работаешь? Я не очень понимаю.

— Ладно, слушай. Это важно, поэтому я рискну и буду с тобой предельно честен. Надеюсь на ответную любезность. Иногда я выполняю работу для израильского правительства — для Моссада. Помогаю остановить тер-

рористов до того, как они кого-то убьют. Раньше я делал то же для различных спецслужб США, но это в прошлом.

— Значит, ты шпион?

— Не совсем. Ты пойми, в спецслужбах США работает много замечательных людей, преданных своему делу. Эти службы всегда ценили мою помощь. А вот их главы — нет.

— А почему?

— Я помогаю вычислять убийц, используя людей с такими же способностями, как у тебя; впрочем, не совсем с такими же. Я знал некоторых довольно одаренных личностей, но никогда не встречал того, чьи способности можно сравнить с твоими.

— Почему...

Джек поднял руку:

— Просто послушай. Род моих занятий впал в немилость по политическим причинам. В спецслужбах есть люди, которые не только хотели моего ухода, но и порадовались бы моей смерти.

Она нахмурилась:

— Но ведь ты помогал им остановить убийц. Зачем им желать твоей смерти?

— Возможно, по тем же причинам, по которым ты не любишь полицию. В спецслужбах есть хорошие люди. Есть много хороших офицеров полиции, которые рискуют своими жизнями, спасая наши.

Она чуть не рассмеялась:

— Я таких никогда не встречала.

— Понимаю. У меня похожая проблема. Я делаю свое дело, встретился с тобой, потому что еще верю, что мы можем сделать что-то хорошее для этого мира. Думаю, мое предназначение — находить подобных тебе. Ты понимаешь, о чем я? Хоть немного?

Она долго обдумывала его слова.

— Есть люди, которым не место среди нас.

Джек улыбнулся:

— В точку!

— Значит, разведка не одобряет твои методы.

— Верно. Некоторые сотрудники спецслужб, если бы могли, обеспечили бы мне обвинение в убийстве и пожизненное заключение за то, что я остановил убийц, которых вычислил. Как я уже сказал, там есть много замечательных людей, но я никак не мог отличить плохих от хороших. Лучшее, что я мог сделать — исчезнуть с их радаров.

— Могу понять. У меня та же проблема.

Джек улыбнулся:

— Тогда мы очень похожи. Я рассказываю все это, чтобы ты поняла, что я не буду сообщать властям о нашей беседе или о тебе. Не хочу, чтобы они взяли тебя на заметку. Надеюсь, ты отнесешься ко мне так же. Такие, как мы, должны держаться вместе.

— Так что ты здесь делаешь? Чего хочешь от меня?

— Слышала о террористических атаках по всей стране?

— Конечно. Я много работаю, поэтому у меня нет времени смотреть новости, но я слышала об этом. Посетители бара обсуждали. Похоже, многие винят во всем Россию и хотят войны.

— Людям нравятся простые ответы.

— Думаешь, все намного сложнее?

— Да. Одна из этих атак — одна из крупнейших — была в Оэсте Меса, на границе между Мексикой и Калифорнией. — Он достал из кармана еще одно фото и дал Анжеле.

— Это он, — сказала она, подняв взгляд со снимка. — Кассиэль.

Джек кивнул:

— Он был там.

Она снова угрюмо посмотрела на фото:

— Почему на этом фото я не вижу, что он убийца, не вижу всех его деяний, как на первом фото?

— Потому что снимки отличаются. Этот был сделан автоматической камерой на пограничном пункте, прямо перед атакой. Это цифровое фото, которое было улучшено, увеличено и отправлено через интернет. Твоя способность узнавать убийц работает, если ты смотришь на человека или на его фото, отпечатанное на фотобумаге с негатива.

— Ха! Вот же срань господня!

— Ты когда-нибудь видела фото убийцы на фотобумаге, как то, что я тебе показал сначала?

— Нет.

Он посмотрел на девушку исподлобья.

— Значит... ты видела убийцу? В смысле, вживую? Лично?

— Да, — сказала она, не став рассказывать подробности. — Значит, Кассиэль перешел границу во время атаки?

— Мы считаем, что он принимал участие в атаке.

— Бессмыслица какая-то, — сказала она, разглядывая увеличенное изображение лица Кассиэля с камеры на границе.

— Почему?

— Он убийца, монстр. Он работает в одиночку. Убийства — его страсть, он поглощен и одержим ими. Он не может долго сопротивляться жажде убивать, которая ослепляет его и толкает на глупый риск. Поэтому я не понимаю, зачем ему принимать участие в террористической атаке.

— Это часть головоломки, которую я тоже не могу понять. Я лишь могу предположить, что он хотел принять участие в бойне.

Анжела покачала головой:

— Нет, это не в его стиле. Ему неинтересно смотреть, как умирают люди. Он сидит на другой игле. Убийство своими руками во всех видах — вот что его восхищает. Он одержим желанием смотреть, как люди умирают от его рук. Неважно, перерезает ли он им горло... или стреляет в затылок.

Джек понял, что она снова думает о бабушке и дедушке, поэтому поспешил переключить ее внимание на кусочки головоломки, которые пытался состыковать.

— Я тоже так думал. Он не соответствует психотипу террориста, и я понятия не имею, что он делал на этом пограничном пункте прямо перед атакой. Единственное объяснение, которое я смог придумать — он вернулся в США, чтобы убить тебя, и пойти с террористами было проще всего. Он убил твоих родственников в Италии, убил бабушку и дедушку. Думаю, он вернулся за тобой.

— Он любит убивать целые семьи. — Она, наконец, отвела взгляд от темного леса на другой стороне дороги. — Дай мне еще раз тот первый снимок.

Джек передал фото и смотрел, как Анжела вглядывается в глаза Кассиэля. На этот раз она смотрела очень долго.

— Нет. Причина в другом. Он был неосторожен. Он убил женщину — Хоршид Хамиди — и ее семью. Просто ради забавы. — Она задумчиво нахмурилась. — Никогда не слышала их имен, но теперь знаю их просто потому, что посмотрела в его глаза.

— Ты сказала... он был неосторожен?

— Да. Он убил эту семью и был схвачен иранскими властями. Убитая была дочерью имама. Его собирались

казнить, но пощадили с условием, что он примет участие в миссии и в этой террористической атаке.

Джек был ошеломлен, сколько она смогла увидеть в его глазах.

Анжела вернула ему снимок:

— Что насчет других кусочков головоломки?

— Я был в Израиле, помогал вычислять террористов и убийц, которые прибыли в Иерусалим.

Она нахмурилась:

— Как ты можешь это делать?

Он решил, что время для откровенного ответа неподходящее, поэтому просто отмахнулся:

— Сейчас это не так важно. Важно другое — один из кусочков пазла, который, как по мне, связан с тобой. Мы захватили террориста-смертника, не успевшего взорвать свой пояс шахида.

— Какая удача.

— Да. Но нам показалось странным, что этот парень мексиканец. Он говорил только на испанском и сказал, что родом из Мексики.

Анжела помрачнела.

— Мексиканец. Мексиканский террорист-смертник в Иерусалиме. Очень странно.

— У них никогда такого не случалось. Ключевой момент: он должен был взорвать себя в ходе этой атаки. Если бы все прошло по плану, мы так и не узнали бы, что он говорит только по-испански. — Джек видел в глазах Анжелы, как бешено крутятся шестеренки у нее в голове. — Один из моих талантов — находить связи между вещами, которые на первый взгляд кажутся разрозненными.

— Прорабатываешь связь между арестованным мексиканским террористом-смертником и Кассиэлем, въехавшим в США через Мексику?

— Это части одного целого, — сказал он, наблюдая за ее лицом.

Девушка начала собирать кусочки головоломки.

— Кассиэль мог сойти за мексиканца, — сказала она, уставившись в одну точку. — Он говорит на нескольких языках, в том числе на испанском.

Джек улыбнулся.

— Я тоже так подумал. Это связующее звено. Но я не понимаю, что это значит.

Она посмотрела на него:

— А я тут каким боком? Зачем рассказываешь мне все это?

— Я нашел тебя, потому что Кассиэль убил в Италии людей с фамилией Константайн. Я читал отчет об убийстве твоих бабушки и деда. В их смерти так никого и не обвинили. Я подумал, что это дело рук Кассиэля.

— Да.

— Теперь я знаю это точно, потому что ты мне сказала. Но тогда никто из нас не был уверен в его виновности. Дело в том, что одна из деталей пазла, один из ни с чем не сопоставимых фактов, который меня беспокоил — это ты.

— Я? Почему я?

— Я знаю, что на тебя напали четверо латиносов, которые хотели убить тебя и почти сумели. Я задавался вопросом, зачем они так поступили. Кассиэль хотел тебя убить, но почему этого хотели они? Единственная моя догадка — после изнасилования они захотели устранить тебя, как единственного свидетеля. Но меня беспокоило чувство, что тут нечто большее, что существует другая связь с кусочками, которые я пытаюсь сопоставить.

— И она есть.

— Поясни.

— Они не латиносы, — сказала она.

Он помнил, что Хосе, мексиканский смертник, говорил лишь по-испански, но он ничего не знал о мексиканском городе Сантьяго-де-Керетаро, откуда Хосе, предположительно, был родом.

— Как это? Во всех отчетах говорилось, что напали четверо латиносов.

Она покачала головой.

— Не латиносы. Я так сказала полиции, потому что посчитала их латиносами, когда они в первый раз пришли в бар. Полиции вполне достаточно этих сведений.

— Ты уверена, что они не латиносы?

— Абсолютно.

— Они говорили на испанском?

— Да. На испанском и английском с ужасным испанским акцентом.

— Тогда с чего ты взяла, что они не латиносы?

Она едва заметно улыбнулась своим мыслям.

— Как думаешь, мексиканцы ненавидят Америку?

— Нет, вряд ли.

— Я тоже так считаю. А эти парни ненавидят. Они презирают Америку всей душой. Их выдала ненависть к США.

Джек пожал плечами:

— Ладно. По-твоему, откуда они?

— Ближний Восток. Какая-то мусульманская страна. Может, Иран.

— Иран. — Джек чуть подался вперед, озабоченно глядя на эту девушку. Час назад он бы не поверил, что она знает, что Иран — мусульманская страна. — Хорошо, теперь ты привлекла мое внимание. Почему ты сочла их иранцами?

— Они называли Америку Великим Сатаной. Я знаю, что иранцы именно так называют Америку — Великим Сатаной. Еще они обзывали меня «грязной американской

шлюхой» и тому подобными словами. Именно так иранцы и террористы говорят о нас. Они считают женщин низшими существами. Я была для них всего лишь грязью, и они считали себя вправе воспользоваться моим телом.

— Но если они хотели сойти за мексиканцев, то почему говорили все это при тебе?

— Потому что собирались убить меня. Думали, я умру и уже не смогу пересказать это властям и разрушить их маскировку. Поэтому чувствовали себя в безопасности в моем присутствии.

— Ого! — сказал Джек, откинувшись на спинку кресла.

— Но они решили убить меня не потому, что я могла опознать их. Они с самого начала собирались меня убить, потому что получили такой приказ.

Джек резко выпрямился.

— Приказ? Какой? От кого?

— Приказы были в посылке, которую я им доставила. У меня своя курьерская служба. Я привезла посылку для «Хартленд Мелиорация», а внутри было письмо с приказом убить курьера.

Джек уставился в темноту, обдумывая слова Анжелы.

— Ты знаешь, что было в посылке?

Анжела пожала плечами:

— Какие-то длинные трубки. Прозрачные. Я увидела внутри провода.

Джек ошарашенно посмотрел на нее.

— Можешь описать провода?

— Так... погоди. — Она достала свой телефон. — Может, я смогу найти похожую картинку.

Она что-то вбила в строку поиска и пролистала несколько экранов картинок в поисках нужного раздела.

Найдя его, она стала просматривать десятки картинок и фото, бормоча: «Нет... нет... нет…». Через некоторое время она вдруг остановилась на одной картинке, увеличила ее и повернула экран телефона к Джеку.

— Вот провода, — сказала она. — Они были похожи на эти. Провода были в трубках с красными крышками, как эти. На концах проводов были такие же маленькие штуковины, как на этой картинке.

Джек почувствовал, как от его лица отхлынула кровь.

— Это взрывчатый проволочный мостик.

Анжела наморщила нос:

— Взрывчатый что?

— Его используют для одновременной детонации нескольких взрывов.

— И зачем это нужно?

— Чтобы взорвать атомную бомбу.

Глава 49

Теперь эти несколько тревожащих и беспокоящих кусочков мозаики, которые Джек мысленно крутил и вертел, пытаясь соединить, вдруг сложились в ужасающую картину.

— Какая, к хрену, атомная бомба? — спросила Анжела. — Это шутка такая?

— Нет, я абсолютно серьезен. Взрывчатый проволочный мостик нельзя приобрести легально, поэтому террористическая организация даже и не будет пытаться его купить — это все равно что размахивать красной тряпкой перед властями. Если они хотят остаться незамеченными, им нужно переправить такой компонент сек-

ретно. Террористы, действующие совместно с министерством разведки Ирана, обычно отправляют важные грузы или сообщения через свою сеть агентов, которые есть в посольствах и представительствах в большинстве стран. Но в условиях США такая схема рискованна, потому что любой из агентов может оказаться под пристальным наблюдением американских служб разведки. В таких случаях они нередко прибегают к услугам курьеров — обычных рабочих лошадок. Только последний курьер в цепочке знает конечный адрес. Поэтому тебя должны были убить, а твое тело спрятать, чтобы его никогда не нашли. Им не нужно, чтобы последний курьер смог сообщить, куда доставил груз. Тебя должны были убить.

Анжела наклонилась к мужчине:

— Хочешь сказать, они притворялись мексиканцами, чтобы иметь возможность нелегально ввезти все необходимое для сборки атомной бомбы? Ты реально в это веришь?

— У схваченного смертника, который называл себя мексиканцем, была на подошве частица плутония-239. Плутоний используется для изготовления атомных бомб. Помимо всего прочего, для детонации такой бомбы нужны взрывчатые проволочные мостики.

Анжела подняла руку, прерывая его:

— Хорошо. Но имея только плутоний, ты не сможешь собрать атомную бомбу. Если бы это было так просто, террористы повсюду клепали бы их. Так не бывает. Многие страны, желающие обладать ядерным оружием, не могут создать ни одной бомбы. А если целые страны не могут, с чего ты решил, что террористам это по силам?

— Это не одно и то же. Бомбы, которые пытаются создать в некоторых странах, совсем другие и предназначены для иных целей. Они куда более сложны в сборке.

У них должна быть точная и предсказуемая зона поражения. Они должны быть достаточно компактными, чтобы поместиться в устройство доставки до цели — например, в ракету. Что самое важное, они должны быть оборудованы средствами контроля и защиты от незапланированной активации. Террористов же все это не заботит. Поскольку их потребности значительно проще, не исключено, что им вполне под силу создать примитивное взрывное устройство, точность которого гораздо хуже, чем у военной бомбы. Но какая террористам разница — сто килотонн или двести? Любая атомная бомба такого радиуса поражения, независимо от ее габаритов, будет сокрушительной для Америки. Они не беспокоятся из-за случайной детонации, особенно если собирают бомбу в США, поэтому им не нужно возиться с защитными механизмами. Атомный взрыв в любой точке США — это катастрофа. Что касается плутония и необходимости технических знаний, то есть множество стран-изгоев — например, Иран, Северная Корея, Пакистан, — которые будут только рады предоставить знания и материалы. Нанеся урон Великому Сатане с помощью атомной бомбы, эти изгои станут доминирующими мировыми державами, с которыми придется считаться.

Анжела покачала головой и откинулась на спинку сиденья.

— Я все еще не уверена, что верю во все это.

— Зачем нужны атаки на границе?

— Я не... — Анжела щелкнула пальцами, внезапно догадавшись. — Исламские террористы знают, что они не могут полностью смешаться с толпой или не вызывать подозрений, поэтому, выдавая себя за латиносов, становятся практически невидимыми в Америке. Они могут приезжать и уезжать, когда пожелают. Взрыв погранич-

ного пункта приведет к уничтожению систем обнаружения, которые способны засечь ядерные материалы.

Джек поразился тому, как быстро она разобралась, что происходит и почему.

Он повернулся, чтобы сидеть к ней лицом.

— Анжела, если ты доставила сюда ВПМ, то это означает, что они собирают бомбу здесь, а потом уже собираются перевезти ее в крупный город. Если бы они хотели использовать ее в Лос-Анжелесе, то обосновались бы на Западном Побережье. Выходит, они нацелились на Нью-Йорк.

— Милфорд Фоллз не так далеко от Нью-Йорка.

— Куда ты доставила посылку?

— Я уже искала этих четверых там, но они уехали.

— Отвези меня туда. Я хочу посмотреть сам.

Она взглянула через лобовое стекло так, будто могла увидеть то место.

— Я все равно сейчас собиралась туда ехать. Могу и тебя взять с собой.

— Зачем ехать сейчас, посреди ночи?

— Я дала обещание. И намерена сдержать его.

Джек, кажется, понял, что она имела в виду.

— Далеко ехать?

— Не слишком. Но на твоем месте я бы не питала особых надежд. Там огромная заброшенная промзона, в которой легко заблудиться. Я думаю, эти люди все еще там, где-то в заброшенных зданиях. Теперь я знаю почему. Я часто езжу туда, изучая планировку района.

— Ищешь латиносов?

— Да, — призналась она, — но пока не видела никаких следов их присутствия.

Джек потирал пальцем нижнюю губу. Заброшенная промзона была подходящей локацией для сборки атомной бомбы, где никто не помешает.

— Я хочу выяснить, что это: моя пугающая теория или во всем этом действительно что-то есть. Вероятно, там, куда ты доставляла посылку, может быть какая-то зацепка.

— Я в игре.

Анжела повернула ключ, и мотор заурчал.

Глава 50

Чтобы добраться до старой промышленной зоны, им пришлось пересечь весь город. Главные улицы к тому времени уже почти опустели. У Джека начала проявляться привычная мания преследования. Небольшое количество машин на улицах внушало мысль, что за ним ведется слежка.

На очередном светофоре слева от них остановилась машина с компанией парней. Водитель автомобиля газовал, а пассажиры опустили стекла и засыпали Анжелу непристойными предложениями.

Анжела, окинув их взглядом, показала средний палец. Парни загоготали так, словно это была лучшая шутка на свете.

— Вот же придурки, — пробормотала она, тронувшись на зеленый свет.

Они поехали рядом. Девушка резко свернула направо на перекрестке, начав маневр слишком поздно, чтобы парни могли за ней последовать, не сдавая задом. Скоро она уже достаточно оторвалась. Анжела несколько раз сворачивала на другие улочки, а потом вернулась на главную дорогу, ведущую за город. Тех парней больше не было видно.

Джек понимал, что она могла просто проигнорировать их. Но она поступила иначе, и это кое-что говорило об ее характере.

Надо полагать, им стало бы не до шуток, если б они догнали и остановили ее грузовик и внезапно оказались под дулом ее пистолета. На первый взгляд так не казалось, но играть с этой женщиной было смертельно опасно. Тот факт, что она по ночам в одиночку выезжала в заброшенную промзону в поисках людей, которые пытались ее убить, говорил о многом.

Джек только познакомился с Анжелой, но уже чувствовал связь с ней. Столкнуться с человеком, который разделял бы его понимание вещей, это редкость, и, что еще более редко, Анжела была готова справиться со всем этим в одиночку.

Оставив позади огни Милфорд Фоллз, они какое-то время ехали по пустынной извилистой трассе. Бесконечная вереница деревьев проносилась мимо в темноте, а потом дорога вывела их в пустынную и заброшенную заводскую местность. Жутковатая картина.

В лунном свете создавалось ощущение, будто жизнь на Земле давно умерла, а они были последними людьми в мире, блуждающими среди рассыпающихся остатков цивилизации.

Анжела медленно въехала в лабиринт, заглядывая за каждый угол зданий. Джек видел, что почти во всех зданиях разбиты окна. Свет нигде не горел. Проехав путаницу заброшенных строений, техники и огороженных складов, Анжела свернула на дорогу, идущую вдоль длинного здания, и припарковалась на обочине возле двери, на которой был от руки написан адрес.

— Сюда я привезла посылку, — сказала она, заглушая двигатель. — Если хочешь заглянуть внутрь, я покараулю тут.

Джек решил, что идея неплохая, но и не хорошая.

— Ладно. Постараюсь побыстрее.

— Там же кромешная тьма, — сказала она.

Он достал маленький фонарик и ненадолго включил его, чтобы показать, насколько он мощный.

Дверь была не заперта. Полотно проскребло по земле, открываясь. Внутри громадного здания были отгорожены несколько непритязательных кабинетов. Кое-где стояли серые металлические стеллажи. На некоторых полках лежали смятые грязные покрывала, но под ними ничего не было.

На полу лежала грязная засаленная пленка. Джек отлично понимал, почему Анжела не стремилась зайти сюда еще раз.

Добрых десять минут Джек осматривал помещение, пытаясь найти ключ к разгадке, чем именно здесь занимались. За стеллажами он обнаружил несколько фрезерных станков, но все они были вычищены, как и пол. Вероятно, группа специалистов нашла бы зацепки, но ему это было не под силу. Здание было брошено, а время продолжало нестись вперед. Поэтому то, что здесь происходило, уже не имело особого значения. Теперь нужно искать место, куда они перебазировались.

Едва он забрался в пикап, Анжела произнесла:

— Я же говорила.

Джек вздохнул:

— Похоже, они воспользовались фрезерными станками. Как ты и говорила, все следы исчезли. Но взглянуть стоило. Не знаю, что мы тут еще можем выяснить.

Она молча завела двигатель и поехала через безмолвный лабиринт заброшенных зданий и груд ржавого металлолома, огражденных цепями и колючей проволокой. Между группами старых зданий шли подобия улиц и

переулков, и даже попадались просторные бетонные площадки.

— Ты не собираешься включить фары?

— Нет. Луна не закрыта облаками. Ее света вполне достаточно, если не ехать слишком быстро. Твои глаза привыкнут.

Джек не стал спорить. Он понимал, чего она хочет, и не мог винить ее за это. Латиносы были их единственной зацепкой. Если по счастливой случайности ей удастся их обнаружить, они могут дать некоторые ответы. Останется лишь разговорить их.

В течение часа они медленно колесили меж руин некогда процветающего промышленного комплекса. Анжела молчала. Она полностью сосредоточилась на изучении залитого лунным светом призрачного города.

Джек практически не спал во время ночного перелета и был вымотан. Мерный гул работающего двигателя лишь нагонял сонливость. Он растянулся на пассажирском сидении, всем телом ощущая вибрацию работающего мотора. Джек с огромным трудом заставлял себя держать глаза открытыми, в то время как девушка медленно ехала по разрушающемуся призрачному городу.

— Вот же срань, — пробормотала Анжела. — Поверить не могу.

Джек выпрямился, моментально проснувшись:

— В чем дело?

Она остановила машину и заглушила мотор.

— Вон там, — ткнула она в лобовое стекло.

Джек всмотрелся и смог заметить маленькое оранжевое свечение, которое становилось то ярче, то тусклее. Кто-то курил сигарету, выходя из переулка и пересекая ту самую дорогу, по которой ехала Анжела. Затем Джек разглядел еще одного человека, идущего рядом с первым. Он тоже курил. Две светящиеся точки двигались вместе с

темными фигурами мужчин, лица которых на мгновение освещались при каждой затяжке.

— Это они, — прошептала Анжела.

Девушка потянулась и отключила автоматическое освещение салона, после чего осторожно открыла свою дверь. Джек вылез наружу вслед за ней. Они оба осторожно прикрыли двери, чтобы те не захлопнулись на замок и не произвели шума.

— Ты уверена? — шепотом спросил он.

— Это Мигель и Эмилио.

— Двое из напавших на тебя? Точно?

— Сто процентов.

Она явно была убеждена в этом. Он не был уверен, что она права. Это вполне могли быть просто двое бродяг. Сам он не мог разглядеть лиц двух темных силуэтов на фоне залитых лунным светом бетонных и кирпичных заброшенных строений.

Анжела, однако, не сомневалась и уже направилась в их сторону, опережая его. Джек вынул один из ножей из кармана и освободил лезвие. Девушка шла на цыпочках, ступая бесшумно.

Она двигалась как крупная кошка, подкрадывающаяся к жертве. Она замирала на месте, совершенно не двигаясь и наблюдая, затем короткими перебежками продвигалась вперед. Джек держался за ней, пытаясь подражать ее движениям. Когда он уже смог различить голоса мужчин, обсуждающих что-то на испанском, она медленно двинулась, не сводя взгляд с цели.

В те моменты, когда они говорили, смеялись или смотрели в другую сторону, указывая на что-то, она шла быстрее.

Джек удивлялся, почему она еще не достала пистолет, постепенно сокращая расстояние до мужчин.

Он не был готов, когда она внезапно перешла на бег. Длинноногая девушка быстро оторвалась от растерявшегося Джека. Он еще больше встревожился, почему она все не вынимает пистолет из кобуры.

Оба мужчины, заметив ее приближение, резко остановились, швырнули сигареты и выхватили большие ножи. Джек видел блики лунного света на лезвиях.

Они побежали Анжеле навстречу.

Это казалось чистым безумием. Безоружная девушка в коротких шортах и высоких сапогах бежит к двум мужчинам с ножами, ее руки раскачиваются в такт шагам, а платиновые волосы развеваются за спиной.

Джек понимал, что это добром не кончится, но было уже поздно пытаться ее остановить.

Глава 51

За считанные мгновения до того, как добежать до мужчин, Анжела наклонилась и подхватила с земли какой-то предмет.

Джеку показалось, что это металлический прут около метра длиной — возможно, обрезок арматуры. Девушка явно приметила его при лунном свете еще до того, как бросилась на мужчин, и намеревалась подобрать арматуру раньше, чем мужчины с ножами доберутся до нее.

Как только противники ринулись к ней, она внезапно остановилась. Анжела крутанула стержень в руке, напомнив чирлидершу с жезлом из старшей школы.

В последний миг она подбросила стержень вверх и поймала его за один конец. Держа прут как бейсбольную биту, девушка со всей силы махнула им, целясь в ближайшего мужчину.

Удар угодил в руку. Анжела словно собиралась выбить мяч за пределы поля, и нож вылетел из руки мужчины куда-то в темноту. Противник издал крик, полный боли, и рухнул на колени. Анжела использовала инерцию замаха, чтобы развернуться и ударить по предплечью другого мужчины, пытавшегося пырнуть ее ножом. Джек услышал треск ломающихся костей. Придерживая сломанную руку, мужчина отступил на несколько шагов.

Первый мужчина поднялся на ноги, восстановив равновесие. Он бросился к Анжеле, намереваясь схватить девушку. Держа арматурный стержень обеими руками, она резко ткнула им в лицо нападавшего с такой силой, что кончик прута пронзил череп и вышел из затылка. Мертвое тело изогнулось и завалилось на землю, вырвав прут из рук девушки.

Анжела нырнула вниз, когда второй мужчина кинулся на нее. Его рука прошла над ее головой.

Анжела вытащила из правого сапога большой нож. Пока противник пытался восстановить равновесие после промаха, она развернулась и двумя молниеносными ударами перерезала ему ахилловы сухожилия. Он вскрикнул от боли и шока, когда сухожилия втянулись в плоть, а икроножные мышцы превратились в узлы несвязанных волокон. Он попытался шагать на непослушных ногах, но свалился на землю.

Усевшись, он пытался достать здоровой рукой до своих искалеченных ног.

Анжела ударила его по щеке, повалив на спину. Без колебаний она оседлала его, обхватив торс голыми ногами. Девушка прижала кончик ножа к мягкой плоти между его левым глазом и скулой. Из его сломанного носа хлестала кровь. Джек прекрасно осознавал, что если мужчина дернется, то лишится глаза. Соперник Анжелы тоже это знал, потому не шевелился.

— Так-так, это же Мигель, главарь маленькой веселой банды насильников?

— Простите. Я действительно очень сожалею, сеньорита, — заныл он, подняв ладони в знак поражения.

Анжела улыбнулась:

— Да нет, пока еще не сожалеешь. Но очень скоро начнешь.

— Куда вы дели то, что изготовили? — спросил Джек из-за ее плеча. — Где семтекс, с которым вы работали? Куда вы его дели? — Джек положил руку на плечо Анжелы, не зная, что у нее сейчас на уме. — Анжела, — негромко предупредил он, — нам нужно выудить из него информацию.

Она бросила на него короткий яростный взгляд.

— О, информацией он с нами поделится. Даже не сомневайся. — Она повернулась к придавленному мужчине. — Правда же, Мигель? Ты расскажешь обо всем, что мы хотим знать, верно?

— Прошу, прошу, сеньорита! Простите меня!

— Ответь на вопрос моего приятеля. Где тот материал, который я видела, когда доставляла вам посылку? Куда вы его дели?

— Я не знаю, клянусь!

Услышав такой ответ, Анжела без лишних церемоний воткнула нож ниже глаза и подцепила им глазное яблоко, чтобы вырвать его свободной рукой. Она держала получившееся месиво в окровавленных руках перед его оставшимся здоровым глазом, пока он визжал и дергался под ней в агонии.

— Кончай орать, иначе я примусь за твой язык. — Она не повышала голос. Она была очень спокойна и серьезна, и от этого ее слова звучали еще страшнее.

Мужчина скулил от ужаса, но кричать перестал.

— Прошу! Не надо больше!

Внезапно он потянулся к ее волосам здоровой рукой, пытаясь схватить девушку. Джек как раз собирался вмешаться, но она опередила его, двумя точными движениями разрезав сухожилия на сгибе руки и предплечье насильника.

Бесполезная теперь рука шлепнулась на бетон, и Мигель вновь истошно завопил. Она сунула ему в рот кончик ножа, заставив замолчать.

— Спрошу еще раз. Где тот материал, который я видела, когда доставила посылку? Тщательно обдумай ответ, ведь если снова соврешь, я начну потихоньку отрезать от тебя разные части тела, которых ты не хотел бы лишиться. — Она приставила нож к его щеке и быстрым круговым движением вырезала одну из самых больших бородавок. Он закричал. — Но я собираюсь отрезать тебе кое-что еще более важное, если ты не заговоришь.

В подтверждение своих слов она сдвинулась назад, воткнула нож мужчине в ногу, заставив его задыхаться от боли, а затем провела обоюдоострым клинком вдоль штанины. Лезвие было столь острым, что разрезало штаны, нижнее белье и кожаный ремень. Кончиком ножа она откинула переднюю часть его штанов и белья в сторону.

— А вот и твои отвратительные яички. — Она наклонилась ближе. — Мигель, а почему твой мелкий отросток сморщился? Уже не так весело, как когда ты его пихал в меня?

Мужчина трясся от боли и страха. Из его здорового глаза текли слезы. Из пустой глазницы и сломанного носа сочилась кровь.

Но как бы он ни боялся и не страдал, насильник продолжал мотать головой, давая понять, что не собирается отвечать. Он был готов вытерпеть пытки и умереть за свои убеждения, но не собирался выдать информацию.

Такая решимость умереть обычно становилась непреодолимым фактором на допросах. Эта готовность выходила за пределы возможностей обычного цивилизованного человека.

Но Джек полагал, что эти террористы собирают атомную бомбу. Если этот человек не заговорит, Джеку придется вызвать подмогу. К тому времени, как они найдут основное место сборки, может быть уже слишком поздно. Или все еще хуже — они уже могли загрузить бомбу в грузовик и находиться на пути в крупный город. Время было на исходе.

В другом случае Джек давно бы остановил девушку, но сейчас сложилась именно такая ситуация, когда любым способом необходимо как можно скорее добыть информацию у террориста. На кону стояли сотни тысяч жизней.

Речь уже шла не о том, что было правильным или допустимым, а о выживании множества невинных людей. Такая цель оправдывала любые средства.

Джек подумал попросить Анжелу предоставить ему попытаться что-то узнать, но она была пугающе сосредоточена на мужчине. Инстинкт подсказывал ему не вмешиваться.

Анжела снова села на его живот, придавливая к земле — хотя вряд ли он мог сбежать. Кончик ее ножа оказался под его правым глазом.

— Думаю, ты уже понимаешь, что я тебе не верю и не играю в игры. Может, ты мечтаешь покрыть себя славой, умерев во имя своей идиотской цели. Может, думал, если тебя поймают, то просто посадят в тюрьму, и никто тебя не тронет, потому что американцы относятся к террористам с уважением и не пользуются вашими варварскими методами. В этом и беда, Мигель. Если б тебя поймали власти, то и правда поместили бы в какую-

нибудь прекрасную уютную камеру в Гуантанамо. Предоставили бы коврик и время для ежедневных молитв Аллаху, еду, чтобы не голодал, медпомощь и возможность играть на солнышке с другими заключенными убийцами — все, лишь бы ненароком не задеть твое чувство собственного достоинства. Но я не представитель власти, поэтому ты в заднице. Никаких уютных камер, в которых ты бы смог кричать о своей ненависти охранникам, плеваться, бросаться в них дерьмом или смеяться над мягкосердечными американцами и их правилами. Ничто из этого тебе не светит. И дело не в том, что ты террорист. Это уже личное. Ты меня изнасиловал. Ты засунул меня в удавку и думал, что я умру. Но я не умерла. И сейчас ты мой пленник, а не американских властей, и мне похуй на правила. Никто не помешает сделать с тобой все, что захочу. И поверь, я много чего для тебя придумала — еще когда лежала в больнице. Ты жаждешь убивать беззащитных женщин и детей во имя своей цели или долбаного бога какой-то идиотской религии, которую выдумал твой народ, подтирая жопы камнями. Вы живете в отбросах, потому что сами — отбросы. Вам нравится убивать тех, кто неспособен вам противостоять — потому что вы убийцы. Всего лишь убийцы, и ничего больше. Ничего благородного. Просто-напросто убийцы. За это ты будешь страдать от моих рук. Без правил. Без закона. Без спасения. Только ты и я.

— Я ничего не выдам, — с вызовом выпалил он. Слюна пузырилась в уголках его рта. — А ты просто американская шлюха. Грязь для меня. Я приветствую смерть. Я ничего не скажу! Я готов умереть!

Так и было. Джек знал: что бы она с ним ни делала, он готов принять это. Он был готов к боли. Типичный террорист, он почитал смерть, а потому приветствовал ее.

— Умереть? А кто говорил о смерти?

— Мы победим всех вас. И ты ничего от меня не узнаешь. Ни за что! Я умру мучеником!

Анжела посмотрела через плечо и улыбнулась Джеку. Он понятия не имел, почему. Продолжая улыбаться, она повернулась к истекающему кровью мужчине под ней.

— Все хорошо, Мигель. — Она потрепала его по щеке. — Все хорошо. Тебе и правда не нужно говорить мне.

— Потому что ничего ты от меня и не услышишь! Аллах вознаградит меня! Нью-Йорк поглотит облако в форме гриба, гораздо больше того, что было в Хиросиме!

Анжела смеялась. Действительно смеялась.

Джек начал волноваться. Время на таймере атомной бомбы подходило к концу. Они действительно были готовы умереть ради своей цели. Они верили, что в загробной жизни смогут наблюдать за разрушением Великого Сатаны.

— Я так не думаю, — сказала она, все еще улыбаясь Мигелю, как смешному маленькому ребенку.

— Да, так и будет, потому что я ничего не скажу тебе.

— Тебе и не надо, Мигель. Не нужно мне ничего говорить. — Она снова похлопала его по щеке, — Все хорошо, Мигель.

Он выдохнул, ноя от боли, но его любопытство в итоге взяло верх:

— Что ты имеешь в виду?

Анжела пожала плечами:

— Да мы просто приведем наших собак.

У него сперло дыхание.

— Собак?

Глава 52

Собак? Джек тоже не понимал, о чем она говорит.

— Именно, — сказала она Мигелю. — Неужто ты никогда не видел ищеек в той чертовой дыре, где жил и учился убивать невинных людей? Когда ты в последний раз принимал ванну? А, Мигель? Неделю назад? Две? Когда ты насиловал меня, у меня была возможность ощутить вонь твоего грязного тела, и я думаю, что ты не мылся не меньше месяца. Знаешь, ищейки находят потерянных детей, заблудившихся людей, похищенных — и бьюсь об заклад, все эти люди не мылись максимум дня два. Поэтому я не сомневаюсь, что собаки легко отследят твою вонь до того места, где ты со своими овцеебами собираешь бомбу. Понимаешь? — Она снова потрепала его по щеке. — Все хорошо. Нам и не нужно, чтобы ты говорил. Мы просто дадим собакам понюхать твою вонючую задницу, и они приведут нас точнехонько к твоим дружкам. А после… — девушка сделала надрез на его левой руке, заставив вздрогнуть. — Я отрежу тебе руку, прям вот по этой линии. Все равно она теперь бесполезна. Я наложу жгут над раной, чтоб ты не откинулся от потери крови. — Она ухмыльнулась, глядя на него. — Знаешь, что я сделаю потом?

Мигель с одним широко раскрытым глазом покачал головой.

— Я притащу тебя в то самое здание, где вы повесили меня и оставили подыхать.

Он всхлипнул.

— Ой, да не переживай. Я не собираюсь вешать тебя так же. — Она махнула рукой. — Выкинь эту мысль из головы. Мне казалось, что я целую вечность висела там, неспособная вдохнуть, хрипя и задыхаясь, но на самом

деле при таком способе повешения смерть наступает довольно быстро. Так или иначе, все скоро бы закончилось.

— Вот видишь... — начал оправдываться он, — мы желали тебе быстрой смерти. Мы оказали милость, даровав скорую смерть — тебе бы не пришлось долго страдать.

— Это мило, — сказала она, снова улыбнувшись мужчине, — но вот ты не заслужил права сдохнуть быстро. Итак, мой маленький фанатичный насильник и убийца, я повешу тебя голым, как и вы меня, но вот только веревку накину тебе не на шею, а на обрубок левой руки. Знаешь, что я сделаю после?

Он был слишком потрясен, чтобы ответить.

— Позволю собакам, выследившим твоих дружков по запаху, вернуться и заняться тобой, подвешенным и беспомощным.

— Собак?.. — проскулил он.

— Стая больших собак с ума сойдет и озвереет от такого количества свежего мяса. Они будут срывать с костей мышцы ног и жрать, пока ты будешь смотреть, не в состоянии остановить их. А так как ты будешь голым, вожак стаи, скорее всего, сперва набросится на твои гениталии. Ты знаешь, что означает английское слово «гениталии», Мигель? — Когда он не ответил, она ткнула ему в промежность кончиком ножа. — Речь идет об этих малышах. Собакам нравятся эти нежные места. Это лакомое угощение.

Ее голос был таким спокойным, таким нежным, таким чувственным, что она напугала даже Джека.

Мужчина под ней завопил от такой постыдной участи. Она позволила ему плакать и дрожать какое-то время, а затем снова наклонилась.

— Тебе интересно узнать, что я еще собираюсь с тобой сделать, когда ты будешь висеть в заброшенном здании, где висела я? А, Мигель?

Объятый ужасом мужчина мог только покачать головой.

Она ткнула его в живот ножом — не слишком глубоко, но достаточно, чтобы он ощутил его и вздрогнул. На коже выступили капельки крови.

— Я сделаю здесь небольшой надрез, только чтобы суметь сунуть туда палец и зацепить кишку, а потом вытащу ее на пару метров. Примерно то же я сделала с твоим глазом, помнишь? Кишки будут торчать из твоего живота, пока ты там висишь, и знаешь, почему? Потому что собаки любят внутренности. Они ухватятся за торчащую кишку и потянут ее, вытягивая все больше и больше, сражаясь за нее и дергая, мотая головами из стороны в сторону. Ну а другие псы тем временем начнут бороться за твои гениталии, разрывая их. Каждый день в агонии, пока ты будешь висеть там, все еще живой, со свисающим с костей мясом, каждый ужасный час, каждую жутчайшую, мучительную секунду, что покажется тебе вечностью, ты не будешь желать от своего бога ничего, кроме быстрой смерти. Но он не придет даровать ее тебе. А собаки, когда проголодаются, проснутся и сорвут еще немного мяса с твоих костей. — Она схватила и вывернула его правое запястье. — А кости могут очень сильно болеть, Мигель.

Джек слышал, как хрустнула и заскрежетала сломанная кость в предплечье Мигеля, пока Анжела крутила запястье в разные стороны. Мигель завопил от боли, его крики перешли в рыдания при мысли о том, что его ждет. Джек видел, что мужчина уже почти в шоке. У Анжелы осталось не так много времени, чтобы заставить его вы-

дать все, что он знает. Джек думал, что она тоже это понимает.

— Так вот, Мигель, я даю тебе последний шанс избежать очень-очень долгой, мучительной, позорной и напрасной смерти. Последний шанс ответить, прежде чем мы приведем собак. Последний шанс сказать мне, где твои дружки, где они собирают бомбу. Последний шанс заслужить быструю смерть, чтобы ты мог быть с Аллахом. Но если ты не хочешь говорить, — Анжела снова погладила его по щеке, — то ничего страшного. Мы просто пойдем за собаками, и они в два счета отследят твою вонь. — Она наклонилась и заглянула ему в глаза. — Время вышло.

Мигель дрожал и плакал, бормоча молитвы на испанском.

Наконец он приподнял свою сломанную правую руку над грудью и с усилием указал налево.

— Мне нужно больше, — сказала она совершенно спокойно.

— Туда, — сказал Мигель, — откуда мы пришли. Иди туда, пока не доберешься до двора с вагонными осями. Поверни налево. Метров через триста справа будет переулок. Если посмотреть через него, увидишь торец большого кирпичного здания с крышей в форме арки. Там подъемные ворота. Вот где остальные.

Анжела оглянулась на Джека. Он кивнул, сообщая, что верит этому человеку. Мигель думал, что у них есть ищейки, которые все равно быстро найдут, откуда он пришел. Значит, он не видел смысла врать. Их уловка остудила его пыл. Он поверил, что сопротивляться бесполезно.

— Ты помнишь, что я обещала, когда вы избили меня до полусмерти?

— Нет, сеньорита, — прохныкал он.

Она приставила кончик ножа к его груди, немного левее грудной кости.

— Я обещала убить вас всех. Помнишь?

Он неохотно кивнул.

— Ты должен был мне поверить. Я убила трех твоих дружков — одного сегодня ночью, а двух других, когда вы приехали к моему дому. Помнишь? Остался только ты. Вся ваша подготовка, планы и проделанная работа уже ничего не значат, ведь ты предал своих. — Анжела немного приподнялась и уперла обе ладони в кончик рукояти ножа, напрягая руки. — И да, Мигель, я хочу, чтобы ты знал — у нас нет собак.

Он вскрикнул, осознав, что его обманули.

Анжела всем весом навалилась на нож. Лезвие вошло глубоко в сердце мужчины, и через несколько секунд он был мертв.

Джек вытер пот с лица. Это был самый жестокий допрос, на котором он когда-либо присутствовал. Он много раз видел допросы в других странах, но допрос Анжелы был самым действенным и эффективным. Эта девушка была совершенно беспощадна.

Он в любой момент мог остановить ее и, наверное, должен был, но все меняло одно: теперь он был уверен, что у этих террористов есть ядерное оружие, действующее и готовое к применению. Если это случится, Нью-Йорк превратится в радиоактивную пустошь. Электромагнитный импульс этой бомбы выведет из строя все электрические и электронные устройства большей части Восточного Побережья.

Последствия взрыва для страны трудно даже вообразить. Мир необратимо изменится.

Здесь и сейчас, в критической ситуации, вряд ли кто-то кроме этой девушки с ножом смог бы получить необходимую информацию так быстро. Он практически ниче-

го не знал о ее жизни, но что-то в ее прошлом сделало ее нужным человеком, оказавшимся в нужном месте в нужное время.

И все же это была не пытка, а лишь трюк: она красочно расписала Мигелю применение ищеек. А то, что она уже успела с ним проделать, придало ее словам убедительности. Ее руки были почти по локоть в крови. Голые ноги тоже были измазаны кровью.

— Я знаю, что то, что ты сейчас проделала, было вовсе не легко и приятно. Надеюсь, тебя утешит осознание, что ты, возможно, сейчас спасла жизни бесчисленных людей.

— Прикалываешься? — Она смахнула прядь волос со щеки тыльной стороной запястья. Кровь на ее лице совпадала с цветом помады на губах. — Я давно не ощущала себя такой живой.

Джек в очередной раз задался вопросом, с кем он, черт возьми, связался.

Анжела указала на заросший травой участок:

— Давай оттащим этих двух туда.

Джек уставился на залитую лунным светом траву.

— Зачем?

— Нельзя, чтобы кто-то из патрульных обнаружил тела и поднял тревогу. Вон в той стороне цистерна. Скинем тела в нее.

Это имело смысл.

— А откуда ты знаешь о цистерне? — спросил Джек, когда они схватили Мигеля за ноги.

— Было дело, — произнесла она, когда они оттащили тело и бросили ноги. — Я как-то наткнулась на человека, который скинул туда тело рыжеволосой девушки. Я видела это место в его голове.

Джек сдвинул тяжелый люк в сторону, окинув девушку подозрительным взглядом.

— И что с ним случилось?

— Он сгинул в другой дыре.

В голове Джека уже переставала укладываться информация, которую он узнавал об Анжеле. Но было очевидно, что ее техника допроса едва ли была экспромтом. Мало у кого хватило бы решимости проделывать такое с другим человеком, вне зависимости от степени его вины.

Казалось, она наслаждалась процессом. Но учитывая, что те люди проделали с ней самой, он едва ли мог осуждать.

Когда они столкнули тела обоих мужчин в цистерну, Анжела вернулась за вырванным глазным яблоком насильника и бросила его к телу. Джек задвинул крышку.

Им нужно было как можно скорее найти то место, где террористы собирали атомную бомбу.

Джеку оставалось надеяться, что они еще не опоздали.

— Нужно идти, — сказал он. — У нас совсем мало времени для того, чтобы остановить их.

Глава 53

— Подожди здесь, — прошептал Джек.

Он был весьма признателен девушке за то, что она не стала спорить. Мужчина оставил Анжелу в переулке за полуразрушенной кирпичной стеной и в одиночку пошел из лунного света в тень, отбрасываемую массивным зданием с округлой крышей.

Окна в здании располагались довольно высоко и служили для вентиляции и освещения. В поисках возможности заглянуть внутрь Джек тихо прошел вдоль всей стены. Кирпичное здание прошло проверку време-

нем. В конце стены он обнаружил несколько металлических дверей, но все они были заперты. Он смог бы их выломать, но неизбежный шум поднял бы тревогу. Опыт подсказывал, что двери могли заминировать. В торце здания были откатные ворота, тоже запертые.

У противоположного угла Джек обнаружил сарай, стоявший вплотную к основному зданию. Мужчина вскарабкался на груду списанных дизельных двигателей и прочих запчастей позади сарая, а затем по водосточному желобу забрался на крышу. В кирпичной стене основного здания он обнаружил неровную вертикальную трещину.

Джек надавил на кирпичи рядом с поврежденным участком, надеясь найти те, что слабо держатся. Он обнаружил несколько таких. Покачав кирпичи, чтобы примериться, насколько просто будет вытащить их, он нашел самый подвижный. Джек осторожно начал вытягивать его сантиметр за сантиметром, следя за тем, чтобы другие кирпичи случайно не выпали.

Он был вооружен лишь двумя небольшими ножами. Джек умел с ними обращаться, и в ближнем бою они были незаменимы, но на больших дистанциях преимущество было за огнестрельным оружием. Он выучил этот урок в прошлый раз, когда пришел с ножом на перестрелку. Ничем хорошим это не кончилось: он провел несколько месяцев в коме и еще несколько — на больничной койке. Если тот случай чему-то и научил, так это тому, что Джеку не хотелось опять словить пулю.

А еще он потерял Кейт. Она поверила в смерть Джека, а потому скрылась с радаров, чтобы никто из высших хищников не мог найти ее. К несчастью, Джек тоже не мог ее найти. Он был обескуражен тем, что никакие его усилия в поисках не дали ни намека на ее примерное ме-

стонахождение. Но это и радовало, ведь убийцы тоже не могли отыскать ее.

Наконец, ему удалось вытянуть кирпич из стены. Джек осторожно положил его возле карниза, чтобы тот не упал и не предупредил людей внутри здания.

Джек наклонился и прищурился, пытаясь разглядеть происходящее внутри. Первое, что он увидел, чуть не заставило его упасть с крыши.

Посереди комнаты стоял сферический предмет около метра в диаметре. Несколько мужчин держали на весу кусок металлической обшивки, пока другие продевали целый жгут проводов через отверстие в оболочке.

Неподалеку стоял грузовой фургон с распахнутыми задними дверями, из которых свисала связка электрокабелей.

Конечно, эта бомба не слишком походила на уже виденные им чрезвычайно сложные устройства, но теперь, когда все улики нашли свое объяснение, он не сомневался, что смотрит на грубое ядерное оружие. Оно не было таким примитивным, как он надеялся. Это было довольно продуманное устройство, и Джек был готов поспорить, что мощности заряда хватит смести с лица Земли бóльшую часть города размером с Нью-Йорк.

Джек видел, что латунные патрубки для ВПМ уже заложены в семтекс. Кусочки взрывчатки имели правильную геометрическую форму и образовывали ровную сферу. Все было сделано с точностью и вниманием. Плутоний-239, найденный Моссадом на подошве ботинка Хосе, был плутонием бомбового класса, значит, у бомбы наверняка имеется и плутониевый сердечник. Он видел свинцовую оболочку под семтексом.

Сейчас уже совсем не важно, откуда взялся плутоний для бомбы. Важнее то, что он здесь все-таки оказался.

Теперь Джек был уверен в истинной причине подрыва пограничного пункта Оэсте Меса. Они использовали как диверсию все теракты, чтобы отвлечь внимание от этой атаки. Различные террористические организации заявили о своем причастии к разным нападениям, сбив с толку разведывательные службы. Эта путаница помогла переправить через границу Соединенных Штатов плутониевый сердечник и иные материалы для бомбы.

Все думали, что именно эти атаки были главным событием. Другие террористы могли даже не подозревать, что были лишь пешками, используемыми для отвлечения внимания, но они выполнили свою задачу, и группа внутри страны смогла получить необходимый материал для изготовления бомбы. Все прочесывали страну в поисках мусульманских экстремистов, проводя налеты на мечети, арестовывая, допрашивая и надавливая на известных радикалов в списках подозреваемых, и рылись в их показаниях. Никто не думал разыскивать мексиканцев.

Джек оценил, что до полного окончания сборки осталось несколько часов — никак не больше суток. Он был уверен, что к утру бомбу погрузят в фургон и увезут. Судя по тому, что они смогли выбить из Мигеля, целью был Нью-Йорк. Не было никаких причин сомневаться.

Не теряя времени, Джек скатился по крыше и спрыгнул на землю. Он двигался быстро, но как можно тише, пока возвращался от здания с бомбой к месту, где оставил Анжелу.

Когда Джек добрался до нужной точки, он не увидел девушки. Осматриваясь, он услышал звук капающей воды и заметил в лунном свете Анжелу, которая вылезала из железной цистерны, разрезанной пополам и лежавшей на боку. В цистерне скопилась дождевая вода. Мокрая насквозь Анжела перелезла через край.

Джек с подозрением спросил:

— Какого черта ты туда забралась?

Она так хмуро посмотрела на мужчину, будто это был самый глупый вопрос на свете.

— Чтобы смыть кровь. — Она стряхнула с рук воду. — Я не хочу измазать обивку своего грузовика.

Несмотря на такой странный и даже слегка сумасшедший способ, Джек признал, что ее действия имели смысл.

Он увел девушку на безопасное расстояние от здания с ядерным оружием. Джек увидел внутри минимум дюжину мужчин, занятых сборкой бомбы, но мог кого-то не заметить, заглядывая внутрь через такое небольшое отверстие. Еще он обратил внимание на множество АК-47, прислоненных к столбам и столам.

Анжела убила двоих, но по округе могли бродить другие террористы, вышедшие покурить или даже патрулирующие территорию. Джеку не хотелось бы на них наткнуться.

Он огляделся в последний раз, затем достал телефон и набрал один из записанных номеров.

Когда ответила женщина, Джек назвал ей код. Она быстро проверила, затем спросила, что может для него сделать.

— Дай мне Двору. Это чрезвычайно срочно.

В Израиле была середина дня, поэтому он рассчитывал на то, что она будет свободна. Ожидая ответа, Джек продолжал осматриваться на случай неприятностей. Анжела делала то же самое.

Двора быстро взяла трубку.

— Джек, что за срочность?

— Я в Милфорд Фоллз.

— Значит, ты нашел Анжелу Константайн?

— Да. Послушай меня, попросите американцев задействовать «СКВЕРНА». Они должны прислать людей.

На мгновение наступило ошеломленное молчание, затем Двора вернулась.

— Служба контроля и выявления единиц радиации и нуклеарной активности? Произошла утечка радиации?

Цель «СКВЕРНА» заключалась в том, чтобы незамедлительно выслать группы для обнаружения любого вида ядерного материала или устройств, таких как «грязные» бомбы. Он не был уверен, что они готовы к полноценной ядерной бомбе, но если кто и мог с этим справиться, так это команда «СКВЕРНА».

— Нет. Мы обнаружили готовую атомную бомбу.

Снова повисло минутное молчание.

— Хорошо, мы свяжемся с ними. Территория безопасна?

— Нет, дьявол, здесь небезопасно. Устройство скоро будет на пути в Нью-Йорк.

— Они контролируют уровень радиации по всему Восточному побережью.

— Это плутониевая бомба. Плутоний трудно обнаружить, а сердечник этой бомбы заключен в свинцовую оболочку. Судя по сложности конструкции, они наверняка используют и другие щиты, чтобы уберечь ее на пути в Нью-Йорк. Эти люди знают, что делают. Полагаю, грузовик экранирован, и наружу не просочится ни малейшая радиация. Маловероятно, что бомбу обнаружат. Но даже если какое-то новое сверхсекретное оборудование выявит ее до того, как она попадет в город, это будет слабым утешением, если террористы приведут бомбу в действие в момент перехвата. Радиус взрыва, огненная буря и радиация опустошат огромную территорию. Им не нужно прямое попадание — для ядерного оружия сойдет и относительная близость с городом.

— У меня красные огни мелькают по всей панели с нашими контактами, — сказала Двора. — У тебя есть координаты?

— Отправляю координаты здания, в котором они находятся.

— Порядок, получила.

Джек знал, что как только власти завладеют оружием, им понадобится группа «СКВЕРНА», чтобы обезвредить его.

— Пусть американцы знают, что у террористов вряд ли есть система предупреждения аварий. Но держу пари, у них имеется резервный план на случай нападения.

— Пока мы разговариваем, другие операторы уведомляют МНБ, АНБ, ФБР и, конечно, Пентагон. Я не знаю, какую тактическую группу они задействуют.

— Подозреваю, что это будет ближайшая.

— Хорошо, Джек, мы уже занимаемся этим. Весь наш центр задействован. Мы уже вводим американцев в курс дела.

Джек выдохнул с облегчением:

— Спасибо тебе, Двора. Я останусь тут, пока они не прибудут. Хочу убедиться, что террористы не уедут вместе с бомбой. Если они куда-то направятся, мы проследим и сообщим всю полученную информацию. Звони, если что-то понадобится.

— Держись поодаль. Если группа реагирования не сможет прибыть достаточно быстро, то может направить в район беспилотник или истребитель с ракетами.

— Ради бога, я надеюсь, у них хватит мозгов не использовать взрывчатые вещества рядом с ядерной бомбой.

Взрывчатка не могла привести в действие ядерную бомбу — для ее детонации требовался электрический заряд, — но всегда существовал риск радиационного зара-

жения от обломков. Они могли ненароком превратить свою атаку в «грязную» бомбу.

— Учитывая ситуацию и ее потенциальные последствия, им, возможно, придется на это пойти. Это их призвание, — сказала Двора.

Джек знал, что она имеет в виду. Если атомная бомба взорвется, то пусть лучше это произойдет в центре штата Нью-Йорк, чем в крупном городе.

— Пожалуйста, сообщи им, что я не советую использовать тяжелые боеприпасы.

— Думаешь, они нас послушают?

— Полагаю, нет. Кстати, не позволяй им узнать, кто предоставил сведения. В этой стране мне больше не рады.

— Я была готова к этой просьбе. Мы сказали, что получили сведения от наблюдателя. Они решат, это один из наших агентов.

— Спасибо, Двора. Я позвоню, если тут что-то изменится.

Повесив трубку, он повернулся к наблюдавшей Анжеле:

— Думаю, будет безопаснее уйти отсюда подальше. Возможно, здесь будет перестрелка. Не хочу, чтобы кто-то из нас получил шальную пулю. Есть в этом районе возвышенность, с которой можно наблюдать за происходящим?

Анжела кивнула:

— Знаю одно место.

Они бросились к грузовику, но из промышленной зоны выезжали медленно. Если у террористов имеются наблюдатели, Джек не хотел привлечь их звуком отъезжающего автомобиля, ведь тогда машину изрешетят пулями.

Как только они выехали из комплекса, Анжела свернула на ближайшую грунтовую дорогу. Через густой лес они проехали к вершине холма, и девушка припарковала грузовик на усыпанной гравием площадке, которой закончилась дорога. Прежде чем выйти, Анжела схватила из-за пассажирского сиденья бинокль. Пройдя между кленами и дубами, они вышли к месту, откуда открывался вид на окрестности.

Анжела протянула Джеку бинокль. Мужчина оглядел раскинувшийся комплекс. Лунного света было достаточно, чтобы рассмотреть все строения и широкие бетонные площадки. Он отыскал взглядом здание, где террористы прятали бомбу. Если грузовик выедет оттуда, он увидит.

Если фургон с бомбой покинет здание, и никто из оперативников к тому времени не появится, Джеку придется самому останавливать его. Возможно, придется даже пойти на таран, чтобы не дать грузовику добраться до Нью-Йорка.

Анжела и Джек присели на каменный выступ и стали ждать, следя за тем, чтобы террористы не ушли с бомбой. Минуты казались часами, пока они ждали, что кто-нибудь покажется. Джек не знал, будут ли это полицейские машины, беспилотник, который выпустит ракету, или что-либо другое. Морские котики или отряд «Дельта», скорее всего, были слишком далеко. Но опять же, Джек не знал, какие американские войска доступны, где они развернуты и какая авиатехника имеется в их распоряжении. Но был уверен, что они эффективны и всегда готовы к действиям.

Джек надеялся, что они все же достаточно близко.

Глава 54

Примерно через полчаса Джеку показалось, что он что-то услышал. Он встал и сделал несколько шагов из-под деревьев. Он скорее чувствовал грудью вибрацию, чем слышал. Возможно, в режиме полной маскировки работала не одна машина, а больше. Джек мельком заметил расплывчатое черное пятно, пересекшее почти полную луну.

— Кажется, я слышу вертолеты, — произнесла Анжела.

— Военный вертолет-невидимка. Кто бы ни был на его борту, эти бойцы лучшие из лучших.

Джек с облегчением подумал, что такая команда должна справиться с ситуацией.

Рокот вертолета-невидимки затих вдали, и темная местность внизу снова погрузилась в тишину. Джек всматривался, но не мог ничего разглядеть или услышать. Он пришел к выводу, что они приземлились поодаль и пошли к зданию пешком.

Пока они с Анжелой ждали, прислушиваясь к пению ночных птиц среди деревьев и монотонному стрекоту насекомых, ночь внезапно разразилась грохотом выстрелов. Птицы взлетели над деревьями и унеслись прочь с пронзительными криками. Джек поднес бинокль к глазам и увидел перекрещенные следы трассеров, расходящиеся во всех направлениях. Шумная стрельба, вероятно, велась из здания — у штурмовой группы наверняка были глушители.

Он передал бинокль Анжеле, чтобы девушка тоже могла посмотреть. Едва он сделал это, ночь озарилась мощным взрывом. Здание с бомбой исчезло в расширяющемся ярком желто-оранжевом огненном шаре. Джек видел, как по промзоне катится ударная волна.

Он схватил Анжелу за плечи и увлек ее на землю, прикрыв собой. Ударная волна и эхо взрыва обрушились на деревья.

Как только все закончилось, Джек вскочил на ноги и посмотрел в бинокль. Здание практически исчезло. Остался лишь небольшой кусок задней стены. Земля была усеяна кирпичами.

Он сомневался, что войска США пошли бы на взрыв здания с ядерной бомбой внутри. Должно быть, террористы заранее обложили здание взрывчаткой. Мощным зарядом. Судя по силе взрыва, они хотели умереть мучениками, чтобы в живых не осталось никого, кого можно было бы взять в плен и допросить. Очевидно, они хотели захватить с собой как можно больше врагов.

Зона поражения была большая, и жертвы среди солдат наверняка были.

Анжела взялась за бинокль.

— Я вижу движущихся людей, — сказала она через мгновение. — Люди заходят в руины здания. Больше никто не стреляет. Это хороший знак?

— Да. — Он положил руку Анжеле на плечо. — Ты сделала доброе дело, Анжела. Похоже, мы успели вовремя. Бомба была почти собрана и скоро отправилась бы в Нью-Йорк. Ты спасла жизни очень многих людей.

— Спасибо, Джек, — не выказав эмоций, произнесла она.

Спустя некоторое время телефон Джека завибрировал. Звонила Двора.

— Они нашли бомбу и обезопасили ее, — сказала она. — Бомба почти не пострадала. Бог мой, Джек, она была так близко.

— Слишком близко, — согласился он. — Команда сообщила что-нибудь еще?

— У них боевые потери. Я не знаю, сколько. Раненых много, но периметр закрыт. Они не нашли ни одного живого террориста и еще не знают, есть ли выжившие наблюдатели, но их ищут.

— Хорошо, — сказал Джек. — Теперь, когда у них все под контролем, нам лучше убраться отсюда.

— Я дам тебе знать, если мы получим новую информацию. И просто чтобы ты знал — мы не упоминали твое имя.

Положив трубку, Джек вместе с Анжелой пошел между деревьев к грузовику. Ночь снова стала тихой. Опасность миновала, бомба была взята под контроль, а Джек вдруг почувствовал себя опустошенным.

— Не подбросишь меня до бара, чтобы я мог забрать свою машину? Я очень устал и хочу лечь спать.

— Думаю, нам обоим надо отдохнуть, — сказала она. — Рада, что смогла помочь.

— Помочь? Если бы ты не вытянула из Мигеля информацию, атомная бомба отправилась бы в Нью-Йорк в течение одного-двух дней. Весь мир тебе задолжал.

— Я бы предпочла остаться в стороне, если ты не против, — сказала Анжела, когда они подошли к грузовику.

Джек усмехнулся, понимая причины. Когда они выехали на шоссе и повернули к городу, он сказал:

— Мы с тобой во многом похожи. Я тоже не хочу, чтобы они знали о моем участии.

Анжела повернулась к нему, и на ее лицо упал свет приборной панели.

— А почему нет?

Джек вздохнул.

— Им не нравится, что я работаю с людьми вроде тебя, которые могут узнавать убийц. Это не согласуется с

политикой, и они разорвали со мной контракт. Однако израильтяне благодарны мне за помощь.

На ее лице появилось скептическое выражение:

— Значит, есть еще такие, как я?

— Ну, — протянул он, — я знаю много о людях, которые умеют распознавать убийц, но они не сравнятся с тобой.

Она задумалась над его словами, ведя машину по извилистой горной дороге. Сзади быстро приближалась машина, и дальний свет ее фар осветил кабину грузовика. Когда машина выехала на встречную полосу и поравнялась с грузовиком, Джек заметил, что это бежевая тойота.

Анжела глянула в окно и увидела машину.

— Черт, нет, — пробормотала она. — Этого не может быть.

Автомобиль подрезал их, пытаясь столкнуть грузовик с дороги в лес. Анжела предвидела этот маневр и вдавила педаль газа в пол. Грузовик разогнался так, что Джека вжало в спинку кресла. Тойота снова их подрезала, но, поскольку пикап уже вырвался вперед, промахнулась.

Джек глянул в заднее окно и увидел нечто похожее на очертания АК-47, торчащих из пассажирских окон.

— Советую одолжить мне свой пистолет.

— Тебе он не понадобится, — сказала она спокойно и сдержанно, не отпуская педаль газа. — Эти парни не знают, что делают.

Грузовик летел в ночь, шины едва не теряли сцепление с асфальтом на поворотах, которые Анжела проходила с немыслимой скоростью. Он знал, что это не обычный пикап, и Анжела — выдающийся водитель. Вдобавок, девушка хорошо знала дорогу. Джек сжался между дверью и центральным подлокотником.

Анжела ехала по горной дороге с безумной погоней на хвосте, иногда выжимая газ лишь наполовину на прямых участках, чтобы тойота могла нагнать, а затем ускоряясь, чтобы оторваться и подстегнуть инстинкт хищника, преследующего жертву. Достигнув особенно извилистого участка, вдоль которого попадались крутые обрывы, она замедлилась ровно настолько, чтобы тойота снова начала догонять и водитель поверил в успех.

Джек понял: девушка дает им поблажку, а затем заманивает туда, куда ей нужно. Когда они выехали с поворота на прямой участок, она снова выжала из двигателя всю мощь. Джек взглянул на спидометр и увидел, что они разогнались до ста шестидесяти километров. Он поднял взгляд и в свете фар увидел дорожный знак, предупреждающий о крутом повороте направо.

Ближе к повороту Анжела чуть отпустила педаль газа, позволяя преследователям поравняться с ними на встречной полосе. Когда это произошло, девушка резко ударила по тормозам. Тойота пролетела мимо, и Анжела крутанула руль влево, зацепив бампером заднюю правую часть тойоты. На такой скорости у преследователей не было шанса справиться с управлением, поскольку сила инерции развернула их машину. Автомобиль юзом вошел в правый поворот, огибавший гору, и на большой скорости вылетел с дороги, когда Анжела пронеслась мимо. Потерявшая контроль машина влетела в небольшую канаву и перевернулась. Она словно бочка покатилась по насыпи, разбрасывая повсюду хромированные молдинги, стекла и грязь.

Анжела резко остановилась, а затем сдала назад и съехала на левую сторону дороги как раз вовремя, чтобы увидеть, как падающая машина врезалась крышей в дерево. С оглушительным грохотом она мгновенно замер-

ла. Мир погрузился в мертвую тишину. От смятого кузова поднимались клубы пара и дыма.

Анжела хладнокровно открыла дверь и спокойно вышла.

— Пойдем взглянем.

Она вытащила пистолет из кобуры на пояснице и начала спускаться по насыпи. Джек достал свой нож. При таких обстоятельствах он предпочел бы иметь при себе пистолет. Спустившись по каменистому склону, поросшему деревьями, они подошли к месту крушения.

Джека поразило, что машине удалось скатиться так далеко по крутому склону, срезав молодые деревца, но не задев ни одно взрослое — правда, в итоге она все равно столкнулась с большим деревом прямо возле обрыва. Если б тойота разминулась с ним, то слетела бы с края и приземлилась далеко внизу, среди валунов. Но дерево вовсе не спасло их, а убило. Машина ударилась крышей и сложилась вокруг дерева. Пока она летела по склону, из нее никто не выпал. Все оставались внутри до конца.

Пока Анжела в коротких шортах и замшевых сапогах стояла на страже с пистолетом, Джек забрался на машину, чтобы заглянуть сквозь узкие проемы, оставшиеся от разбитых окон. Тела внутри были разорваны и смяты в кровавое месиво. Выживших там не осталось, и спасать было некого.

Анжела убила их всех без единого выстрела. Он сомневался, что кто-нибудь по ее внешнему виду способен понять, что эта женщина смертельно опасна. Он не представлял, какой была ее жизнь до этого момента, но надеялся узнать.

Небо начинало окрашиваться в багровый цвет. Значит, до рассвета оставалось совсем недолго.

— Давай вернемся в город, — сказал он.

Оставшаяся часть пути прошла без происшествий. У Джека было много вопросов, но сейчас не время. Никто не преследовал их, поэтому Анжела ехала если не с разрешенной скоростью, то хотя бы с благоразумной. Когда они вернулись к его машине, стоявшей на пустой парковке у заведения Барри, солнце еще не взошло, но небо уже стало золотисто-голубым. Бар был давно закрыт. Ветер кружил в танце несколько клочков обертки от гамбургеров в предрассветном зареве.

— Мне завтра на работу, — сказала она. — В пятницу вечером у нас будет оживленно, так что девочкам понадобится моя помощь. Мне нужно домой — принять душ и немного поспать. Похоже, тебе тоже не помешает сон.

Он сможет спать, сколько захочет, но бар откроется довольно скоро, и у Анжелы, которой еще нужно добраться до дома, не будет возможности как следует выспаться.

Джек кивнул и открыл дверь.

— Ты права. Анжела, ты сегодня совершила нечто невероятное. Нам многое нужно обсудить. А пока отдыхай. Дам тебе поработать и загляну позже, ближе к закрытию.

Глава 55

«У Барри» закрывался в два часа ночи, и Джек пришел туда незадолго до этого времени. Он понимал, что у Анжелы хватает забот с баром, поэтому после событий прошлой ночи хотел предоставить ей возможность спокойно заниматься своими делами. Парковка была напо-

ловину заполнена — значит, дела у бара шли весьма неплохо.

Теперь, когда террористы были остановлены, Джек с Анжелой могли взять передышку. Но Джеку нужно многое с ней обсудить. Ему действительно было необходимо узнать больше о ее видениях при взгляде в глаза убийц. Подобного он еще не встречал. Он пока не совсем понимал, с чем именно столкнулся. И, по правде говоря, от этого его пробирало до костей.

Джек связался с Дворой, чтобы узнать последнюю информацию. Она сообщила, что происшествие получило статус сверхсекретной информации — он и так это понимал, поскольку в новостях не прозвучало ни слова о случившемся. Будь то обычная строго секретная информация, ее бы уже кто-то слил.

По-видимому, после недавних террористических атак, из-за которых все население было взбудоражено и требовало возмездия, правительство не хотело давать людям узнать, насколько они уязвимы для ядерного удара. Наверняка об инциденте знало минимально возможное количество людей, и большинство сотрудников разведки даже не подозревали о нем.

Двора представила отчет о погибших и раненых. Она сказала, что ядерное устройство откинуло метров на сто, но от взрыва его защитил тяжелый металлический корпус, требовавшийся для первоначальной детонации. Бомбу стабилизировали, и «СКВЕРНА» уже собиралось ее обезвредить.

Взрывчатка, которой террористы заминировали здания, была такой мощной, что на месте взрыва никто не мог выжить. Никто и не выжил. Джек знал, что несколько наблюдателей, которые преследовали их с Анжелой, тоже мертвы, и надеялся, что среди погибших был Кассиэль. Это займет некоторое время, но эксперты, работа-

ющие на месте аварии, в итоге смогут подтвердить его личность по найденным останкам. Как только они что-то выяснят, Моссад узнает об этом и сообщит Джеку.

Еще Двора сообщила, что, судя по слухам, они схватили какого-то террориста. Джек удивился. Двора сказала, что захват держат в секрете, и подробности неизвестны. Джек предположил, что захватили еще одного наблюдателя.

После беспокойного сна в номере мотеля, где шторы пропускали слишком много света, он посвятил остальную часть дня и вечер исследованиям, поедая пиццу. У него было большое количество информации о различных типах людей со способностью узнавать убийц, которую он собирал многие годы. Все те люди обладали данной способностью в большей или меньшей степени. В основном, в меньшей.

Затем появилась Кейт. Она обладала даром узнавать некие факты, глядя в глаза убийц. Он предполагал, что такая способность должна появиться благодаря эволюции.

Но он не мог объяснить способности Анжелы, которые выходили за рамки его собственных теорий. Некоторые очень редкие личности, в частности Кейт, могли получить смутные намеки, глядя на убийц или их фотографии.

Анжела видела больше. Она могла называть имена.

Джек шел через заполненную наполовину парковку. Посетители еще не собирались разъезжаться — наверное, решили сидеть в баре до последнего заказа. Он не хотел мешать Анжеле работать, но ему не терпелось с ней поговорить.

Густой лес на другой стороне дороги безмолвно наблюдал. В первый визит у Джека создалось впечатление, что бар — последний аванпост перед огромными

непроходимыми лесами. Такие вещи всегда заставляли его задуматься о своем месте — месте человечества — в великом космосе. Временами ему хотелось просто исчезнуть в одном из таких древних лесов и прожить остаток жизни в одиночестве и спокойствии, не имея дел с убийцами и их добычей.

Грохот рок-музыки обрушился на него, когда он открыл дверь в темное помещение. Внутри был совершенно другой мир, непохожий на молчаливые окрестные леса.

Посетители в различных стадиях опьянения шумели и, казалось, отлично проводили время. В воздухе висел сигаретный дым. Разноцветные огоньки мелькали по лицам, создавая ощущение, что людей посыпали пыльцой фей. Некоторые танцевали между столиками. Женщины в коротких топах и шортах танцевали, сидя у парней на коленях.

Джек видел, как девушки, работавшие в баре, разделили последний заказ со своими клиентами. Царила атмосфера вечеринки, но он знал, что Анжела не станет в этом участвовать. Он уже понял, что она, как и большинство людей со способностью выявлять убийц, испытывала отвращение к любым веществам, изменяющим сознание.

Пока Джек лавировал между оживленными людьми, висящими друг на друге, пьющими, болтающими, смеющимися и танцующими, его заметил Нейт. Он бросился к Джеку, схватил за руку и потащил за барную стойку, к двери служебного помещения, где было хоть немного тише.

— Где Анжела?

— Прошу, пойдем со мной! — голос Нейта был полон отчаяния. — Нам нужно поговорить.

— Где Анжела? — снова спросил Джек, когда они оказались в относительной тишине подсобки.

— Они забрали ее! — сказал Нейт, все еще сжимая руку Джека. — Эти чертовы ублюдки пришли и...

— Погоди минуту, — сказал Джек, поднимая руку. — Помедленнее. Расскажи, что произошло.

— Я хотел позвонить тебе — я пытался — но не знал, как связаться с тобой. Я обзвонил все мотели в Милфорд Фоллз, и ни в одном из них не зарегистрирован никакой Джек Рейнс.

Джек не называл в мотелях свое настоящее имя. У него было фальшивое удостоверение, которым он всегда пользовался, чтобы люди не могли его найти.

— Хорошо. Теперь я тут. Что случилось? — Его беспокойство возрастало с каждой секундой, но он старался этого не показывать. — Где Анжела?

Нейт прижал кончики пальцев к вискам, чтобы успокоиться.

— Мы должны были открыться сегодня поздно утром. Я пришел и ждал, потому что у меня не было ключа. Вскоре приехала Анжела, чтобы открыть бар. Никто из девушек еще не появился. И пока она открывала дверь, начался настоящий ад. Появились люди в черной боевой экипировке, которая открывала только их глаза, и наставили на Анжелу автоматы. Они оттолкнули меня в сторону. И все одновременно выкрикивали приказы. Это было безумие.

Джек, разинув рот от удивления, подался вперед:

— Что?

— Ага, их было несколько десятков. Они подбежали и прижали ее к стене. Человек пятнадцать держали ее за руки, вдавливая в стену, чтобы девушка не могла шевельнуться. Все наставили на нее оружие. Я кричал им, чтобы они оставили ее в покое и не причиняли вреда. За-

тем, пока они ее держали, на парковку въехало очень много черных внедорожников, которые полностью нас окружили. Человек шесть с автоматами оттащили меня назад и обыскали. Они велели мне заткнуться.

— А что Анжела? — спросил Джек.

— Так и стояла, расплющенная по стене. Несколько типов ее обыскивали, пока остальные надевали на нее наручники и браслеты на ноги. Они нашли у нее за поясом кобуру с пистолетом. Еще один тип извлек нож из ее правого сапога.

— Что она делала? Она что-нибудь сказала? Господи, надеюсь, она не сопротивлялась.

— Нет, она не сопротивлялась. Она выглядела как тряпичная кукла в их руках. Я мучился из-за того, что ничем не могу помочь, но перед моим лицом маячило с полдесятка стволов. Засранцы знали свое дело. Они сказали, если я не отойду и не буду держать язык за зубами, меня пристрелят. Вряд ли блефовали.

— Не блефовали, — ответил Джек.

— Потом четверо или пятеро подняли Анжелу — прямо как свернутый в рулон ковер — и понесли к одному из внедорожников. Прямо перед тем, как они втащили ее внутрь, она успела повернуть голову в мою сторону и прокричать, чтобы я держал бар открытым. Понятно, что она имела в виду. Девочкам нужна работа, а Барри нуждается в деньгах — если выживет. Но в тот момент это было последнее, что меня волновало. Я боюсь за Анжелу. Понятия не имею, что это были за типы. У них не было никаких опознавательных знаков, а попросить их предъявить свои удостоверения я, черт побери, не рискнул. Сразу как она это сказала, они заткнули ей рот кляпом и впихнули в салон. Затем они все попрыгали в свои машины и свалили.

Взгляд Джека наполнился гневом.

— Проклятье!

— Знаешь, кто это и что им нужно от Анжелы? Это как-то связано с большим взрывом в старой промзоне? Слышал, там перекрыли весь район и ввели войска. Говорят, там разбился военный самолет. Ты знаешь, зачем они приехали сюда и забрали ее? Зачем все эти наручники и браслеты на ногах? Это не копы. Спецназ я тоже видел, это были не они. Это был какой-то другой военный отряд.

— Я не знаю, что происходит, Нейт.

Джек и правда не знал. Его разум лихорадочно работал, пытаясь что-то придумать.

— Мы должны ей помочь! — отчаянно воскликнул Нейт.

— Во сколько это произошло?

Нейт развел руками.

— Не знаю. Прямо перед открытием, около полудня. Но я не уверен.

— Значит, они держат ее больше четырнадцати часов.

— Я не знал, что делать. Начали приходить другие девочки, потом появились первые посетители, поэтому я позволил открыть бар. Я рассказал им, что случилось с Анжелой — ну, я просто сказал, что ее арестовали, — и что она велела мне открыть бар.

Джек все еще пытался понять, что можно сделать.

— В Милфорд Фоллз есть здание федералов?

— Ага, разумеется, — ответил Нейт. — Небольшое. Там находится офис Управления социального обеспечения и всякое такое.

Джек никак не мог взять в толк, почему они взяли Анжелу под стражу, но дело явно касалось бомбы — значит, были задействованы федеральные службы высшего уровня.

А такие предпочитают самостоятельно допросить подозреваемого, не теряя времени и не дожидаясь, пока кто-то еще объявит это своей юрисдикцией. Эти люди не захотят ждать, пока девушку доставят в Вашингтон. Им нужно какое-нибудь неприметное место, так как их собственное агентство находится под постоянным наблюдением журналистов, жаждущих сенсаций или любых утечек о массовых террористических атаках.

— Где это здание?

Нейт рассказал, как добраться. Джек запрыгнул в машину и рванул со стоянки. Если они доставили ее в здание федералов для первичного допроса, она все еще может быть там.

Глава 56

Джек припарковался почти в квартале от нужного места, выбрав переулок, из которого было удобно наблюдать за небольшим зданием федералов. С полдесятка черных внедорожников было припарковано на улице. На подземной парковке их, скорее всего, было еще больше. Все они имели правительственные номера, но на бортах не было опознавательных знаков или табличек. Мужчина надеялся, что наличие машин означает, что Анжела все еще в здании.

Также он надеялся, что сумеет найти способ вытащить ее. Даже за миллион лет они не смогут понять, кто она такая и что сделала для спасения страны. Для них это не имело значения. Иначе они бы не задерживали ее и не обращались с ней так, словно им в руки попался сам Усама бен Ладен. У них были свои интересы.

Они держали ее у себя уже пятнадцать часов. Он знал, что она не спала — эти люди не собирались давать ей спать. Скорее всего, они избивали ее в ходе непрерывного допроса. Он не знал наверняка, почему ее взяли, но кое-какие подозрения имелись.

Если ее доставят в Вашингтон, то она исчезнет в лабиринте бюрократических организаций и секретных помещений. Она будет во власти спецслужб и министерства юстиции, а они зачастую стоят над законом и ни перед кем не отчитываются. Раньше он сотрудничал с ними, поэтому прекрасно осознавал, что единственный шанс что-либо сделать — действовать до того, как девушку доставят в столицу.

В ночной час на улице было припарковано совсем немного машин, и Джек был слишком заметен.

Он понимал, что для решения этого вопроса придется выйти из тени. Джек на годы пропал со всех радаров, но если он хочет помочь Анжеле, то должен объявиться.

Джек взглянул на часы. Три часа ночи. Значит, в Израиле наступило десять утра. Он нажал кнопку быстрого набора.

Двора ответила почти сразу.

— Двора, у меня проблема.

— Слушаю.

— Федералы схватили Анжелу. Не знаю кто и почему.

— По крайней мере, могу помочь с вопросом «почему», — ответила Двора. — Мы перехватили засекреченные переговоры. Кажется, они решили, что она сообщник террористов.

— Что? Чушь собачья. Да это же именно она их остановила!

— Чем я могу тебе сейчас помочь?

— Я собираюсь пообщаться с людьми, которые уверены, что меня нет в живых. — Джек крепко сжал руль. — Они могут незамедлительно исправить эту досадную оплошность. Инициируй защищенный протокол, если со мной что-то случится.

— Ты уверен, что все настолько серьезно?

— Пока мы с тобой говорим, не менее пяти снайперов на крышах смотрят на меня в прицел.

Двора заговорила после небольшой паузы:

— Хорошо. Подготавливаю его прямо сейчас. — Последовала еще одна пауза. — Все, загружено. Если не будешь выходить на связь каждые двадцать четыре часа, пакет будет незамедлительно разослан по загруженному списку адресатов. Будем надеяться, до этого не дойдет. Когда начинать отсчет?

Джек снова посмотрел на часы.

— Не уверен, смогу ли дозвониться до нужного человека посреди ночи. Давай начнем отсчет времени с восьми часов утра.

— Принято. В восемь утра по твоему времени, или три часа дня по времени Израиля, таймер будет запущен. Ты должен будешь отзваниваться в восемь часов утра каждые сутки, до тех пор, пока не отменишь протокол. Если ты не выходишь на связь, пакет автоматически рассылается.

— Понятно. Благодарю, Двора.

Двора помедлила, а потом спросила:

— Этот объект стоит такого риска?

— Я даже не представляю, как объяснить, насколько она важна. Только благодаря ей Нью-Йорк не исчез с лица земли, накрытый радиоактивным облаком.

Двора тихо присвистнула.

— Вау. Хорошо, Джек, мы тебя подстрахуем. Делай, что должен, чтобы вызволить ее оттуда.

Когда она отключилась, Джек набрал другой номер. Ответа не последовало. Другого результата он и не ожидал. Он набирал этот номер каждые пятнадцать минут на протяжении всей ночи.

В полвосьмого утра мужской голос ответил:

— Должно быть, у вас очень важное дело. — Его голос звучал слегка раздраженно.

— Так оно и есть, Ангус, — произнес Джек.

— Кто это?

— Джек Рейнс.

Последовала долгая пауза.

— Джек Рейнс мертв.

— С прискорбием сообщаю тебе, что я все еще жив и здоров.

— А откуда мне, черт побери, знать, что ты настоящий Джек Рейнс?

— Потому что я звоню на этот номер.

— Это ничего не доказывает. Ты мог украсть телефон при жизни или стащить у покойника — у настоящего Джека Рейнса.

— Как ты, когда стащил маленькую черную книжку у мертвеца в Цинциннати? Я там был, помнишь? Я видел, как ты достал ее из нагрудного кармана, после того как твой человек, Сэм вроде, придушил того парня.

— Джек... Господи Иисусе... это действительно ты?

— Боюсь, что да, Ангус.

— Мы думали, ты мертв. Все так думали.

— Знаю. Я предпочел бы оставаться мертвым, но мне пришлось воскреснуть.

— О чем ты?

— Мне кое-что от тебя нужно.

— Ну, я не уверен, что все еще могу...

— Иначе, помимо прочего, я сообщу всем о существовании твоего агентства и его теневом бюджете.

— И умрешь по-настоящему.

— Возможно. Мне кое-что нужно, и ты мне поможешь.

— Нет, Джек, я так не думаю. У нас с тобой больше нет соглашения о сотрудничестве.

— Какое дерьмовое отношение, Ангус. А я ведь столько для тебя сделал.

— И мы это ценим. Ты не раз спасал наши задницы. Но я вынужден посоветовать тебе не доставлять мне проблем. Иначе ты отправишься на тот свет, и на этот раз навсегда. И тогда все, что ты знаешь, умрет вместе с тобой.

— А тут ты ошибаешься, Ангус. Видишь ли, если я не буду регулярно выходить на связь, информация обо всех известных мне агентствах, включая твое, обо всех их операциях, способных наделать много шума, будет незамедлительно отправлена в Конгресс, Сенат, Министерство юстиции, прессу. Она появится на всех значимых онлайн-ресурсах, чтобы каждый смог увидеть истинное положение дел, черным по белому.

Последовала долгая пауза.

— Тебе стоит быть осторожнее с такими угрозами, Джек.

— Вот мое предложение, Ангус. И я не валяю дурака. Или ты поможешь мне и сделаешь то, что нужно, или множество людей обнаружат удавку на своих шеях. Среди них будешь и ты.

Собеседник дал слабину.

— Хорошо, Джек. Я выслушаю. Я многим обязан. Ты сделал для нас немало хорошего. Может, я и смогу помочь. Что нужно?

Джек решил дать Ангусу возможность притвориться, что тот действует из благих побуждений.

— Я сейчас в городке Милфорд Фоллз, штат Нью-Йорк. Припарковался недалеко от здания федералов. Первое, что я хочу: пусть снайперы на крыше перестанут в меня целиться.

— Хорошо. Не представляю, по какой причине они так себя ведут, но я разберусь с ними. Не проблема. Это все?

— Слышал про атомную бомбу, которую здесь собрали и почти отправили в Нью-Йорк?

— Боже, Джек, это сверхсекретная информация. Как, черт тебя дери, ты узнал об этом?

— Я ее предоставил. Я сообщил координаты, чтобы команда смогла приехать на место и предотвратить трагедию.

— Так это был ты?

— Да.

Ангус громко вздохнул:

— Хорошо, я весь внимание. Что за проблема?

— Некое спецподразделение устроило облаву и забрало моего человека.

Последовала долгая пауза, прежде чем собеседник ответил:

— Твоего человека? Могу сказать лишь, что наши люди по спутнику отслеживали террористов в седане и пикапе как раз в тот момент, когда они пытались скрыться с места преступления. Прежде чем команда смогла задержать их, седан попал в аварию и четверо мужчин внутри погибли. Они отследили пикап до бара и схватили женщину уже позже.

Джек глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

— Ангус, это я и мой человек нашли там эту бомбу. Я сообщил координаты. Когда мы выбирались оттуда, четверо террористов сели нам на хвост. Нам пришлось ехать быстро. Они разбились, мы — нет.

— Тачка разбилась, а она нет. Это не доказывает, что она не имеет отношения к террористам.

— В промзоне есть цистерна. В ней вы найдете два тела: у одного арматура в черепе, у второго нет левого глаза. Мой человек сделал это с ними, выпытывая местонахождение бомбы. Именно она получила информацию и спасла твою задницу, а также жизни тысяч людей.

— Мы не одобряем пытки.

— Спасибо, что держишь в курсе. В следующий раз я позволю атомной бомбе сдетонировать. Так тебя устроит, Ангус?

— Послушай, Джек, это довольно грязное дело. Теперь в него вовлечены политики.

— Не вижу в деле ничего грязного. Мой человек остановил ядерную атаку. Она на нашей стороне. Я хочу, чтобы мне ее вернули. Что тут грязного?

Ангус шумно выдохнул в трубку:

— Могу я быть предельно откровенным?

— Разумеется.

— После недавних террористических атак общественность жаждет крови. Из-за русских хакеров мы на грани войны.

— Русские тут не при чем. Террористы заставили всех подумать, что это русские, чтобы запутать. Ваши люди настолько тупы, что не знают про трюк с удаленными серверами? Мне нужно объяснить тебе, как это работает?

— Нет, конечно, нет. Но именно это просочилось в прессу. А восприятие — это реальность. Неважно, правда это или нет. Общественность жаждет крови, и правительство должно пустить ее. Атаки разрозненные, групп было много, и никто доподлинно не знает, куда наносить ответный удар. А русские являются отличной мишенью для

всеобщего гнева. Наше ядерное оружие приведено в боевую готовность.

— Какое все это имеет отношение к тому, что вы удерживаете моего человека?

— Нападения застали все агентства врасплох. Большинство террористов, участвовавших в атаках, находилось в списках наблюдения. А мы с тобой прекрасно знаем, что эти списки являются лишь пропагандой на потеху публике. Эти списки ни черта не значат, если людей из них вовремя не остановят. Так и случилось. Все, от ФБР и НАБ до Юстиции, просто облажались.

— Потому что все эти службы слишком заняты слежкой за обычными американцами вместо своей работы, — произнес Джек. — Там же много преданных своему делу людей — или, по крайней мере, раньше было…

— Ты прав, Джек, но ты же понимаешь, агентствам нужно отвлечь от себя гнев толпы, и для этого не подойдет радикальный исламский терроризм. Им нужен жертвенный агнец. Эта девушка — никто. Просто барменша, выросшая в трейлерном парке. Легко выставить ее ультраправой экстремисткой. Она отлично вписывается в их пропаганду — белая террористка не мусульманка. Эта жертва идеально подходит нынешней политической обстановке, поэтому они вцепились в нее всеми когтями и не намерены ее выпускать. Ее взяли с ножом и незарегистрированным пистолетом с глушителем, и у нее нет разрешения на оружие. Это уже федеральное преступление, которое соответствует создаваемой ими картине. Как только они выбьют из девушки признание, это переключит гнев общественности с исламистов на нее. Если ее повесят за предательство и терроризм, в сознании публики во всем будут виноваты ультраправые, а не исламские радикалы. Эту идею они и пытаются донести до общественности. Джек, ты не хуже меня знаешь, что иногда

нужно принести жертву, чтобы удовлетворить население. Она избрана жертвой. Смирись с этим. Мнение общественности — самое важное.

От охватившей его ярости Джек едва мог говорить.

— Предлагаешь пожертвовать тем самым человеком, который спас страну от ядерной атаки? Твою мать, ты издеваешься?

— Спокойнее, Джек. Это необходимо для блага...

— Она — мой человек, — угрожающе процедил Джек. — Не твой, а мой. На что была бы похожа твоя жизнь, если бы Нью-Йорк накрыло ядерным взрывом?

— Ну, я...

— Хватит ломать комедию, Ангус. Вот что ты сейчас сделаешь. Ты выйдешь на людей, которые ее взяли, и заставишь их отпустить ее. Мне похрен, какое агентство здесь замешано. Ты добьешься ее освобождения. А еще организуешь девушке неприкосновенность, чтобы органы правопорядка и пальцем ее больше не тронули. Услышал меня?

— Ты просишь организовать ей неприкосновенность? Да я не знаю, могу ли...

— Можешь и сделаешь. А еще заставишь федералов выдать ей лицензию на ношение любого гребаного оружия, которое она только пожелает. Это ясно? Она использует оружие, чтобы сражаться на нашей стороне.

— Все что я могу, Джек, это посмотреть, нет ли...

— Похоже, ты не понял, Ангус. Я не прошу тебя, я требую. Твоя задница и задницы людей поважнее тебя сейчас находятся у меня под прицелом, и я вот-вот спущу курок. В этих агентствах работает немало храбрых и недооцененных героев. Ты тоже был одним из них. Но теперь там еще и множество мудаков, которые взяли курс на политику. Этим гнилым яблокам в общей корзине плевать на интересы страны, для них важна лишь соб-

ственная политическая карьера. Если я спущу курок, большинство этих агентств будут уничтожены. Включая твое. Возможно, уже пора это сделать...

— Ладно, Джек, успокойся, полегче. Нет причин так кипятиться. Я посмотрю, что могу сделать.

— Ты не «посмотришь», Ангус, а на изнанку вывернешься, но сделаешь, и точка. Хватит игр. Анжелу Константайн должны освободить и снять с нее все обвинения. Ей должны дать статус неприкосновенности и лицензию на ношение любого оружия, включая чертов гранатомет, если она того пожелает. Чтобы никто не мог задержать ее за ношение оружия. И все — абсолютно все — оставляют ее в покое. Один неверный шаг, Ангус, и для тебя и множества людей все конечно. Все ясно?

— Да, хорошо, я понял. Дай мне поработать над этим. Но, Джек, это были не мои люди. Не я организатор этого шоу. Нужно покопаться; найти того, кто за всем этим стоит; узнать, какую игру он ведет. Мне придется использовать свое служебное положение, где смогу, а где не смогу — применить угрозы, чтобы заставить всех причастных зашевелиться.

Джек заговорил более тихим и спокойным тоном:

— Ладно, Ангус. Работай. А я буду сидеть здесь и следить за зданием. Если один из снайперов нажмет на курок, если кто-то хоть пальцем тронет моего человека, если они попытаются увезти ее или ты не выполнишь хоть что-то из моих требований, — в кратчайшие, чтоб тебя, сроки, — ты пойдешь на дно вместе со своим агентством, а множество других людей и агентств обнаружат себя в диком неконтролируемом пламени. Я восстал из мертвых, чтобы спасти Анжелу Константайн. Это должно говорить тебе достаточно о серьезности моих намерений. Прежде я никогда не угрожал тебе, Ангус, но сегодня я это делаю. Думаю, ты понял, что я не блефую.

—Джек, если я хоть что-то о тебе знаю, то ты не блефуешь. Но, пожалуйста, мне понадобится какое-то время, чтобы все разрулить.

— У тебя высветился мой номер?

— Да.

— Тогда принимайся за работу и набери меня, как все сделаешь. Я никуда не уеду, пока проблема не решится. Ангус, чем дольше я тут торчу, тем больше зудит мой палец на спусковом крючке. — Не дожидаясь ответа, он повесил трубку.

Пока Джек сидел в машине, наблюдая за зданием федералов, он кипел от негодования при мысли о том, через что пришлось пройти Анжеле. Была суббота, поэтому никто не заходил к федералам, но другие офисы были открыты. Люди приходили и уходили весь день. Снайперы на крыше исчезли вскоре после того, как Джек закончил разговор с Ангусом.

Но Анжела все не появлялась. Он знал, какой жути могли нагнать на допросе эти люди. Он не удержался от улыбки — вряд ли их методы могли сравниться с теми, что использовала Анжела.

Ангус звонил каждые несколько часов, чтобы заверить Джека, что работа продвигается. Постепенно, с каждым звонком, мужчина все теплее относился к Джеку и в итоге осознал, что и сам хочет быть на стороне Джека — на правильной стороне. Ангус словно понемногу вспоминал себя прежнего и причины, по которым он выбрал свою работу.

Политика была настоящей чумой для таких преданных делу агентов, как Ангус, но ему приходилось в нее играть. Со временем игра изменила его. То, что происходило с Анжелой по политическим причинам, было неправильно и не имело ничего общего с национальной безопасностью. В течение дня Ангус все больше раздра-

жался. Джек полагал, что одной из причин было встреченное Ангусом сопротивление, а он этого не любил. Он привык, что на его звонки отвечают, а приказания — исполняют.

Ближе к вечеру Ангус снова позвонил:

— Я все еще работаю над этим, Джек. Не дергайся. Клянусь, я все исправлю. Здесь я на твоей стороне.

— А я на стороне Анжелы. И хочу, чтобы все закончилось.

— Знаю, знаю. Пойми, все куда сложнее, чем можешь представить. Я имею дело с кучей горячих голов, которые уверены, что казнь девушки как предателя даст толчок их карьере. Они все еще допрашивают ее. Они намерены добиться быстрого признания и наказания.

— Она невиновна. Чего им удалось от нее добиться?

— Честно? Они все еще пытаются заставить ее подписать признание. Ей не дают ни пить, ни спать. Пока что они вытянули из нее только одно слово.

— И какое же?

— Единственное, что она им сказала, — единственное, — это «отъебитесь». Она крепкий орешек.

Джек не смог удержаться от улыбки.

— Знаю. Вытащи ее оттуда, Ангус.

— Перезвоню, как только разрублю этот гордиев узел и все, кто надо, окажутся у моих ног.

Положив трубку, Джек потер глаза и откинулся на спинку, скрестив на груди руки. Он был уставшим, обеспокоенным, злым и расстроенным. Но он понимал, что ему остается только положиться на инстинкт самосохранения Ангуса.

Поздним вечером позвонила Двора и сказала, что между агентствами возникли напряженные отношения. Что бы там ни происходило, это было нечто серьезное.

— Они хотят найти козла отпущения, — сказал он. — А теперь, уже накинув жертве петлю на шею, они совсем не желают ее отпускать.

— Дай мне знать, как только все разрешится.

Джек пообещал и снова принялся ожидать.

После полуночи раздался звонок. Мужчина тут же ответил.

Глава 57

Агент Ламли уперся костяшками пальцев в дальний край стола и наклонился вперед, приблизив свое лицо к Анжеле. Девушка была прикована наручниками к стулу, на котором сидела, так что ничего не могла с этим поделать.

— С меня хватит, Константайн.

Анжела молчала.

Он ударил ее так сильно, что она всерьез забеспокоилась за свои зубы.

— Ты ничтожное человеческое отродье.

Девушка вытерла кровь, капающую из уголка рта на плечо.

Ламли выпрямился и сделал большой глоток воды из полупустой бутылки. Он со стуком поставил бутылку на стол перед ней.

— Хочешь пить?

Анжела уставилась в пустоту и не ответила. Ее запястья были скованы наручниками за спиной, так что она не смогла бы взять бутылку, даже если бы он позволил.

Жажда мучила настолько сильно, что Анжела больше ни о чем не могла думать. Язык был будто из мастики, но она старалась отбросить эти мысли. Когда она ле-

жала в больнице, какое-то время не разрешали пить, но давали кусочки льда. Лед бы сейчас не помешал.

Она смертельно устала, но постоянная кипящая злость не давала отключиться. К тому же, на нее безостановочно кричали, прося и требуя признаться в принадлежности к террористической группировке. Агенты размахивали перед ней чистосердечным признанием, обещая, что если она его подпишет, то ей дадут воды, а также позволят лечь в кровать и поспать.

Анжела не верила, что здесь была какая-то кровать. Она часто бывала в зданиях федералов, доставляя и забирая посылки для юристов. Она была в большинстве кабинетов или проходила мимо, заглядывая в открытые двери. Эти люди держали ее в подвале, где она прежде не бывала. Помещение напоминало подсобку. Стены и бетонный пол были выкрашены в серый цвет. Возле стены за ее спиной были сложены складные стулья и столы. Освещали помещение две гудящие люминесцентные лампы.

Они разложили один из столов и посадили ее за него. Ее руки были скованы за спиной, а ноги пристегнуты браслетами к стулу. Агенты Годдард, Ольгадо и Ламли обычно находились по другую сторону длинного стола. Хотя порой один из них заходил ей за спину и хватал за волосы, запрокидывая голову, чтобы она смотрела в лицо тому, кто безостановочно на нее орал.

Все они давно сняли пиджаки и галстуки и расстегнули воротники белых рубашек. У всех были пистолеты, но на поясах не было значков. Они не говорили, на какое агентство работают, а она и не спрашивала, потому что для Анжелы все агенты были одинаковыми. Она всегда знала, что лучше избегать любых представителей власти — например, полицейских, — но избежать встречи с этими людьми у нее не было возможности.

В какой-то момент Анжела поняла, кто они и что делают. Они первыми отреагировали на сообщение о бомбе, которую они с Джеком нашли, и теперь хотели расколоть девушку, а затем забрать как призовую свинью. Хотели быть героями, которые преподнесут ее на блюдечке. Если ее доставят в Вашингтон прежде, чем добьются желаемого, кто-то другой ее уведет и станет героем. Кто-то другой получит шанс выбить признания в терроризме.

Анжела с самого начала знала, что бесполезно отвечать на вопросы и разговаривать с ними. Сама ситуация была абсурдной. Этим людям не нужна правда. Им нужно лишь ее признание, чтобы поиграть в героев и продвинуться по службе.

Анжела уже почти их не слушала. Они не могли сказать ничего важного или достоверного. Она и раньше имела дело с жестокими мужчинами, хотевшими коечего от женщины, которая была слабее их. Она сделала то, чему научилась еще в детстве — позволила разуму ускользнуть в другое место. Ее тело было в подвале, где трое мужчин допрашивали ее, обвиняли, кричали, угрожали и били. Это не имело значения. Она ушла.

С таким же успехом она могла находиться на луне.

Время от времени один из них, а иногда и двое, выходили, чтобы ответить на телефонный звонок. Она слышала гул голосов на лестничной клетке, но не могла разобрать слов.

Агент Ламли вернулся на другую сторону стола и снова припечатал к столешнице перед ней признание.

— Что скажешь, Константайн? Подпишешь — сможешь попить и немного отдохнуть. Но самое главное, ты поступишь правильно для разнообразия.

Анжела вернулась из своего далекого места, чтобы посмотреть на мужчину.

— Отъебись.

Он выпрямился, сжав челюсти.

— Сколько людей могло умереть, Константайн? — спросил агент Годдард, наверное, в тысячный раз.

Ей хотелось сказать, что именно она предотвратила эти смерти, но она промолчала. Они не хотели этого слышать. У них был собственный план — заставить ее признаться в терроризме и самим стать героями.

— Ты должна быть благодарна за то, что мы вовремя вас остановили, — сказал агент Годдард. — Ты стала бы убийцей. Что это о тебе говорит? Ты должна быть благодарна, что мы не позволили тебе стать такой.

— Если ты подпишешь чистосердечное признание, — сказал более спокойный Ольгадо, — это будет равносильно исповеди в церкви. Словно покаешься священнику в грехах, а он попросит Бога простить тебя. Это очистит твою душу. Вот что мы здесь делаем. Как священники, мы помогаем очистить душу. Ты католичка, Константайн? У тебя итальянское имя, поэтому, думаю, ты понимаешь, о чем мы говорим, и знаешь, что мы лишь пытаемся помочь. Признание грехов — единственный путь к спасению.

Анжела уже снова находилась где-то далеко. Мужчины стали ничего не значащими голосами, бормочущими в отдалении.

У Ламли зазвонил телефон. Агент снял его с крепления на поясе и взглянул на номер.

— Я должен ответить, — сказал он остальным двоим. Он вышел из комнаты, но совсем скоро просунул голову в дверь и велел: — Вы двое, идите сюда.

Анжела осталась одна впервые с тех пор, как ее бросили на заднее сиденье черного внедорожника. До этого в помещении оставался хоть один из них, чтобы продолжать допрос. Иногда один или двое уходили на какое-то время. Она решила, что они спали, пока кто-то из них

дежурил, не давая ей уснуть. Но они никогда не оставляли ее совершенно одну.

Их не было так долго, что глаза Анжелы закрылись, и она стала клевать носом. Поскольку они приковали ее к стулу, она не могла упасть, поэтому девушка закрыла глаза, наклонила голову вперед и задремала.

Когда они вернулись, она не могла сказать, как долго спала. Кажется, больше двух часов — далеко не так долго, как ей требовалось, но лучше, чем ничего.

Когда агент Ольгадо освободил ее руки и ноги, она не поняла, что происходит. Может, они забьют ее до смерти в этом подвале и скажут, что она пыталась сбежать.

Агент Ламли поставил перед ней полную бутылку воды. Анжела потирала запястья, глядя на него. Она подозревала, что вода была уловкой, или там были наркотики.

Он открыл бутылку и выпил почти половину, затем снова поставил перед ней.

— Вот. Вода не отравлена. Можешь пить.

Его голос звучал иначе. Мужчина казался побежденным. Двое других тоже выглядели смущенными.

Анжела не доверяла ни одному из них и не собиралась пить, как бы сильно ее ни мучила жажда.

— Появилась новая информация. — Агент Годдард провел рукой по коротко стриженым волосам. — Мы только что выяснили, что ты не имеешь ничего общего с террористами. Все это было большим недоразумением из-за... излишней осторожности.

Анжела все еще растирала ушибленные запястья и ничего не говорила.

Еще четверо мужчин в темных костюмах и галстуках вошли в помещение и остановились по другую сторону стола.

— Вы свободны, — официальным тоном произнес один из них. — С вас были сняты все обвинения.

— По всей видимости, у вас есть друзья в высших кругах, — добавил агент Годдард. — Ангел-хранитель.

Анжела им не доверяла. Она не встала и ничего не ответила.

Один из четверых новоприбывших достал из нагрудного кармана темного пиджака что-то размером с кредитку. Он положил на стол кусок пластика и подтолкнул к Анжеле. Она опустила взгляд и увидела свою фотографию. Голографические печати частично закрывали лицо, а подписи она не разобрала. Она увидела слово «федеральный», но не смогла разглядеть остальное.

Другой из четверых «костюмов», крупный чернокожий парень с выбритой головой, положил ее Вальтер П22 на стол рядом с карточкой. На оружие даже был накручен ее подавитель.

— Ваше оружие, мисс Константайн, — сказал он. — Хороший выбор, кстати. Не нужно беспокоиться о глубоком проникновении пули, но точный выстрел смертелен, если знать, куда стрелять. Судя по дозвуковым патронам, вы знаете.

Анжела по-прежнему молчала. Она не хотела брать оружие и давать им повод застрелить ее. Она оставалась на стуле.

Он указал на пластиковую карточку и продолжил:

— Это специальное федеральное разрешение на ношение оружия. Это позволит носить любое оружие, какое захотите. Включая глушители и полностью автоматическое оружие. Что угодно. И, конечно же, ваш нож. Еще один разумный выбор.

Его слова звучали как речь инструктора по оружию.

Другой крупный чернокожий парень в темном костюме, который очень ему шел, протянул ей нож рукоят-

кой вперед. Мгновение она смотрела на его руку, потом взяла нож и сунула в чехол в сапоге.

Агент Ламли, напоминавший побитую собаку, указал на ее пистолет и карточку с разрешением.

— Это не уловка. Можете забрать свое оружие. С вас полностью сняты все обвинения. Мы сопроводим вас к выходу из здания. Полагаю, ваш ангел-хранитель ждет вас на улице.

Анжела наконец встала. Не сводя глаз с Ламли, она взяла пистолет и сунула его в дедушкину кобуру на пояснице. По весу она могла определить, что он заряжен.

Она протянула руку ладонью вверх.

— О, — спохватился один из мужчин. Он полез в боковой карман пиджака, достал три заряженных магазина и положил их на ладонь Анжелы. Девушка сунула все в карман.

Она взяла со стола федеральное разрешение на ношение оружия, мельком взглянула на него, а затем засунула в задний левый карман.

Четверо в пиджаках шли впереди, а трое агентов с допроса шагали сзади. Они поднялись по лестнице и вывели девушку из здания. Была глухая ночь, но она потеряла счет времени.

На верхних ступеньках крыльца Ламли схватил ее за запястье, чтобы остановить. В мгновение ока она перехватила руку, выкрутила и остановилась как раз перед тем, как сломать кость. Он опустился на одно колено, изогнувшись, чтобы ослабить давление на запястье. Если бы он дернулся, она бы сломала кости.

— Иисусе, Константайн, я только собирался сказать «без обид».

Все еще держа его руку на грани ломания костей, она наклонилась к нему:

— Не мог бы ты прополоскать рот, Ламли? Из твоей пасти несет дерьмом.

Двое мужчин в темных костюмах усмехнулись.

— Анжела, — раздался за спиной знакомый голос. — Оставь его и пойдем.

Анжела отпустила Ламли и, наградив его мрачным взглядом, обернулась, чтобы увидеть приветливое лицо. Это был Джек.

Он улыбался, и казалось, что все в порядке.

Страх того, что с ней станет, внезапно исчез. Вот кто ее друг в высших кругах, ее ангел-хранитель.

Глава 58

Джек повел ее вниз по ступенькам, оставив агентов стоять на крыльце темного здания федералов в свете уличных фонарей. Те трое, которые допрашивали, выглядели как школьники, получившие выговор от монахинь и отправленные в кабинет Матери-настоятельницы. Анжела и Джек спокойно шли к его машине, припаркованной в переулке. Он открыл для Анжелы дверь и закрыл, когда она села. Она не привыкла к мужчинам с хорошими манерами. Джек был одним из таких.

— Сколько времени? — спросила Анжела, окинув взглядом темные улицы.

— Примерно половина второго, — ответил он, отъезжая от тротуара. — Прости, что так долго. Я изо всех сил старался вытащить тебя оттуда поскорее.

— Все нормально, — сказала она. — Я привыкла к тому, что меня избивают парни.

— Я рад, что они не сделали что похуже. Особенно, что не забрали тебя в Вашингтон. Если бы ты спустилась в эту кроличью нору, это сильно осложнило бы дело.

Некоторое время Анжела молчала.

— Они сказали, что у меня есть друг в высших кругах. Сказали, что этот друг за меня поручился.

Джек улыбнулся, пожав одним плечом:

— Я поговорил с несколькими людьми, убедил их поступить правильно и отпустить тебя.

— Ты говорил, что скрылся с радаров и все считают тебя мертвым. Тебе пришлось выйти из тени, чтобы вытащить меня оттуда. Это обязательно создаст тебе проблемы.

Джек взглянул на нее:

— Для меня гораздо важнее было освободить тебя, чем оставаться мертвым. Они скормили бы тебя волкам. Полагаю, они хотели, чтобы ты подписала чистосердечное признание?

— Да. Кажется, они думали, что это сделает их большими шишками. Но я бы не подписала.

— В конце концов они сами бы за тебя расписались, а потом спешно судили, признали виновной и казнили. Они бы сделали громкое заявление для прессы, что захватили ультраправого террориста, стоявшего за недавними нападениями. Делу присвоили бы статус на несколько пунктов выше, чем совершенно секретно. Никто не узнал бы правды. Они бы ни словом не обмолвились об атомной бомбе. Ты была бы мертва и похоронена, а признание запрятано в архив, чтобы никто и никогда его не оспорил, и это был бы конец истории Анжелы Константайн.

— Но не для тех уродов, которые получили мое «признание». Они бы стали героями.

Он снова улыбнулся:

— Они вели свою игру. Никто из разведывательных служб ни черта не знал об атомной бомбе, пока мы им об этом не сказали, поэтому им нужен был козел отпущения.

Анжела хмуро взглянула на Джека, который ехал по темным пустынным улицам:

— На что тебе пришлось пойти, чтобы меня вытащить?

— Я поручился за тебя — и сообщил, что на самом деле это ты остановила террористов.

Анжела вглядывалась в темноту безлюдных улиц.

— Думаю, тебе пришлось сделать нечто большее.

— Эй, дай-ка взглянуть на карточку, которую тебе дали, — сказал он, меняя тему.

Анжела достала ее из заднего кармана и передала ему:

— Кстати, что это вообще такое?

Он быстро посмотрел на пластик, а затем отдал обратно.

— Особое федеральное разрешение. Вроде как у Агента-007. Ты можешь легально носить любое оружие, какое захочешь. Твой подавитель теперь легален. Можешь носить автомат, если захочешь. С таким разрешением можно сесть с оружием в самолет.

— Ого, — прошептала она, разглядывая карточку.

— Сохрани номер с оборота карты в безопасном месте и запомни номер, написанный на лицевой стороне. Если когда-нибудь ее потеряешь, то сможешь позвонить, продиктовать этот номер, и тебе выдадут замену. Это также поможет в трудных ситуациях. Они не сказали, что тебе дали неприкосновенность?

Анжела сморщила нос:

— Нет, об этом они не упомянули. Что это значит?

— Это значит, что ты прошла проверку и получила допуск высшего уровня. Если когда-нибудь будет проведено какое-либо расследование, ты не будешь в нем фигурировать. Ты неприкосновенна. Никто не станет снова тебя преследовать.

Она посмотрела на его лицо, освещенное приборной панелью:

— Почему ты делаешь для меня все это, Джек?

— Потому что ты особенный человек, Анжела. Ты можешь распознавать убийц, ты предотвратила взрыв атомной бомбы в Америке. Мой дар — видеть в глазах людей, что они могут узнавать убийц. Вот, что я делаю. Вот все, что я могу сделать. Но ты на порядок выше любого, кто обладает такой способностью. Я знаю, потому что работал с такими людьми очень долгое время. Как я и сказал, ты совершенно особенный человек, Анжела.

Она долго смотрела на свои руки, лежавшие на коленях.

— Я не такая уж особенная. Я родилась ущербной.

Джек хмуро посмотрел на нее:

— Ты о чем?

— Моя мать принимала наркотики во время беременности. Кем бы ни являлся мой отец, он тоже был наркоманом. Все эти наркотики в ее организме испортили меня. Я не такая, как все люди. Я урод.

Джек молчал, размышляя, пока они ехали через город к бару.

Наконец, он произнес:

— Не знаю, правда ли так, Анжела. Твоя природная способность может быть просто более развитой, чем у других. Например, у людей, которые умны от рождения, более высокий показатель *IQ*. Ты можешь оказаться первым представителем лучшего вида людей — лучше тех из нас, кто не может делать того, что можешь ты. Ты

особенная, Анжела. Не забывай об этом и никогда в этом не сомневайся. Ты не урод. Ты нужна миру.

— Хочешь использовать меня в своем деле, как в Израиле? Использовать, как других найденных тобой людей, которые могут распознавать убийц?

— Ни один из них не мог узнать, что убийцы сделали или о чем думали. Только ты, Анжела, можешь проникать в их разум. Это крайне необычайно.

— Не так уж, — сказала она, снова глядя в окно. — Заглядывать в голову убийцам — все равно что быть частью их безумного мира. Видеть вещи, которые они творили и что при этом чувствовали. Это проклятие. Мне приходится жить с тем, что я видела. Я вижу все это, когда пытаюсь заснуть. Я вижу это во сне. Это одинокое безумие.

— Могу только представить, — произнес он с мягким сочувствием.

Когда они подъехали к бару, у которого был припаркован ее грузовик, заведение уже закрывалось.

— Нейт рассказал мне, что с тобой произошло. Он будет рад узнать, что тебя отпустили и ты в безопасности.

— Может, зайдешь и скажешь ему сам? Я очень устала. — Она поколебалась. — Кроме того, мне немного неловко, что он видел, как на меня надели наручники и утащили.

— Конечно, — сказал Джек. — Подожди, пока я сбегаю к нему. Потом я поеду за тобой и прослежу, что ты в целости и сохранности добралась до дома. Но тебе не должно быть неловко. Ты не сделала ничего плохого. Они сделали.

Сидя в своем грузовике, Анжела увидела, как Нейт высунул голову из дверного проема и помахал. Она помахала в ответ.

Когда Джек подошел к ее грузовику, она опустила стекло.

— Нейт прямо-таки вздохнул с облечением, — сказал ей Джек. — Он действительно за тебя беспокоился.

Она оглянулась на бар:

— Он хороший парень.

— Может быть, как раз для тебя? — спросил Джек.

— Я не хорошая девушка, — ответила она и завела грузовик.

Она все еще злилась на тех людей, которые схватили ее, и это не давало ей уснуть по дороге домой. На съезде с шоссе, когда она заехала на свою территорию, Джек помог ей натянуть трос, преграждавший подъездную дорожку. Она сомневалась, что смогла бы сделать это сама. Теперь, когда она была дома и в безопасности, ее глаза закрывались.

— Второе дыхание на исходе, — сказал Джек. — Отдыхай.

— Что это? — спросила она, когда Джек протянул телефон.

— Одноразовый мобильник, о котором не знает ни одно агентство и поэтому не прослушает. Там вбит мой номер. Просто нажми на первый номер на быстром наборе, если понадоблюсь.

Анжела кивнула:

— Позвоню тебе завтра.

— Выспись, Анжела. Поговорим позже.

Он подождал, пока ее грузовик проедет по дороге через луг и скроется за деревьями. Горы-близнецы, освещенные лунным светом, казалось, встречали ее.

Глава 59

Анжела спала мертвым сном, а в следующий миг открыла глаза и села на кровати.

Она не знала, почему, но сердце бешено колотилось.

В комнате было абсолютно темно. Она проспала не больше часа или двух. На улице была глухая ночь.

Она так устала, что даже не пошла в душ и не смыла косметику, а просто сняла все, кроме трусов, и рухнула на кровать. Она уснула прежде, чем успела насладиться чувством уединения в своей постели в собственном доме.

И хотя она резко проснулась, ее разум все еще барахтался в тумане недосыпа. Она не могла определить, что ее разбудило, и на долю секунды решила, что видит сон. Но как только эта мысль пришла ей в голову, она поняла, что это не сон.

Что-то было не так.

Смертельная усталость не давала ясно мыслить, и она никак не могла понять, что именно не так.

Анжела осторожно опустила босые ноги на пол и встала одним плавным текучим движением. Она выждала секунду, прислушиваясь, — возможно, к дому подошел олень. Все еще находясь в сонном дурмане, она сделала три привычных шага к выключателю справа от двери.

Потирая лицо левой рукой, чтобы прогнать сон, правой рукой она зажгла свет.

В дверном проеме стоял мужчина.

Крупный мужчина.

Анжела замерла, стоя перед ним в одних трусиках. Улыбка медленно исказила его грубые черты, когда он оглядел девушку с головы до пят.

На нем была мешковатая льняная рубашка без воротника, с треугольным вырезом и длинными рукавами. Его свободные брюки были из того же тонкого льна. Ко-

роткие черные волосы и борода обрамляли его лицо с угловатыми чертами и глубокими складками. Рубашка не скрывала его бычью шею и лишь немного скрадывала широкий мускулистый торс.

Анжела видела его фотографию. Даже две. Она наверняка знала, что перед ней международный серийный убийца — Кассиэль Айхан Корекан.

Анжела повидала немало пугающих мужчин. Кассиэль был настоящим королем ужаса.

Она не знала, что видят другие люди, когда смотрят на этого человека, но она видела смертоносного хищника, убийцу без намека на раскаяние или милосердие. Он был сама смерть.

Стоя перед этим громилой и глядя в его темные глаза, она была захвачена образами, проносившимися в ее разуме. Сцена за сценой, где он убивает людей, молниеносно мелькали перед ее внутренним взором, каждая шокировала, каждый человек, которого она видела, находился в тисках ужаса перед этим безжалостным монстром.

А затем кадры начали замедляться, и она увидела своих бабушку и дедушку.

Глаза неподвижной Анжелы расширились. Она глядела в глаза мужчины, а видела Вито и Габриэллу, стоящих на коленях спиной к нему. Анжела увидела, как Кассиэль шагнул вперед и выстрелил деду в затылок. Вот так просто умер человек, который столько значил для нее. Он рухнул в высокую пыльную траву у дороги. Бабушка стояла на коленях рядом и тихо плакала, склонив голову и сложив руки в молитве. Кассиэль приставил дуло пистолета к ее затылку и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел. Она упала рядом с мужем.

Кассиэль торопился. Только по этой причине их смерть не была такой же жуткой, как большинство дру-

гих. Он просто хотел отправить на тот свет людей, способных узнавать убийц. Это было не милосердие. Он спешил изнасиловать девушку, которую связал и оставил в подвале соседнего города. Это было все, о чем он мог думать. Он возбуждался каждый раз, когда думал о ней и о том, что сделает. Но сперва он хотел устранить этих двух членов семьи Константайн.

В тот момент бабушка и дедушка Анжелы перестали существовать. Их свет погас в ее мире. Вся ее жизнь погрузилась во тьму.

Анжела почувствовала, как по лицу текут слезы.

— Темный Ангел, — прочитал Кассиэль низким скрипучим голосом, глядя на ее шею. Он протянул руку и нежно сжал ее левый сосок между большим и указательным пальцами. В ее глазах он увидел, что она узнала в нем убийцу. — Я знал, что эти четверо идиотов не смогут убить такую женщину, как ты. Для этого нужен человек вроде меня. И я знал, что женщина вроде тебя будет жить на отшибе в доме, построенном дедом и бабушкой.

Ужас лишил ее способности думать. Она не могла заставить себя сдвинуться с места, пока он стоял, возвышаясь над ней, крутя в пальцах ее сосок, улыбаясь и представляя все, что сделает с ней, прежде чем убить.

— Наконец-то я вернулся за тобой, мой маленький ангел.

Анжела все же смогла начать думать. Она осознала, что должна что-то сделать, или ее ждет долгая мучительная смерть.

Ее сапоги со спрятанным ножом стояли по другую сторону от него, в изножье кровати, поэтому она резко повернулась, чтобы схватить пистолет с прикроватной тумбочки. Пистолета там не оказалось. Должно быть, Кассиэль забрал его.

Он врезался в нее сзади и стиснул медвежьей хваткой. Ноги девушки оторвались от пола.

Когда паника окончательно разбудила ее, она вспомнила уроки Нейта. Анжела понимала, что у нее осталось три секунды.

Этот медведь широко расставил ноги и наклонил ее вперед, потащив к кровати, навстречу смерти.

Согнувшись, Анжела сдвинула бедра влево, вытянула назад правую руку и с силой схватила его гениталии. Она стиснула зубы и резко крутанула добычу. Он мог быть большим и сильным, но у него были уязвимости.

Кассиэль удивленно вскрикнул, рефлекторно разжав руки, чтобы освободиться от внезапной боли. Как только он это сделал, Анжела развернулась и жестко ударила тыльной стороной ладони по бычьей шее, метя в сонную артерию.

Это на мгновение ошеломило его. Он пошатнулся, словно пьяный, его колени подогнулись. У Анжелы появилось достаточно времени и пространства для маневра, чтобы проскочить мимо и выбежать из спальни, прежде чем он полностью придет в себя.

У нее в подвале было полно оружия, но она держала дверь закрытой. Даже если ей удалось бы достаточно быстро отпереть дверь, все пистолеты были новыми и незаряженными. Она не успеет зарядить ни один из них, как Кассиэль доберется до нее.

Она рассмотрела вариант побежать на кухню и схватить нож, но у Кассиэля был ее пистолет с прикроватной тумбочки, и он мог выстрелить в нее. Он был отличным стрелком. Наверняка он лишь ранит ее, чтобы она не смогла убежать. А затем начнет воплощать свои больные фантазии.

Даже не будь у него пистолета, в ножевом бою он опытнее Анжелы. Нож — его излюбленное орудие убий-

ства, поэтому Кассиэль был смертельно опасен с холодным оружием. Как и Анжела, но слишком рискованно хватать нож и ввязываться в драку с крупным, сильным и опытным противником. Если он заберет у нее нож, она умрет, но далеко не сразу.

Ключи от пикапа остались в спальне. Даже если б они у нее были, она не думала, что успеет открыть машину, забраться внутрь и завести двигатель.

Анжела за долю секунды отмела все эти варианты и выскочила через заднюю дверь. Оказавшись на твердой земле, она быстро оглянулась через плечо и увидела, как Кассиэль выходит из дома прямо за ней. При свете полной луны она видела, что у него в кулаке зажат нож, а зубы стиснуты от ярости. Она сказала себе, что это все же не пистолет.

Анжела была в одних трусах, босая. Бежать босиком было рискованно. Но у нее не было выбора, и она побежала.

Глава 60

Анжела понимала, что единственная возможность выжить — как-то уравнять шансы. Она на бегу взглянула на горы-близнецы, возвышающиеся в лунном свете. Прежде чем тропа разделилась, она быстро сделала свой выбор и побежала направо, вверх по тропе, ведущей на дедушкину гору.

Она так часто поднималась по ней, что смогла бы сделать это и в полной темноте. Лунный свет помогал, но бежать было сложнее, чем подниматься шагом. Она должна была мгновенно принимать решения, мчась через

ночь. Из-за босых ног каждое решение могло стать смертельным.

Когда она углубилась в лес, Кассиэль следовал за ней по пятам. Он был недостаточно близко, чтобы схватить ее, но, если она споткнется, он тут же догонит ее. Кассиэль кричал, чтобы она остановилась, обещал быстро перерезать ей горло, а не обрекать на целую ночь худших мучений, которые он мог причинить.

Из видений Анжела знала, какие вещи он любит делать. Это заставляло бежать быстрее.

Девушка прыгала по знакомым ей выступам в лесной подстилке, избегая земли, усыпанной сосновыми иголками, ветками и шишками. Она выбросила из головы мысли о преследователе и сфокусировалась на беге. Она уже не могла вспомнить, сколько раз поднималась по этой тропе. Она знала каждый камень и каждое дерево так хорошо, что могла мысленно пробежать по тропе, ничего не упустив.

Она отринула все мысли и позволила внутреннему чутью вести. Тропа давным-давно неизгладимо запечатлелась в сознании. Она пыталась не думать о том, куда ступить. Она бежала по тропе, неосознанно ставя ноги туда, куда нужно. Когда тропа круто пошла в гору, Анжела заранее знала, куда ступать.

Кассиэль не знал тропу и на бегу плохо разбирал дорогу. Он несколько раз спотыкался, но быстро восстанавливал равновесие. Пробегая мимо пихты, Анжела схватила ветку, нависавшую над тропинкой, потянула ее за собой, а потом отпустила. Ветка отпружинила и ударила мужчину по лицу. Он зарычал от ярости, размахивая руками и продираясь вперед.

Ей пришлось побежать вверх по течению ручья, чтобы добраться до тропы на противоположной стороне. Обычно она прыгала по сухим камням, торчащим из во-

ды, но с убийцей прямо за спиной у нее не было времени выбирать, куда ступить.

Ручей был всего пятнадцать-двадцать сантиметров глубиной, но вода была ледяной, а гладкое скалистое дно — местами слизким и скользким. В одном из таких мест Анжела потеряла опору и упала на колено, но быстро встала и продолжила бежать. Кассиэль поскользнулся и шлепнулся на задницу. Это подарило ей несколько драгоценных секунд.

Добравшись до тропы на дальнем берегу, она выскочила из воды на мшистый берег и побежала в лес по тропинке, усеянной сосновыми иглами, маленькими веточками и палочками. Наступать на них было больно, но приходилось игнорировать боль.

Анжела знала, где тропу пересекали корни деревьев. Приходилось быть осторожной, чтобы не споткнуться и не упасть. Добравшись до влажной низины, где было слишком много корней, она стала прыгать по самым толстым корням, отполированным ее же сапогами за многочисленные подъемы.

Дедушка впервые провел ее по этой тропе, когда она была маленькой девочкой. Она часто поднималась с бабушкой на одну из двух гор, чтобы устроить пикник на вершине и полюбоваться видом. Человек, преследующий ее, убил их обоих.

В лунном свете Анжела увидела знакомые очертания скал и изогнутую ветку дуба, которые дали ей понять, в какую сторону свернет тропа. Ориентиры помогали опережать преследовавшего ее здоровяка в ботинках. С таким же успехом они могли быть единственными людьми в мире. Поблизости не было никого, кто мог бы услышать ее крик о помощи. Если он поймает ее и начнет разделывать ножом, только дедушкина гора услышит ее крики.

Когда она добралась до клена с низким суком, который торчал над тропой, то поняла, что должна будет резко свернуть влево — туда, где тропа более круто шла вверх по скалам. Ее дед разведал и построил этот маршрут задолго до ее рождения. Теперь она использовала его, чтобы сбежать от убийцы.

Очертания гранитной глыбы слева от тропы означали, что она быстро приближается к развилке. Левый путь вел на самый верх. Справа была более пологая тропа, которая огибала обе горы и спускалась мимо небольших прудов.

Анжела повернула налево. Подъем был тяжелым, но она рассчитывала, что опыт поможет продвигаться быстрее мужчины в ботинках. Ему было уже к пятидесяти, и она понадеялась, что крутой подъем заставит его запыхаться. Если она сможет оторваться, то спустится по ту сторону горы и побежит по второстепенной тропе к дому, где уже сможет взять пистолет.

В темноте он может и не отыскать тропу. На небе светила полная луна, но даже в полнолуние в густом лесу оставались темные участки.

Анжела пробиралась по узкому уступу, держась вплотную к каменной стене слева. Справа маячили верхушки высоких деревьев, росших под склоном. Это было весьма опасное место. Как только Анжела достигла дальнего конца уступа, тропа сделала резкий поворот налево, огибая гранитные образования.

За поворотом девушка заметила длинную обломанную ветку чуть толще ее запястья и примерно полтора метра длиной. Кассиэль отставал от нее лишь на несколько секунд, и Анжела поняла, что это ее единственный шанс. Она схватила ветку, повернулась и отвела руку назад.

Как только Кассиэль стремительно появился из-за поворота, Анжела нанесла сильный удар. Он не ожидал, что девушка окажется прямо перед ним. Она рычала от напряжения, вкладывая всю силу в этот удар. Высохшая ветка попала убийце точно в лицо. Дерево было подгнившим, поэтому палка треснула пополам.

Несмотря на это, мощи удара хватило, чтобы сломать мужчине нос и левую скулу. Десятисантиметровая щепка вошла в его правый глаз. Он прижал руки к лицу, завопив от боли и ярости.

Анжелу еще вела инерция замаха, а мужчина уже замер, прижав руки к раненому лицу. Девушка не стала упускать возможность. Повернувшись, она ударила ногой по его колену. Удар вышел недостаточной силы и не под нужным углом, чтобы сломать противнику ногу, но она сумела вывести его из равновесия.

Кассиэль пошатнулся, сделал нелепый пируэт на одной ноге и рухнул за край обрыва.

Анжела осторожно шагнула вперед, чтобы взглянуть вниз, и увидела, как он пролетел метров десять, а затем приземлился на россыпь острых гранитных камней, которые отламывались от скалы на протяжении тысячелетий.

Деревья заслоняли лунный свет, но она вроде как разглядела Кассиэля, распростертого рядом с нижней тропой, огибающей гору. Он шевелился, но, кажется, не мог встать.

Анжела понимала, что даже если ему удастся подняться, она, скорее всего, доберется до хижины намного раньше него. Но вполне возможно, что он все еще способен видеть и сможет встать, чтобы преградить путь. Это мог быть единственный шанс.

В этот момент сомнения перед ее внутренним взором снова возникли бабушка и дедушка, стоящие на коленях

в пыльной траве на обочине дороги, и Кассиэль, стреляющий им обоим в затылок.

Ее гнев взял верх и решил все за нее. Анжела помчалась к развилке, а затем свернула на более пологую тропу. Она могла думать только о том, что сейчас заполучит того, кто их убил.

Девушка спустилась и нашла Кассиэля, у которого были сломаны обе ноги. Судя по тому, как он выгибал верхнюю часть тела, позвоночник тоже был сломан. Одна нога была сломана ниже колена, и раздробленная большеберцовая кость торчала из окровавленной штанины. Другая нога была согнута под невероятным углом. Он лежал на спине, корчась от боли, его лицо заливала кровь. Она тут же поняла, что он ничего не видит.

Анжела подобрала тяжелый кусок гранита с острыми краями и села на грудь Кассиэля. Тот крякнул, когда она оседлала его, и слепо замахал руками, пытаясь защититься.

Когда он широко развел руки, открывшись, Анжела нанесла удар, обрушив тяжелый камень на его лицо. Кусок гранита был достаточно большим, чтобы его вес и сила ее удара проломили ему центр лица. Во все стороны брызнула кровь. Мужчина издал булькающий стон боли, уронил руки и замер.

Анжела всегда мечтала заполучить убийцу дедушки с бабушкой и держать в подвале много дней, наслаждаясь местью.

Но когда он оказался в ее руках, слепая ярость взяла верх. Девушка могла думать только о том, как сильно ненавидит этого человека, о том, как он пришел в ее жизнь уничтожить единственных людей, которых она любила по-настоящему.

Она обеими руками подняла камень и снова обрушила на голову. Камень был тяжелым, но она была рада, что он поможет ей разбить большой крепкий череп Кассиэля.

После третьего удара нижняя челюсть съехала набок, и Анжела увидела зубы, торчащие из кровавой массы. Она снова опустила камень, выбивая зубы из десен и ломая челюсть.

Она закричала от злости, опуская камень снова и снова. Слезы бежали по лицу, пока она ломала камнем голову монстра, который убил бабушку и дедушку, а также многих других невинных людей. Она не знала, как долго сидела верхом на человеке, который преследовал ее годами, человеке, которого она многие годы мечтала убить. Она рыдала, пока месть уносила ее прочь, и крушила его череп.

Наконец, всхлипывая из-за нахлынувших эмоций, она остановилась.

Именно Кассиэль больше всех заслуживал отправиться в адскую дыру, которую нашел ее дедушка и над которой построил хижину, потом доставшуюся Анжеле в наследство. Они хотели, чтобы этот дом принадлежал ей.

Она взглянула на то, что осталось от размозженной головы Кассиэля. Лицо стало неузнаваемым. Камень расколол череп. Местами через кожу выступала зазубренная белая кость. Сквозь отверстия виднелся мозг.

Анжела погрузила пальцы в горячую массу, чтобы схватить кость. Девушка вскрикнула от усилия, стараясь полностью раскрыть череп убитого. Кость с треском распадалась на части. Одной рукой она уцепилась за спинной мозг, а второй стала отделять полушария головного мозга, вынимая из черепной коробки. Так Анжела и сидела, оседлав уже неподвижную грудь и сжимая в руках мозг — нервный центр монстра, которого одолела. Мозговая жидкость и сворачивающаяся кровь тяжелыми кап-

лями падали с ладоней, стекали по рукам и нитями свисали с локтей.

Пока она сидела, глядя на мозг в своих руках, неожиданный поток видений — его видений, — промчался через ее руки и проник в сознание. Не мигая, Анжела пребывала во власти нахлынувших образов. Они отличались от видений жестоких убийств, которые она получала, заглядывая в глаза убийцам.

Она слышала, что глаза — зеркало души. Именно это она ощущала, когда смотрела им в глаза — словно заглядывала в их темные души и видела черные отметины, оставленные убийствами. Теперь же все было совсем по-другому. Не было осознанных мыслей об осознанных поступках. Девушка была буквально загипнотизирована этим потоком всплывающих в сознании образов. Она получила совершенно новый опыт.

Анжела стала свидетелем целого потока подсознательных впечатлений. Она знала, что это не видения, а воспоминания.

Самыми яркими были последние воспоминания. Они проплывали через ее разум: бесконечные, несвязные, непрошеные, отчаянные. Воспоминания, образы и ощущения сталкивались и наслаивались. Она наблюдала последние мысли умирающего человеческого мозга, который осознал неизбежное и пытался удержать воспоминания, собрать их вместе, чтобы спастись от надвигающейся черной бездны.

Она наблюдала смерть разума, ощущала его бескрайнее отчаяние, желание жить, злость, страх.

Скрепленные связующими нитями мыслей воспоминания тускнели и начинали расползаться, как мокрая салфетка.

Последние видения — как он бросил украденную машину примерно за милю отсюда, прошел через луг и

лес к ее дому, вошел внутрь, смотрел на спящую Анжелу в свете фонарика и, в конце концов, как падал со скалы — теряли четкость, пока не превратились в неузнаваемые обрывки мыслей.

Все закончилось слабым импульсом белого света, а за ним — ничего. Все кончилось.

Анжела знала, что побывала внутри человеческого разума в тот момент, когда мысли в нем угасали, искра жизни покидала клетки и синапсы, а мозговая ткань превращалась в мертвое бесполезное вещество.

Она только что ощутила, как его душа исчезла.

Девушка поразилась тому, как долго нити мыслей и воспоминаний продолжали существовать в мертвом теле.

Анжела еще долго сидела в лунном свете, держа мертвый мозг, вновь и вновь прокручивая безумный поток видений. Это были видения не о том, как он кого-то убивает. Нет, она видела совершенно иное. Словно узрела мир его глазами, уловила мысли и лоскутки увядающих воспоминаний о последних событиях.

Произошедшее ошеломило ее и заставило задуматься, какая ошибка природы наделила ее такой способностью.

Эти ощущения были самыми безумными и пугающими за всю ее жизнь, они вскружили ей голову. Она упивалась тем, что убила этого мужчину голыми руками и наблюдала его последние отчаянные мысли, зная, что именно она положила им конец.

Монстр был мертв. Она — жива.

Некоторое время она еще сидела на трупе и смаковала понимание того, что сдержала обещание уничтожить человека, который убил бабушку и дедушку. После этого она выплакала свою горечь, ярость и облегчение, а когда грудь перестало стискивать от эмоций, встала. Все ее те-

ло было покрыто кровью человека, который убил Вито и Габриэллу.

Она была покрыта победой, славой.

Анжела развела руки, позволяя крови капать с пальцев, запрокинула голову к полной луне и завыла от восторга.

Наконец, она отправилась домой и оделась в свою старую одежду, даже не потрудившись отмыться. Анжела надела сапоги, которые дедушка купил ей когда-то в комиссионке. Они были уже маловаты, но для такого случая можно потерпеть.

Она достала нож из стоявшего в спальне сапога и захватила из кухни рулон плотных черных пакетов для мусора. Еще она взяла небольшой топор, которым дед колол дрова, и направилась к телу Кассиэля.

Монстр был слишком большим и тяжелым, чтобы дотащить его до адской дыры. Поэтому Анжела принялась отрезать его руки и ноги, отделяя ножом от плеч и бедер. Топориком она разрубала грубые сухожилия. Она разделила ноги на две части, чтобы они поместились в пакеты.

Черные пластиковые пакеты с конечностями она принялась таскать домой. Руки оказались неожиданно тяжелыми, но она все же смогла унести обе в одном пакете. Без всяких церемоний она швырнула конечности в адскую дыру. Ноги оказались тяжелее. За одну ходку она могла отнести к дыре только одну ногу, разрубленную надвое. Пакеты наполнялись кровью, но не протекали, пока Анжела тащила их к адской дыре.

Туловище было слишком тяжелым для транспортировки, поэтому она выпотрошила его, словно подстреленного оленя. Вначале она вытащила кишки и отбросила их в сторону, затем извлекла все прочие органы из грудной полости. Кишки и органы исчезнут в течение

суток, попав в желудки койотов и крылатых падальщиков. Насекомые переработают остатки.

Она отрезала то, что осталось от его головы, и запихнула в один черный пластиковый пакет, а туловище — в другой. Анжела обнаружила, что может забросить мешок с туловищем на плечо. Было непросто, но эта работа доставляла удовольствие.

Самым отрадным было смотреть на раздавленное лицо, стоя над адской дырой. Челюсть примыкала к голове лишь с одной стороны. Месиво было неузнаваемо для всех, кроме нее — потому что она знала, на что смотрела. Она схватила за волосы то, что осталось от головы, придержала над адской дырой, смакуя момент, а потом отпустила. В черном пластиковом пакете лежало еще несколько больших фрагментов черепа и другие неузнаваемые липкие кусочки. Она сбросила все в дыру.

Закончив с останками, она сбросила в пропасть всю свою одежду, в завершение выкинув любимые сапоги, подаренные дедом. Это казалось подходящим случаю. Она использовала их, чтобы отомстить за деда. Они были покрыты кровью Кассиэля.

Покончив и с этим, она помыла из шланга подвал и ополоснулась сама, а потом поднялась наверх и приняла душ. После она оделась, позвонила Джеку и села на пол в гостиной, дожидаясь его.

Глава 61

Трос все еще висел поперек дороги к дому Анжелы. Джек сам помог повесить его лишь несколько часов назад. Замок был закрыт, поэтому он просто припарковался на обочине и дальше направился пешком.

Он не имел ни малейшего понятия, зачем она позвонила.

— Ты можешь ко мне приехать? — только и спросила она.

Ему самому удалось поспать всего несколько часов.

— Сейчас? — уточнил он.

— Да, — ответила она.

Что-то в ее голосе заставило волоски на его руках подняться дыбом.

Он не знал, что происходит, но понял, что возникла какая-то проблема. Проблемам пора бы уже закончиться. Они нашли атомную бомбу, вызвали подмогу и помешали террористам устроить ядерный взрыв. Анжелу взяли под стражу люди, которые хотели использовать ее в своих политических целях, но он вызволил ее. Казалось бы, все пришло в норму. Но что-то опять изменило ситуацию.

Дорога к ее дому проходила через живописный луг. Впереди в свете полной луны виднелись горы-близнецы. Он никогда не видел дом Анжелы, но знал, что он расположен где-то в лесах у подножия этих гор. Это были не такие огромные горы, как на западе страны. Скорее, типичные горы северо-востока: невысокие и со сглаженными вершинами.

Миновав луг, он оказался в девственном лесу. Сосны, канадские ели и бальзамины источали чудесный аромат. Он смотрел на листья кленов и огромных дубов, мягко колыхавшиеся на легком ветерке и словно приглашавшие его в свое святилище, и думал о том, что листья вскоре поменяют цвет. Он представил, как прекрасна осень в этих горах.

Джек нашел дом Анжелы, приютившийся среди высоких елей у подножия гор-близнецов. Обстановка здесь была самой идиллической.

Он ступил на крыльцо кирпичного дома и постучал в дверь. Анжела крикнула, чтобы он входил.

Гостиная была небольшой, но уютной и притягательной. В коридоре слева горел один светильник, но в основном помещение освещали ароматические свечи. Несмотря на удобные с виду кресла и диван, Анжела сидела прямо на полу, скрестив ноги. Она была в шортах и босиком, со свежим маникюром и макияжем. Ее волосы были идеально уложены, а помада на губах намекала, что девушка готова провести ночь в городе.

Джек не понимал, что происходит, но у нее было жуткое настроение. Не задавая вопросов, он просто сел на пол перед ней и тоже скрестил ноги. Медленно вынырнув из своих мыслей, она посмотрела ему в глаза, словно только заметила его присутствие.

— Кассиэль Айхан Корекан приходил сюда совсем недавно — пока я спала.

Джек моментально насторожился. Он хотел достать нож, но она вела себя не так, как если бы ей угрожала опасность.

— Боже мой, Анжела, что случилось?

— Я его убила.

Джек мог лишь только моргать.

— Ты его убила?

Она кивнула:

— Он вошел в мою спальню, пока я спала, и разглядывал меня. Я проснулась. Моей пушки на тумбочке не было, так что мне пришлось убегать.

— Куда?

Девушка указала рукой за левое плечо:

— На дедушкину гору.

Джек непроизвольно посмотрел в указанном направлении, хотя там не было окон, через которые он мог бы увидеть горы.

— И он погнался за тобой?

— Да. И я его убила.

— Ты уверена, что он мертв? На сто процентов?

Она повернулась, наклонилась и взяла одноразовую полупрозрачную миску, в которых обычно хранила остатки запеканки и других блюд. Поставив ее между собой и Джеком, она заявила:

— Это его мозг.

Джек на мгновение оцепенел. Теперь он понял, зачем она зажгла ароматические свечи. Мозг был деформирован, словно его пытались раздавить.

— Какого черта ты оставила его мозг?

Она искренне удивилась такому вопросу.

— Я подумала, вдруг ты захочешь сделать ДНК-тест или что-то подобное. Он международный серийный убийца. Я думала, множество людей в других странах захотят получить подтверждение, что он действительно мертв. Думала, родственники будут рады узнать, что убийца дорогих им людей мертв. Я пришла к выводу, что если я сохраню только немного крови, то люди будут беспокоиться, что Кассиэль остался жив. Поэтому я сохранила его мозг в качестве доказательства.

У Джека отвисла челюсть. Его ошеломляла ее холодная, спокойная рассудительность. Он уставился на окровавленный мозг в пластиковой миске, и смог заговорить далеко не сразу.

— Что случилось? Как он умер?

— Я размозжила его череп камнем.

— Ох. Полагаю, этого достаточно.

На языке крутились всевозможные вопросы, но в этой неловкой тишине он больше хотел успокоить девушку, которой пришлось пережить нечто ужасное.

— Полагаю, ты знаешь, что Анжела переводится с итальянского как «ангел».

Она кивнула.

— Так, хорошо, «ангел» означает «вестник Божий». Поэтому, я думаю, ты стала вестником Божьим для Кассиэля.

— Не совсем. Это может быть истолковано как «вестник Божий», но в моем случае это означает кое-что другое.

Джек слегка прищурился:

— И что же это значит в твоем случае?

— Гнев Божий.

Он мог только смотреть на нее во все глаза. Исходя из всего того, что он уже знал о ней и подозревал, она могла быть права.

— Если тебе не нужен его мозг, я буду рада от него избавиться, — сказала она.

Джек умирал от любопытства: где остальное тело Кассиэля и почему у Анжелы оказался только мозг? Но его позвали явно не для обсуждения, как избавиться от тела.

— Случилось что-то еще, Анжела?

— Кое-что действительно жуткое, — кивнув, ответила она.

— Действительно жуткое. — Он попытался представить, что может сравниться с человеческим мозгом в пластиковой миске, но не мог, поэтому просто спросил: — Что?

— Ну, ты знаешь, почему я смогла сказать многое о Кассиэле, когда ты показал мне его фото?

— Да. Я уверен, что это из-за твоей генетики. По этой причине ты как-то смогла увидеть то, что он совершал.

— Так с каждым убийцей, — сказала она. — Ты говоришь, это генетика, но я знаю, что я не нормальная.

Урод. Но сейчас я думаю, что я еще большая ошибка природы, чем я полагала.

— Ты не урод, Анжела, — мягко настаивал он.

— Я думала, мне являются эти видения потому, что я здесь для чего-то важного. Понимаешь? Что мое предназначение — быть гневом Божьим.

Джек не хотел, чтобы она считала себя уродом. Он знал, что это не так. Она была чем-то совершенно необычным.

— Если утешит, я знаю и других одаренных. Одна женщина, Кейт, может нечто похожее — узнавать что-то по глазам убийцы.

— Правда? — В ее голосе зазвучала надежда.

— Да, но ее способности не так впечатляют, как твои, — признал он.

— Ох, — разочарованно протянула она. — Как бы то ни было, после того, как я расколола череп Кассиэля камнем, то оторвала его головной мозг от спинного и взяла его в руки.

Джек гадал, зачем она вообще это сделала, но не стал спрашивать.

— Продолжай.

— Пока я держала мозг в своих руках, его воспоминания все еще пылали. Какая-то электрическая активность еще сохранялась, и я увидела все то, что он недавно наблюдал. Это были его воспоминания.

— Анжела, я сомневаюсь, что это возможно. Он же был мертв. Ты только что сказала, что проломила камнем его череп.

— Я тоже так думала. Но когда я держала его все еще теплый мозг в руках, то могла видеть его мысли. Не представляю, как, но я могла. Его разум быстро умирал без кровоснабжения — я чувствовала, — но он все еще был достаточно живым для того, чтобы выполнять какие-

то примитивные функции. Его разум перебирал все недавние воспоминания. И я могла видеть их.

Джек решил не подвергать ее слова сомнениям и не предлагать другое объяснение, а просто дать ей рассказать о пережитом. Он подумал, после того, как она убила мужчину таким кошмарным способом, нужно выговориться, прийти к некому катарсису.

— И что ты видела?

— Я увидела, где он оставил машину, которую украл, чтобы доехать до меня. Около мили отсюда. Я могла бы отвести тебя туда. Машина синяя. Я видела его воспоминания о том, как он шел через луг и лес к моему дому. Видела воспоминание о том, как он при помощи ножа вошел в дом через черный вход, как смотрел на меня при свете своего карманного фонарика, пока я спала. Я видела его воспоминание об эрекции, когда он предвкушал, что со мной сделает.

— Как долго это длилось? Я про воспоминания.

— Совсем недолго. Они проносились с немыслимой скоростью — тысячи и тысячи коротких обрывков. Я видела их так, словно это были мои воспоминания, мои мысли, мои впечатления. Образы, звуки, запахи, люди, разговоры — все это слилось в одном мгновении. Вот на что это было похоже. Они постепенно угасали. Я видела, как его мозг умер, а душа исчезла.

— Ладно, — сказал Джек, глубоко вздохнув, — это довольно жутко.

Джек так и не понял, действительно ли произошло то, о чем она говорила, или это был плод воображения ее разума, пытавшегося справиться с дезориентирующей смесью ярости, горя и чудовищности убийства человека голыми руками. Он также не знал, зачем нужно рассказывать ему об этом в пять утра, до восхода солнца.

— Анжела, в этих воспоминаниях есть что-то особенно важное? Что-то, о чем ты должна мне сообщить?

По ее щеке скатилась одинокая слеза, и Анжела вытерла ее.

— Да. Скоро — сегодня днем — погибнет много людей. Много ужасных людей.

— О чем ты говоришь? Какие ужасные люди?

Анжела пристально смотрела на мозг.

— Скверные люди, принадлежащие к могущественному и коррумпированному правящему классу. Их становится все больше, и эти высокомерные люди, отсиживающиеся в своих башнях из слоновой кости, думают, что они лучше всех остальных. — Ее голос звучал едко. — Эти люди издают законы, чтобы править всеми, контролировать всех, но сами не следуют своим законам, считая себя выше этого.

— Мне кажется, мир был бы лучше без них.

— Какое-то время я думала о том, как было бы хорошо позволить исчезнуть с лица земли алчным, продажным, лживым, жестоким, нечестивым и злым людям. Думала не мешать этому.

Она подняла на него взгляд, и ее глаза увлажнились. По ее щекам потекли слезы. Джек не понимал, о чем она говорит, но решил позволить ей объяснить все самой.

— Я могу представить, как это происходит с той же четкостью, с какой вижу убийства. Могу видеть все сразу. Это завораживает, будто смотрю на автомобиль, едущий наперерез поезду, и знаю, что люди в этом авто вот-вот умрут... и мне все равно. Но потом, когда отбрасываю удовлетворение от мысли, что заносчивая элита исчезла, я начинаю думать обо всех остальных. Есть же и много других людей, понимаешь? Они вкалывают на работе, чтобы обеспечить семью. Несмотря на всех плохих людей и все зло, происходящее день за днем, есть и те, кто

не является частью этого. Простые люди. Невинные. Кто хочет просто жить и делить радость с теми, кого любит.

Джек наклонился к ней:

— Анжела, о чем ты? Кто, по-твоему, может умереть?

— Много ужасных людей, без которых мир был бы лучше, но также и много невинных, которые не заслуживают смерти. Люди, которые каждый день борются за нашу безопасность, за безопасность своих семей. Эти люди заслуживают право на жизнь, как и невинные люди, которых я спасла от Кассиэля, когда его убила. Он больше не сможет убивать невинных, а они никогда не узнают, что остались живы потому, что этой ночью я убила монстра. Но им не нужно знать о том, что я их спасла. Достаточно того, что об этом знаю я.

На секунду Джек прислушался к потрескиванию свечей.

— Я понимаю, как тебе иногда одиноко, Анжела. Я тоже тружусь, чтобы избавляться от плохих людей.

— Знаю. Я вижу по твоим глазам, что ты сделал, каких людей убил и почему. Я вижу, как ты спасал женщину по имени Кейт. Женщину, которую ты любишь.

Джек сглотнул. Он пытался оттолкнуть эти болезненные воспоминания и сконцентрироваться на текущей проблеме.

— Так вот, — сказала она, — даже если я испытала минутное удовлетворение, размышляя о справедливости смерти этих людей, то поняла, что не могу допустить этого. На кону оказалось слишком много невинных жизней. Я не такой монстр, как те, на кого мы охотимся. Я не убийца, как те, кого я уничтожаю.

— Поэтому я делаю, что могу, чтобы помогать таким людям, как ты, Анжела.

— Хорошо, потому что мне нужная твоя помощь.

Джек пожал плечами:

— Без проблем. В чем дело?

— Во второй бомбе.

Глава 62

У Джека на затылке волосы встали дыбом.

— Что?

— Взрыв, который мы предотвратили, должен был произойти в Нью-Йорке сегодня в четыре часа дня, когда в городе полно работающих людей и туристов, а на улицах пробки. Чем больше людей на улице, тем больше смертей от радиации и ожогов.

— Анжела, мы не дали этому случиться.

— Да, но есть вторая бомба. Она взорвется сегодня в Вашингтоне, в то же время — в четыре часа дня. Террористы хотели, чтобы обе бомбы нанесли удар в самое сердце Великого Сатаны — по Нью-Йорку и Вашингтону. Мы разобрались с первой бомбой, но вторая осталась. Она собрана, доставлена в Вашингтон и готова взорваться.

Джеку казалось, что он вышел из своего тела и наблюдает этот разговор со стороны.

— Анжела, откуда ты это знаешь?

— Увидела в воспоминаниях Кассиэля, когда держала в руках его умирающий мозг.

Джек перевел дыхание, приходя в себя. Он говорил себе, что это невозможно, что она просто вообразила себе самое худшее. Но он уже видел, как эта девушка совершает невозможное.

— Что было в тех видениях, воспоминаниях? Можешь рассказать, что конкретно заставило тебя в это поверить?

— Я видела лидера группировки, ответственного за миссию — за обе бомбы. Его зовут Рафаэль. Он держал Кассиэля при себе. Рафаэль и его команда — иранцы, но с самого детства говорили по-испански, питались мексиканской едой и одевались как мексиканцы, так что легко могли проникнуть в США, где мексиканцы практически незаметны. Таков был план: смешаться с мексиканцами. Но не заблуждайся, они иранцы, мечтающие о мировом господстве. Они считают, что халифат ИГИЛ[1] не оправдал себя, и намерены создать настоящий халифат. Всю жизнь они готовились к миссии. Обучались не только у иранских ядерщиков, но и у ядерщиков из Северной Кореи и Пакистана. Рафаэля можно назвать ученым-физиком, а эта миссия — главная цель его жизни. Они хотят погибнуть от взрыва созданных ими бомб, и это станет кульминацией всего их труда. Впервые увидев ту четверку, я решила, они мексиканцы. Вся команда нелегально пробралась в США, прикидываясь мексиканцами, а поймали лишь троих. Американские юристы помогли им выйти из-под стражи, а заседание провели только через полгода, когда они уже исчезли в Америке, как и предполагалось. Власти не остановили остальных, а некоторые города и штаты даже защищали, как мой и Калифорния. Но Кассиэль рос не с ними. Иранский командир Хасан спас его от казни за убийство и приказал отправиться с Рафаэлем. Ни Кассиэлю, ни Рафаэлю это не понравилось. Рафаэль оставил половину команды заканчивать сборку первой бомбы — ее мы и нашли. По завершении бомбу должны были отвезти в Нью-Йорк, но

[1] Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

все погибли от взрыва во время спецоперации. Когда Рафаэль не смог ни с кем связаться, он догадался, что команду раскрыли и теперь они мертвы. Он знал, что они взорвут здание и сами погибнут в этом взрыве, чтобы никто не раскрыл весь план, и тогда Рафаэль сможет выполнить свою часть. Теперь все зависит только от Рафаэля. Потому они и разделились — увеличить шансы на успех. После разделения команды имели минимальный контакт. Рафаэль собрал вторую бомбу в лесной глуши на длинной второстепенной дороге не так далеко отсюда. Эта дорога, Даффи-роуд, ответвляется от главной и проходит мимо разбросанных домов и палаточных лагерей. Большинство домов принадлежат работникам фабрики и давно заброшены. Бомбу собрали в сарае. Все, кто их видел, думали, что это мексиканцы, не знающие английского. Когда работа была закончена, Рафаэль с Кассиэлем на грузовом фургоне отвезли бомбу в Вашингтон. Остальные члены команды поехали на других машинах, чтобы рассредоточиться, если что-то пойдет не так. Вчера они заложили бомбу на верхнем этаже высотки, принадлежащей через ряд подставных фирм террористической группировке, поддерживаемой Ираном. Здание выбиралось так, чтобы заложить бомбу как можно выше, тогда эффект будет максимально разрушительным. Все планировалось десятилетиями, вот только Кассиэль не входил в изначальный план и не хотел становиться мучеником. Как только бомбу доставили в Вашингтон, у Кассиэля в буквальном смысле появилось время на убийство. Так что он улизнул, когда о нем позабыли, угнал машину и поехал убивать меня.

Джек обхватил голову руками:

— Где бомба? Нужно позвонить тем, кто ее обезвредит.

Анжела помотала головой:

— Не могу сказать, где она.

— Что? Почему?

— Я знаю только, что они собрали бомбу недалеко от Милфорд Фоллз, в том сарае на Даффи-роуд — но только потому, что я узнала дорогу из воспоминаний Кассиэля. Но я никогда не была в Вашингтоне, так что обрывки его воспоминаний ничего мне не говорят о местоположении бомбы.

Джек указал на мозг в миске:

— Ты можешь прикоснуться к нему и как-то получить больше информации?

Анжела скривилась:

— Он мертв, Джек. Теперь это просто серое месиво.

Джек встал, снова схватился за голову и стал расхаживать из стороны в сторону.

— Бомбу нужно обезвредить. Мы не можем допустить взрыв.

— Вот поэтому мне нужна твоя помощь.

Он обернулся:

— Что?

— Ты должен отвезти меня. Кажется, я могу вырубиться прямо за рулем. Я совершенно вымотана. А если поведешь ты, я немного вздремну по дороге.

— Отвезти тебя? Черт побери, что ты несешь? Ты в своем уме? Как это поможет найти бомбу?

— Как ты не понимаешь? Если поедем той же дорогой, что и Кассиэль, когда ехал на фургоне в Вашингтон и на украденной машине обратно, чтобы убить меня, то я узнаю местность по воспоминаниям. Я смогу использовать его память как след из хлебных крошек, чтобы найти дорогу к бомбе. Вот как мы ее найдем.

Джек чуть не сплюнул от досады.

— И что потом?

— А потом я их всех убью.

Джек уставился на нее:

— Вот так просто. Ты собираешься их убить.

— Да.

— Ты подержала в руках человеческий мозг и увидела вторую атомную бомбу, которая сейчас находится в каком-то здании в Вашингтоне, округ Колумбия.

— Ну да. Так ты поможешь мне или нет?

Идея была настолько сумасшедшей, что он с трудом сохранял самообладание.

— Лучше я позову помощь, и с нами поедет тактическая группа. Они смогут разобраться с ситуацией, как только мы туда прибудем и отыщем нужное здание.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Думаешь, я доверюсь людям вроде тех, что заковали меня в наручники и выбивали признание в терроризме? К черту их. К черту их всех.

— Анжела, ради всего святого, это разные вещи! Нам нужна тактическая группа. Только они смогут справиться с подобной ситуацией.

— Послушай меня, Джек. Я видела все, что видел Кассиэль. Бомба собрана. К ней подключено электрическое оборудование, готовое сжечь взрывчатый проволочный мостик и детонировать бомбу. Все полностью готово. Они заняли позиции у окон. У них есть наблюдатели на улице. Если они увидят команду спецназа, устроившую облаву на наркоторговцев, то взорвут бомбу. Они не станут рисковать или медлить. Если они заметят даже малейшую странность, то взорвут бомбу.

— Но если...

— У них есть выключатель мертвеца: мужчина сидит на металлическом стуле, подсоединенном к электросети. Если группа захвата ворвется туда, то он сдвинется с места, и бомба взорвется. Все подключено и готово к рабо-

те. Они лишь ждут намеченного времени — четырех часов дня, — потому что хотят, чтобы после взрыва город погрузился в темноту, и людям было еще страшнее, но, если понадобится, они нажмут на кнопку раньше. Если ты кого-то вызовешь, они все испортят, и эта бомба превратит Вашингтон в море стекла.

— Но военные могут нанести удар издалека. Они могут запустить ракеты или, если придется, снести все здание.

— Рафаэль объяснил Кассиэлю, что даже если враг пустит ракету, взрыв от нее будет медленнее, чем детонация от ВПМ. Он сказал, что в гонке на микросекунды атомная бомба победит.

— Но...

— Послушай, Джек, эта группировка планировала миссию всю свою жизнь. Это их высшая цель. Они собираются умереть в великом взрыве против Великого Сатаны. Это апогей работы всей их жизни. Их руководители консультировались с экспертами из Северной Кореи и Пакистана по поводу конструкции бомбы, чтобы сделать ее максимально мощной, и они просчитали всевозможные варианты нападения или противодействия. Все продумали и перестраховались. Террористические атаки по всей стране прикрывали то, что они делали на границе. Они с легкостью прошли через пограничный пункт, несмотря на усилия правительства по недопущению провоза в страну радиоактивного материала. Они легко это провернули. Никто, ни один из тех экспертов, о которых ты говоришь, даже не понял, что во время атаки эта группа протащила через границу две ядерные бомбы. Единственное, чего добьются эти «эксперты», или тактическая группа, или кто там у вас есть, так это взрыва атомной бомбы на несколько часов раньше срока. Вашингтон будет стерт с лица земли. Ты рассуждаешь

именно так, как им нужно. Ты играешь в их игру, делая нужные им ходы. Нельзя одержать победу, играя по их правилам.

— Господи Иисусе, мы должны вызвать туда экспертов!

— Нет, не должны! Говорю тебе, это не сработает. Я справлюсь сама, как только мы туда доберемся.

Джек отступил на шаг и уставился на нее.

— Как, черт возьми, ты собираешься это сделать?

— Я уже все видела. Все здесь. — Она постучала пальцем по виску. — Я знаю, как выглядит здание внутри и снаружи. Знаю всех людей Рафаэля и его самого. Я — единственное непредвиденное обстоятельство, которое они не просчитали. Как и для всех найденных мной убийц, я стану для них шальной картой.

— Анжела, ты должна прислушаться к голосу разума...

— Говорю тебе в последний раз. Я не собираюсь сотрудничать с твоими гребаными экспертами. Из-за них все погибнут. Это не предположение, это факт. Я не позволю этому случиться. Я не предлагаю тебе выбирать, Джек. Отсюда до округа Колумбия часов шесть езды, возможно, меньше. Мы прибудем туда поздно утром, и у нас будет полно времени — минимум четыре часа. Если что-то пойдет не так, — например, меня убьют, — ты все еще сможешь вызвать людей из правительства. Но говорю тебе, это будет конец для Вашингтона и множества невинных людей.

Джек покачал головой:

— Это безумие.

Но в то же время ее слова имели смысл — странный, сумасшедший, психически нездоровый. Для Анжелы все было вполне логично. По ее мнению, Рафаэль ожидал нападения группы.

Чего они не ожидали, так это Анжелы.

Глава 63

— Мы теряем время, — сказала Анжела. — Ты собираешься меня отвезти или мне ехать самой?

— Нет-нет, — произнес Джек, отметая эту идею. — Ты почти не спала с тех пор, как тебя захватили те федеральные болваны, а потом тебе пришлось бегать в темноте и раскалывать Кассиэлю череп, так что сейчас тебе нечего делать за рулем. Мы не можем позволить бомбе взорваться из-за того, что ты уснула за рулем. Я поведу. Может, тогда ты сможешь поспать в дороге.

— О том и речь, — ответила она.

Джек провел рукой по волосам:

— Возможно, я такой же сумасшедший, как и ты, но раз уж ты хочешь сделать все по-своему и мы не знаем точного места, то лучше я буду рядом, чтобы тебе помочь.

— Поэтому я и позвонила, — с улыбкой сказала Анжела.

— Поедем на моей машине. Поспишь на заднем сидении.

— Хорошо, давай тогда возьмем все необходимое. — Задув свечи, она взяла пластиковую миску с мозгом Кассиэля, который начинал вонять. Красная жидкость на дне колыхнулась, когда девушка повернулась к нему. — Тебе это нужно или нет?

Джек прочистил горло.

— Думаю, нет.

Она пожала плечами и забрала миску с собой.

Джек не знал, что там насчет всего необходимого, но последовал за девушкой к двери в коридоре. Она встала на цыпочки, достала ключ с притолоки и отперла дверь. Когда она включила свет, он увидел подвал.

Спустившись по лестнице, он огляделся, пока Анжела ставила миску с мозгом на стойку слева. Пол был выложен деревянными досками, похожими на тиковые, с промежутками между ними. Как ни странно, на стене висел садовый шланг.

Анжела открыла нижние дверцы шкафа и достала пару замшевых сапог, похожих на те, что он обычно видел на ней. Обувшись, она открыла коробку, стоявшую в том же шкафу, и достала новый нож в ножнах. Она проверила остроту лезвия, срезав волоски на руке, а затем сунула ножны в сапог.

Когда Анжела открыла верхние дверцы шкафа, Джек увидел стопки коробок: в основном, с новыми Вальтерами П22, но попадались и Глоки 19. Рядом с коробками рядком стояли подавители.

Она достала из одной коробки Вальтер и зафиксировала затвор. При помощи маленького гаечного ключа она сняла кольцо, которое защищало резьбу на конце ствола, и накрутила подавитель. Анжела положила оружие на стойку.

— У меня тут Вальтеры П22 и девятимиллиметровые Глоки, — сказала она. — Глоки имеют большую убойную силу, но у меня подавители только для Вальтеров. Поскольку нужна скрытность и внезапность, я думаю, нам следует воспользоваться Вальтерами с подавителями. Они подавляют звук, что делает стрельбу в помещении менее раздражающей и позволяют услышать, если кто-то идет за тобой. И мы не выдадим себя шумом. А еще, если что-то пойдет не так, мы сможем поделиться магазинами.

Он немного удивился уровню ее тактической подготовки.

— Вынужден с тобой согласиться. Вальтер так Вальтер.

Она вытащила из коробок три новых пистолета, прикрутила к двум из них подавители и протянула Джеку. Затем она накрутила подавитель на второй пистолет для себя.

— Если что-то случится с одной из пушек, запасная может спасти нам жизнь.

— С тобой не поспоришь, — ответил Джек. Он все еще с трудом мог поверить, что согласился на этот план. — Помимо этого, у нас есть ножи. Они тоже могут пригодиться.

В устранении людей нож был хорош тем, что при должном умении можно было сделать все без шума. Нож позволял приблизиться незаметно, но это тратило драгоценные секунды. Если целей было много, а времени мало, малокалиберный пистолет с глушителем был хорошим выбором — в том случае, если ты крутой стрелок. С двадцать вторым калибром точность выстрелов была крайне важна. Если промахнуться хоть немного, враг лишь разозлится и тут же бросится на тебя, и, конечно же, начнет отстреливаться.

Анжела достала из коробок магазины и полезла в шкаф за дополнительными.

— Они вмещают по десять патронов, но не заражай все десять, — предупредила она. — Я обнаружила, что они не всегда надежны, когда магазин полон.

Джек слегка удивился, что ей известно и это. Похоже, скоро он уже научится не удивляться ее словам.

Они снарядили несколько дюжин магазинов девятью дозвуковыми патронами, а затем вложили по десять патронов в магазины, которые вставили в пистолеты. После

досылки патрона в магазине осталось по девять пуль. Это обеспечивало десять выстрелов до перезарядки, а после по девять.

У Анжелы даже нашлись две кобуры для Джека. Днище было обрезано так, чтобы подавитель торчал снизу. Девушка достала еще пару коробок с патронами, чтобы взять с собой.

Он с трудом представлял, зачем она всем этим обзавелась — наверно потому, что могла узнавать убийц по глазам, а некоторые из них могли вычислить ее.

Когда охотишься на убийц, убийцы охотятся на тебя.

Он начинал понимать, как она выживала. Он хотел бы, чтобы как можно больше людей, которых он находил, имели такой инстинкт самосохранения, как у Анжелы.

Помимо кобуры на пояснице, Анжела закрепила еще одну на бедре, чтобы оба пистолета были под рукой. Анжела одернула свою футболку, чтобы прикрыть кобуру на бедре, но с ее фигурой и размерами вышло не очень скрытно.

Когда все магазины были снаряжены, она взяла миску с мозгом, прошла в дальний конец подвала и открыла люк. Без всяких церемоний она выбросила миску со всем ее содержимым в черную дыру.

Джек подошел к ней и глянул вниз.

— Что это?

— Место, куда отправляются плохие люди, — тихо ответила она. — Оно называется адской дырой.

Джек несколько секунд вглядывался в темноту, а голова шла кругом от новых сведений. Обычно ему приходилось долго и усердно работать, чтобы убедить людей в их способности распознавать убийц, а также в том, что им нужно отнестись к этому всерьез и научиться защищать себя.

Анжела была из другой лиги. Она была с другой планеты.

— Большую часть времени мне кажется, что жизнь не имеет смысла, — сказала она, глядя во тьму. — Иногда это место будто притягивает меня. Понимаешь? Думаю, что однажды я могу закончить там, внизу.

— Что заставляет тебя так думать?

— Просто... все, — сказала она отстраненным голосом, все еще глядя в темноту.

Боль и опустошенность в ее голосе разбивали сердце.

— Анжела, — произнес Джек, мягко взяв ее за руку и потянув прочь от пропасти, — человек, который вознамерился рискнуть собой, чтобы помешать террористам взорвать атомную бомбу, определенно имеет смысл жизни и не должен попасть в дыру, которая ведет в ад. Только убийцы — хищники, которые охотятся на невинных людей, — должны оказаться там. Люди, подобные Кассиэлю, а не тебе.

Она обернулась и посмотрела на него с внезапной жутковатой улыбкой:

— Хорошо, потому что он уже там.

Как только они оказались наверху, Анжела заперла дверь в подвал и вернула ключ на место. Теперь он понимал, почему она не хотела, чтобы кто-то бродил внизу.

Уже направляясь к выходу, он окинул ее критическим взглядом.

— Не хочешь переодеться? Ты действительно собираешься на перестрелку в тех же шортах, в которых работаешь в баре?

— Да.

Джек растерялся:

— Почему?

— Потому что среди террористов, которых мы идем убивать, нет женщин.

— И?

— Женщины не стали бы отвлекаться на мои ноги.

Внезапно это обрело смысл. Для Анжелы все было логично: она шла убивать террористов, причем мужчин. В смертельной схватке любое отвлечение внимания, даже на долю секунды, было бесценным преимуществом.

Четверо террористов уже отвлеклись от своей миссии, чтобы изнасиловать ее. Очевидно, они обращали внимание на длинноногих женщин. И если чьи-то ноги и могли их отвлечь, так это ноги Анжелы. С такой точки зрения она вовсе не была сумасшедшей. Она была смертельно опасной.

Глава 64

Анжела приоткрыла глаза. Слишком яркий свет не давал открыть их полностью, и пришлось прищуриться. Она зевнула и потянулась на заднем сиденье, приподнявшись, чтобы выглянуть в окно.

Девушка оглядела проплывающий мимо пейзаж. Справа промелькнул указатель, сообщавший, что они едут по межштатной автомагистрали 270. Минутой позже она пригнулась, чтобы посмотреть через лобовое стекло: они проехали под табло, указывающим на съезд к восточной межштатной магистрали 495 через две мили.

Она протянула руку, указывая из-за плеча Джека:

— Туда. Нам нужен тот съезд.

— Помню, помню. Ты уже говорила мне, что отчасти знаешь, по каким дорогам нужно ехать.

Большинство воспоминаний Кассиэля были о местах, которые он видел. Он обратил внимание на этот съезд с шоссе, потому что тот был приметным. Было досадно,

что она не знала, по каким другим дорогам нужно ехать. Кассиэль смотрел на здания, закусочные, магазины и офисы, которые интересовали его по той или иной причине, но больше глазел на женщин на улицах. Значительная часть его недавних воспоминаний, поселившихся теперь у Анжелы в голове, оказалась о женских задницах. Его зрение было подобно ракете с тепловой системой самонаведения на задницы. Тех женщин, конечно же, давно там не было, что оставляло пробелы в маршруте. Воспоминания давали объяснение некоторым извращениям, которые он любил вытворять с женщинами перед убийством.

Анжела частенько мечтала не хранить в голове жуткие видения и воспоминания убийц. Заглядывая в их разум и наблюдая за отвратительными деяниями, которыми они наслаждались, она испытывала тошноту и злость. Когда она убивала одного из этих дикарей вроде Кассиэля, это был ее шанс отомстить.

Она была гневом Божьим.

Анжела нагнулась над подлокотником между передними сиденьями, протиснулась вперед, и подтянула длинные ноги, чтобы сесть рядом с Джеком.

Как только они выехали на межштатную автомагистраль 495, ведущую на восток, Анжела начала внимательно вглядываться в окна, пытаясь сопоставить пейзаж с воспоминаниями и найти совпадения. Она надеялась, это поможет добраться до места, где Рафаэль держит вторую бомбу. Она знала о некоторых приметах, — помимо женщин, — которые привлекли внимание Кассиэля, поэтому искала именно их. Если она видела торговый центр, этнический продуктовый или табачную лавку, то пыталась отыскать их в памяти.

Но как бы усердно она ни старалась, ничего не совпадало.

Джеку она ничего не говорила, но внутренне начинала паниковать, что ее план не сработает. Все зависело от того, сможет ли она следовать по хлебным крошкам его воспоминаний, которые приведут их в логово террористов. До сих пор она не нашла никаких хлебных крошек кроме того дорожного знака.

Разглядывание окрестностей через окна и копание в воспоминаниях не приносило результата. Она боялась, что у них ничего не выйдет. Если они не найдут здание с бомбой, Джек позвонит своим людям из разведки. Но как они найдут бомбу, да еще за такое короткое время? Оставалось всего несколько часов до того, как Рафаэль взорвет ее. Даже если каким-то чудом правительственные войска сумеют ее найти, Рафаэль готов к любой неожиданности. Они не смогут предотвратить взрыв, а станут его причиной.

Если план Анжелы не сработает, Вашингтону осталось лишь несколько часов, а затем мир изменится навсегда. Никто из жителей города понятия не имел, что сегодня умрет.

Ее мысли вращались вокруг одной проблемы. Найти бомбу и не дать ей взорваться — две разные вещи. Все, что она рассказала Джеку о планах террористов, было правдой. У них были варианты на случай любой атаки.

Желание умереть пересиливало инстинкт самосохранения и давало террористам чувство уверенности в успехе.

Рафаэль знал, что не сможет одержать верх в перестрелке или пережить штурм, но ему и не нужно побеждать — он все равно собирался умереть. У него не было планов отхода. Завершающей фазой был взрыв, а не победа в перестрелке с отрядом спецназа. Бомба готова к взрыву, и, если что-то пойдет не по плану, они просто-напросто взорвут ее раньше. Любой исход их устроит.

— Туда, — сказала Анжела, увидев магазин, который задел струны памяти. — Поверни направо перед магазином на углу. Там еще плакаты с Дядей Сэмом на витрине.

Джек свернул безо всяких комментариев и возражений.

Анжела откинулась назад, радуясь, что увидела хоть какой-то знак. Это доказывало, что они на верном пути.

Она позволила себе погрузиться в некий транс, сканируя взглядом все, мимо чего они проезжали. Здания становились все более непрезентабельными. Анжела нырнула в воспоминания Кассиэля, позволяя им безостановочно проноситься в голове, и фрагменты образов дали ей ощущение, что они движутся верно. Она узнала прачечную и магазинчик на углу с нарисованными от руки ценниками на гамбургеры. И в прачечной, и в магазинчике было полно людей.

Кассиэлю запомнились толстозадые женщины в лосинах, которые несли в прачечную черные пакеты с бельем. Анжела улыбнулась, вспомнив, как несла к адской дыре расчлененное тело Кассиэля в таких же черных пакетах.

— Примерно через квартал по правую руку будет старый заброшенный театр. Видишь его? Поверни налево сразу за ним.

Верхний край вертикальной театральной афиши оторвался, и теперь она болталась на нижнем кронштейне — это и привлекло внимание Кассиэля. Когда они проезжали мимо, Анжела увидела, что двери и окна театра заколочены фанерой, чтобы никто не попал внутрь. Кассиэль рассматривал граффити на здании, но не понимал их смысла. Он размышлял о том, насколько универсально граффити: во всех гетто различных стран, где он побывал, были такие же разноцветные беспорядочные рисунки.

Они свернули на улицу, где вдоль тротуара были припаркованы старенькие автомобили и пикапы. В длинных зданиях располагалось по несколько квартир, фасад каждой был выкрашен в свой цвет, и создавалось впечатление, что это ряд отдельных домов. У каждой квартиры было свое небольшое крыльцо. Некоторые люди сидели на ступеньках, другие на поставленных на крыльце ржавых скамейках или мягких креслах с разорванной обивкой, из которой торчал наполнитель. Маленькие дети носились по ступенькам, забегая в квартиры и выбегая из них.

— Вот на той улице поверни направо, проезжай один квартал, а затем налево.

Они проезжали мимо пустырей с сетчатыми заборами, в которых застряли газеты, коробки из-под пиццы, обертки от бургеров и прочий мусор, принесенный порывами ветра — как дуршлаг задерживает спагетти, пропуская воду.

— Помедленнее, пожалуйста, — сказала она Джеку, не выходя из транса воспоминаний убийцы.

Чем дальше они ехали, поворачивая согласно ее указаниям, тем неприятнее становилась местность.

— Ты уверена, что они ехали по такому случайному маршруту? — спросил Джек.

— Он не случайный. Они изучали город: несколько лет направляли людей, чтобы те исследовали его на предмет мест и маршрутов, где меньше всего шансов столкнуться с осмотрами и обысками. Они сделали тысячи фотографий. Они знали, что если проехать слишком близко от Капитолия или Белого дома, то есть шанс привлечь внимание охраны. Они выбирали среди бедных районов, потому что могли затеряться среди жителей. Их грузовой фургон старый и покрыт пятнами грунтовки, чтобы не выделяться на этих улицах. В более благопо-

лучных районах они, скорее всего, выглядели бы неуместно или подозрительно.

— То, как они все продумали, устрашает.

— Исходя из знаний Кассиэля, у Рафаэля, его советников и команды были годы — десятилетия, — чтобы убедиться, что они устранили все переменные факторы, опасности или проблемы. Они купили заброшенное здание одиннадцать лет назад. Периодически открывали там небольшой дистрибьюторский бизнес, чтобы все выглядело легально и они могли сохранить здание за собой. Они спланировали все досконально.

— Кроме тебя, — произнес Джек.

Анжела улыбнулась сама себе, глядя через окна на развалины. Отчасти они напоминала о зданиях, построенных ее дедом. Некоторые были выкрашены, но сквозь слои облупившейся выцветшей краски проглядывал кирпич. Другие были давно заброшены и походили на пустые ракушки. Стены местами обрушились, образовав беспорядочные груды обломков, в основном кирпичных. Там же валялись магазинные тележки, похожие на корабли, севшие на мель.

Чем дальше они продвигались по пришедшим в упадок районам, тем больше воспоминания соответствовали пейзажу.

— Это места в духе тех опасных гадюшников, которые Кассиэль любил посещать в странах третьего мира, — сказала она Джеку. — Там происходит слишком много преступлений, поэтому то, что делал он, не так выделялось, либо вовсе не замечалось. Он чувствовал себя комфортно в таких местах, поэтому воспоминания здесь наиболее яркие. Он осматривал район глазами хищника. Это его охотничьи угодья.

— Хочешь верь, хочешь нет, — сказал Джек, — но мы недалеко от центра американского правительства — Капитолийского холма и Белого дома.

— Дорогие дома, толпы туристов и куча охранников. Совсем не просто атаковать напрямую, — сказала Анжела. — Но достаточно легко нанести удар издалека при помощи атомной бомбы.

Джек положил запястье на верх руля, пока они медленно проезжали мимо выбеленного кирпичного здания с заколоченными фанерой окнами.

— Ты права. Это пугающе превосходный план. Большинство террористов просто хотят убивать людей в знакомых им местах и уничтожать достопримечательности. Но эти ребята хотят уничтожить целый город.

Анжела смотрела на кварталы, которые выглядели так, будто их уже разбомбили. Множество людей давно покинуло этот район, оставив пустые оболочки зданий. Но на перекрестках, ступеньках и в переулках по-прежнему ошивалось множество опасных на вид отморозков. Анжела увидела, как они торгуют наркотой. В детстве она так часто видела, как это происходит, что могла заметить это даже во сне.

Бросив взгляд на узкий переулок с переполненными мусорными контейнерами, она увидела людей, сидевших на железных площадках пожарных лестниц. На перилах всех пяти этажей и в узких промежутках между зданиями висело белье, напоминая разноцветные флаги. Здесь жили и невинные люди, причем их было немало. Они редко осмеливались выходить на улицу, а когда выходили, то зачастую становились добычей.

Она увидела таблички «Проход запрещен!», прибитые гвоздями к белым дверям заброшенных домов вдоль железнодорожных путей. На крыльцах этих домов спали бездомные, обложившись одеялами и картонками. У

многих пожитки были свалены в магазинные тележки или в припаркованные у домов машины.

— Как думаешь, мы близко? — спросил Джек.

Она могла понять его нетерпение. Он рисковал всем, полагаясь лишь на ее слова.

— Прости, — ответила она. — Я узнаю места, а не расстояния.

— Мы должны быть близко. Скоро мы окажемся у здания Капитолия.

— Здесь поверни направо, — указала Анжела.

На стене одного из заброшенных кирпичных зданий был нарисован огромный белый череп. Ее воспоминание — воспоминание Кассиэля — идеально совпало. Кассиэль видел этот грубо намалеванный череп.

Территория возле построек больше напоминала свалку. Анжела увидела среди обломков детский веломобиль и другие сломанные игрушки. Это напомнило ей о том, как она сама в детстве играла перед трейлером матери, делая пирожки из грязи, собирая сорняки в банки из-под пива, как цветы в вазу, и совершенно не обращала внимания на нищету, наркотики и преступления. Для нее это просто был дом, она не видела ничего ненормального в том, чтобы обходить стороной пьяниц, которые сидели в шезлонгах перед своими трейлерами и пытались ее завлечь, или прятаться от страшных людей под синим брезентом, покрывавшим сломанные автомобили, которые уже никогда не починят.

Невинные дети, которые крутили педали на этих игрушках, превратятся в пар под грибовидным облаком, если она не предотвратит взрыв этой бомбы.

Дальше по улице им начали встречаться здания, словно сложенные из огромных блоков. Квадратные элементы складывались в разнообразные формы. Когда-то это был оживленный деловой район.

— Останови! — закричала она.

Джек вздрогнул от ее крика, но нажал на тормоз, остановившись без визга шин.

Он взглянул на нее:

— Что?

— Съезжай на обочину и медленно сдай назад вдоль тротуара.

Он сделал как она просила, но не понимал зачем.

— Так, остановись. Теперь опусти стекло.

Джек бросил на нее вопросительный взгляд, нажав на кнопку стеклоподъемника.

— Что...

— Откинься назад, — сказала она, сосредоточившись на чем-то другом.

Анжела достала свой пистолет, держа его обеими руками прямо перед ним, и прицелилась через открытое окно.

Когда она нажала на спусковой крючок, раздался мягкий приглушенный хлопок, а затем металлический звук затвора, выбросившего гильзу и протолкнувшего снаряд в патронник для следующего выстрела. Маленькая медная гильза ударилась о ветровое стекло и отскочила от приборной панели.

На противоположной стороне улицы человек упал на землю, словно марионетка, которой перерезали нитки. Некоторые прохожие даже не заметили этого.

— Езжай, — сказала она, убирая пистолет.

Глава 65

— Какого черта? — спросил Джек.

Анжела смотрела через заднее стекло, как к лежащему на земле человеку подошли трое мужчин. Они огляделись по сторонам, а затем наклонились, чтобы обыскать карманы мертвеца.

— Это был наблюдатель, — ответила она. — Мы близко.

— Ты уверена?

— Да, его зовут Иисус, он один из наблюдателей, которых они выставили на улице. — Анжела указала вперед. — Туда. Видишь на углу здание с темной восьмигранной башней в три этажа? Сверни там налево.

Джек повернул за угол. Эта улица отличалась от предыдущей. Торговые фуры загружались и выгружались на узких тротуарах возле высоких зданий. Кое-где были подъемные металлические ворота и небольшие погрузочные платформы, огороженные ржавыми перилами. Деревянные поддоны лежали на платформах или были прислонены к стенам зданий.

Некоторые проходы между строениями были огорожены сетчатыми заборами с колючей проволокой сверху. В этих импровизированных каньонах годами скапливался мусор.

Абсолютно все здания, платформы, ограждения и подъемные ворота были покрыты обезьяньими каракулями. Строения, казалось, сливались в бесконечное бандитское граффити, надписи объявляли о правах на территорию и угрожали.

Высокое здание слева в конце квартала отличалось ото всех остальных. Каркас из бетонных колонн и балок образовывал ячейки, заполненные кирпичной кладкой; по верхнему краю каждой ячейки шел длинный ряд окон, предназначенных скорее для освещения и вентиляции, чем для обзора. В верхней части здание сужалось, и не-

сколько последних кирпичных этажей были меньше по площади.

На вывеске на углу здания красовалась вертикальная надпись «СТИЛТОН». Когда-то буквы были заполнены рядами лампочек, но теперь их не осталось. Она не видела этой вывески в воспоминаниях Кассиэля, но узнала здание в целом. Он вышел через грузовые ворота в каком-то переулке.

— В конце квартала езжай налево, — сказала Анжела.

Джек свернул налево на углу с вывеской «Стилтон» и затем еще раз, когда она сказала.

— Что мы делаем? — спросил он. — Мы начинаем ездить по кругу.

— Бомба в Стилтон-билдинг, — ответила она.

Джек вытянул шею, чтобы оглянуться через левое плечо.

— Черт.

Анжела заставила его проехать вокруг квартала еще раз, высматривая наблюдателей. Они держались той же стороны улицы, чтобы иметь хороший обзор на здание и ей было удобнее выстрелить, если понадобится.

— Ты заметил дозорных? — спросила она.

— Да, в тупике с погрузочной платформой.

— Точно, — Анжела глубоко вздохнула. — Ну, вот и все.

Джек искоса взглянул на нее.

— Чертовски хорошо придумано, — пробормотал он. — Отсюда ядерная бомба разнесет правительство.

Она рассеянно кивнула, думая о чудовищности того, что вот-вот должно произойти; на нее давил слишком большой груз ответственности. Это попахивало безумием, но она знала, что была права и это единственный разумный ход, который мог предотвратить катастрофу.

Пока они еще раз объезжали вокруг здания, мимо проехала полицейская машина; оба копа высматривали признаки возможных неприятностей. Они и понятия не имели, что Стилтон-билдинг было просто набито неприятностями. Машина копов проехала по улице и свернула за угол.

Прямо перед поворотом на улицу, куда выходил тупик с погрузочной платформой, Анжела махнула рукой, указывая:

— Так, припаркуйся здесь. До поворота. Я не хочу, чтобы они видели, как мы снова проезжаем мимо — это насторожит их.

— Эти двое возле переулка знакомы тебе по воспоминаниям Кассиэля? — спросил он, подъезжая к тротуару и наклоняясь вперед, чтобы выглянуть за нее.

— Да, — сказала она, заставив его снова откинуться на спинку сидения, а потом открыла свою дверь. — Сильвино и Рональдо. Сдай немного назад, чтобы им была не видна машина. — Когда он это сделал, она сказала: — Хорошо, жди здесь.

— А ты куда собралась? — спросил Джек.

— Нужно снять наблюдателей. Когда я выйду из переулка, то подам сигнал, что можно идти к заднему входу. У тебя все магазины с собой?

— Да. Как ты намереваешься снять наблюдателей?

Не ответив, Анжела вышла из машины и захлопнула дверь.

В каждом из четырех ее карманов лежало по пять-шесть магазинов. Это было намного больше, чем ей понадобится, но дед всегда говорил, что оружия много не бывает. Временами ей казалось, что он рядом, напоминая о себе сотнями мелочей.

Оставив машину ждать за углом, она направилась по улице туда, где возле обычного на вид переулка стояли

двое мужчин, прислонившись к стене. Но то был не переулок, а тупичок, способный вместить большой грузовик, который приехал на разгрузку. В конце переулка возвышалась платформа, на которую слева поднимались деревянные ступеньки.

Она узнала Сильвино и Рональдо, охранявших переулок, потому что Кассиэль провел довольно много времени с Рафаэлем и его людьми. Анжела воспринимала их с точки зрения Кассиэля. Они не любили его, потому что он был чужаком, а тот, в свою очередь, не уважал их и был равнодушен к их судьбе. Он был с ними лишь до тех пор, пока не подвернулся случай улизнуть и снова стать себе хозяином.

Как только бомба взорвется и вся команда погибнет, их надзиратели в Иране решат, что он умер вместе с ними. Дважды избежав смерти, он снова смог бы свободно охотиться, но на третий раз смерти повезло. Он умер, охотясь на Анжелу.

Когда она проходила мимо этой парочки, они разухмылялись и принялись причмокивать губами, держась за свою промежность. Анжела остановилась и улыбнулась им.

— Звали?

— Возможно, — ответил Сильвино.

— Так тебе что-то нужно или нет? Я довольно занята, сечешь?

— Может, отсосешь? — с усмешкой спросил Сильвино.

Она подошла ближе и провела пальцем по его воротнику.

— Возможно.

— Сколько?

— Десять с гондоном. Без него двадцать.

— Пойдет. Двадцать долларов. — Он указал большим пальцем через плечо. — Идем туда.

Рональдо оглядел ноги Анжелы и остановил взгляд на ее промежности.

— Сколько за перепих?

— Сорок. Но сегодня у меня специальное предложение. Двоим за шестьдесят.

Сильвино что-то прошептал приятелю, и тот раздраженно ответил:

— Это мой последний шанс на *coño*[1]. Если сам не хочешь, можешь подождать здесь.

— Нет, я тоже хочу *coño*, — сдался Сильвино. — Мы оба поимеем эту американскую *puta*[2].

Анжела улыбнулась и неторопливо прошла в тупик между кирпичными зданиями. Дальняя стена была выбелена на половину высоты, а окна по бокам переулка заколочены изнутри. Тут было полно мусора и всяческого хлама. В этих кучах виднелись иссохшие крысиные скелеты. Чуть в стороне валялась шина от грузовика.

Мужчины указали на платформу.

— Отвратительно, — сказала она. — Я не собираюсь ложиться в эту грязь. У вас есть более приятное и уединенное место для леди?

— Есть, — нетерпеливо кивнул Рональдо и стал подниматься по деревянной лестнице сбоку. Он указал на металлическую дверь: — Там.

Анжела позволила провести ее по лестнице и через покрытую вмятинами дверь. Внутри оказалось пустое помещение со стальными колоннами. Среди всякого хлама были разбросаны куски грязного мятого картона. Анжела огляделась вокруг в тусклом свете из окон

---

[1] Грубое обозначение женских половых органов (исп.).
[2] Грубое обозначение женщины, занимающейся проституцией (исп.).

наверху, чтобы убедиться, что внутри никого нет. В дальнем правом углу она увидела лестницу.

Удостоверившись, что они одни, девушка развернулась. Оба мужчины глазели на ее ноги, расстегивая ремни. Один из них улегся на подстилку из картона, приглашая ее устроиться сверху.

Анжела вытащила пистолет, пока они были слишком сосредоточены на ее ногах.

— Внимание, мальчики.

Когда они посмотрели вверх, она выстрелила обоим между глаз — раздалось два быстрых хлопка. Пули срикошетили у них в черепах, в одно мгновение перемолов их мозги. Лишившись двигательной способности, они обмякли на полу. Все, от коры мозга до его ствола, превратилось в кашу, и глаза после смерти остались открытыми. У них даже не было времени их закрыть.

Держа пистолет в одной руке, второй Анжела подобрала куски картона и прикрыла тела на случай, если кто-то спустится вниз. Она вышла через дверь и дошла до выхода из тупика, чтобы выглянуть из-за угла.

— Быстро ты, — сказал Джек.

Она взглянула на него:

— А ты ожидал, что я застрелю их только после того, как потрахаюсь?

Она не хотела срываться, но уже погружалась в привычное жестокое настроение. Джек словно понял это и пропустил колкость мимо ушей.

Анжела нажала на рычаг в нижней части спускового механизма, чтобы вытащить магазин. Она уже использовала три пули. Девушка вставила в пистолет новый, а частично пустой положила в задний правый карман, чтобы использовать его в последнюю очередь. Ей нужны все десять патронов, когда все начнется.

Джек последовал за ней в тупик.

— Расскажи об этом здании и возможных позициях врага.

Глава 66

Анжела и Джек молча стояли рядом с прикрытыми картоном трупами Сильвино и Рональдо. Неподалеку лежали груды макулатуры и потрепанных коробок.

Она тихо заговорила в мертвой тишине, кратко пересказывая Джеку то, что знала из памяти Кассиэля о внутренней планировке и о том, где он в последний раз видел людей.

— Помни, что в моих знаниях может оказаться много пробелов, а люди вполне могут быть не там, где прежде. Сейчас они могут быть где угодно. Кассиэль не собирался умирать за Аллаха. Он хотел выбраться отсюда, пока бомбу не взорвали. Он просто ждал возможности ускользнуть, чтобы отправиться убивать меня. Я была в его списке Константайнов. Вот о чем он думал.

— Понимаю, — ответил Джек. — Любая информация из его памяти лучше, чем ничего. Но и всецело полагаться нельзя.

— Именно. Как только все начнется, ситуация может выйти из-под контроля, — предупредила она.

— Если б я тебя не знал, то подумал бы, что ты уже участвовала в подобных операциях.

В каком-то смысле так оно и было.

— Мы оба знаем, что делать, поэтому нужно просто войти и действовать.

Джек кивнул, оглядываясь в поисках намеков на проблемы:

— Согласен.

— Я пойду первой, — заявила Анжела.

— Думаю, тебе не...

— Если они увидят тебя, то сначала выстрелят, а потом станут задавать вопросы. Если увидят меня, то начнут с вопросов.

Джек скривился, снова смотря по сторонам:

— Неприятно это признавать, но ты права. Ты знаешь, сколько у них человек с оружием?

— У всех есть автоматы АК-47. Они тренировались с ними и умеют обращаться с этим оружием, но стрельба никогда не была частью их плана. Они редко тратили время на обучение прицеливанию и стрельбе. В основном, они изучали физику и технологию. Это настоящие изготовители бомб, а не солдаты. Они считают террористов с автоматами неопытными дилетантами. Люди Рафаэля думают, что они умнее и опаснее. И они правы. Оружие у них скорее для тестостерона, чем чего-либо еще.

Анжела и Джек поднялись по широкой бетонной лестнице, стараясь не издавать звуков. Откатная металлическая дверь была приоткрыта, и они проскользнули внутрь с оружием наготове.

Они очутились среди леса ржавых стальных колонн, поддерживающих металлические балки. По потолку проходило огромное количество труб, покрытых потрепанной асбестовой изоляцией. Несколько кусков трубы лежали на полу вместе с обвалившейся каменной кладкой и другими неузнаваемыми обломками, которые образовывали груды по щиколотку высотой. Звуки гулко разносились по пустому помещению, поэтому они медленно и осторожно шли вдоль стены и общались жестами.

Они прокрались через большие обломки бетона, стараясь создавать как можно меньше шума. Это напомнило

ей пересечение ручья на дедушкиной горе, где приходилось перепрыгивать с одного сухого камня на другой.

Анжела услышала звук, похожий на шум льющейся воды, и протянула руку, останавливая Джека. Он замер.

В дальней стороне помещения стояли невысокие перегородки из бетонных блоков, образуя ряд кабинетов. От угла одного из кабинетов отвернулся мужчина, застегивая ширинку. На плече у него висел автомат. Его рука застыла на молнии, когда он посмотрел вверх. Его глаза расширились.

Анжела всадила пулю между них.

Мужчина упал, и его голова тяжело ударилась об пол. Эхо повторило этот звук. Вылетевшая из пистолета гильза с металлическим звоном отскочила от лежащей на полу трубы.

Они оба замерли на мгновение, гадая, услышал ли кто-нибудь стук упавшего тела или приглушенный хлопок выстрела.

Когда Анжела направилась к дальнему левому углу, Джек указал на лестницу справа, давая понять, что им следует идти тем путем. Анжела покачала головой и указала на темный коридор вдалеке по левой стороне. Когда он подошел ближе, чтобы спросить, она наклонилась и прошептала ему на ухо.

— Этот коридор ведет ко второй лестнице, о которой они не знают.

— Откуда, черт возьми, ты это знаешь?

— На главной лестнице стоят часовые. Кассиэль нашел второстепенную лестницу и улизнул по ней незамеченным.

Джека это не убедило.

— Там может быть тупик, — предупредил он. — Мы можем застрять в тесном месте и стать легкой добычей. Ты уверена?

Анжела молча направилась к узкому проходу. Она знала, что элемент неожиданности для них бесценен. На главной лестнице стояли наблюдатели. Люди Рафаэля знали только об одной лестнице, поэтому выставили дозорных только там. Джек последовал за девушкой без дальнейших возражений.

В дальнем конце зловещего коридора было маленькое окошко, но яркий свет, проникающий в темное пространство, создавал контрастные тени, в которых было трудно что-то увидеть. Пахло плесенью. Вскоре она поняла, что это какой-то служебный ход.

Большие трубы, идущие вдоль выцветшего белого потолка, за долгие годы облупились, разбросав по полу хлопья краски и крошки штукатурки, которые хрустели под ногами. Она указала Джеку на большие следы в мусоре.

— Кассиэль, — прошептала она.

По стенам шли вертикальные трубы и провода. В одном месте путь преграждала балка на уровне груди. Они нырнули под нее и продолжили движение.

Участок кирпичной стены слева обрушился, и пол узкого коридора был усеян кирпичами. Обходного пути не было, поэтому пришлось осторожно перелезть через все это. Анжела снова указала на следы Кассиэля на пыльном полу. Джек кивнул, наконец-то признавая ее правоту.

Справа на уровне пола торчали обломки труб, норовя зацепиться за лодыжки, а слева через пролом в стене виднелось помещение. Возле стены стояли ржавые баки — похоже, это были старые промышленные водонагреватели. Все было покрыто толстым слоем жирной пыли. Воздуховоды и трубы, выходившие из водонагревателей, расходились во всех направлениях: исчезали в темноте за

приборами или же выходили из помещения и шли вдоль коридора по потолку.

Джек схватил девушку за рукав двумя пальцами, чтобы остановить. Он указал вперед на участок пола, который было трудно разглядеть из-за яркого света из окна.

— Дыра в полу, — прошептал он. — Будь осторожна.

Анжела кивнула и двинулась дальше, прижимаясь к стене, чтобы обойти прямоугольную дыру. Вероятно, это было технологическое отверстие для коммуникаций. Проходя мимо, она посмотрела вниз. Оступись она, и ее ждало бы долгое падение через два этажа в темный подвал.

Когда они добрались до окна, коридор свернул вправо и закончился открытым лестничным пролетом с железными ступенями. Каркасные стойки стены были обнажены, местами свисала пыльная теплоизоляция и толстые завесы мерзкой паутины. На некоторых ступенях лежала обвалившаяся штукатурка. Джек с Анжелой начали подниматься, направив свои пистолеты вверх на случай опасности. Штукатурка мягко хрустела под ногами.

На следующем этаже Анжела тихонько толкнула дверь, и та скрипнула. Человек, стоявший у главной лестницы неподалеку, моментально повернулся и увидел их. Он отвернулся, чтобы забить тревогу, и Анжела упустила треугольник между глазами и носом. Она упрекнула себя за то, что не выстрелила сразу. Досадная ошибка.

Прежде чем он успел издать хоть звук, Анжела всадила пулю в его трахею, а затем тут же вторую в самый центр левого уха. Судя по тому, как он упал, пуля проникла через ухо в череп.

Из-за охранников на каждой площадке Кассиэль избегал главной лестницы, и вместо этого проскользнул по

служебной в глубине здания. Теперь, когда они знали, где стоит стража, Анжела ликвидировала их на каждом этаже. Она не хотела, чтобы оставленные в живых мужчины ринулись наверх, как только начнется битва.

Преодолев нижние этажи, больше походившие на производственные помещения, они добрались до меньших по площади верхних этажей. На лестнице появились настоящие перила, даже с декоративными элементами. Также она заметила стальные батареи и большее количество окон. На некоторых этажах стояли покрытые пылью офисные столы и стулья.

На каждом этаже Анжела убирала часового.

Прежде чем войти в последнюю дверь на самом верхнем этаже, девушка остановилась и вставила полный магазин.

Она взяла пистолет обеими руками, целясь вверх и перехватываясь поудобнее, и глубоко вдохнула пару раз, готовясь заходить.

За этой дверью находилась бомба. Она видела ее в воспоминаниях Кассиэля. Здесь Рафаэль и остальные члены его команды собрались для своего последнего религиозного акта.

Она чувствовала, как колотится ее сердце, и повторяла про себя мантру: «скорость и жесткость действий».

Анжела вспомнила, как дед щелкал пальцами так быстро, как только мог, уча ее стрелять по мишени так же быстро.

Анжела вновь взглянула на Джека:

— Была рада нашему знакомству.

Глава 67

— Помни, мы должны не дать им взорвать эту бомбу, — беспокойно прошептал Джек. — Остальное не имеет значения. Нельзя позволить встать парню, сидящему на переключателе. Если он встанет со стула, все кончено.

Анжела кивнула:

— Я знаю, как он выглядит. Я найду его. — Она бросила на него последний долгий взгляд. — Я разберусь, Джек. Держись за мной и бери на себя тех, кто попытается подкрасться сзади.

Джек лишь коротко кивнул. Анжела в последний раз глубоко вдохнула и толкнула плечом служебную дверь.

Она ворвалась в полумрак. В один удар сердца она охватила взглядом все помещение, сопоставляя его с воспоминаниями. На железные колонны опиралась система стропильных ферм. Крыша над ними местами была проломлена, и с дыр свисали клочья теплоизоляция и рифленые жестяные панели. Окна по периметру были закрыты картоном, и свет проникал лишь через два больших световых фонаря в крыше.

Здесь было настоящее нагромождение пыльных и забрызганных водой сломанных офисных столов и стульев. На полу валялся мусор: гвозди, винты, стальная соединительная арматура, куски металла, размокшие картонные коробки и обрезки разнокалиберных труб. Все это громоздилось друг на друге или опиралось на сломанную мебель.

Анжела отметила все это, но ее больше интересовали люди. Она понимала, что должна быть осторожна, чтобы не споткнуться, пока будет сосредоточена на мужчинах.

Ей казалось, что она наблюдает себя в замедленной съемке.

В валявшихся повсюду осколках стекла отразились блики света, когда девушка ворвалась в помещение. Стойка слева от нее, облицованная плиткой, выглядела так, будто ее раздавил грузовик. К испачканным стенам справа были прислонены доски. Металлические дверцы распотрошенных шкафов были открыты, и из них торчали провода.

Анжела заметила круглую бомбу, установленную на квадратном постаменте из цементных блоков. Провода были прикреплены к многочисленным латунным патрубкам, торчавшим из металлического корпуса. Рядом стоял какой-то узкий металлический шкаф. Пучки проводов, напомнившие пуповину, тянулись от металлического серого шкафа к бомбе. На передней панели вспыхивали и гасли ряды янтарных огоньков.

В грязных заброшенных руинах бомба и шкаф с мигающими огоньками смотрелись как инопланетный космический корабль.

По всему помещению были рассредоточены люди — одни склонились в молитве, другие сидели группами и разговаривали, третьи облокотились на спинки стульев возле стен или столбов, скрестив руки на груди. Некоторые столпились вокруг столов или табуреток, играя в карты; некоторые отошли к дальней стене и выглядывали в окно из-за картонки; остальные нервно расхаживали взад-вперед в ожидании неминуемой мученической смерти.

Когда Анжела с грохотом ворвалась через металлическую дверь, все лица обратились к ней и застыли в изумлении.

Со вторым ударом сердца она подняла пистолет, очень медленно, но в то же время так быстро, как только могла. Анжеле казалось, она погрузилась в мучительную медлительность глубокого сна.

Обломки трещали под сапогами. Она услышала, как хрустнуло, ломаясь, стекло. За дверью, через которую она прорвалась, упала доска. Это уже не имело значения. Больше ничто не имело значения. Ее жизнь вплоть до этого момента не имела значения.

Второй удар сердца завершился.

Ближайший мужчина развернулся, услышав хруст стекла под ее сапогом. Он совершил роковую ошибку, рефлекторно опустив взгляд на ее ноги. Его лицо застыло под прицелом пистолета, и Анжела нажала на спусковой крючок.

С этого хлопка и металлического щелчка затвора, засылающего в ствол еще один патрон, все началось.

Когда мужчина рухнул где стоял, остальные увидели в полумраке помещения вспышку пистолета и человека на полу. Они поняли, что звук исходит не от кого-то из братьев, что-то опрокинувшего. Повсюду мужчины бросились за автоматами, прислоненными к столам, стульям, стальным колоннам и грудам мусора. Внезапно все пришло в движение; суетящиеся мужчины напомнили ей тараканов, разбегавшихся по кухне трейлера при включении света.

Анжела уже стреляла по мишеням.

Скорость и жесткость действий.

Этому она училась всю свою жизнь.

Теперь перед ней была полная комната живых треугольных мишеней. Все они перемещались и раскачивались вне поля ее зрения, а в голове щелкали пальцы деда — человеческий метроном задавал ей ритм стрельбы.

Анжела находилась в трансе, все вокруг замедлилось. Любой, кто бросался за оружием, становился первоочередной целью. Мужчины, которые находились рядом и доставали ножи, были следующими.

Она стреляла без остановки. Люди падали, автоматы летели на пол, отскакивая, пули рикошетили внутри черепов. Когда убитые падали, то переворачивали стулья и табуретки, за которыми играли, а игральные карты слетали со сломанной мебели.

Анжела поставила ногу на стул, когда один мужчина упал, оттолкнулась и перемахнула через него в самую гущу сражения.

Она считала патроны. Как только затвор встал на задержку, она была готова и нажала большим пальцем на рычаг, выронив магазин. Другой незамедлительно встал на его место. Анжела передернула затвор, чтобы дослать патрон, и снова принялась стрелять в приближавшихся мужчин.

Внезапно вспыхнула автоматная очередь, наполнившая комнату оглушительным шумом, и раздался яростный крик автоматчика. Она увидела вспышки выстрелов справа от себя, ощутила, как пули пронеслись мимо головы, взъерошив волосы и едва не убив ее. Джек перекатился по обломкам на полу между столами, используя мебель как прикрытие. Он метким выстрелом уложил человека, стрелявшего из автомата, прежде чем тот успел выпустить вторую прицельную очередь в Анжелу.

Она едва заметила. Это было несущественно. Она находилась в своем собственном мире концентрирующегося хаоса, стреляя по лицам так быстро, как только успевала навести прицел. Когда мужчина повернулся, чтобы дотянуться до пистолета на столе, она всадила пулю в основание его черепа.

Анжела заметила нужного ей человека за серым шкафом с мерцающими янтарными лампочками. Его глаза все еще были широко раскрыты от шока.

Воздух был наполнен запахом пороха и крови. Это пьянило.

Анжела всегда считала, что у стрельбы есть свой ритм — своего рода металлическая музыка. Бах, бах, бах! Пауза. Бах! Пули попадали в центр треугольников, мужчины по спирали падали на пол, танцуя под ее ритм. Бах, бах, бах! Пауза. Бах! Каждая пуля находила свою цель. Люди падали. Перезарядка. Хлоп, хлоп, хлоп! Пауза.

Это был ритм жизни. Ритм смерти.

Анжела стреляла в этом ритме во все стороны. Мужчины падали вокруг, будто по помещению проносился призрак смерти.

Пыль поднималась в воздух, когда люди падали посреди обломков. Слева от нее подлетела доска, когда на один ее конец приземлился мертвый мужчина, подняв облако пыли. Трубы справа, сложенные у металлической колонны, с грохотом раскатились, когда на них рухнул мертвец. В помещении царил хаос. Повсюду кричали люди.

Потерянная в своем мире Анжела едва их слышала.

Ей не нужно было видеть, как люди падают, чтобы знать, что она их убила. Она чувствовала, как пуля попадает в цель. Анжела была сосредоточена только на том, чтобы как можно быстрее уничтожить все цели и добраться до главной мишени.

Ей не нужно было смотреть в глаза этих мужчин. Они все были хладнокровными убийцами, которые всю жизнь работали ради одной цели — массового убийства. Им было не место среди живых. Ее единственной задачей было истребить их.

Это была оргия уничтожения.

Анжела за считанные секунды опустошила три магазина, пока прорывалась сквозь террористов, оставляя за собой кровавую полосу из мертвецов. С пистолетом в руке Анжела чувствовала себя так, как по ее представлениям ощущал себя рыцарь с мечом, рубя подступающего

врага. На нее снизошло такое знакомое чувство абсолютной свободы. Пьянящей свободы.

Пока у нее было оружие, эти мужчины не казались крупнее и сильнее нее. С оружием она становилась равной им.

Террористы любили выставлять себя сверхлюдьми, приветствующими смерть. Несмотря на их заявления, они реагировали на шок, удивление, страх смерти и боль почти так же, как и другие люди. Она использовала это преимущество.

Анжела расстреливала людей, когда они вставали со стульев, убивая некоторых прежде, чем им удавалось подняться, приканчивала их, когда они только бросались за автоматами или тянулись за ножами. Многие были настолько обескуражены, что замирали, в шоке уставившись на женщину с платиновыми волосами, внезапно оказавшуюся среди них. Они не понимали того, что видят. Некоторые замечали ее ноги и отвлекались на долю секунды — достаточно долгую для девушки, чтобы ее ноги стали последним, что они увидели.

Из другой части помещения раздалась автоматная очередь. Пули отскакивали от металлических колонн. Анжела почувствовала, как горячее жало одной из них задело ее левое плечо. Она на мгновение остановилась, чтобы всадить пулю между глаз парня, стреляющего в нее. Джек убрал остальных.

Когда мужчина упал пред ней, она прыгнула на него, чтобы перебраться через стол и направиться к основной цели — человеку на выключателе мертвеца.

Если он встанет со стула, бомба взорвется.

Внезапно в мире не осталось никого, кроме нее и человека на стуле. Он на мгновение застыл, широко распахнув глаза от шока. Его руки вцепились в сиденье. К

стулу тянулось несколько проводов от металлического шкафа.

Он был оленем в свете фар, он хотел сбежать, хотел взорвать бомбу, хотел услышать команду от предводителя. Он был настолько сбит с толку и напуган дикостью происходящего, видом друзей, падающих замертво повсюду, что на мгновение оказался парализован.

Анжела не обращала внимания на все остальное. Если она погибнет, преследуя эту цель, так тому и быть.

Прежде чем мужчина успел опомниться и спрыгнуть с выключателя мертвеца, Анжела выстрелила, перелетая через стол. Когда она приземлилась перед ним, расставив ноги, то выпустила почти полный магазин ему в лицо.

Пули заблокировали его моторную функцию так быстро, что он не смог пошевелить ни одним мускулом. Поскольку пули не обладали достаточной энергией, чтобы сдвинуть его со стула, он просто обмяк на месте.

Джек уже перепрыгивал через пригнувшихся людей.

Он приземлился на сеть проводов между бомбой и электрической панелью. По комнате рассыпались искры, когда вес его тела вырвал электрическую пуповину.

Джек упал на пол и не двигался. Анжела не знала, был ли он подстрелен, ранен или его ударило током.

То, что она отвлеклась на Джека, позволило противнику ворваться в ее слепую зону, размахивая доской. Оглушающий удар пришелся по голове.

Мир померк.

Анжела поняла, что катится по мусору на полу. Пистолет она выронила. Кричащий мужчина беспорядочно стрелял в нее из пистолета. Пули угодили в стекло рядом с ее головой.

Перекатившись на спину, она увидела свой пистолет. Девушка потянулась и схватила его, а затем нырнула в сторону. Мужчина, стоящий над ней, пытался прице-

литься в движущуюся мишень. Она выстрелила первой. Это была последняя пуля. Затвор встал на задержку. Мужчина повалился на ее правую ногу. Она пнула его левой ногой и вскочила.

Пока пустой магазин падал на пол, она бросила взгляд на человека на стуле. Тот обмяк, вытянув ноги и свесив руки по бокам, а по вискам обезображенного лица стекала кровь. Шансов встать у него не было, и его мертвый вес давил на выключатель.

Благодаря Джеку, даже если кто-то другой сбросит его со стула, это не приведет к взрыву.

Анжела вставила новый магазин как раз вовремя, чтобы выстрелить в лицо мужчине с ножом, бросившемуся на нее спереди, а затем еще в одного за его спиной. Оба они упали к ее ногам, один справа, другой — слева.

Она была дезориентирована ударом по голове и не знала, сколько еще человек тут было. Анжела решила, что нет смысла пытаться сосчитать их, ей просто нужно сосредоточиться и стрелять в любого, кто еще жив.

Потрясение от того, что многие из их товарищей так неожиданно и быстро погибли, заставило нескольких застыть от страха на месте. Они не стали мучениками во славу Аллаха, а просто погибли от пуль понапрасну. Сосредоточившись на стрельбе по движущимся целям, она временно игнорировала охваченных паникой мужчин, чтобы заняться теми, кто хватал пистолеты или бежал к ней с ножами.

Следуя барабанному ритму, звучащему в ее голове, она иногда переключалась на эти неподвижные человеческие мишени, когда хотела выстрелить в такт.

Когда трое одновременно атаковали ее с разных сторон, она сняла двоих, но затвор вышел на задержку, когда магазин опустел. Пока падал магазин, третий поднырнул, чтобы схватить ее за свободную руку. Анжела

выронила пистолет и обеими руками отвела его руку от своего предплечья. Она выворачивала его запястье, пока не почувствовала, как сломались кости.

Анжела удерживала его кисть под нереальным углом, а он вопил, присев под ее натиском и наклонившись в попытке ослабить нагрузку на сломанное запястье.

Когда он, скривившись от боли, поднял на нее взгляд, она узнала его по воспоминаниям Кассиэля. Это был Рафаэль.

Удерживая запястье левой рукой, Анжела вытащила пистолет из кобуры на бедре и направила мужчине в лицо.

— Пристрели меня! Давай! Стреляй! — возопил он. — Аллах будет приветствовать меня! Я стану мучеником! Героем!

Анжела улыбнулась:

— Хорошо, только не говори, что не просил об этом. — Она прострелила ему оба колена, затем отпустила руку, позволив ему упасть на пол, извиваясь и крича от боли. — Ну что? Не так весело, когда больно? — спросила она. — Ты ожидал испариться в одно прекрасное безболезненное мгновение в ослепительном свете ядерного взрыва? Полагаю, для тебя все обернулось по-другому, не так ли, Рафаэль?

Он потянулся к ней здоровой рукой, обзывая ее на фарси. Она выстрелила в протянутую к ней руку.

— Американская шлюха! — завизжал он, отпрянув.

Анжела усмехнулась, глядя на него сверху вниз:

— Только подумай, Рафаэль: тебя поимела женщина. Дважды — с обеими бомбами. Весь твой план, дело всей твоей жизни разрушены американкой, которая только что доказала, что она лучше тебя и всех твоих людей.

К ней подбежал запыхавшийся Джек:

— Извини, удар током выбил меня из колеи. Похоже, я на несколько секунд вырубился. — Он огляделся, держа пистолет наготове, но не обнаружил целей. Тогда он посмотрел на мужчину, стонущего на полу.

— Это Рафаэль, — сказала Анжела, указывая пистолетом.

— Тогда не стреляй в него, — сказал Джек. — Разведке он нужен живым.

— Нахер разведку. Если он умрет, это все, что им нужно знать.

Джек отвел ее руку в сторону:

— Нет, правда, Анжела. Мы должны передать его живым. Американской разведке нужно знать, как они смогли провернуть все это.

Анжела огляделась, нет ли еще движения, и увидела мужчину, заваленного пыльными обломками. Он притворялся мертвым и старался незаметно и медленно отползти. Анжела подошла, направив на него пистолет, и велела оставаться на месте. Он глянул через плечо на пистолет и послушался.

— Похоже, этот хочет жить, — сказала она Джеку. — Пусть и его заберут. Он заговорит. Не так ли, Лобо?

Джек выдернул несколько проводов из электрической панели и использовал их, чтобы связать Рафаэля и Лобо.

Анжела оглядела лежащих повсюду мертвецов. Это длилось секунды, но показалось целой вечностью. Она задалась вопросом, ощущала ли мать такой кайф, когда нюхала кокаин?

Глава 68

Джек слышал, как на нижних этажах люди кричали «Чисто!», поднимаясь по лестнице. Он не услышал ни одного выстрела. Анжела уже зачистила нижние этажи от часовых, когда они поднимались.

Он наклонился к ней:

— Позволь мне говорить. Ладно? И хотя именно я вызвал этих людей, они не собираются ничего принимать на веру. В подобных ситуациях они должны все рассматривать как потенциальную угрозу. Они не собираются рисковать. Ничего личного.

Джек видел, как ее глаза обшаривают помещение в поисках любого признака опасности, любой мишени, и понимал, что она все еще на взводе и готова убивать. Ее сонная артерия бешено пульсировала. Ситуация снова становилась опасной, но теперь уже по иной причине, а он не хотел никаких происшествий.

— Анжела, послушай меня. Все кончено. Сделай глубокий вдох. Держи рот на замке, и позволь все уладить. Не обращай внимания на то, что я им скажу — это все ради твоей защиты.

Анжела глубоко вздохнула:

— Хорошо. Я понимаю.

Джеку стало спокойнее от того, что она прислушалась. Он знал, что она умна, и не ожидал ничего другого.

Десятки людей в черной тактической экипировке высыпали с лестницы в помещение, словно черный поток, поднимающийся снизу. Это было пугающее зрелище, но на это они и рассчитывали. Все, кроме их глаз, было скрыто под шлемами. Они двигались быстро, с оружием наперевес и готовые к чему угодно. Большинство стволов уже смотрели на Анжелу и Джека.

— Руки! Руки! — одновременно закричали несколько человек. Они будто загоняли в угол самого дьявола.

Джек с облегчением увидел, что Анжела тоже подняла руки. Они в одно мгновение оказались окружены направленными на них автоматами.

— Руки за голову! Сейчас! Живо! Сцепите пальцы! — закричал один из них, доставая наручники.

Анжела и Джек выполнили приказание.

— Где Ангус? — спросил Джек, пока солдат заводил его руку за спину.

— Здесь, — раздался знакомый голос из-за стены людей в тактическом снаряжении. Мужчина запыхался от подъема по ступенькам. Приблизившись, он приказал дать ему пройти. Солдаты уже надели наручники на Анжелу и Джека.

— Полегче, — сказал им Ангус. — Эти двое свои. Они нас и вызвали. Будьте добры, снимите с них наручники.

Солдат снял наручники, кивнул Джеку и отступил назад. Некоторые из здоровяков не спускали с них глаз, в то время как другие отошли, чтобы осмотреть все тела и убедиться, что помещение зачищено.

Ангус и сам был крупным мужчиной под два метра ростом. Он весил не меньше ста десяти килограмм, но значительную часть веса составляла вовсе не мускулатура. Ладно скроенный костюм маскировал его фигуру в форме груши. У него было несколько жирных подбородков и густые темно-русые волосы, зачесанные назад. Удивительно, но седины у него не было совсем. Ангус заставлял седеть других.

— Боже, Джек, я не мог поверить, что ты позвонил.

— Я рад, что ты добрался сюда прежде, чем нас заковали в наручники, связали и увезли.

— Как и я, — ответил здоровяк, глядя на Анжелу.

— Ангус, хочу познакомить тебя с Анжелой Константайн. Анжела, это Ангус, человек, который освободил тебя от тех чрезмерно энергичных агентов разведки.

Анжела протянула ладошку и пожала мужчине руку.

— Спасибо за помощь, сэр.

Джек ушам своим не поверил, услышав ее вежливый тон. Затем он понял, что она старается помочь ему в этой напряженной ситуации. Он знал, что на самом деле она хотела устроить Ангусу разнос за то, что ее арестовали, хотя это именно она обнаружила бомбу — сделала всю работу за них.

Джек тихо выдохнул от облегчения, что она этого не сделала.

Вид девушки в коротеньких шортах и высоких сапогах, с платиновыми волосами с красным кончиками, пирсингом в ушах, большой татуировкой «ТЕМНЫЙ АНГЕЛ» на горле контрастировал с Ангусом и солдатами в черной экипировке.

— Не могу поверить, что это всего в нескольких минутах от моего офиса, — быстро вернулся к делу Ангус. Он приобрел немного болезненный вид, когда взглянул на бомбу. — Я просто не могу в это поверить. Если бы она взорвалась...

— Ты бы превратился в пар вместе с большей частью правительства и округа Колумбия, — сказал Джек.

Ангус кивнул, все еще с отвращением глядя на бомбу.

— Я никак не могу прийти в себя от мысли, как близко наша страна была к катастрофе.

— Команда «СКВЕРНА» уже в пути? — спросил Джек. — Эта бомба все еще активна.

— Да, — сказал Ангус, поворачиваясь к Джеку. — Будут с минуты на минуту. Чем скорее эту штуку обезвредят, тем раньше я смогу дышать свободно. — Он пе-

ревел взгляд на Анжелу, а затем обратно на Джека, прочищая горло. — А что она здесь делает? Было действительно необходимо приводить ее сюда?

— Не я ее привел, — ответил Джек. — А она меня.

Ангус нахмурился:

— Ты о чем?

— Ты в долгу перед ней за то, что она не дала первой бомбе попасть в Нью-Йорк.

Ангус вежливо улыбнулся:

— Да, так и есть. Вот почему мы отпустили ее после того, как все прояснилось. И мы дали ей специальное разрешение на ношение оружия в знак нашей глубокой признательности.

— Ты должен быть благодарен судьбе за то, что пошел на это.

Ангус сцепил руки за спиной:

— С чего бы это?

— Потому что после того, как вы ее отпустили, она узнала о второй бомбе. — Джек указал большим пальцем на устройство у себя за спиной. — Не отпусти вы ее, — если б эти тупые агенты добились своего, — Вашингтон накрыло бы грибовидным облаком сегодня в четыре часа дня.

— Ну, я не знаю, можно ли всецело верить...

— Ангус, ты должен внимательно меня выслушать, чтобы осознать всю серьезность ситуации. Никто из твоих людей не знал о второй бомбе, не правда ли? Все свидетельства ее существования были уничтожены взрывом, когда вы вышли на первую. Даже если бы вы получили какие-то данные, то все равно не смогли бы найти эту бомбу. Если бы каким-то чудом все же отыскали ее, то это обернулось бы катастрофой.

— Почему ты так говоришь?

Джек указал рукой на электрооборудование, подключенное к стулу, на котором сидел мертвец с окровавленным лицом, вытянувший ноги и свесивший руки.

— Этот парень сидит на выключателе мертвеца. Если по невообразимому стечению обстоятельств вам удалось бы найти бомбу вовремя, твои люди снесли бы его со стула, что повлекло бы за собой взрыв.

Ангус вытер лоб. Его лицо приобрело зеленоватый оттенок.

— Проклятье, Джек. Ты меня до смерти пугаешь.

— Анжела узнала об этом устройстве не так, как о первом. Она смогла отследить его вплоть до этого места. Анжела, и никто другой, смогла вовремя найти и справиться с ним, не позволив парню на стуле даже шелохнуться.

Ангус посмотрел на сидящего человека, затем на тела на полу.

— Значит, ты перестрелял их всех, когда пришел сюда?

— Нет, это она. Я ее просто прикрывал.

Мужчины в тактической экипировке, у которых из-под масок виднелись лишь глаза, обменялись взглядами. Вероятно, все они были такими же хорошими стрелками, но им было трудно в это поверить.

Ангус нахмурился:

— Ты серьезно?

— Да, — сказал Джек. — Она стреляет из двадцать второго калибра лучше, чем все, кого я когда-либо видел. Ни одного выстрела в корпус. Все в голову. Каждая пуля, которую она сегодня выпустила, убила одного террориста. Одна пуля, один человек.

— Ну, на того парня на лестнице на втором этаже ушло две пули, — поправила Анжела. — Я облажалась и

прождала на долю секунды дольше, так что понадобилось две пули.

— Ага, но ты всадила вторую пулю ему в ухо — через всю комнату, — заступился за нее Джек. — После того как первая прошла через его горло, лишив возможности поднять тревогу.

Люди в черном снова обменялись взглядами. Скорее всего, они нашли внизу того парня с дырой в ухе.

Ангус изумленно уставился на нее, а затем покачал головой.

— На национальную безопасность потрачены сотни миллиардов долларов, а ликвидировать эту угрозу удалось вам двоим — с пистолетом двадцать второго калибра. — Он снова повернулся к Джеку: — Нам, конечно же, нужно будет опросить ее по поводу всего этого.

— Боюсь, что не могу тебе этого позволить, Ангус. Анжела мой агент. Не твой.

Он явно не ожидал такого ответа.

— Но это касается национальной безопасности.

— Это не моя работа и не ее.

Ангус прищурился:

— Это из-за той отмененной программы?

— Да, мой контракт был аннулирован. Я рад, что мы смогли помешать этим бомбам разрушить Нью-Йорк и Вашингтон, но я больше на тебя не работаю. Я больше не предоставляю тебе информацию — это был твой выбор.

— Что ж, мне жаль, что все так вышло, Джек, но политики не одобряют составление психологических портретов.

— Понимаю, — сказал Джек. — Я и не жалуюсь. Мне удалось найти работу.

— В Моссаде.

Джек знал, что это не просто предположение, поэтому вместо ответа пожал плечами.

— Израильтяне тоже не идеальны, — произнес Ангус.

— Не идеальны, но они не ставят политкорректность выше борьбы с террористами. Они себе не могут этого позволить. Так вот, поскольку контракта у меня с вами больше нет, то подготовленные мной агенты теперь только мои. Они нужны мне в работе на тех, кто меня нанял. Поскольку твое агентство не заинтересовано в моей работе и не собирается нанимать, то Анжела не может обсуждать свои действия по предотвращению теракта.

Ангус прикусил нижнюю губу.

— Джек, очень важно выяснить, что пошло не так и почти привело нас к катастрофе.

— В рамках профессиональной этики, — сказал Джек, — после того, как я благополучно доставлю Анжелу домой, то расскажу тебе о том, что узнал. Я не стану обсуждать действия Анжелы, но сообщу, что мы выяснили. Тогда ты сможешь понять, что пошло не так.

— Хорошо, — со вздохом согласился Ангус, — это было бы полезно.

Анжела указала на двоих пленников. Медики оказывали Рафаэлю помощь.

— Мы оставили для вас двух пленников. Я не пристрелила их, чтобы вы могли допрашивать их сколько пожелаете. Это идея Джека.

— Что случилось с тем раненым? — спросил Ангус.

— Он просил меня выстрелить в него, — ответила Анжела. — Так я и сделала. Только не туда, куда он хотел. Его зовут Рафаэль. Он руководитель миссии. Другого зовут Лобо. Он трус. Я думаю, он заговорит.

Джек улыбнулся. Ангус пораженно уставился на девушку.

— И вообще, — сказал Джек, — Рафаэль провез материал для изготовления двух бомб через пограничный

переход Оэсте Меса во время большой атаки. Все остальные атаки нужны были лишь для того, чтобы скрыть факт, что пересечение границы было их единственной целью. Вот как они доставили сюда основные необходимые материалы.

Ангус, похоже, утратил дар речи.

— Как я и сказал, если ты захочешь продолжить наслаждаться моим сотрудничеством в качестве неоплачиваемого личного советника, девушка не должна участвовать в этом. Если у тебя возникнут какие-либо нехорошие мысли, пожалуйста, имей в виду мое недавнее предупреждение о последствиях утечки доступной мне информации.

Ангус бросил подозрительный взгляд на Джека, затем на Анжелу.

— И чего она хочет?

— Ничего, — ответил Джек. — Она не хочет ни признания, ни награды. Она сделала это, чтобы спасти невинных, и просто хочет, чтобы ее оставили в покое. Думаю, она заслуживает. Огромное количество людей у нее в долгу. Она спасла их жизни, даже если они не знают этого и никогда не узнают. Правительство обязано позволить Анжеле жить так, как ей хочется.

Ангус приподнял бровь, запустил палец в густые волосы и почесал голову, с минуту обдумывая услышанное. Наконец он взглянул Анжеле в глаза.

— Юная леди, вы сегодня спасли бесчисленное количество жизней, а также предотвратили ущерб, который взрыв нанес бы правительству и инфраструктуре, уничтожив электромагнитным импульсом большую часть восточного побережья. Все это могло привести к глобальной ядерной войне, и я хочу, чтобы вы знали, что правительство глубоко вам благодарно, даже если эта благодарность не может быть выражена публично — по

очевидным причинам. Боюсь, в интересах национальной безопасности все это должно оставаться со статусом выше, чем совершенно секретно. Утечка секретной информации случается регулярно, но о вас никогда не должны узнать. Никогда.

— Я понимаю, сэр, и сохраню это в секрете, — сказала Анжела. — Даю слово.

Ангус кивнул с облегчением и даже благодарно улыбнулся.

Джек сомневался, что Ангус когда-нибудь поймет причины ее поступка. Она сделала это вовсе не для получения признания, а потому, что была хладнокровным истребителем убийц. Штаты только что были спасены серийным убийцей.

Ангус улыбнулся, когда ему в голову пришла идея:

— Кстати, сделать кое-что для вас в моих силах. У вас ведь есть наше разрешение на ношение оружия?

Анжела кивнула:

— Да, сэр, спасибо.

Улыбка Ангуса стала шире.

— Вот что я скажу. Мы повысим его уровень.

Анжела нахмурилась:

— Как вы можете его повысить? Он уже позволяет мне иметь при себе какое угодно оружие и ходить с ним куда угодно.

— Да, так и есть. Но теперь у вас будет доступ к нашему особому арсеналу и оружейникам. Все, что пожелаете, будет вашим.

— У вас есть каталог оружия для шпионов?

— Не совсем так, но почти, — рассмеялся Ангус. — У вас будет персональный контакт, который сможет проконсультировать и дать советы. Я понимаю: вы знаете, что делаете, но эти люди прекрасно разбираются в оружии. Они позаботятся о том, чтобы вы получили все, что

захотите, — даже вещи, о существовании которых не подозреваете. Все только самое лучшее.

Анжела указала на трупы:

— Считаете, мне чего-то не хватает? Думаю, мой двадцать второй прекрасно справился.

— Да, действительно, — выгнул бровь Ангус. — Но, думаю, в нашем арсенале найдется и двадцать второй, и все, что захотите — то, что подойдет именно вам. Это скромное выражение признательности от благодарного правительства. В правительстве много хороших людей, хотя есть и дураки, с которыми вы уже столкнулись ранее. Анжела, то, что вы сделали сегодня для всех нас, несмотря на то, как с вами обращались раньше, показывает, что вы поистине особенный человек. Мы вложили сотни миллиардов долларов, чтобы быть уверенными, что этого никогда не случится. И все же это почти произошло. Только ваша инициатива предотвратила катастрофу. Вы заслуживаете небольшого доказательства нашей признательности. Надеюсь, вы примете его.

Анжела склонила голову:

— Спасибо, сэр, с удовольствием приму.

— А теперь, — сказал Ангус, — команда «СКВЕРНА» уже дышит мне в спину. Им нужно войти сюда, разобрать это устройство и убедиться, что плутоний безопасен.

Глава 69

Анжела была рада, что решила заехать к Барри. Он уже перенес одну операцию на лице, и их ему предстоит еще несколько, но он был в хорошем настроении уже потому, что выжил.

Он был рад, что те четверо мужчин не смогли найти Анжелу и навредить ей. Ему было ужасно стыдно за то, что сказал им, где она живет. Анжела заверила его, что все в порядке и никто не сумел бы промолчать, когда его так избивают. Она сказала, что гораздо больше беспокоилась о нем и хотела бы, чтобы он рассказал им обо всем раньше, чем все зашло настолько далеко.

Он спросил, что случилось с этими мужчинами, и она ответила, что они с кем-то подрались и были застрелены. Барри удивился, а она улыбнулась и сказала, что карма — та еще сука. Он начал было смеяться, но тут же попросил не смешить его, потому что смеяться больно.

Он знал, что Анжела и другие девушки продолжали работать в баре ради него. Они все его навещали. Барри снова и снова благодарил ее, но девушка ответила, что деньги нужны были в первую очередь ей, и она старалась вовсе не для Барри. Он снова засмеялся и вздрогнул от боли. Он не очень-то одобрял идею женского вечера, но после того, как Тиффани сообщила, сколько заработал бар, он заинтересовался. Еще больше его убедило то, что Нейт дежурил в баре и держал все под контролем.

Анжела свернула к трейлерному парку перед знаком «Уютный двор Милфорд Фоллз». Когда-то эта дорога была асфальтирована, но через грязь и гравий едва проглядывали остатки покрытия.

Мужчина по имени Эл в грязной белой футболке сидел на ржавом голубом стуле перед своим трейлером и смотрел, как она проезжает мимо. Анжела вспомнила, как он сидел на этом же стуле, наблюдая за окружающим миром, когда она жила с матерью. Она слышала, что у него какая-то инвалидность. Он казался вполне безобидным, но ни разу не заговорил с ней, когда она проходила мимо по пути из школы.

Неподалеку грузная женщина в цветастом платье развешивала белье на веревке. У другого трейлера на крылечке сидела пожилая пара. Анжела проехала мимо мужчины в шортах и шлепанцах, склонившегося под капотом побитой машины.

За группой фургонов она увидела густой кустарник, где обычно пряталась по ночам, чтобы не идти домой. По крайней мере, пока Боска не положил этому конец. От вида слишком знакомого места, где она выросла, у Анжелы неприятно засосало под ложечкой.

Много плохого случилось с ней в этом трейлерном парке.

Давным-давно, в самом начале, это, вероятно, было приятное для жизни место. Но для Анжелы парк всегда был жалким, запущенным и неблагополучным районом, зараженным метом и связанной с ним преступной деятельностью. Многие жившие здесь были неплохими людьми, но им некуда было уехать, и потому они мирились с такой малоприятной обстановкой.

Анжела тоже была из тех, кому было некуда идти и приходилось мириться со всем плохим.

Она проезжала мимо домов на колесах, припаркованных под одинаковым углом согласно старому генплану. У некоторых трейлеров колеса не были закрыты нижним бортиком. Все дома были выровнены при помощи подложенных блоков. В основном, пространство под фургонами было закрыто сломанными решетчатыми панелями или листами рифленого металла.

Возле многих домов сидели собаки на цепи. Они, как правило, жили в грязи под трейлерами, укрываясь там от солнца, дождя и снега. Повсюду бродили кошки. В детстве Анжела скармливала им объедки, чтобы погладить.

Поскольку почти все передвижные дома стояли на блоках, каждый пришлось оборудовать лестницей и

крыльцом. Некоторые лестницы были деревянными, с шаткими перилами, в то время как другие были сложены из бетонных плит. Над многими были сооружены навесы из рифленого металла, опиравшиеся на кованый железный каркас или деревянные брусья.

По большей части фургоны были грязно-белыми, с ржавыми пятнами, но попадались и выгоревшие бирюзовые, мятно-зеленые и небесно-голубые. На цветных стенах проглядывали контрастирующие белые пятна.

Росшие между домов высокие деревья отбрасывали тень. На некошеных пыльных газонах росли одни сорняки. Брошенные машины, стоявшие на блоках, постепенно разбирали на запчасти, а то и вовсе использовали в качестве мусорных баков. Около многих трейлеров стояли старые мангалы и шезлонги.

Анжела свернула на улицу с наполненными водой рытвинами, походившими на воронки от бомб. Ее пикап переваливался по выбоинам, пока она не доехала до выцветшего бело-розового трейлера матери. Белая дверь и декоративные панели были испещрены ржавыми пятнами и потеками воды. Коричневый от ржавчины кондиционер торчал из переднего окна, поддерживаемый найденной среди мусора доской.

Принадлежавший Салли выцветший бордовый Понтиак *GTO* стоял под кривым углом рядом с трейлером, одно из его задних колес было спущено. Там же была припаркована более новая малолитражка.

Припарковавшись, Анжела долгое время сидела в машине, прежде чем просигналить.

Ее желудок скрутило, когда она поднималась по просевшим серым деревянным ступенькам. Две соседские маленькие грязные белые собачки залаяли на нее. Она постучала по погнутой алюминиевой двери и встала в стороне, ожидая.

Дверь открылась, и оттуда выглянула пожилая женщина, невысокая и полная. На ней было чистое и простенькое бледно-голубое платье.

— Привет, я Анжела.

Женщина тут же расплылась в теплой улыбке, придерживая одной рукой дверь, а второй приглашая Анжелу войти, будто они старые друзья.

— Анжела, я так рада наконец познакомиться! Я Бетти. Мы говорили по телефону. Боже, да ты просто красотка, еще и такая высокая. — Ее лицо исказилось от беспокойства. — Как ты, дорогая? Все в порядке?

Эта женщина искренне волновалась о благополучии других людей. У нее было доброе сердце. Анжела нашла это приятным, но в то же время тревожным. Бетти была из тех, кто из-за своей доброты зачастую становился жертвой злых людей.

— Мне намного лучше, — сказала Анжела, переступая порог.

Она использовала свое пребывание в больнице в качестве объяснения, что не смогла приехать раньше. Это было более правдоподобно, чем сказать, что она поехала расстреливать террористов.

Увидев трейлер изнутри, она почувствовала, как ее внутренности скручиваются в узел.

На дальней стене были все те же покоробившиеся обои в розовый цветочек, отклеившиеся по швам. Теперь они отклеились еще больше, и в углу свисал треугольник обоев. Посреди стены слева по-прежнему было многослойное коричневое пятно от протекающей годами крыши. Дыра на бежевом линолеуме в кухонной зоне обнажала настил, как и тогда, когда здесь жила Анжела.

Она успела позабыть о противном запахе плесени. Ей захотелось задержать дыхание или хотя бы прикрыть рот рукой.

Кухонный стол с хромированными ножками все еще стоял на своем месте, но продавленный диван из голубого велюра исчез, так же, как и кресло с откидной спинкой, обитое коричневым винилом и клетчатой тканью, разошедшиеся швы которого были заклеены скотчем. Вокруг обычно стояли корзины с грязным бельем и валялись вещи, полетевшие мимо корзин. Сейчас ничего этого не было.

Сейчас дом казался ей намного теснее, чем раньше, и вовсе не таким страшным.

В комнате разобрали, чтобы освободить место для больничной кровати, предоставленной хосписом. Рядом стоял кардиомонитор и стойка с внутривенной капельницей.

Хоспис предоставлял все необходимые Салли обезболивающие — при условии, что, если ее сердце остановится, реанимации уже не будет. Рак уже дал метастазы в другие внутренние органы, и ее нельзя было вылечить. Реанимация лишь позволила бы продлить ее жизнь на несколько мучительных, бредовых и полубессознательных часов. Целью хосписа было сделать остаток жизни настолько достойным и безболезненным, насколько возможно в домашних условиях. Взамен родственники обязывались смириться со смертью пациента, когда придет его время.

Бетти поспешила к кровати:

— Салли. — Она схватила тощую, как у скелета, руку. — Салли, твоя дочь здесь. Анжела пришла повидаться.

Мать Анжелы мотала головой из стороны в сторону, что-то мямля и пытаясь открыть глаза.

— Это правда, твоя дочь Анжела здесь.

— Девочка с луны? — сказала ее мать тихим, жалобным голосом. — Это правда девочка с луны?

Бетти улыбнулась Анжеле через плечо и поманила ее, чтобы та подошла к матери. Когда Анжела приблизилась, Бетти ободряюще положила ладонь ей на спину, подталкивая к кровати.

— Привет, мам.

Мать так похудела, что Анжела могла различить все кости на ее руках. Ночная рубашка — одна из ее любимых, с леопардовым узором — прикрывала впалую грудь. Лицо походило на череп, туго обтянутый восковой, покрытой пятнами кожей. Глаза глубоко запали в почти пустые глазницы. У Салли осталось лишь несколько белых клочков волос на черепе, покрытом беспорядочными пигментными пятнами. Она потеряла еще несколько зубов с тех пор, как Анжела видела ее в последний раз. Остался только один желтый гнилой зуб в верхней челюсти и три в нижней.

Она источала запах смерти.

Когда Салли приподняла руку, сжимая и разжимая пальцы, Бетти поняла, чего та хочет. Она дала ей в руку пластиковый стаканчик с водой, помогла поднести ближе и вставила трубочку между потрескавшихся губ, чтобы Салли могла сделать глоток.

Рядом с ее плечом лежало полотенце, в которое она, по всей видимости, сплевывала кровь. Бетти забрала его и заменила чистым.

— Время принять обезболивающие, — тихо сказала Бетти.

— Нет! — возразила Салли, открыв глаза и внезапно насторожившись. — Еще нет.

Она нашарила руку Анжелы и сжала ее хрупкими холодными пальцами. Сморщенная, как бумага, плоть прилипла к костям.

Бетти наклонилась и доверительно сказала Анжеле:

— Она становится чуть более вменяемой, когда наступает время принимать обезболивающее. С одной стороны, это хорошо, но с другой это значит, что она начинает испытывать сильную боль. Лекарства не в силах полностью заглушить боль, но большую часть времени она лежит без сознания и ничего не чувствует. Мы даем препараты каждые четыре часа, но если боль слишком сильная, то и чаще.

— Хорошо, — прошептала в ответ Анжела.

— Это сильнодействующие наркотики. Быстро вызывают привыкание, — призналась Бетти. Она бросила долгий взгляд на Салли. — Но это не то, о чем сейчас стоит беспокоиться. Я просто подумала, что ты должна знать.

— Конечно, спасибо. — Анжела посчитала, что нет смысла говорить что-либо о привыкании к наркотикам и ее матери.

Как иронично, что Салли умрет так же, как и жила — накачанная наркотиками до потери сознания.

— Я пойду на кухню и приготовлю следующую дозу обезболивающего, — довольно громко сказала Бетти, похлопав по хрупкой руке Салли. — А ты хорошо проведи время с дочерью.

Мать Анжелы кивнула.

Глава 70

Наблюдая, как никогда не унывающая Бетти шаркает по направлению к кухне, Анжела подумала, что эта женщина выглядит совершенно неуместно в этом жалком трейлере. Она была одиноким фонарем, радостно освещающим мрачную улицу в грозу. Миру нужно больше

людей вроде Бетти, а не таких, как Рафаэль. Или Кассиэль. Мысль о жажде Кассиэля убивать таких же невинных и милых людей заставила Анжелу вскипеть от злости.

Она напомнила себе, что не дала тем мужчинам навредить невинным людям. И Кассиэля больше нет.

Анжела все же взглянула на коридор, ведущий в принадлежавшую ей раньше спальню. Грязно-бежевый ворсистый ковролин местами износился до самой джутовой подкладки. Коридор казался уже, чем она помнила.

Она сказала себе, что навестит мать, но не собирается заглядывать в свою комнату.

— Бетти даст тебе обезболивающие, мам, — сказала Анжела, снова переводя взгляд на мать.

— Пока не хочу, — ответила та, помотав головой, чтобы подчеркнуть свои слова. — Хочу быть в сознании, чтобы повидать тебя.

Анжела никогда не слышала, чтобы ее мать отказывалась от наркотиков ради того, чтобы кого-то повидать.

Салли обеими руками вцепилась в ладонь Анжелы.

— Как думаешь, Бог примет меня, когда я приду к нему?

— Если кто-то и способен рассчитывать на его милосердие, так это ты, мам.

Салли улыбнулась. Улыбка исказилась, когда на нее накинулась боль. Она схватила полотенце с плеча и откашлялась в него.

— Мне жаль, что тебе больно, мам, — сказала Анжела, остро сопереживая матери. — Хотела бы я прогнать твою боль.

Мать отложила полотенце, тяжело дыша, и приподняла руку в жесте разочарования, отмахиваясь от беспокойства дочери.

— Боль прекратится довольно скоро. — Она взглянула на Анжелу, и в ее глазах показались слезы. — Вся боль скоро прекратится.

Анжела не знала, что мать имела в виду: что боль прекратится от очередной дозы препаратов или что она скоро умрет. Уточнять она не стала.

— Можешь мне кое-что сказать, мам?

Мать нахмурилась, сфокусировавшись на лице Анжелы:

— Что?

— Почему ты всегда называла меня девочкой с луны?

— А, — кивнула ее мать, откинувшись назад.

— Почему ты всегда меня так называла?

— Потому что ты такая и есть, — ответила мать.

— Я не понимаю.

— Девочка с луны, вот кто ты. Холодная. Далекая. Незабываемо прекрасная. Недосягаемая. Все это ты — девочка с луны. Ты где-то наверху, молчаливо смотришь на нас сверху вниз, наблюдаешь за нами, видя то, чего мы не можем видеть. Ты не похожа ни на кого из нас. Мы все заблудшие души. Ты охраняешь всех нас. Вот что ты делаешь. Ты наш свет во тьме, наш ангел-хранитель. Мой маленький ангел. Ты совсем одна там, наверху. — Ее мать покачала головой. — Никто из нас не достоин любить тебя. Все мы заблудшие души, вот кто мы. Заблудшие души, сбившиеся с пути. Мы можем лишь смотреть на тебя, пока ты в небе, где-то очень далеко.

Анжела проглотила ком в горле. Она почувствовала, как по ее щеке скатилась слеза.

Она никогда не думала об этом в таком ключе, но мать была права. Именно такой она и была. Девочкой с луны.

Ее мать тоже была права в том, что Анжела не ощущала нормальных человеческих чувств. Большую часть времени она вообще не испытывала никаких эмоций. Она ощущала их прилив только когда спускалась на землю, чтобы убить тех, кто не имел права на жизнь.

Она родилась такой из-за наркотиков, которые принимала Салли. Привычка матери сделала Анжелу кем-то не совсем нормальным. И кем-то особенным.

Анжела всегда хотела обсудить с матерью то, что она сделала или не сделала. Но теперь она осознала, что это бессмысленно.

Что толку требовать объяснений от пустой оболочки женщины, подошедшей к окончанию своей жизни. Впустую потраченной жизни. Жизни, которую сама она никогда не ценила.

— Я принесла тебе обезболивающее, — сказала вернувшаяся Бетти, увидев, как Салли скривилась и запрокинула голову.

Салли кивнула:

— Да, пожалуйста. Боже да, дай мне эту дозу.

Бетти воткнула иглу в катетер капельницы и начала давить на поршень шприца.

— Твое лекарство уже поступает, Салли. Оно уймет боль.

Салли улыбнулась Анжеле:

— Карма — та еще сука.

Анжела не смогла не улыбнуться сквозь слезы, наблюдая, как Бетти закачивает наркотики в вену Салли. Ее мать безмятежно улыбнулась, когда почувствовала, как на нее накатывает наркотическая волна. Ее глаза закатились.

Рука выскользнула из руки Анжелы.

Единственное, что когда-либо ценила ее мать — это кайф. Она прожила жизнь так, как хотела, и теперь умрет

под наркотиками, которые заберут боль, сожаления и всяческие последние мысли.

— Лекарство вырубит ее на три или четыре часа, — призналась Бетти.

— Сколько? — Анжела сглотнула. — Как долго ей осталось?

Бетти колебалась.

— Сказать по правде, мы все удивлены, что она протянула так долго. Лично я думаю, что она держалась, чтобы снова увидеть тебя. Думаю, это и заставляло ее жить. Она очень хотела тебя повидать. Теперь, когда ты пришла к ней, я сомневаюсь, что она проживет до следующей дозы. Я рада, что ты смогла приехать и поговорить с матерью. Это утешение для вас обеих. Подозреваю, что это были ее последние связные слова, и я рада, что именно ты их услышала.

И это была последняя доза наркотиков, которую она почувствует. Эта последняя доза будет действовать на нее вечно.

Анжеле подумалось, что очень грустно видеть, как ускользает толком не прожитая жизнь. Через десять минут после полного шприца наркотиков ее мать сделала последний вдох.

Анжела пребывала в оцепенении, покидая трейлерный парк после смерти матери. Ей было трудно что-либо почувствовать. Ей казалось, будто она смотрит на все откуда-то сверху.

Она договорилась с Бетти о приготовлениях к похоронам.

Представители похоронного бюро уже ехали, чтобы забрать тело женщины, которая могла видеть луну, смотрящую на нее, и знала, что это что-то значит.

Глава 71

Анжела уходила домой после закрытия «У Барри» смертельно уставшей, но довольной — к ним ненадолго заглянул Барри. Все были рады его видеть, звучали тосты за его здоровье. Врачи рекомендовали ему оставаться дома и отдыхать, но Барри решил, что поехать в бар и посмотреть, как там идут дела, будет для него лучшим лекарством.

Он был приятно удивлен количеством посетителей, а еще ему понравился новый декор. Он никогда не одобрял идеи женского вечера из-за возможных проблем, но когда увидел, насколько хорошо идут дела и как Нейт держит все под контролем, то его настроение улучшилось. Этому поспособствовала и табличка у входа: «С возвращением, Барри!».

В какой-то момент он отвел Анжелу в сторонку и спросил, помнит ли она их первую встречу, когда она доставила ему посылку. Тогда он предложил Анжеле начать работать в его баре, как только ей исполнится двадцать один, и зарабатывать гораздо больше, чем раньше. Разумеется, она помнила. Барри сказал, что тогда и представить не мог, что его заработок тоже вырастет.

Анжела ехала по темной дороге и размышляла о жизни матери и прошедших похоронах. Пришла Бетти и несколько человек из трейлерного парка. Вот и все. По-настоящему ее мать никогда и не жила, так что и оплакивать было особо нечего.

Анжела подумала, что мать подарила ей жизнь, но никогда не ценила растущее в ней живое существо, и во время беременности не прекращала принимать всевозможные наркотики.

А потом Джек помог увидеть все в другом свете. Он объяснил, что способность распознавать убийц была генетической особенностью, как большие мускулы, длинные ноги или карие глаза. Он считал, что ген, ответственный за способность, мутировал, как иногда случается с генами при передаче следующим поколениям, и мутация дала ей улучшенную версию генетической способности узнавать убийц. Любое нехищное животное, развившее новые способы избегать хищников, имело преимущество в выживании. Джек сказал, что то же происходит и с людьми.

Он допускал, что Анжела тоже права, и наркотики что-то сделали с ней в утробе матери — возможно, изменили этот ген, наделив ее особым зрением. Но он считал, что это скорее естественная мутация гена — усовершенствование, дарованное природой потомству. Вот так и развивалась жизнь.

Он сказал, что раз способность генетическая и передается по наследству, то вполне вероятно, что ее бабушка или дедушка — или оба — могли узнавать убийц.

Что-то щелкнуло у Анжелы в мозгу. Вот почему дедушка построил дом над адской дырой. Вот почему бабушка говорила, что они видят в ней маленькие особенности, намекающие на то, что она предназначена для чего-то большего, чем другие люди. Вот почему они хотели оставить дом ей, а не Салли. Бабушка и дедушка видели ее уникальность, учили ее пользоваться оружием, учили ценить жизнь.

Впервые в жизни Анжела подумала, что все это не лишено смысла.

Джек рассказал, что базовая способность заложена у нее в генах, поэтому, если у нее будут дети, этот ген с большой долей вероятности перейдет и к ним. Вот почему высшие хищники истребляли целые семьи.

По мнению Анжелы, это была веская причина не заводить детей. Она никому не пожелала бы таких способностей, как у нее. В то же время, она бы ни на что их не променяла.

Из-за этой способности рода Константайнов погибли ее дедушка и бабушка, а также родственники в Италии. Она не хотела заводить детей только для того, чтобы их выследил и убил какой-нибудь высший хищник вроде Кассиэля.

Она не знала, какое из объяснений ее способности верное, но ей больше нравилась теория Джека. Она всегда считала себя уродом и предпочла бы быть той, кем ее считал Джек — прогрессивным представителем рода. Новым видом человека.

Анжела ехала в глубокой задумчивости, размышляя над всем этим. Она доверяла Джеку. Он занимался важным делом. При помощи людей со способностью узнавать убийц он пытался спасти людские жизни. Она понимала, насколько это важно.

В момент, когда впервые увидела убийцу, она решила, что создана именно для этого. Она считала устранение убийц своей миссией. Что бы она ни делала, ее призванием было именно это.

Анжела Константайн, истребительница монстров.

Джек занимался тем же, но другими методами: выслеживал убийц, устранял тех, кому нельзя было позволить жить среди невинных людей. Также он изо всех сил старался защитить людей со способностями от хищников, охотящихся на них.

Она протянула руку и коснулась одной из парных татуировок, которые сделала на плечах — полумесяц новой луны на левом плече и полная луна на правом. Их набил тот же парень, который делал татуировку на горле и у которого она купила свой грузовик. Он проделал пре-

красную работу. Ей нравились новые татуировки, как и надпись «ТЕМНЫЙ АНГЕЛ» на горле.

Она поймала себя на том, что с нетерпением ждет новой встречи с Джеком. Их объединяло то, что другие люди не могли понять. Приятное чувство. Анжела знала, что они с Джеком будут работать вместе, и предвкушала, как они отправятся за убийцами. У нее уже чесались руки от нетерпения.

Джек также защитил ее от бюрократов, которым не нравилось то, что она могла делать, вытащил из темного болота безымянных, безликих разведчиков и сторонников авторитаризма, которые сделали бы ее козлом отпущения, сломали бы ей жизнь в угоду своих интересов, а то и вовсе устранили бы. И все потому, что они не одобряли ее способности.

Джек договорился с Ангусом, что ее больше никогда не тронут никакие правительственные агентства — до тех пор, пока она держит в секрете всю эту историю с атомной бомбой. У Джека было что-то против них, и это гарантировало выполнение их части соглашения. Однако он сказал ей, что если она проболтается об атомных бомбах, попавших в Америку, то он не сможет защитить ее. Анжела вовсе не собиралась кому-либо рассказывать о том, что США едва не подверглись ядерному удару.

Анжела умела хранить секреты очень-очень хорошо.

Внезапно синие огни осветили салон ее пикапа, отражаясь в зеркалах. На мгновение взвыла полицейская сирена, приказывая ей остановиться. Анжела была так погружена в свои мысли, что даже не знала, превысила ли она скорость. Она имела привычку превышать и не удивится, если ей выпишут штраф.

Она съехала на обочину дороги и остановилась. Они были на окраине Милфорд Фоллз. Вдали виднелись огни города, но на шоссе в это ночное время было пусто.

Анжела опустила стекло и стиснула верхний обод руля, чтобы полицейский видел ее руки и не нервничал. В зеркало она увидела, как открылась дверь полицейской машины и из нее вышел коп с фонариком.

Когда полицейский подошел к ее пикапу, свет фонарика ослепил ее. Она прищурилась, пытаясь что-либо разглядеть.

— Так-так-так, смотрите, кто у нас тут. Мисс Константайн.

Голос был женский. Анжела прикрыла глаза рукой, пытаясь увидеть, кто это.

Глава 72

— Да, — сказала Анжела. — Я Анжела Константайн. Мы знакомы?

— Я офицер Дентон. Мы познакомились в больнице, и у тебя было спрятанное оружие. Я отпустила тебя с предупреждением.

— Я тогда сказала вам...

— Выйди из машины и держи руки на виду.

Анжела мысленно застонала. Ей хотелось оказаться дома и лечь спать, но пришлось послушаться. Она надеялась, что офицер просто выпишет штраф за превышение скорости и отпустит ее.

— Руки за голову. Сцепи пальцы.

Когда она это сделала, офицер Дентон по очереди завела руки Анжелы за спину и надела наручники.

— Это так необходимо? — спросила Анжела. — Я ничего не сделала.

— Иди к моей машине.

Анжела тяжело вздохнула, шагая к свету фар. Офицер Дентон остановила ее перед машиной, в поле зрения камеры, висевшей в салоне, и стала обыскивать.

Она тут же обнаружила кобуру с пистолетом у Анжелы на пояснице. Офицер достала оружие двумя пальцами и присвистнула, поднимая его.

— Вы только посмотрите, какое крутое оружие прикупила себе потаскуха из трейлерного парка.

— Разве жить в трейлерном парке запрещено законом?

— Заткни свою чертову пасть, пока я не велю тебе говорить.

Все еще держа оружие двумя пальцами, она осматривала его в свете фар.

— Я никогда не видела ни такого пистолета, ни такого коллиматорного прицела. Немного похож на *Vortex Razor*, но это не он. А пистолет — какое-то элитное дерьмо.

— Это всего лишь двадцать второй калибр.

— Да? Что ж, я бы хотела позволить себе что-то подобное.

Осмотрев оружие, она извлекла магазин, опустошила патронник, а затем положила пистолет на капот своей машины.

— И с отличным глушителем. Ты что, ассасин наркобарона?

— Я не имею никакого отношения к наркотикам, — сказала Анжела.

— Ну да, конечно. — Женщина наклонилась к ней. — Кажется, я припоминаю, что у тебя еще был нож в сапоге. А вот и он. И это после того, как я сказала, что носить такой нож незаконно. Незаконный пистолет, глушитель и нож. У тебя чертовски много неприятностей, юная леди.

Анжела ничего не ответила.

— В карманах есть что-либо опасное, что навредит мне? Шприцы? Гранатомет?

— Ничего.

Женщина похлопала Анжелу по тату на плече:

— Вижу, появилась новая татуировка луны. Кто ты теперь? Девочка с луны? Так?

Анжела улыбнулась:

— Верно.

Офицер Дентон засунула руку в передний правый карман шорт Анжелы, где та держала чаевые, вытащила толстый рулон банкнот и положила их на капот машины.

— Куча мелких купюр. Выглядит так, будто ты продавала наркотики в том трейлерном парке. Это значит, что мы можем конфисковать твой грузовик.

Анжела закатила глаза:

— Я там больше не живу и я не продаю наркотики.

— Ну-ну. Тогда зачем тебе нелегально носить оружие?

— Это легально. У меня есть разрешение. Оно в моем заднем левом кармане.

— Да, конечно. Я еще не видала дилера с некраденой или легальной пушкой.

Анжела знала, что спорить бесполезно, потому промолчала.

— Что за черт? — спросила офицер, хмуро глядя на разрешение и поворачивая его, чтобы посмотреть обратную сторону.

— Это федеральное разрешение на ношение оружия, — как можно терпеливее ответила Анжела.

Женщина фыркнула:

— Ага, конечно. Федеральное разрешение. — Она покачала головой и пробормотала: — Чертовы наркодилеры.

— Здесь моя фотография, не так ли? На обороте написан номер, по которому можно позвонить, если у вас есть вопросы.

— Можешь позвонить сама из тюрьмы, — сказала она, впечатав лицо Анжелы в капот полицейской машины. — Я уже дала тебе одно предупреждение. В этот раз тебя обвинят в незаконном ношении оружия — и не только ножа. Ношение пистолета с глушителем является уголовным преступлением.

— Можете просто позвонить по номеру на обратной стороне? Это спасет вас от позора, когда вы поймете, что все легально.

Офицер стояла над ней, глядя на карточку и размышляя.

— Никогда не слышала ни о каком чертовом федеральном разрешении.

— Просто позвоните по номеру. Пожалуйста.

— Ладно. Ты останешься здесь, чтобы я тебя видела. Если попытаешься сбежать, я переломаю твои длинные ноги. Поняла?

Анжела кивнула и выпрямилась. Она смотрела, как офицер Дентон на переднем сидении разговаривает по рации.

— Вы же позвоните по тому номеру? — крикнула Анжела.

Офицер Дентон подняла недовольный взгляд. Наконец, она закончила разговаривать по рации и достала телефон.

Анжела наблюдала, как она держит карточку перед собой, набирая номер. Когда ответили, она представилась. Анжела расслышала, как она передает краткий отчет об остановке и обнаруженном оружии.

Анжела не знала, что там ответили — она никогда не звонила по номеру и даже не знала, что случится, если

она это сделает. Ей сказали звонить только тогда, когда возникнут проблемы. Она надеялась, что звонок избавит ее от неприятностей.

Послушав несколько минут кого-то на другом конце линии и покивав головой, офицер Дентон завершила разговор. Она с минуту сидела в машине, затем надела фуражку и вышла, поспешив к капоту.

— Мне очень жаль, мисс Константайн. Произошла ужасная ошибка.

Женщина повозилась с наручниками, но в итоге расстегнула их. Анжела принялась растирать запястья.

Офицер Дентон наклонилась и вернула нож в сапог Анжелы. Выпрямившись, она взяла пистолет, вставила в него магазин и протянула Анжеле, держа его на ладонях.

— Вот, возьмите. Еще раз прошу меня простить. Это огромная ошибка. Не знаю, что на меня нашло. Надеюсь, вы простите меня.

Анжела убрала пистолет в кобуру на пояснице.

— Разумеется.

Офицер Дентон сунула руку в карман рубашки, достала визитку и протянула ее Анжеле вместе с федеральным разрешением на оружие.

— Вот ваше разрешение и моя визитка. Если вам что-нибудь понадобится или возникнут проблемы, позвоните мне, и я буду просто счастлива помочь вам любым способом.

Анжела сунула обе карточки в задний карман коротких шорт, но ничего не сказала. Она не знала, что нужно говорить.

Офицер Дентон приподняла фуражку:

— Еще раз простите, что побеспокоила вас, мэм. Этого больше не повторится.

Анжела стояла рядом со своим пикапом и наблюдала, как полицейская машина трогается с места, разбрасывая гравий, и с ревом уносится прочь.

Девушка достала свое федеральное разрешение и мельком взглянула на него.

— Кажется, сработало.

Она положила его к визитке офицера Дентон и села в машину, больше не чувствуя себя такой усталой.

Теперь она знала, что не была уродом или ненормальной.

Она — девочка с луны.

Список произведений Терри Гудкайнда

МЕЧ ИСТИНЫ

Первая исповедница *(2012)*
Долги предков *(1998)*
Первое правило волшебника *(1994)*
Камень слез *(1995)*
Защитники паствы *(1996)*
Храм Ветров *(1997)*
Дух огня *(1999)*
Вера падших *(2000)*
Столпы Сотворения *(2002)*
Голая империя *(2003)*
Огненная цепь *(2005)*
Призрак *(2006)*
Исповедница *(2007)*
Машина предсказаний *(2011)*
Третье царство *(2013)*
Разлученные души *(2014)*
Сердце войны *(2015)*

ХРОНИКИ НИККИ

Госпожа Смерть *(2017)*
Саван вечности *(2018)*
Осажденные камнем *(2018)*
Сердце из черного льда *(2020)*

ДЕТИ Д'ХАРЫ

Угольный человек *(2019)*
Мерзкие твари *(2019)*
Пустошь *(2019)*
Ведьмовская клятва *(2020)*
Врата во тьму *(2020)*

* * *

ТРИЛЛЕРЫ

Скверна *(2016)*
Отродье *(2018)*
Девочка с луны *(2018)*
Шальная Ванда *(2018)*

НОВЕЛЛЫ

Закон девяток *(2009)*
Небесные люди *(2019)*

Оглавление

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 29
Глава 6 36
Глава 7 45
Глава 8 51
Глава 9 58
Глава 10 63
Глава 11 68
Глава 12 75
Глава 13 83
Глава 14 88
Глава 15 97
Глава 16 106
Глава 17 116
Глава 18 126
Глава 19 132
Глава 20 138
Глава 21 147
Глава 22 153
Глава 23 160
Глава 24 167
Глава 25 171
Глава 26 176
Глава 27 186
Глава 28 191
Глава 29 197
Глава 30 207
Глава 31 212
Глава 32 220
Глава 33 226
Глава 34 234
Глава 35 244
Глава 36 251

Глава 37..... 259
Глава 38..... 269
Глава 39..... 278
Глава 40..... 285
Глава 41..... 294
Глава 42..... 303
Глава 43..... 308
Глава 44..... 312
Глава 45..... 318
Глава 46..... 326
Глава 47..... 331
Глава 48..... 338
Глава 49..... 348
Глава 50..... 352
Глава 51..... 357
Глава 52..... 364
Глава 53..... 370
Глава 54..... 379
Глава 55 385
Глава 56 392
Глава 57 404
Глава 58 411
Глава 59 417
Глава 60 421
Глава 61 431
Глава 62 440
Глава 63 447
Глава 64 452
Глава 65 460
Глава 66 467
Глава 67 473
Глава 68 483
Глава 69 492
Глава 70 499
Глава 71 504
Глава 72 508